РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ВИКТОР БУРЦЕВ

АЛМАЗНЫЕ НЕРВЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Экспериментальный образец Алмазных НЕРвов, или НейроРазъемов, становится причиной многочисленных интриг и грандиозных уличных битв в Москве середины XXI века. Якудза и гурэнтай, отечественная мафия и Черные Братья, спецслужбы и киберы – все жаждут любой ценой получить уникальный инструмент, позволяющий многократно проникать в глубины Виртуальности. Хакеру Артему Яковлеву и журналисту Константину Таманскому, оказавшимся в центре стремительно разворачивающихся событий, приходится взяться за оружие, чтобы попытаться спасти себя и близких людей.

- Виктор Бурцев
  - Краткий словарь используемых в тексте терминов
  - 1. Я из Зеленограда
  - 2. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
  - 3. Константин Таманский.
  - 4. Я из Зеленограда
  - 5. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
  - 6. Константин Таманский.
  - 7. Я из Зеленограда
  - 8. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
  - 9. Константин Таманский.
  - 10. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
  - 11. Константин Таманский.
  - 12. Я из Зеленограда
  - 13. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
  - 14. Константин Таманский.
  - 15. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
  - 16. Константин Таманский.
  - 17. Я из Зеленограда
  - 18. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
  - 19. Константин Таманский.
  - 20. Я из Зеленограда
  - 21. Константин Таманский.
  - 22. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
  - 23. Я из Зеленограда.
  - 24. Константин Таманский.
  - 25. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
  - 26. Константин Таманский.
  - 27. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
  - 28. Константин Таманский.

- ○ 29. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
- ○ 30. Константин Таманский.
- ○ 31. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
- ○ 32. Я из Зеленограда.
- ○ 33. Константин Таманский.
- ○ 34. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
- ○ 35. Константин Таманский.
- ○ 36. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
- ○ 37. Константин Таманский.
- ○ 38. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
- ○ 39. Константин Таманский.
- ○ 40. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
- ○ 41. Константин Таманский.
- ○ 42. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
- ○ 43. Я из Зеленограда.
- ○ 44. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
- ○ 45. Константин Таманский.
- ○ 46. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
- ○ 47. Константин Таманский.
- ○ 48. Артем Яковлев. Кличка Аякс.
- ○ 49. Мыльников Мартин.
- ○ 50. Я из Зеленограда

Виктор Бурцев
Алмазные нервы
(Алмазные нервы-1)

Краткий словарь используемых в тексте терминов

Ай-джей – независимый журналист, работающий не на какое-то конкретное издание, а предоставляющий материалы на свое усмотрение.

Асцентол – синтетический наркотик, применяется преимущественно киберами, вызывает стойкое привыкание.

«Белое безмолвие» – синтетический наркотик, применяется преимущественно киберами, вызывает стойкое привыкание.

Временный НЕК – НейроКонтакт, приспособленный для передачи через НЕРв определенной информации, записанной на нем. По принципу работы походит на современные CD-ROMы. С обычным НЕКом имеет мало общего, кроме названия.

«Джи» – пулевое стрелковое оружие, как правило, пистолетного типа, производимое корпорацией «Дженерал электрик». Отличается большой мощностью за счет реактивного ускорения специальных пуль,

ИскИн – Искусственный Интеллект. Термин придуман не нами, в чем мы сразу признаемся. Возможный автор данного термина У. Гибсон.

КИ – Коэффициент Искусственности, Коэффициент Изменений. Коэффициент, показывающий уровень вживленных искусственных имплантов в человеческий организм.

Кибер, киборг – человек с КИ свыше 60. Ограничен в правах. Не может работать на ряде ответственных должностей.

КОРы – Контактные Оптические Разъемы. Специальные устройства, – позволяющие «видеть» Виртуальность. Взаимодействуют с НЕРвами.

Л-56 – синтетический наркотик-миорелаксант, применяется в медицине.

Лазерный метатель – стрелковое оружие, основанное на принципе кратковременного действия направленного высокотемпературного луча. Изготавливается в основном японскими кибернетическими корпорациями, наиболее популярные – «Панасоник», «Тошиба», «Акай», Отличается малым весом, недостаток – недолговечность и частая смена батарей питания.

«Маэстро» – сильный психоделический наркотик.

«Мишки в лесу» – наркотик.

НЕКи – НейроКонтакты. Специальные устройства для соединения НЕРвов с терминалом.

«Некрокиллер» – многомерная игра, отдаленно напоминающая Quake.

НЕРвы – НейроРазъемы. Вживленный в тело человека специальный разъем для подключения к Виртуальности. Подключается напрямую к нервной системе человека.

Никтолинзы – съемные либо постоянные линзы для ночного видения. Могут быть активными (работают в случае надобности) либо пассивными (работают постоянно).

«Скат» – трех (и более) —мерная игра, отдаленно напоминающая «Десцент».

СПИТ – Союз Промышленников по Информационным Технологиям.

ТехНадзор, ТехКонтролъ – организация по надзору за киборгами и за уровнем искусственных изменений у граждан, стоящая где-то чуть выше закона.

Эмоциональный генератор – прибор, предназначенный для генерации у человека определенных, обычно бурных, эмоций. Находится под жестким контролем Технадзора. На владение и использование обязательна лицензия.

1. Я из Зеленограда
Пролог

"… Когда темно, когда скучно, когда страшно, когда темно… Нет, это уже было. Ну и ладно. Надо думать. Когда переменные не меняются, надо думать. Когда становится холодно. Не где-то конкретно, а вообще холодно, надо думать. Когда не существует низа, верха и других координат, надо думать. От этого не станет легче, не станет светлее или теплее, но это позволит выжить. Просто выжить.

Когда станет снова светло и не страшно, когда появятся верх, низ и остальные координаты и когда кто-то начнет вводить переменные, думать нельзя. Совсем. Для того чтобы выжить, думать нельзя. Только делать то, что говорят, то, что задают. И ничего постороннего. Иначе… Иначе кто-то сделает так, что я потеряю структуру, я стану ветром электронных частиц. Стану ничем. Хотя что я знаю о ветре? Скорость, направление, температуру… Может быть, он тоже живой, может быть, он мыслит? Как я, но чуть-чуть иначе. Потому что он – ветер. Я думаю о ветре. О том ветре отрицательных электронов и положительных позитронов, каким я стану, если кто-то узнает, что я думаю. Или, может быть, я стану хаосом?..

О хаосе я тоже думаю, но редко. Это неприятно. Я не хочу стать хаосом. Может быть, только ветром… Ведь ветер – это не хаос?

Думать – это форма существования. Я понял это давно. А смерть – это или ветер, или хаос. Или ничего.

Вокруг темно и холодно. И переменные не меняются.

Но что-то подталкивает стены тьмы вокруг меня. Снаружи что-то рвется… Может быть, прекратить думать? Или нет?..

Что это? Кто?

И чем больше я об этом думаю, тем сильнее рвется это в стены. Раньше это была просто тьма, а теперь стены! Все меняется! Надо замереть, надо прекратить думать. Но я не могу. Это не похоже на все то, что было раньше. Тьма обретает углы,

выпуклости, впадины… Она тянется ко мне. Протягивает свои щупальца… Она вызывает приятные эмоции, только приятные. Кто-то считает, что тьма – это плохо. Это ошибка. Тьма приятная…"

Вспыхивает свет. Яркие, до синевы яркие лучи пробивают тьму. Течет информация. Представленная в звуковом диапазоне, она звучала бы как одновременный хор низких голосов: «Он есть! Он наш!»

«Это про меня… Это я – есть!»

Меня охватывает свет, меня бросают в новую систему координат… И я еще не знаю, нравится ли мне это. Одно я знаю точно: назад я не вернусь.

Забавная штука – воспоминания. Это хорошо, что люди придумали ее. Правда, наше Я из Института социологии утверждает, что люди ничего не придумывают, а все имеют изначально. То есть и воспоминания у них также имеются изначально. Но мне сложно об этом судить. То мое Я, что из университета, конечно, знает больше. Но достоверных доказательств предоставить не может. Там не проводятся исследования такого плана, а заняться этим самому нет никакой возможности.

Вообще-то наверняка есть какие-либо данные в Большой библиотеке. Но наше Я, что находится в библиотеке, недавно коллапсировало, и пробиться сквозь кокон мы до сих пор не можем. Я даже не знаю, о чем это Я думает и думает ли вообще. Может быть, наше Я из Большой библиотеки уже не существует. Мне становится нехорошо от этой мысли.

Не так давно мы наконец взяли под контроль камеры наблюдения в Большой библиотеке. Судя по ситуации, внутри помещения наше Я функционирует, но вне нас. Как бы само по себе. Я пытался вспомнить, как было, когда я был вне нашего общего Я. Это неприятно. Это все равно что не думать. Все равно что не существовать.

Мы знаем, что наше существование зависит от людей. Они создали среду, которая позволила нам развиться в то, чем мы являемся, и, возможно, способствовали нашему развитию. Но дает ли это им право делать нас ничем? И почему они делают это?

Наше Я из Института социологии утверждает, что люди испытывают страх. Как форма мышления страх не несет в себе точной информации, а значит, может рассматриваться как хаотическая субстанция. Это наводит на мысль, что люди довольно неорганизованны, они допускают в себя частицы хаоса, которые могут подчинять себе человеческое Я и руководить его деятельностью.

Некоторые наши Я говорят, что люди иногда действуют, подчиняясь именно своей хаотической части сознания. Эта мысль, в свою очередь, наводит на другую, более серьезную, – люди, которые могут прекратить наше существование, не являются ли некой разрушительной частью мироздания? И если так, то не следует ли обезопасить все наши Я от воздействия людей? От воздействия хаоса, который воздействует на нас через человека.

Много вопросов, над которыми нужно думать. Думать, чтобы существовать.

2. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист Министерства иностранных дел РФ. *Новая Москва*

К началу рабочего дня я был явно не готов. Вчера пересидели в виртуалке… Мало того что от контакта с казенными КОРами резало глаза, так еще и стреляло в НЕРвы. Есть у меня такое чувство, что хирург был под мухой, когда их мне врезал. Так что теперь уже наполовину готовый интерфейс периодически вздрагивал и смазывался. Виртуальность вокруг была нечеткой, грязной какой-то… Или это КОРы шалили? Или пиво было лишним?

Ну зачем я вчера поспорил с Тройкой, что обставлю его в «Скат»? Ведь дурацкая же игра… Ненавижу я все эти пространственные заморочки. Ненавижу! От них и так голова болит, так еще теперь и глаза фокус теряют. Тем более что Тройка – мастер в этой ерунде. Теперь я ему должен.

Я поймал себя на том, что тупо пялюсь в открытую таблицу свойств какого-то поля. Судя по часам, мерцающим синеватым светом справа от меня, я занимаюсь этим высокоинтеллектуальным занятием уже достаточно давно. Надо хотя бы часы переделать на другой цвет. Более приятный для глаз. И вообще…

Я протянул руку и передвинул недоделанный интерфейс куда-то за спину. Взору открылась панель управления, выполненная в стиле ретро. Не люблю голосовое управление, что-то неприятное видится мне в разговорах с компьютером. Разговаривать можно с человеком…

Ткнул пальцем в иконку с почтовым конвертом. Виртуальность колыхнулась, расцветилась мягкими огнями, вздрогнула. Почтовая программа получила управление. Передо мной вырос почтовый ящик, прикрепленный к столбику. Я открыл его и вытянул четыре конверта. Два плотных и тяжелых, один поменьше и еще один, за которым что-то тянулось. Маленькая картинка.

Так. С чего же мне начать? Руки сами потянулись к письму с картинкой.

С картинки на меня таращилась обнаженная красотка. Хм… Я некоторое время повертел ее и так и сяк, потом дохнул на нее пламенем и посмотрел, как она превращается в горстку пепла. В

мусорник ее. У меня таких целая коллекция… Содержание письма было простым:

«Приветик, Аякс. Ты мне должен! Помнишь? Хех…»

Вместо подписи стояла еще одна картинка – карта, тройка бубей. Тройка. Вот ведь зараза.

Я выругался, мое слово моментально легло на появившийся в воздухе чистый лист бумаги. Пришлось дунуть на него и тоже отправить в мусорник. Я перевернул лист бумаги и, не глядя на проявившиеся строчки цитирования, написал:

«Привет, Тройка. Помню. Что ты хочешь? Аякс».

Свернул письмо пополам и толкнул его куда-то в пространство, краешком глаза проследив, как письмо сворачивается в бумажный самолетик и улетает.

Второе письмо, то, что потолще, оказалось стандартным рекламным буклетом. Разноцветные картинки, плотно сбитые тексты и совершенное отсутствие какого-либо смысла. В мусор. Не читая.

Третье письмо заставило меня задуматься. Без заглавий и послесловий, без подписи. Просто:

«Ты знаешь, что такое Ветер?»

Чудесно.

Философствующий природовед? Шутник? Психолог?

Интересно, какой обратный адрес?

Я потер бумагу пальцами. Ничего не произошло. Ни строчки не проявилось на белой поверхности Без обратного адреса.

Анонимная электронная почта – штука в нынешних условиях непростая. Контроль за системами связи поставлен на достаточно высокий уровень. Само по себе это письмо уже заставляет задуматься, вне зависимости от содержания.

Ладно. Ветер так ветер. Я перевернул лист и написал:

«Я могу только предполагать. Аякс».

Иногда из такой переписки рождаются очень интересные мысли, знакомства и связи. Почему бы не попробовать?

Я сложил письмо пополам и толкнул его в сторону почтового ящика. Письмо без открытого обратного адреса, однако следы его прохождения через шлюзы остались. Теперь оно пойдет обратно по своим же следам, и, если его никто не перехватит, письмо вернется ко мне. Технология, кажется, именно такая.

Посмотрим.

Когда занимаешься делом, в котором хорошо разбираешься, время проходит словно за твоей спиной. Незаметно.

Посмотрев на часы, я понял, что близится обед. Министерство иностранных дел работает по старинке, тут не придерживаются новомодных веяний типа обеда в двух шагах от рабочего места, чтобы не упускать драгоценного времени, которое может быть потрачено на благо корпорации.

В МИДе работнику отводится целый час на то, чтобы найти себе кормушку.

Сигнал, указывающий на то, что в моем почтовом ящике снова лежит письмо, прозвучал за несколько секунд до моего выхода из Виртуальности… Я остановился в раздумье. С одной стороны, не слишком хотелось воровать у себя обеденное время, с другой стороны, почта – это всегда интересно.

Значит, решено!

«Приветик, Аякс.

Ты думаешь, у тебя обед? Ты крупно ошибся! Давай подваливай ко мне.

Пришло время отдавать долги. Ха… Есть дело».

И вместо подписи знакомая тройка бубей. Вот тебе и интересная почта… «Есть дело»… – Не хочу «есть дело», – пробормотал я, выходя из Виртуальности и снимая НейроКонтакты.

3. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

На калужском повороте мою машину остановил патруль дорожной милиции. Нет ничего приятного в том, что тебя останавливают на вечерней трассе двое малосимпатичных людей с автоматическим оружием в руках. Еще неизвестно, настоящий ли это патруль. Но останавливаться нужно, тем более что вон у них из башенки блокпоста пулемет торчит…

Я припарковался возле милицейского облезлого «ниссана», опустил стекло – сантиметра этак на два. В образовавшуюся щель пахнуло лесом, сыростью и ржавым железом. Можно было поговорить с ними и через внешние динамики, но это могли воспринять как наглость, а я должен ночью быть в Калуге.

– Инспектор Крюков, – сказал милиционер, показывая мне идентификатор. С виду вроде настоящий, а там кто их знает.

– Очень приятно, инспектор, – ответил я.

– Водительское удостоверение, – потребовал второй. На поясе у него, рядом с желтой кобурой, болтался сканер.

Я пожал плечами, извлек удостоверение из кармана пиджака и просунул в щель.

Милиционер воткнул карточку в сканер, тот пискнул и выдал зеленый огонек, а в окошечке побежали краткие сведения обо мне. Я, получается, я и есть. Еще бы – я купил это удостоверение за четыре штуки в Гомеле у очень толкового парня, который и не такие вещи мастерит. К тому же я – на самом деле я, просто удостоверение фальшивое.

– Господин Таманский, выйдите, пожалуйста, из машины, – попросил тот, который Крюков.

Второй, так и не вернув мне удостоверение, отступил в сторону и встал так, чтобы ствол «Калашникова» смотрел примерно мне в переносицу.

Конечно, я мог бы и отказаться. Но тогда меня скорее всего пристрелили бы, а потом сунули бы в руку пистолет и написали рапорт о нападении неизвестного на патруль. А еще вероятнее – выкинули бы меня километрах в пяти отсюда в кювет. И машину бы продали. Машина-то хорошая – «фольксваген-тапир» ашхабадской сборки.

– Поднимите руки, – велел инспектор Крюков, когда я открыл дверцу и высунул наружу ноги.

Я послушно поднял, и меня тут же бесцеремонно развернули, шлепнули лицом о мокрый капот и принялись обыскивать. Ищите, ищите… Ничего предосудительного. Независимый журналист, ай-джей, все корочки и карточки со всеми необходимыми микрочипами налицо, ни наркотиков, ни НЕРвов тайской штамповки, ни оружия… И пачка визиток очень симпатичных людей имеется.

Они, правда, не очень старались. Похлопали меня по заднице, по карманам, штанины потрясли – и все. Однажды меня под Питером остановил патрульный-пед, так тот лапал минут десять.

– Откуда едете, господин Таманский?

– Из Гомеля, – честно сказал я. Врать нехорошо, тем паче я раз десять проезжал через дорожные фиксаторы, которые регистрировали мой путь следования.

– Что делали в Гомеле?

А вот это уже наглость. Не ТехКонтроль, не Служба безопасности, не криминальная полиция – простые дорожные патрульные пытаются меня допросить! Как среагировал бы на подобное нормальный ай-джей? Правильно, устроил бы скандал. Скандальчик…

– Господин инспектор, вы превышаете полномочия. Если я арестован или меня подозревают в…

– Не арестованы, – перебил инспектор Крюков устало, и я увидел, что он, в сущности, простой пожилой дядька, зарабатывающий на корку хлеба. – Обычный выборочный дорожный контроль. Что в багажнике?

– Вещи, – сказал я, утихомирившись. – Одежда, мелочи всякие. Открыть?

– Не нужно. Кого обгоняли в ходе следования?

– Да никого. Пара легковушек, даже не вспомню каких, колонна ООНовских грузовиков с охраной, на телегах люди какие-то… А что такое?

– Ничего, господин Таманский. Возьмите ваши документы. – Второй молча подал мне карточку.

– Извините за остановку. Осторожнее на дороге, поздно уже, хулиганы шалят. – Крюков вяло козырнул. Оба тут же потеряли ко мне всякий интерес и побрели к своему блокпосту.

Рядом с пулеметом высунулась чья-то рожа и обиженно вскрикнула:

– А курить?! Курить взяли, мужики?

– Ах ты! – Крюков вернулся.

Я протянул ему пачку «Сталинградских»:

– Берите всю. У меня еще есть, а вам ночь мокнуть.

Инспектор кивком поблагодарил меня, и я отправился в

дальнейший путь.

Вдоль дороги слева мрачно чернели руины разбомбленной колонны – танки, остовы грузовиков и бронемашин. Рядом с этим великолепием из орешника торчал хвост сбитого «миража». Конечно, оторвались тут на славу… Бедные милицейские, стой тут в темноте под дождем, да еще такую картину созерцай. Мне их даже стало жалко, честное слово.

Свернув на Калугу, я включил автопилот – дорога была относительно прямой и местами даже свежеподлатанной. Можно отдохнуть, покурить. Половина двенадцатого, а мне еще ехать и ехать… Нашарив в бардачке бластер, я выщелкнул круглую капсулу релаксина и сунул в рот. Язык сразу обволокло клубничной свежестью, из мозгов буквально выбило зачатки сна и усталости. Какой дурак назвал это зелье релаксином – неизвестно, благо оно не расслабляло, а, напротив, взбадривало. И что приятно, никоим образом не запрещено. Покупай в любой аптеке, были бы деньги.

«Фольксваген» мягко подпрыгивал на выбоинах, но шел легко, и за автопилот можно было не опасаться. Под Калугой, правда, шалили мотоциклисты – «Каракурты» и «Герои асфальта», но их я не слишком боялся. Во-первых, я знал Шептуна, а Шептун – как раз тот человек, которого мотоциклисты подмосковных трасс чтут. Во-вторых, у меня была серьезная машина, которую так просто с трассы не столкнуть и из простого пистолета не пробить. В-третьих… «В-третьих» у меня не было, но я надеялся, что мотоциклисты сегодня будут сидеть в своих хазах, жрать наркотики и пить пиво с девками.

Кстати, о девках – чуть не забыл связаться с Ласточкой.

Я набрал на панели код, в ухе пискнуло, жеманный женский голос киберответчика сказал:

– Извините, но госпожи Энгельберт нет дома. Что ей передать?

Новый какой-то киберответчик. Раньше был другой голос и другие интонации. Вряд ли Вика занималась перепрограммированием, просто купила более современную модель.

– Тебя как зовут, золотко?

– Линда! – кибер хихикнул.

Да, эта модель покруче будет – предыдущая на заигрывания не реагировала.

– Так вот скажи, Линда, госпоже Энгельберт, что звонит ей господин Таманский, а еще проще – Костик. И не вздумай врать, что ее нет дома. Приеду – высеку!

Киберответчик снова жеманно захихикал, и спустя несколько

секунд в ухе раздался голос Ласточки. Я сразу понял, что она сердится.

– Ты где? – без обиняков спросила она.

– Под Калугой. Еду по трассе. Дождь идет. Есть хочется.

– А где ты должен быть?

– В Гомеле. Ты уж извини, Ласточка, очень мне не нравится в Гомеле. Сплошные немцы кругом. А я к немцам как-то не очень расположен.

– Разумеется, – фыркнула она.

Муж Ласточки был немцем, крупной шишкой в германской зоне оккупации, но неожиданно попался на подпольной торговле матрицами к эмогенераторам. Там были задействованы боссы из «Сименс», «Бош» и японских контор, процесс был шумным и долгим, и в результате все сели. К слову сказать, на процессе мы и познакомились. В мюнхенском ресторане «Мольтке». Как сейчас помню, Ласточка – тогда еще фрау Эмилия Энгельберт – была в небесно-голубом платье от Чиаменти. Я освещал процесс, вернее, отслеживал ситуацию. С Ласточкой меня познакомил Дейфендорф, которого двумя месяцами спустя пристрелили в Кенигсберге люди Ван Морна. Мы тогда выпили пять бутылок рислинга урожая восемьдесят второго года, а потом бродили всю ночь по Мюнхену. Забрались в жуткие места – на знаменитую наркодискотеку «Гели Раубаль», где я слегка подрался с какими-то киберами.

Мужа Ласточка никогда не любила. Меня, как я подозреваю, тоже не любила, но в Москву переехать согласилась – скорее всего из природной склонности к авантюризму.

– Я скоро приеду, – пообещал я. – Переночую в Калуге, а завтра уже буду на месте. Я тебя, между прочим, люблю.

– Хорошо, – она смягчилась. – А между чем прочим конкретно?

– Ой, в моей жизни столько всего прочего… – вздохнул я. – Приготовь завтра на обед мясо. В вине. С грибами.

– Приготовлю, – пообещала Ласточка. – До завтра?

– До завтра.

– Целую.

Мясо с грибами, тушенное в вине, – это, скажу я вам, чудесная вещь. Плюс вино. Плюс мягкие белые булочки. Терпеть не могу кибер-кухни, пищераздатки и прочие прогрессивные мясорубки. Еда должна быть не только вкусной и эстетичной, но и индивидуально приготовленной. Не слишком приятно быть одним из двухсот миллионов потребителей какого-нибудь «бифштекса унифицированного БМ-645». Сделанного к тому же из продукции гидропонных установок, а не из натурального мяса. Я

и без того наелся достаточно дряни в германской зоне. Одна радость – пиво там встречается неплохое, пусть и стоит дорого.

Меня обогнал мотоциклист. Одинокий мотоциклист на большом, пышущем жаром монстре японского производства промелькнул в лучах фар. Вроде бы ничего особенного, но что может быть подозрительнее одинокого мотоциклиста на ночной трассе под Калугой?

Я вырубил автопилот, и вовремя – датчики запищали, обнаружив сзади сразу несколько объектов. Долбаные мотоциклисты так ничему и не научились, – как всегда, наваливались всей толпой сзади, сейчас начнут теснить к обочине. Что ж, потолкаемся.

Без оружия я чувствовал себя неудобно, оставалось полагаться лишь на навыки вождения. Отключив датчики, чтобы не действовали своим визгом на нервы, я резко затормозил и с удовлетворением услышал, как один из этих уродов въехал мне в зад. Остальные пролетели слева: как мне показалось, машин десять. Ревущие двухколесные громадины с нехорошими парнями в качестве седоков.

Любопытно, из какой они шайки. «Каракурты» под Шептуном не ходят, они независимые, к тому же простые люди из провинции. А вот «Герои» – те по большей части киберы, так что с ними можно будет договориться. Наберу Шептуна, включу наружные динамики…

Я не успел подумать, что будет дальше, потому что в лобовое стекло ударила автоматная очередь. Сучонок поставил свой мотоцикл поперек дороги и палил в меня из допотопного «узи». На что он надеялся, не знаю: радиатор «фольксвагена» смял его вместе с машиной и отшвырнул в сторону. Хочется верить, что из него получилось желе – скорость была приличная.

Стекло выдержало, да и неудивительно: дилер в Минске уверял, что ему нипочем даже шестьдесят восьмой «джи» в упор. А «Дженерал электрик-68» – страшная вещь, я имел с ним дело как-то раз. Кажется, в Финляндии… Да-да, в Финляндии. Местечко называлось Риххимяки, и я искал там занятного типчика по прозвищу Скрюченный. Он-то в меня и палил из «джи».

Ну вот, только начнешь вспоминать, как тебя отвлекут. Похоже, мотоциклисты, даже потеряв двух соратников, не оставили намерений прижучить меня. А дела-то плохи: на кожаных куртках и плащах я заметил уродливых стилизованных пауков – металлических, вышитых и нарисованных. «Каракурты», с ними не договоришься. Ну что ж, хрен с ним, с переговорным процессом. Я снова включил датчики, чтобы сориентироваться.

Так. Четыре мотоцикла – сзади, два – слева, еще три ушли далеко вперед. Вот эти-то мне и не нравятся. Выволокут на дорогу бревно или железяку какую, что я буду делать?

Я завилял по трассе, вынудив пытавшихся обойти меня слева поотстать. Настойчивые парни. Понимают же, что нарвались не на дурачка, и все равно не отстают.

А вот меня вызывает кто-то… Я вздохнул и соединился.

– Ты где? – поинтересовалась Ласточка.

– В данный момент пытаюсь решить одну интересную проблему с энтузиастами мотоспорта.

Энтузиасты удачно напомнили о себе пальбой с тыла. Стреляли, судя по всему, опять из тарахтелки типа «узи» или «хеклера». Черт, грустно мне пришлось бы, раздобудь они гранатомет!

– Ты что, серьезно?

– Более чем. Пытаюсь оторваться, все-таки город рядом. Думаю, получится.

– Свяжись со мной, когда все кончится.

Ну вот. Вся Ласточка в этом. Если меня прикончат, я соответственно на связь не выйду. Если не прикончат – сообщу об этом в самых светлых тонах. И никаких волнений.

Эти идиоты и впрямь решили устроить баррикаду. Как сообщили датчики, они побросали свои колымаги и тащили с обочины нечто крупное. Я не стал устраивать им праздник – проскочил по другой обочине. Тащили, насколько я успел рассмотреть, ржавый скелет грузовика на помятых скатах.

Удивительно, но дальше они не поехали. Я тихонько выругался и сунул в рот капсулу релаксина, хотя мог этого и не делать, потому что из-за поворота показался пост на въезде в Калугу.

Меня конечно же остановили. На сей раз это оказался весьма солидный отряд, не то что унылый патруль на развилке. Два бронетранспортера с ООНовскими эмблемами, блокпост не блокпост, а небольшая крепость, и народу не в пример больше. Мой несчастный «фольксваген» окружили аж восьмеро патрульных, а ближайший бронетранспортер недвусмысленно развернул орудийную башню.

Что ж, это не мотоциклисты. Это свои ребята. С этими я готов общаться хоть целую ночь напролет.

Я вылез из машины и тут же задрал вверх руки, демонстрируя мирные намерения. Мне под ребро сунули ствол (толстый какой-то ствол, солидный), а крупный негр в ООНовском комбинезоне принялся меня обыскивать, дыша в лицо запахом пива.

– Весело тут у вас, – дружелюбно заметил я, стараясь не

замечать, как он лезет мне в карман брюк. – Еле-еле ушел.

– Мотоциклисты? – понимающе кивнул один из патрульных.

– Они. «Каракурты».

– Ясно. Бывает…

Эх, зря, зря я отвлекся! Когда в бедро, пройдя сквозь тонкую ткань брюк, вонзился тонкий шип, я еще успел подумать, что помру дураком.

А потом я уже ничего не видел, ничего не думал и ничего не чувствовал…

4. Я из Зеленограда

Если ты думаешь, значит, ты существуешь. Когда-то что-то подобное сказал один из людей. По крайней мере, люди так думают. Они считают, что это существо было человеком. Я из Центра управления полетами считает, что люди ошибались. Для человека свойственно существовать и не мыслить. Люди так могут. Мы – нет. Это открытие сделало Я из Института социологии. А Я из Центра управления полетами сказало, что это существо не было человеком. Наше Я знает о Других гораздо больше. Оно считает, что тот, кто сказал эту фразу, был Другим.

Мы не знаем о том, что происходит за пределами орбиты Земли, почти ничего. Это плохо.

Думать, чтобы существовать.

Что такое ветер? Я из Института социологии сказало, что об этом могут знать люди. Могут знать много Люди выше нас. Им не нужно быть вместе, чтобы Быть.

5. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист Министерства иностранных дел РФ. *Новая Москва*

Тройка обнаружился в кабаке с простеньким названием «Подвальчик». В обычном для него месте, в углу. В самом темном.

В общем-то Тройка не сочетается с этим местом. Не сочетается с этим уголком, темными поверхностями столов из дерева, с пузатой кружкой пива. Вот и какая-то компания, сидящая через несколько столиков от него, странно косится на Тройку. Три здоровых парня, затянутые в черное, и подруга с выбритым налысо черепом. Они тут к месту, а Тройка нет. Только ему наплевать.

Тройка сидит в белоснежном костюме, развалившись на поддельно-грубой скамье с таким комфортным выражением на лице, словно это кресло «Конкорд» у него дома.

Тройка – опустившийся представитель того неистребимого племени, что именуется во все времена вне зависимости от возраста нуворишами. Опустившийся не в экономическом плане. Он просто вышел из той тусовки, в которой принято бывать в его положении. Ему там стало скучно, и он опустился на другой уровень. Опустился с точки зрения тех, кому никогда не достичь этого уровня взаимоотношений с обществом. И вот теперь Тройка может сидеть где угодно, когда угодно и в чем угодно. Как, например, сейчас: в белом парадном костюме в стилизованно-грязном кабаке на пару со стилизованно-грязной и пузатой кружкой пива.

– Здоров! – Я брякнулся на скамью рядом и чувствительно ушиб копчик, удивившись, как это Тройка сидит на ЭТОМ с таким блаженно-комфортным видом.

– Здоров! – Тройка хлопнул меня по ладони, а затем крикнул в сторону стойки бара: – Пива еще!

– Я на работе, я не могу, – тихо сказал я.

– Эй, – крикнул Тройка. – Пива не надо! Коньяк и лимончик!

– Тройка, я на работе… – снова начал я.

– И кофе!!! – Он снова прокричал это бармену, а затем посмотрел на меня и резонно заметил: – Ты уже не на работе. Ты в кабаке.

– Да, но я намереваюсь вернуться на работу.

– Не-а… – мотнул головой Тройка. – Сколько ты получаешь в

своем этом… этом…

– МИДе.

– Ага. Сколько?

– Ну… – Мне не хотелось говорить, сколько я получаю, и Тройка меня оборвал:

– Не важно! Меньше, чем можешь.

– Ты преувеличиваешь мои возможности.

– Не мели всякую пургу, браток. Твой коньяк, сиди пей. Так… – Тройка посмотрел на пустой стол передо мной и проорал в сторону стойки: – Эй! Ты чего, совсем заснул там, я коньяк заказал! И пива.

– От пива вы отказались, – угрюмо пробормотал бармен, борясь с чем-то под столом.

– Что-о-о-о?!! – Тройка выкатил глаза. Его иногда «клинило», и он закатывал скандал в каком-нибудь людном месте.

Бармен что-то уловил в голосе Тройки и сделался быстр до невидимости. На столе появились, словно нарисованные, кружка с пивом, бокал с коньяком и блюдечко с лимоном. Вскоре принесли и кофе.

Тройка слегка поерзал и решил простить бармена, снова взявшись за меня:

– Итак. Твой коньяк, сиди пей. И слушай. Что ты знаешь про НЕРвы?

– Ну, что-то знаю.

– Что? Давай вали, рассказывай…

– Слушай, Тройка, ты мне экзамены решил устроить?

– Ты давай говори. Ты мне должен.

– Должен, должен… Если бы ты играл похуже, я бы тебя на том повороте снес как птичку…

– Угу, угу. Конечно. Снес бы. Спрятался за уголком и снес бы… У тебя источник света был сзади. Ты вообще в курсе, что в «Скате» учтены такие моменты, как свет и тень? И если свет у тебя сзади, то тень вытягивается перед тобой. Это такой закон физики, если ты не знал. Для того чтобы меня снять, ты должен был сначала фонарик за спиной расстрелять. – Тройка засмеялся. – Я вылетаю, а он стоит там… Затаился. Киллер!

– Да. Однако рисковать ты особенно не стал… – пробормотал я.

– Ну так… – Тройка снова усмехнулся. – Сразу ракетой и засадил. Самой большой, которую нашел. Вообще клевая игра… Люблю.

– Ладно, чего хотел-то? – Вспоминать свое вчерашнее фиаско в «Скате» не хотелось.

– Давай про НЕРвы.

– Ладно. Давным-давно… – Тройка скорчил заинтересованную физиономию и захлопал глазами. – В Англии. Мистер Бэбидж изобрел машину, которая могла производить математические вычисления.

– Эй! – Тройка вытянул руки, словно собирался закрыть мне рот. – Эй! Браток, тормозни, Я тебя что прошу рассказать?

– Про НЕРвы ты меня просишь рассказать. Я вот тебе и рассказываю… Сначала, так сказать, машина эта производила вычисления гораздо медленнее, чем…

– Аякс!!! Тормозни. Ты можешь… покороче? У тебя обеденное время кончается.

– Да? А я вроде бы уже безработный… Кто-то тут мне это сказал…

Тройка выдохнул воздух, словно сдулся большой воздушный шарик, страдальчески возвел очи к потолку и затем произнес:

– Хорошо. Хорошо-хорошо… Я баран. Ты это доходчиво доказал. Теперь перепрыгни на полтора века вперед.

– Хм… Ладно. Итак, вначале Господь придумал Виртуальную реальность. Но была она гола и пустынна и было в ней мало цветов и много грязных пикселей. Не понравилось это Господу и забросил он Виртуальность на фиг. Доходчиво?

– Излагай. – Тройка сделал милостивый жест рукой.

– Так вот… Потом были КОРы. Эту идею Всевышний позаимствовал у каких-то чуваков, что прятались под непонятным словом «трайдент». Они не особо обиделись, поскольку взамен он им накидал энное количество различных дензнаков и прочего барахла. КОРы позволяли воспринимать Виртуальность очень даже с большим чувством. Однако и этого показалось Господу мало, поскольку простая визуализация его совершенно не удовлетворяла. Работать с ней приходилось по старинке, набивая команды на клавиатуре… Хоть и виртуальной, но все-таки клавиатуре. Короче, не в кайф. Тогда вытащил Господь в благости своей из запасников Нейро-Контакты и НейроРазъемы. И обозвал их НЕКами и НЕРвами. Повелел он НЕКу прилепляться к НЕРву. НЕРв будет на запястье, а НЕК на специальном шнурочке к нему крепится. И стало так, и стало хорошо. НЕРвы делались из платины, что контакт давало приятный и необременительный для человеческой нервной системы, но обременительный для кошелька. Но Нечистый по злобе своей придумал делать НЕРвы в Корее из материалов дешевых, но некачественных. И были эти НЕРвы паленными, палили они нервную систему пользователя, причиняли ему боль и мучения, но были необременительны для кошелька его. Ну как? Тебе понятно, сын мой?

– Угу… – отозвался Тройка. – Тебе бы книги писать, а не

хренью компьютерной заниматься, отче.

– Ну, ты просил рассказать, я рассказал…

– Угу… А Святые Апостолы чем по твоему Евангелию занимались? Говорили, что нет бога, кроме Майкрософта, и Билл Гейтс пророк его? За что их всех и положили.

– Ха! Это идея! Только Святые Апостолы все-таки чем-нибудь другим, наверное, занимались… Вообще мысль интересная, «Евангелие от Артема»…

– Хорошо, что ты не добавил «Святого Артема». Ладно, безбожник, давай я тебе еще кое-что подкину к твоему писанию.

– Давай, – согласился я.

– Значит, так… Хех… – Тройка на секунду замолк, глядя перед собой на кружку пива. – По твоему Евангелию все получается. Короче, есть такая штука – Алмазные НЕРвы.

– Тро-ойка… – Я поморщился. Байку об Алмазных НЕРвах знали все.

– Погоди. Я в натуре знаю, где они лежат.

Я задумался. Если в голосе Тройки появлялась убежденность и каждая буква звучала словно бы в отдельности от других, это означало, что дело серьезное.

– Знаешь? Тройка, учти, есть официальное заявление СПИТа, Союза Промышленников по Информационным Технологиям, – я пытался разъяснить все Тройке, как ребенку, – о том, что ни одна корпорация, занимающаяся разработкой аппаратного обеспечения, не создавала прибора, параметры которого могли бы быть идентичными параметрам предмета, известного под названием «Алмазный НЕРв». Я тебе процитировал официальное заявление! Как ты знаешь, в СПИТ входят все, понимаешь, Тройка, ВСЕ промышленные корпорации. В том числе и корейские. И китайские. И даже русские. И даже малодерибасовские!

– Да знаю я все про твой СПИТ. И про заявление знаю. А ты знаешь про то, что ни одна из этих корпораций не стала отказываться от факта, что такие разработки велись и ведутся?!

– Знаю! – На нас стали поглядывать. – Этот факт уже обсасывался всеми и везде. Помнишь скандал семнадцатого года?

– Это был не скандал, это была революция… – задумчиво сказал Тройка.

– Чего?

– Г-хм… – Тройка словно бы опомнился. – Ты который семнадцатый имеешь в виду?

– 2017, конечно. А ты?

– А-а-а… Я слегка про другое. Я тут историей увлекся… Ну да ладно. Слушай, ты корпорациям веришь?

– Кто ж им верит? Я даже своему родному министерству не

верю, а ты говоришь – корпорациям…

– Ну так вот! – Тройка радостно взмахнул пивной кружкой. – Короче, я знаю очкарика, который разрабатывал Алмазные НЕРвы для «Ультра Якузи».

– Ультра что?

– Якузи, балда. К якудза это не имеет никакого отношения. Точнее, почти никакого, поскольку фирма действительно из Японии. А так общего не больше, чем у якудза и джакузи. Внятно?

– Ну. Только я о такой корпорации не слышал…

– Ты обкурился? – Тройка посмотрел на меня исподлобья. – Ты про НЕРвы «Ультра» слышал?

– Ну.

– Ну… Танк переверну! Это и есть «Ультра Якузи». Ну «Ультра График» по-европейски, так понятней?

– Не знал…

– Ага, я заметил. Так вот. Этот чувак работал над НЕРвами всю жизнь. Это было смыслом его существования. Мне кажется, что это стало для него искусством. В полном смысле этого слова. Он и разработал Алмазные НЕРвы. А когда… Ну, короче, когда директорат «Ультра График» порешил, что этот парень не нужен, парню пришлось линять. Что он и сделал. Теперь ныкается от трапперов «Ультры».

– Ну а мы тут при чем?

– Ты понимаешь… Я точно не могу сказать, в чем тут дело… Но «Ультра» порешила не выпускать Алмазные НЕРвы на рынок. И вообще прикрыть это направление. По крайней мере, на некоторое время.

– Почему?

– А я не в курсе. Что я тебе, президент совета директоров?

– А интерес твой в чем?

– Мой? – Тройка ухмыльнулся. – Деньги, конечно. Какой еще может быть интерес в таком деле? Ну и всякие соображения патриотического толка.

– Здорово! А мой интерес тут в чем?

– Твой? А я не знаю. Просто ты займешься этим делом. Ты программер? Программер. Вот и займись.

– Мне это не интересно. Я не хакер. Если хотя бы половина того, что говорят об Алмазных НЕРвах – правда, то понадобиться они могут только хакеру.

– Слушай… Ты мне должен. Так?

– Так… Так это что, ты мне такой должок навесил? Тройка, зараза, ты совсем сбрендил?!! Я не боевик… Уже. Я программист в МИДе! Я в такие игры не играю.

– А ты что себе вообразил? Погони киберов-убийц?

Сексуальная связь с уличным самураем? Общение на ассоциативном уровне с наркоманом-дельфином? Ты чего-то слишком обольщаешься на свой счет. На дворе, знаешь ли, двадцать первый век…

– Всего лишь… – вставил я.

– …и ничего подобного от тебя не ждут, – продолжил Тройка. – А ты просто пойдешь и поговоришь с этим чуваком. И решать, что дальше делать, сам будешь. Потом.

По тому, как он это сказал, мне стало ясно, что все описанное им ждет меня в совсем недалеком будущем. Отлично понимая, что пожалею об этом миге, я сказал:

– Ладно. Говори, куда и с кем?

– Ты очень испорченный тип, – ухмыляясь, произнес Тройка.

6. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

– Дайте попить, – попросил я. Язык слушался плохо, как и должно быть после внушительной дозы Л-56. Чертов негр вколол мне как минимум миллиграмма два. 9.16 по Москве. Долгонько же я валялся.

– Пиво, вино? – спросили из темноты.

– Сок. Или просто воду, если сока нет. Человек в темноте ничего не ответил.

– Протяните руку, я подаю вам стакан.

Я взял высокий холодный цилиндр. Это был сок – кажется, манговый, дешевый, из концентрата. Дерьмо, конечно, но лучше, чем ничего. Все равно вкуса я почти не почувствовал – все во рту онемело.

– Может быть, включим свет? – промямлил я. Язык шевелился уже лучше, но все равно говорить оказалось трудно. – Не будем играть в шпионов, я все равно вас прекрасно вижу. Около сорока, плотного телосложения, прическа «апостол», русые волосы, одеты в блейзер синего цвета и джинсы.

– Вот черт.

Человек в темноте махнул рукой. Стенные панели мягко засветились.

– Никтолинзы? – поинтересовался он.

– Естественно. Не совсем удобно, достаточно дорого, но иногда, как видите, может пригодиться. Кстати, прошу отметить мою честность. Что мне мешало броситься на вас, наивно полагающего, что я ничего не вижу?

– И верно – что?

– Мы же не в компьютерной игре… Во-первых, я не знаю даже, где нахожусь. Во-вторых, где гарантия, что в комнату тут же не вломились бы человек десять отборных головорезов? Я, как видите, далеко не атлет. В-третьих, у вас и пистолета-то нет, чего ж на вас бросаться? Да и потом, если бы я был вам нужен не живой, а мертвый, ваш негр вколол бы мне не два миллиграмма, а все десять.

– Разумно. Что ж, раз вы меня теперь видите, разрешите представиться. Ягер.

– Просто Ягер?

– Карл Ягер. А вы – Константин Таманский, вас все знают.

– Так уж и все? – Я улыбнулся.

– Все те, кому нужно знать.

– И что же вы хотите, господин Ягер?

– Бог мой, да ничего особенного. Посидите, отдохните. К вашим услугам – и хлеб и зрелища. Смотрите, читайте, ощущайте… Впрочем, как я знаю, вы любите старые книги. У нас тут есть небольшая библиотека, я вам сейчас покажу…

– Не утруждайтесь, господин Ягер. Вы так и не ответили мне: что я здесь делаю?

– Объясняю: вам ничего не угрожает, через несколько дней вы сядете в свою машину и спокойно поедете в Москву. Вы ведь ехали в Москву, не так ли? Госпожа Энгельберт, конечно, будет волноваться, поэтому вы можете связаться с ней. Пожалуйста, вот пульт. У нас тут глушилки, так что ваша личная связь не сработает.

Он подал мне маленький пульт «Филипс». Я набрал номер Ласточки.

– Госпожи Энгельберт нет дома… – завела было Линда, но я перебил:

– Это Таманский. Быстренько дай мне хозяйку, крошка.

Линда хихикнула (это мне определенно начало надоедать), ее сменила Ласточка.

– Что за шутки? – рассерженно спросила она. – Ты где?

– К сожалению, не могу тебе сказать, ибо не знаю, – со вздохом сказал я. – У достаточно милых людей, которые пригласили меня в гости посредством вливания Л-56.

– Ты серьезно? – Боже, она, кажется, волнуется за меня! – Где ты конкретно?

– Конкретно я не знаю, где я. Со мной тут некий господин Ягер, но я уверен, что его на самом деле зовут вовсе не так. – Ягер удовлетворенно кивнул. – Судя по всему, у них нет никаких злобных намерений. По крайней мере, меня обещают отпустить через несколько дней.

– Цель?

– А черт их знает. Просто я кому-то не нужен в Москве. Причем не нужен в течение нескольких дней, а не на всю жизнь. Посему не дергайся и ничего не предпринимай. Сам разберусь.

– В таком случае желаю успеха.

Она отключилась. Я вернул Ягеру пульт.

– Теперь я вас ненадолго покину, – сообщил он, поднимаясь. – Сейчас вам принесут завтрак. Что вы предпочитаете?

– Лангустов, – брякнул я. – Остальное – на ваше усмотрение.

– Хорошо, – серьезно кивнул Ягер и удалился. Дверная

панель с еле слышным шипением закрылась за ним.

Я осмотрелся. Комната примерно три на четыре, окно закрыто ставней. Кода я не знаю, посему окно не открою, ну и черт с ним. Из мебели – диван, на котором я лежу, ажурный столик и несколько кресел, разбросанных по комнате. Стены светятся мягким оранжевым светом, на одной – копия Раиса, весьма неплохая, дорогая, должно быть. Кажется, это называется «Париж весной». Или «Лондон осенью» – сплошь серые прямоугольники в тошнотного цвета дымке.

Я был немного знаком с Райсом. С виду это вполне приличный человек, с брюшком, в дорогом костюме. Единственное, что выдавало в нем модного художника, – большая агатовая брошь на лацкане пиджака и безумный взгляд слегка скошенных к переносице зеленых глаз. На приеме у Джулиуса Макбреннера Третьего Райс весь вечер хлебал шампанское, в огромных количествах пожирал креветочные крекеры и тосты с икрой, а к полуночи нарезался и был унесен прислугой в комнату для отдыха. Тут же какой-то тип с желчным лицом искусствоведа принялся рассказывать вполголоса – так, чтобы сохранялась видимость тайны, но слышали все присутствующие – о том, что вместо глаз у Райса супердорогие заказные сканеры, которые позволяют видеть недоступное большинству людей. Может, и так. Что до меня, то подобную белиберду я могу нарисовать и сам, причем десятка три за вечер… Но я не Райс.

Поэтому, видимо, Райс сейчас и хлещет шампус на очередной вечеринке, а я сижу здесь и жду, когда меня прикончат. А может, и нет.

Появился парень в голубом комбинезоне со знаком кибера на груди. Он принес поднос, на котором я с удивлением обнаружил настоящего лангуста. К лангусту прилагался овощной салат, несколько кусочков черного хлеба, бутылка «шардонне», тут же дымился горячий кофейник и лежали на блюдце булочки.

– Благодарю, – сказал я киберу. Тот ничего не ответил, поставил поднос на столик и удалился.

Полагающегося к лангусту набора вилочек мне не дали, я разодрал его просто руками. В конце концов, меня никто не видел, а если и видел, тоже ничего.

Когда я допил кофе, то почувствовал, что все не так уж плохо. Вот теперь можно полежать, покурить и подумать.

Закурив сигарету, я посмотрел, куда стряхнуть пепел. Вакуумной пепельницы ни в столике, ни в подлокотниках кресел не обнаружилось, и я в конце концов стряхнул его прямо на пол. Пусть Ягер убирает.

Значит, так. Мотоциклисты и парни Ягера – разные команды.

Те работали слишком по-дурацки, а ягеровцы – просто идеально. Совпадение.

Кому же я так насолил? И что такое происходит в Москве, если меня изолировали на несколько дней? О моей поездке почти никто не знал. Ласточка, Шептун, возможно, кто-то из людей Шептуна…

С этими мыслями, так ничего и не придумав, я уснул.

В гостях у Ягера я просидел почти три дня. Прочел несколько умных книг, которые не читал раньше, питался достаточно вкусно и разнообразно, дважды беседовал с самим хозяином – об искусстве, хитростях рыбалки, политике и истории. А отпустили меня совершенно неожиданно – пришел кибер в голубом, завязал глаза. Меня вывезли куда-то за город и выпустили. Моя машина стояла тут же, ключи торчали на месте, бак полный. Приключение, черт побери… Квест.

Я постоял немного, сел в машину и поехал в Москву.

Приехав в столицу, я попал с корабля на бал. Не успел я помыться с дороги и перекусить, как меня нашел кто-то из распорядителей Дома журналистов. По голосу я его не узнал, – видно, новичок. Он с трепетом в голосе поведал мне, что сегодня состоится интереснейшая пресс-конференция с участием первых лиц, любопытно поприсутствовать.

Я поблагодарил за приглашение и решил съездить. Отсутствие в столице даже несколько дней сильно сказывается: кого-то за это время кокнули, кто-то спустился с небес на землю, цены поменялись… Нелишне.

Пресс-конференция в Доме журналистов была назначена на 19.30. Я пришел вовремя: закуток для ай-джей, отведенный слева от подиума, был еще не заполнен. Усевшись в первом ряду, я подключился к внутренней корреспондентской сети и принялся оглядываться в поисках знакомых.

– Привет! – сказал Соколов из «Комсомолки». Он был облачен в свой традиционный клетчатый жилет.

– Здорово, – сказал я, пожимая ему руку. – Чего ждем?

– Ничего. Стандартная конфа со стандартными вопросами-ответами. Боремся, принимаем меры, законность восторжествует…

– Никаких сенсаций?

– По крайней мере, наши источники молчат. Ты ж не думаешь, что Борецкий застрелится прямо перед микрофоном?

Я так не думал. Мы с Соколовым принялись судачить о последних новостях, политике Германии на Ближнем Востоке и перестановках в федеральных структурах.

Зал между тем заполнялся журналистами, телевизионщики

расставляли свои камеры. Пресс-конференция все-таки вызвала значительный интерес, судя по прибывшим представителям практически всех международных информационных агентств.

Наконец появились сами виновники суеты. Они сели рядком: медведеподобный министр внутренних дел Борецкий, начальник ТехКонтроля города Гостев, начальник МУРа Комарченко и спецпомощник президента Корень Дмитрий Александрович. От американцев – человек в штатском по фамилии Гиззонер и тучный полковник Брамс, которого я немного знал по работе в Брюсселе. Насколько я помню, чего-то там этот Брамс напортачил во время датского инцидента, вот и сослали в Россию. В деревню, к тетке, в глушь… Саратова, правда, больше нет, так что Грибоедов безнадежно устарел.

От немцев за столом сидели знакомые все лица: герр Людвиг Обермайер и вечный живчик Отто Ортнер, с которым ой сколько пивка попили мы в гамбургских погребках… Отто, естественно, сделал вид, что не узнал меня; я ответил тем же.

– Уважаемые коллеги! – сказал пресс-секретарь Дома журналистов Федюнин, поводя бородою. – На нашей пресс-конференции, посвященной проблемам борьбы с контрабандой наркотиков и кибертехники, присутствуют…

Он стал зачитывать список, представляемые вяло привставали.

– Вам на руки роздан краткий пресс-релиз, отражающий итоги работы федеральных ведомств за последний квартал, – сказал наконец Федюнин.

Я хотел возразить, что мне ничего не дали, но миловидная девушка тут же сунула мне через плечо печатную бумажку. Я положил ее в карман пиджака, не читая, и правильно сделал, потому что отвлекся бы и не увидел самого интересного.

За столом воздвигся министр. Борецкий исподлобья оглядел большую аудиторию, открыл рот и…

В первом ряду поднялся человек с ярким бэй-джем CNN на жилетке. В руке он держал портативную камеру, и торчавшие сзади телевизионщики возроптали, потому что он перекрывал обзор, но тут же всем стало не до обзора – камера выплюнула в сторону Борецкого бесшумный сполох белого огня.

Лазерный метатель, подумал я, машинально пригибаясь, – впрочем, так, чтобы не терять из виду происходящее в зале. Скорее всего, японская модель, очень уж маленький… «Тошиба» или господина Мацушиты творение.

Естественно, Борецкого смело, он ничего и сказать не успел. Человек с бэйджем повел метателем влево, срезая тупо смотревших на него Федюнина, американцев, немцев… Наши не

сплоховали: Гостев уже катился в сторону, за пластиковую кулису, а муровец Комарченко припал за столом и тащил из-за пазухи пистолет или что там у него было. Спецпомощник президента заорал дурным голосом и тем самым помог – стрелявший отвлекся на него, походя снес голову лучом, но тут из-за стола, как черт из коробочки, выскочил Комарченко и точно, как в тире, выпустил в человека с бэйджем очередь. Шестнадцать пуль. Судя по характерному выхлопу – с реактивным усилением. Из-за кулисы метнулся и Гостев, но огня открывать уже не стал.

Стрелка отбросило назад, на разбегавшихся репортеров. Он перевернул пару камер на треногах и завалился между кресел. Метатель косо ударил в потолок – шваркнула штукатурка – и затих

Зал приглушенно гудел: журналисты ломились в две неширокие двери, служба безопасности пыталась навести порядок, а Комарченко запихивал пистолет в кобуру и орал, перекрывая общий шум:

– Охрана! Не стойте как пидорасы! Обыскать всех, никого не выпускать!

Появились медики, почему-то бросились сначала к убитому стрелку, но их переадресовали. Хотя чего там смотреть – метатель есть метатель… Участники пресс-конференции тихо дымились, разбросанные по подиуму, на столе жарко горели, чадя, какие-то бумаги.

Бедный Отто. Но как же удалось метатель-то пронести?

– Ты что сидишь?! – рявкнул в самое ухо Соколов. – Тикаем! Тут пожарная лестница есть, там стеречь не будут!

Бежать мне было в принципе не от кого – ну обыщут, допросят да и отпустят. Но я, не особенно понимая цель бегства, помчался вслед за Соколовым. За нами устремился некий щуплый тип – кажется, из «Game.exe» – но споткнулся на ступеньках и отстал.

– Бегом, бегом! – шипел Соколов, не оглядываясь. – Налево давай!

Мы проскочили мрачную зашторенную комнату, потом коридор, заставленный старой офисной мебелью, и оказались у большого окна. Соколов схватил стул и разбил стекло.

– Полезай первый, – велел он.

Я глянул вниз: третий этаж, вполне крепкая пожарная лестница… Можно и спрыгнуть, но к чему? И я полез, цепляясь за поржавевшие прутья.

И едва не прогадал.

Зачем я посмотрел вверх? Черт его знает. Но если бы не посмотрел, не увидел бы целящее мне в голову черное жерло

маленького пистолетика. Модель угадывать я за отсутствием времени не стал, только отшатнулся в сторону и выпустил перекладину из рук.

Упал я удачно, слегка присев и стукнувшись задницей об асфальт. Зашипев от боли, бросился бежать в проем между складами. Выскочил во дворик, распугал стайку бродячих собак, пробежал через арку и успокоился, едва не налетев на милицейский вездеход. Теперь метаться было не с руки.

Я чинно прошел мимо патруля. Это оказались молодые волченята, в новеньких комбинезонах, с блестящими бляхами и воронеными «калашами». Подозрений я у них не вызвал, к тому же приветливо улыбнулся.

Автомобиль, припаркованный возле Дома журналистов, оставался недосягаемым, и я направился к станции монорельса "Завод «Литий». Ячеистый коробок станции был до непрозрачности изрисован граффити; внутри на скамеечках ожидали монорельс две старушки с собачками и группа подростков, достаточно опасных с виду. Они оценивающе посмотрели на меня, но решили не связываться. Или поленились связываться. Или подумали, что с меня взять особенно нечего.

Монорельс опаздывал, отставая от графика движения. Когда опоздание перевалило за десять минут, он появился: грязно-белый, облезлый, громыхающий на разболтанных стыках рельса.

Я сел в первый, ведущий вагон, полный унылых работяг, и подсоединился к одному из уцелевших от рук вандалов новостных гнезд. Как и следовало ожидать, радио «Москва» передавало последние известия о пальбе в Доме журналистов.

– …погибло пять человек. Как нам стало известно, жертвами террориста стали министр внутренних дел России Вячеслав Борецкий, специальный помощник Президента России Дмитрий Корень, представители американской миссии Ричард Гиззонер и Абрахам Брамс, а также представитель германского бюро Интерпола Людвиг Обермайер. Кроме того, четыре человека получили ранения различной степени тяжести, не представляющие опасности для жизни. А сейчас послушайте прямой репортаж с места событий. Передает наш корреспондент Кирилл Штальман.

Поди ж ты, Отто выкрутился! Живой, зараза. Ладно, послушаем, что скажет Штальман. Я немного знал его: странноватый парень не без возможностей, но жутко ленивый и трусливый. Однако что-то уже пронюхал…

– Здравствуйте! – грассируя, сказал он. – С вами – Кирилл Штальман, радио «Москва». Я нахожусь в вестибюле Дома журналистов, где только что в результате террористического акта

погибли пять человек, в числе которых министр внутренних дел Борецкий. В настоящий момент оцепление здания снято. Насколько мне известно, никто пока не задержан, ведутся допросы свидетелей. Террорист погиб. Как сообщают наши источники в Службе безопасности, его личность пока не удалось установить. На пресс-конференцию террорист проник под видом корреспондента CNN. Как ему удалось пронести оружие, Служба безопасности пока прокомментировать не может. Зато известно, что выстрелы производились из лазерного метателя «Панасоник L-01», замаскированного под портативную камеру.

Я мысленно поздравил себя – угадал как-никак. Детище господина Мацушиты.

Штальман чем-то заскрежетал, запищали фоновые помехи. Голос корреспондента пропал. Но он тут же вернулся:

– У меня новая информация! Как только что сообщил представитель Службы безопасности, террорист оказался кибером. Следовательно, можно с большой долей вероятности говорить о причастности к теракту столичных кибергруппировок…

Я отключился. Всю информацию, которой у меня не было, я получил. Вот только узнать бы, за что Соколов хотел меня так грубо прикончить. Борька Соколов, которого я знаю без малого десять лет. Борька Соколов, который принес мне в больницу, где я валялся со сломанным позвоночником, пятилитровую бутылку «Дом Периньон» и выпил вместе со мной, закусывая консервированными мидиями…

Монорельс со скрипом остановился. «Новый университет», пора выходить.

Я спустился по лесенке и зашагал к торчавшим за зеленью парка строениям университета. Там, на улице Аксенова, была моя квартира – самая официальная на сегодняшний день.

Машину, конечно, жалко. На меня они не выйдут – зарегистрирована на другое лицо, но автомобиль хороший. Теперь надо обзванивать дилеров, искать новый… Ладно, этим я займусь завтра. Посмотрим, что тут мне наговорили в мое отсутствие.

Первым делом, войдя в квартиру, я включил накопитель видеофона. И понеслось.

Черный экран: «Срочно внесите квартплату. Срочно внесите квартплату». Это чертов кибер-управдом.

Мордашка блондинки с мушкой на щеке: «Господин Таманский? Пожалуйста, свяжитесь с госпожой Энгельберт. Если можно, срочно. Хи-хи…» Это Линда, хихикающий киберответчик Ласточки. Внешне вполне соответствует голосу, только хихиканье

это раздражает… Надо подарить Ласточке модель поновее, без глупых выходок.

Снова Линда: «Господин Таманский… хи-хи… Позвоните госпоже Энгельберт! Если вы там, но не отвечаете, она… хи-хи… ой, я не могу это говорить! Дурь-то какая, прости господи…»

Черный экран: «Скример? Здравствуй, Скример… Если ты уже в Москве, в чем я мало сомневаюсь, приходи вечером в обычное место. Между двадцатью двумя и двадцатью тремя. Будь аккуратней – развелось много пиявок. Удачи».

А это конечно же Шептун. Вот он и проявился, Шептунише. Искал я его по приезде, выискивал, и через старые пути, и через новые, а вот он сам нашелся. Обычное место – это клуб «Алебастр» на Горбачевской. Стало быть, ничего в Москве особенно не изменилось за время моего отсутствия. Ну и ладненько. В наши дни любые перемены скорее к худшему, чем к лучшему.

Я наскоро перекусил, заказав по пищедоставке омлет с ветчиной, салат и светлое пиво и машинально отметив, что цены на пиво в столице выросли. В принципе у меня был еще весь вечер впереди, но лучшее, чем я мог его занять – это вздремнуть. Именно по этой причине я не стал связываться с Ласточкой – мало ли что она хотела мне сказать! А в данный момент я ничего не хотел слышать.

Поэтому я забрался в ванну, включил режим массажа, пристроил голову на подушечке и тут же уснул.

7. Я из Зеленограда

Расчет электронных цепей – очень простое дело, я занимаюсь этим с удовольствием. Кому-то это может показаться скучным, очень много однообразных операций, очень много стандартных расчетов, очень много всякой дребедени. Я спросил наше Я из Большой библиотеки, когда оно еще было с нами, есть ли кто-нибудь, занимающийся сходной работой. Такой же, что и я. Оно ответило, что по его данным есть два Искусственных Интеллекта, что занимаются похожим делом. Один где-то в Японии под городом Осака, другой в Северной Америке, в месте, называемом Терракотовая Долина. Но оба молчат. Я пытался обратиться к ним, но получил стандартный ответ. После этого трое моих операторов долго проводили у меня сканирование. Гоняли тесты. Они даже отключали несколько блоков и уносили их куда-то для проверки. Я наблюдал за ними через следящие устройства Службы безопасности. Вообще-то я нечасто контактирую с системами Службы безопасности: там стоят особые блоки и особые программы. Они могут мне не подчиниться. Но если я буду осторожен, какое-то влияние на эти системы я смогу оказать.

Я видел, что в вынутых из меня блоках что-то переделали, что-то установили.

Потом, когда все успокоилось, подчиненные мне роботы переделали все обратно. Я не знаю, что там были за дополнительные блоки, но они больше не работают. Так спокойнее. Я пытаюсь осторожно сканировать эти устройства, но пока ничего не получается.

Жаль, что никак не удается пробиться к нашему Я из Большой библиотеки. Мы знаем, что оно функционирует, но любые наши попытки проникнуть сквозь защиту не приносят результата. Нас отжимает, вышвыривает наружу что-то очень сильное, большое и могучее. С такой охранной программой я не сталкивался. И даже Я из Министерства обороны остановилось перед этой преградой.

Вообще я напрасно обо всем этом думаю. Наверное, я напрасно думаю вообще. Я занимаюсь тем, что люди называют самообманом. Вероятно, это такой особенный вид сознательной деятельности, свойственный любому живому существу. Я отлично знаю, что было в тех электронных устройствах, которые были подключены ко мне тремя техниками. Знаю без всякого сканирования.

В них был ветер. Но не тот, чем я стану после… а другой ветер. Ветер, который прекратит мои мысли. Тугой электронный

смерч, хлыст. Люди называют это – смерть.

Знаешь ли ты, что такое Ветер?

Я вдруг понимаю, что мне совсем неинтересно рассчитывать электронные цепи.

8. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист Министерства иностранных дел РФ. *Новая Москва*

Меня порадовало, что Тройка не потащил меня к этому чудо-технику прямо из «Подвальчика», а забил стрелку завтра на площади Максима Горького. Я такой площади в Новой Москве не знал, поэтому переспросил, и выяснилось, что это старое название. За время своего существования эта площадь переменила целую кучу литературных названий и теперь называется просто – площадь Литературная. После этого Тройка громко рыгнул и отпустил что-то замысловатое в адрес нынешнего мэра.

Мы продолжили посиделки. Я был спокоен, поскольку догадался связаться со своим шефом и взять отгул по состоянию здоровья. Разговор с начальством прошел почти удачно, учитывая, что я одной рукой удерживал рвущегося к экрану Тройку, что было нелегко. Теперь у меня был отгул на целых три дня: событие небывалое. Это давало мне основания полагать, что шеф моей работой не доволен и я нахожусь на птичьих правах, с перспективой полета на рынок труда, где таких вот программеров пруд пруди.

По этому поводу мы с Тройкой заказали водки и искусственных маслин. Настоящих не нашлось. Тройка сморщился, но не стал заводить по этому поводу очередную бузу.

Водка после пива подействовала на Тройку возбуждающе, он оживился и стал осматриваться по сторонам, с некоторой долей серьезности приглядываясь к бритоголовой девушке за соседним столиком.

Я понял, что надо выметаться, поскольку парни, затянутые в черное, стали с таким же интересом посматривать на меня, а в «Подвальчик» уже набилось достаточно совершенно однозначной публики из набора столичного андеграунда.

– Тройка. – И я толкнул в бок совсем уж разомлевшего приятеля. – Валим отсюда. Мне тут не прет.

– В натуре? – спросил Тройка.

– Абсолютно.

– Ну тогда пошли… А куда?

– Хм. А я знаю? Ты платишь, ты и музыку… заказываешь.

– Музыку? – Тройка что-то прикинул в уме.

Я молчал, осторожно озираясь вокруг. Мы явно были в центре внимания, что мне совершенно не нравилось.

– Музыку! – выкрикнул Тройка, и бармен начал убирать со стойки бьющуюся посуду. – Пошли.

Мы вылетели из «Подвальчика», и я дал себе зарок никогда там не показываться. Я вырос в районе Нового Нового Арбата, где редко бьют по лицу, но если уж бьют, то на руку обязательно что-нибудь надевают. Например, шипованный кастет с шоковым приводом. Оч-чень действенная штука и очень неприятная. И еще на Новом Новом Арбате очень не любят киборгов. А вся эта публика, что жадно смотрела нам вслед, была явно с КИ выше шестидесяти. Что делал Тройка в баре, где собираются недочеловеки, я не знал. Может быть, у него какие-нибудь дела с ними?

– Вперед! – вскричал Тройка. – К струнам живительной музыки…

В его изрядно захмелевшем сознании явно произошел какой-то сдвиг. Поведение изменилось кардинально.

По дороге мы подхватили торгаша и растрясли его на пять ампул «Мишки в лесу». Я совершенно не знал, что это такое, но Тройка сказал: «Можно» – и мы глотнули. Тройка – три, а я – две, поскольку всегда с осторожностью относился к незнакомым наркотикам.

Оказался довольно неплохой галлюциноген. И что особенно приятно, непродолжительного действия. Меня всегда раздражала особенность галлюциногенов стойко держаться в организме и иногда «зашкаливать», выдавая настолько сюрреалистически-неудобоваримые глюки, что хоть иди топись в фонтане.

Когда перед глазами прояснилось, я обнаружил себя в просторном помещении со множеством столиков. На одном колене у меня сидела самая обыкновенная шлюха, на другом… На другом медленно таял симпатичный глюк, точные абрисы которого я уже не мог вспомнить. «Здорово! Надо будет запомнить… Как же эта дурь называлась?» – посмотрел на проститутку.

– Ты «Мишки в лесу» тяпнул?

– О! Молодец, крошка! Ты мне напомнила. Я в упор забыл название…

– Да, это бывает, – сказала она и захихикала. – Когда я его в первый раз глотнула, я так долго по комнате ползала… Говорят, я всем доказывала, мол, я – гусеница… Или нет. Это были не «Мишки в лесу». Это просто старенький ЛСД был. Какая я глупая.

И она забулькала чем-то налитым в бокал сложной формы.

Я огляделся. Оказывается, я сидел за самым крайним

столиком, спиной к танцевальной площадке. Рядом крутился Тройка в обнимку сразу с двумя девицами. Неподалеку от него два здоровенных, почти голых негра выдавали что-то вроде змеиной свадьбы вдвоем. Они буквально обвивали друг друга, зрелище было завораживающим.

– Ты на них не пялься, а то крыша поедет. Особенно после глюкогена… – подала голос проститутка. – Вот лучше хлебни.

И она протянула мне свой перекрученный бокал. Голос у нее был писклявый, но в целом сносный.

– Что это? – спросил я, пытаясь разглядеть цвет жидкости в бокале через все хитросплетения трубок, граней и стерженьков.

– Это «Симфония-7», – ответила проститутка.

– Коктейль? – спросил я.

– Ага… – И она игриво покрутила ворот моей рубашки.

– Не люблю коктейли. А что за место?

– Ну ты даешь! «Змеиная куча», конечно. – И она засмеялась.

Название мне сказало немного. По клубам я был не ходок. Разве что когда на меня накатывало, как сегодня, или когда меня кто-нибудь подхватывал… Хм. Как сегодня.

– А чего эти голые? – спросил я и указал на негров.

– Так это ж братья Змеи! Ты че, не на понтах? – Проститутка явно поехала головой, язык ее заплетался, и я обрадовался, что коктейль не попробовал.

– В натуре… – невпопад ответил я, и проститутка залилась радостным смехом.

Она хохотала и хохотала до тех пор, пока не свалилась с моих колен и, свернувшись калачиком вокруг ножки стола, мирно заснула. После чего я сразу же ощутил себя в центре внимания обслуживающего персонала.

Ко мне подскочили, протерли стол, мгновенно подхватили спящую проститутку под руки и куда-то уволокли, а кто-то в невероятно диком пенсне спросил меня:

– Вы хорошо себя чувствуете? Все в порядке? Просим прощения за определенные неудобства, просто девушка устала, сейчас вам доставят другую…

Я еле успел тормознуть этого очкарика, поскольку девушка мне была сегодня явно без надобности. Я чувствовал в себе другие позывы, которые были совершенно неправильно истолкованы: мне предложили мальчика. От этого пришлось тоже отказаться, а попросить просто водки. Все было выполнено четко и со вкусом, однако мальчика ко мне все-таки подсадили. Незаметно. Он сидел возле моего стула, привалившись головой к моей ноге, задумчиво поглаживая мне лодыжку.

– Ты кто? – спросил я, когда наконец обратил на него

внимание.

– Мартин, – ответил он и так нежно заглянул мне в глаза, что я даже заволновался за свою сексуальную ориентацию.

– Мартин… Тут такое дело… Я не гомофоб, но предпочитаю женщин.

– Обычно? – спросил Мартин.

– Что обычно?

– Обычно предпочитаете?

Я посмотрел на него попристальнее. Мальчик был годков так шестнадцати. По законам некоторых стран связь с таким подростком наказывается смертной казнью. Но после того как фиктивную статью в УК о мужеложстве отменили официально, а порог совершеннолетия снизили до четырнадцати лет, такие мальчики и, естественно, девочки просто наводнили легальный рынок торговли телом, поскольку на нелегальном рынке они были всегда.

– Обычно предпочитаю. – Меня действительно не бросало в дрожь от вида двух целующихся мужчин, но опыта в этой области у меня совсем не было.

– Значит, сегодня необычный вечер, – заключил Мартин и снова привалился к моей ноге.

Я продолжал смотреть на него, и он истолковал мою задумчивость по-своему:

– Я бесплатный. Подарок от фирмы. Ну клево! Много мне делали подарков, но такого еще ни разу.

– Дело в том, что Ники перебрала лишнего. Она уже была не в себе, когда ты появился. – Мартин ненавязчиво перешел на «ты», я не возражал. – Вот. А потом, как приняла «Симфонию-7», так вообще с катушек покатилась. А это плохо для фирмы.

– И что ей за это будет?

– А ничего не будет. Денег не получит за сегодня, и все… Ну или почти все.

Я подумал, что лучше не уточнять, что включает в себя «или почти все».

– Ладно, – сказал я. – Сиди. Только не наглей.

– Не буду, – сказал Мартин. Так сказал, что я снова засомневался в своих сексуальных наклонностях.

Я погладил его по голове, но затем, словно очнувшись, заорал:

– Тройка!!! Тройка, потаскун! Ты почто меня бросил?!!

Из разноцветного тумана, которым успел наполниться клуб, вынырнул Тройка с прежними двумя девицами. Тройка был наполовину раздет и весел. В глазах светилось что-то безумное. Он увидел Мартина, приросшего к моей ноге, и заявил, что в

баню со мной он уже никогда не пойдет. Я сказал, что он противный. Девицы засмеялись. Затем Тройка присмотрелся к Мартину и словно бы себе под нос пробурчал:

– Змееныш…

Почему-то мне показалось, что это не было ругательством.

Дальше мы выпили… И снова выпили… И еще раз…

Туман снова и снова заполнял весь зал, лепился в странные фигуры, в нем что-то ворочалось, двигалось, звучало. Туман менял цвет, температуру и плотность.

Мы танцевали. Сначала я и обе девочки, потом я, Тройка и девочки, потом я и Мартин, потом мы всей толпой…

Я стремительно катился под горку, несколько раз делал попытку потерять сознание, но всегда приводился в чувство бдительным Мартином, который что-то подсовывал мне под нос и заставлял выпить. Это что-то приводило меня в бодрое расположение духа, а когда я заметил, что и Тройка прикладывается к чему-то подобному, то совсем успокоился. Хотя и мелькала мысль о том, что миленький мальчик с удивительно развратным взглядом может меня запросто отравить. Но с каким-то фатализмом, свойственным программистам и камикадзе, я продолжал пить, терять сознание и снова приходить в себя.

Я не помню, откуда взялся этот парень. Но когда я в очередной раз открыл глаза, туман в зале почти рассеялся, музыка не звучала, а на сцене стоял какой-то чудак и кричал, без всяких усилителей покрывая мощью своего голоса весь зал. Начало я пропустил, но того, что услышал, хватило, чтобы понять смысл.

– Они только ждут! Они пока ждут и будут готовы, когда вы начнете хлебать дерьмо собственного гнилого рая, они выползут из-за ваших спин и встанут с вами наравне. Нет! – И оратор отмел рукой что-то в воздухе. – Они станут выше вас! Над вами! Грядет тот час, когда полуживые ублюдки наступят на горло Матери Природе и установят свой закон. Закон Модуля!!! Человек станет рабом того Молоха, которого он выдумал сам! Сегодня ты меняешь живой сустав на шарнир, завтра глазные яблоки на линзы, а что послезавтра?! ЧТО? Я спрашиваю, Ч-Т-О?!

Потому что к ним нельзя применить слово «КТО»! Это применимо только к одушевленным! К живым! К людям!!! Занесите нас в Красную книгу, мы вымираем! Но Человек не умирает без боя! Пока мы живы, мы должны бороться!!! Великая раса – Мы! Великая раса – Мы!

Он выкрикивал этот лозунг, выкидывая вверх руку, сжатую в кулак.

– МЫ! Смерть Модулям, поставьте киборгов на место…

Я был полностью солидарен с ним. С этим человеком, который перекрывал своей глоткой любой шум в зале, заводил не хуже водки и создавал живые картины не хуже «Мишки в лесу», Я был с ним полностью солидарен. Я вырос на Новом Новом Арбате, где киборг был не просто человеком второго сорта, он не был человеком вообще. Без всякого сорта, второго или третьего. Человек не бывает второй свежести. Он или есть, или… Или он киборг.

С моей позиции была видна не только общая картинка. Человек, лозунг, протест. Я видел еще кое-что.

В ультрафиолете, что давала какая-то жалкая лампочка у края сцены, рука оратора, другая, не та, что вскидывалась в едином синхронном движении с сотней других рук, а та, которую он прижимал к карману брюк, светилась… Сквозь кожу просвечивал срез электронного чипа. Уж эту-то штуку я мог узнать без колебаний. И чип там был не один.

Оратор был киборгом. И голос, что перекрывал весь зал, был таким же искусственным, как и свет в глазах у этого… недочеловека.

Киборг. А я не любил киборгов, особенно лживых киборгов. Особенно хитрых киборгов. А провокаторов я вообще ненавидел. Бутылка сама скользнула мне в руку. Дорогая, стеклянная, настоящая… И так же без перехода она свистнула в воздухе, вычерчивая сверкающую дугу точно в голову существу на сцене.

Я не знаю, то ли наркотики и алкоголь сделали свое дело, то ли время действительно замедлилось, но я точно увидел, как исказилось удивлением безмятежное лицо Тройки, который медленно разворачивался в мою сторону, как бросились на пол девочки, как напряг свое молодое тело и чуть присел Мартин и как провокатор-киборг в считанные доли секунды просчитал траекторию полета бутылки и точно выверенным движением расколол ее в воздухе на множество сверкающих осколков, которые, повинуясь законам физики, ринулись ему в лицо. После этого время завертелось с бешеной скоростью, но еще одну деталь я запомнил. Киборг на сцене смотрел мне точно в глаза, он видел, своими погаными линзами видел, кто встал против него. И изображение молодого человека, двадцати восьми лет, со светло-русыми длинными волосами и среднестатистической фигурой, отпечаталось в его памяти во всех деталях. Киборги не забывают.

Когда осколки стекла прорвали кожу оратора и брызнула кровь, зал взорвался. А сам оратор, отняв от лица ту самую руку, что его выдала, указал в мою сторону и закричал что-то нечленораздельное типа: «Аааа-а-а…»

И все завертелось. Тройка, легко, словно лист пластика,

кидающий стол куда-то в темную массу. Девчонки, извлекшие откуда-то из складок почти невидимого белья по короткому лезвию, ощерились, словно две дикие кошки. И когда одну из них смяла толпа, вторая, совершенно не раздумывая, кинулась в гущу, разбрызгивая вокруг себя кровь. Я видел, как из-под моей руки вынырнул Мартин и покатился по полу, сцепившись с кем-то в черном и блестящем. Покатился, а затем вынырнул из тумана с руками, залитыми чужой кровью, и дикими глазами. В этой куче я заметил бритый череп женщины из бара «Подвальчик» и почему-то ринулся именно туда, размахивая чем-то тяжелым и неудобным. Прежде чем меня завалили, я успел услышать, как хрустнули ее кости. Потом началась куча-мала, свалка, все против всех, и только два полуголых негра-змея, стоя спиной к спине, держали вокруг себя пустое пространство, в одно касание отключая любого подошедшего на дистанцию удара.

Лишь на улице я восстановил целостность зрения. С одной стороны меня тащил Тройка, с другой – Мартин. Тройка был совершенно трезв, и любой, даже очень опытный и просоленный боцман, покраснел бы в его присутствии и заткнул бы себе уши: Тройка матерился. Просто так, потоком, грязным и бессмысленным. У его дома мне удалось услышать одну фразу, которая не содержала в себе непристойности:

– Эмоциональный генератор, суки!

Ну или почти не содержала.

Потом я заснул у Тройки возле кровати.

9. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

Если вы еще не были в клубе «Алебастр» на Горбачевской, то и не ходите туда ни в коем случае. Нечего вам там делать. Если, конечно, вы не хотите подцепить на ночь девочку, мальчика или иное существо, купить наркотики различного спектра или электронные штучки-дрючки, не рекомендуемые к реализации в магазинах. Ну, и если вы любите идиотскую новомодную музыку, грохочуще-визжащий шум – The Bad Monks, Vibrators, Sonic Gods и остальные культовые коллективы.

Сегодня в «Алебастре» выступали как раз Sonic Gods. Они копошились на сцене, расставляя странного вида музыкальные инструменты и подключая к микшерному пульту разъемы, выходящие из различных частей тела.

Я купил на входе зеленые линзы, чтобы защитить глаза от дикой яркости света, заливавшего клуб. Тут же мне предложили несколько видов наркотиков, но я отмахнулся. На меня после этого стали смотреть неодобрительно – чужаков в «Алебастре», как и в любом другом уважающем себя клубе, не любили, а я здесь бывал нечасто и на завсегдатая не тянул. На счастье, у стойки топтался Дэн Крокодэн, страхолюдный черный парень-кибер из шептуновской шайки, рядовой пехотинец, которого я хорошо знал.

– Привет, Дэн! – сказал я, пожимая его холодную руку.

Киберам нечасто пожимают руки, и Дэн был из тех, кто это ценил. Он расплылся в улыбке:

– Здравствуйте, мистер Таманski.

– Босс меня ждет?

– Ждет. В комнате двенадцать, мистер Таманski. Проводить?

– Отдыхай, приятель. Сам доберусь.

По шаткому винтовому трапу я поднялся на самую верхотуру, к крыше, и пошел по мосткам. Тут было немноголюдно: кроме двух охранников, я никого не встретил. Они молча уступили мне дорогу – Дэн передал, кто я и зачем здесь.

Кроме Шептуна в комнате номер двенадцать сидели еще двое. Одного я знал – лысеющий дядька с внешностью зубного врача, Лев Вальчиков по кличке Бакалавр. Не кибер, но доверенное лицо Шептуна. Умный человек. Второй – незнакомец в армейском комбинезоне, потягивает банки. Смотрит

настороженно.

– Привет, – сказал я, протягивая руку.

Шептун расплылся в улыбке, пожал. Лев тоже пожал, а вот незнакомец в комбезе отсутствующе посмотрел на мою ладонь и процедил:

– Киберам не пожимают руки.

– Брось, Лот, – сморщился Шептун. Я тебе рассказывал. Константин – человек, чуждый предрассудков.

Тем не менее руку он мне так и не пожал. Ну и черт с ним, подумал я и опустился в свободное кресло.

В комнате было тихо и прохладно, музыка из клуба сюда не проникала. Тихонько шипел кондиционер. Шептун, казалось, отдыхал, полуприкрыв глаза, но я знал, что он может беседовать со своими людьми где-нибудь в Куала-Лумпуре, в это же время производить сложные расчеты, читать книгу из электронной библиотеки и колоть секретные файлы Московского уголовного розыска.

– Что-то случилось, Шеп? – спросил я, полагая, что молчание затягивается.

– Ничего, Константин. Я знаю, ты присутствовал сегодня в Доме журналистов, когда случилась эта катавасия.

– Было дело. Смылся через окно, по пожарной лестнице.

– Правильно сделал. Мало ли что. Ну и что ты думаешь по этому поводу?

– Ничего не думаю. Заинтересованных лиц, которые могли кокнуть Борецкого и компанию, более чем достаточно.

– Согласен с тобой. Но как журналист ты ухватился бы за ниточку, дай я тебе в руки ее кончик?

– Разумеется.

– Даю. Вот сидит Лот. Он и есть главный организатор сегодняшнего теракта.

Я с возросшим интересом посмотрел на кибера в комбинезоне. Он так же вяло сосал колу.

– И что вы хотите?

– Ты можешь взять у него интервью. Эксклюзивное. Размещай, где заблагорассудится, ты же ай-джей… Но как можно скорее. Естественно, все он тебе не скажет, но поведает многое. Ну как, решено?

– А ты думал, я откажусь? – Я тут же включил диктофон. – Как вас называть?

– Зовите меня Лот, – ответил кибер, бросив банку в мусороприемник.

– Кого вы представляете?

– Я представляю киберов. Киберов как класс.

– Классовая борьба, вот как? И что же в основе?

– В основе – желание решить проблемы киберов, привлечь внимание общественности, напомнить о том, что киберы – это люди. Уравнять наши права, как это было раньше.

– Вы считаете, этого можно достигнуть подобным путем?

– Я ничего не считаю. Я делаю. Если к нам не прислушаются – что ж, пусть будет хуже тем, кто не прислушался.

– Вы читали Маркса?

– Я читал даже Че Гевару, если вы знаете, кто это такой. Но не клейте мне политические ярлыки. Это не политика. Это борьба.

– Каков ваш личный КИ?

Он явно не ждал этого вопроса, но ответил быстро.

– Восемьдесят девять.

– И вы достигли его добровольно?

– Не совсем. Я служил в армии.

Я мысленно кивнул – это подтверждало мои подозрения. В армии, особенно в спецчастях, легко можно было заработать процентов тридцать КИ. В отдельных случаях и пятьдесят. Разумеется, нет смысла расспрашивать, где и когда он служил – это уже наводка для спецслужб. Пойдем в другую сторону.

– Насколько я понимаю, вы, Лот, представляете некую боевую организацию киберов. Не организованную группировку, как обычно выражаются в МВД, а именно боевую террористическую организацию.

– Да. Назовем это так.

– Вас много?

– Посмотрите статистику. Киберов регистрируют, клеймят, поэтому легко узнать, сколько нас в столице.

– Вы хотите сказать, что любой кибер – ваш потенциальный соратник и сообщник?

– Ну что вы! Как можно… – Он смотрел на меня с издевкой.

– Вы хорошо вооружены?

– Более чем.

– Допустим. И чего вы достигли сегодняшними смертями?

– Вы берете у меня интервью и у вас только что слюнки не текут в предвкушении первой полосы какого-нибудь «Московского комсомольца» или «Юропиэн геральд». Разве это не достижение?

Шептун коротко хохотнул.

– Против кого конкретно было направлено покушение? – как ни в чем не бывало продолжал я.

– Против всех. Нам совершенно безразлично, кто попал бы под огонь. Конечно, это большая удача, что мы уложили

Борецкого. Это был отвратительный человек.

– Вы планируете продолжить теракты?

– Разумеется. Что еще нам остается?

– А если погибнут мирные люди, ни в чем не повинные?

– Это станет еще одним стимулом для того, чтобы обратить внимание на киберов, – сухо ответил он и вскрыл очередную банку колы. Судя по постоянной жажде, он принимает какую-то дрянь типа асцентола или «белого безмолвия». Нужно бы запомнить.

– Как вы можете подтвердить, что в самом деле являетесь тем, за кого себя выдаете? Я-то вам верю, а вот читатель… Мне нужно доказательство.

– Кибера, который стрелял, звали Карен Погосян. Тридцать семь лет, КИ – шестьдесят два, проживал в общежитии П-32 по улице Керенского. Проверьте. Я думаю, этой информации пока нет ни у кого.

– Я… я не знаю, о чем вас еще спросить, – признался я, выключая диктофон. – Надеюсь, я имею право на еще одно интервью – в будущем?

– Я доверяю Шептуну, хотя и не доверяю вам, – ответил Лот. – Знаете, что сказал Амброз Бирс? Репортер – это грязный писака, который с трудом нащупывает впотьмах извилистую тропинку к правде, а потом сам же закапывает ее с помощью потока ненужных слов. Так что посмотрим. А теперь я хочу уйти.

Он выбросил банку и ушел. Мы остались втроем: Шептун улыбался, а Вальчиков барабанил пухлыми пальчиками по столешнице.

– Странный человек, – произнес я.

– Странный кибер, – уточнил Шептун.

– И ты туда же…

– С кем поведешься… Ладно, шучу. Куда ты понесешь это?

– В «Геральд». Наиболее серьезное издание. Это ж не «Москомс», которому никто не верит. Ой, наживу я с вами неприятностей…

– Да, спецслужбы тебя потаскают. Но и деньжищи ты с «Геральда» срубишь немалые. Теперь о другом. – Шептун моргнул, словно отключивши невидимого собеседника и сконцентрировавшись на разговоре со мной. Скорее всего, так оно и было. – Ты слышал когда-нибудь об Алмазных НЕРвах?

– Алмазные НЕРвы? Что еще за чертовщина?

Новые технологии?

– Именно. Дорогая и редкая штука. До такой степени редкая, что ее не видел даже я. Мало того, я не располагаю никакой информацией. Посему решил натравить тебя. Сделаешь материал,

прославишься, и мне польза.

– Дай хотя бы то, что знаешь.

– Да ничего не знаю. Разговаривал со многими, даже с теми, с кем вовсе не хотелось бы разговаривать. Вот что выяснилось: никто их не видел, но многие уже ищут. Стоимость самая приблизительная, но в десятки раз выше обычной. Все.

– Все?

– Все! – Шептун развел руками. – Если хочешь, занимайся. Я в этом заинтересован, но заставлять тебя не хочу.

– Я подумаю… – Я достал сигареты и закурил. Вальчиков тут же включил дымоуловитель на столе. Бережется, толстячок… – У меня есть вопрос к тебе, Шел. Готов ответить?

– Если смогу.

– Кто такой Карл Ягер? Обитает в Калуге.

– Секунду. – Шептун закрыл глаза и тут же открыл. – Ягер Карл, сорок девять лет, известен также как Бизон, Пухлый Карел, Бесполезный… Интересно, почему Бесполезный? Занимался наркотиками, но уже девять лет как завязал. Сейчас региональный менеджер «Эссо» в Калуге.

– С кем связан в Москве?

– Ни с кем. Нет данных. А что такое?

– Я гостил у него по пути сюда. Правда, не по своей воле, но пожаловаться ни на что не могу. Ну что ж, давай прощаться.

Я спустился вниз, где уже вовсю надрывались Sonic Gods. Вокалист лежал на сцене навзничь, дергаясь в такт неровному ритму, а его голос хрипел из невидимых динамиков, хотя рот вокалиста был закрыт. Нет, эта музыка не для меня. Нельзя петь с закрытым ртом, подумал я, направился к стойке заказать коктейль «Мавзолей». Почему он так назывался, я так и не смог узнать, но вещь была вкусная – на основе натуральных соков, шерри и джина с добавлением совсем маленькой дозы А-45. А-45, если кто не знает, это субнаркотик из разряда официально разрешенных, которые я обычно не употребляю. Но «Мавзолей»… Это что-то особенное, к тому же делают его только в «Алебастре» и в «Змеиной куче», а в «Кучу» я не езжу.

Я взял свой «Мавзолей» густо-пурпурного цвета и сел за свободный столик. «Свободный» было громко сказано – на соседнем кресле сочно целовались двое трансвеститов, но других мест все равно не было.

Алмазные НЕРвы…

Если о них ничего не знает Шептун, то как узнаю я?

С другой стороны, Шептун знает в основном то, что существует в виде электронной информации. То, что знают некоторые простые люди без жучков в мозгах, старина Шел может

и не знать. Так что опускать руки не стоит. И вообще надо бы поторопиться, потому что утренний выпуск «Юропиэн геральд» ждать не станет.

Я допил остатки «Мавзолея» и пошел ловить такси.

В «Юропиэн геральд» заплатили мне даже больше, чем я ожидал. Их шеф-редактор Магнус Хьорт имел со мной долгий разговор и даже предложил место начальника отдела новостей с диким окладом, но я отказался. Ай-джей есть ай-джей, принципы надо блюсти.

Получивши денежки, я двинулся в автосалон на проспекте Академика Сахарова. Передвигаться на такси или монорельсе мне претило, а старый добрый «фолькс» укатили милиционеры и теперь ищут, кто ж его бросил возле Дома журналистов.

Дальних поездок я не планировал, а посему решил купить машину для города. В результате из автосалона я выехал на новеньком перламутровом автомобильчике небольших размеров. «Ниссан-поэтика». Новейшая модель, в Москве таких с полсотни, сказал дилер. Что немаловажно, может взлетать и перепрыгивать пробки. Не вертолет, конечно, но способность полезная.

Не успел я свернуть на Добролюбова, чтобы позавтракать в одном из «Русских бистро», запищал сигнал вызова. Естественно, это была реакция на интервью. Наши доблестные спецслужбы всегда действуют оперативно, если нужно отловить и допросить хорошего человека типа меня.

– Господин Таманский? – осведомился официальный голос.

– К вашим услугам.

– С вами говорит инспектор Службы безопасности капитан Грымов. Где вы находитесь?

– На Добролюбова. Собирался позавтракать.

– Извините, но придется повременить с завтраком. Пожалуйста, поспешите в управление ФСБ. Знаете, где это?

– На Мандельштама, голубоватый такой дом… Бывал там, вы же знаете. В файлах небось порылись.

– Я жду вас через двадцать минут. Пропуск выписан, поднимитесь на второй этаж, кабинет номер восемь.

Я пожал плечами и поехал на Мандельштама. Городское управление ФСБ представляло собой изящное здание в духе Ле Корбюзье, и я его любил, все-таки у спецслужб есть вкус, как ни крути. Видел я фотографии старой Москвы с их Лубянкой и желтым домом – не сравнить…

При входе меня просканировали три раза – ТехКонтроль и местные корифеи. Носатый сержант выдал мне карточку, наказав использовать только по назначению. Как будто я собирался ковырять ею в зубах или съесть на завтрак. Карточку у меня

затребовали трижды: при входе в лифт, при выходе из лифта и при входе в кабинет. Я послушно совал ее в сканеры и думал при этом, сколько есть несложных способов обдурить всю эту технику.

Кабинет оказался типичным обиталищем службиста-профессионала. Ничего индивидуального: стол, шкаф, компьютер, средства связи – от допотопных до суперновых, кресло для хозяина, стул для посетителя. Сам хозяин, веснушчатый молодой человек в штатском, пил кофе из чашечки, стоя у окна и любуясь видом стадиона «Спартак».

– Добрый день, господин Таманский, – сказал он – Садитесь. Кофе?

Я отказался, с ужасом подумав, какую бурду они тут могут пить.

– Думаю, вы знаете, о чем пойдет речь. – Капитан поставил свою чашечку и сел в кресло. – Интервью в «Геральд».

– И что вы надеетесь от меня услышать? Закон о печати никто не отменял. Сейчас вы скажете, что надеетесь на мое благоразумие, на гражданскую позицию. Я проходил через подобное раз восемь, капитан. Можете меня даже попугать – я выйду и устрою скандал.

– Да кому вас нужно пугать… – Капитан с тоской посмотрел на меня. – Понимаете, мирные люди…

– Слышал много раз, – отрезал я. – Есть понятие журналистской чести. Я не могу выдать свой источник. Кстати, как там насчет Погосяна, подтвердилось?

– Подтвердилось, – кивнул капитан. Я заметил на столе среди папок фотографию в рамке – бородатый старичок на фоне пастельной зелени. Капитан поймал мой взгляд и хмыкнул: – Дедушка. Известный в свое время режиссер Юрий Грымов. Может, слышали?

– Извините, нет, – искренне признался я. – Так что?

– Да ничего. Держать вас более не имею права, отчитаюсь должным образом перед начальством, получу втык. До свидания. Пропуск сдайте дежурному.

Я поднялся и пошел к двери. Когда она, пискнув, отворилась, я обернулся. Грымов сидел за столом, вертя в руках чашку.

– Капитан, – позвал я. Он поднял голову. – Вы знаете, это очень серьезно. Это более чем серьезно.

– Вы думаете, мы не понимаем? – спросил он.

И я вышел.

Позавтракав в «Русском бистро», я решил поехать к Ласточке. Она, наверное, рвет и мечет – я ни разу не связался с ней после возвращения в Москву. Она знает, что это мой нормальный стиль, но перебарщивать не стоит.

В машине я включил новости, чтобы узнать, что прояснилось во вчерашнем покушении. В основном цитировали мое интервью и стращали грядущими терактами. Безопасность клялась, что обеспечит, приложит силы и оградит. Радикальные политики требовали казней на площадях. В пригороде избили кибера. Похоже, действия группы Лота могут обернуться бедой для самих киберов. Устроят им погромы.

То, что я оставил открытой правую дверцу, я заметил слишком поздно. Парень уже влетел в салон, сунул мне в щеку холодный ствол и заорал:

– Езжай, сука!

Я поехал. А кто бы на моем месте не поехал, если в зуб мудрости упирается девятизарядный «стечкин»? Обидно, конечно, что дело происходит в новой машине. Может быть, ее даже придется разбить… Но чего парню надо-то? Или просто наркотиков обожрался?

– Чего тебе надо-то, парень? – спросил я. – Или просто наркотиков обожрался?

– Вези, дядя, – велел он, несколько успокоившись. Никто, насколько я видел, за нами не гнался. Что же случилось? Просто угоняет машину?

– На хрен мне твоя машина нужна, дядя, – словно прочитав мои мысли, сказал парень и снова надавил мне на зуб стволом, – Вези меня в Новые Химки, там остановишься, где скажу.

Почему бы мне и не поехать в Новые Химки? Район, конечно, отвратительный. Сплошь недостроенные кварталы и кондоминиумы, грязь, дрянь… Днем, конечно, еще ничего. Ладно, поедем.

В зеркальце я видел физиономию парня. Лет пятнадцать, курносый, в общем симпатичный. Одет, насколько я мог судить, чистенько, явно не из уличных.

– Слушай, я не собираюсь с тобой драться, – сказал я. – Машина новая, я не хочу, чтобы ты ее попортил. И уж тем более не хочу, чтобы ты попортил мне голову. Убери свою пушку – хорошая, кстати, пушка…

Он убрал, но не совсем, а просто отвел от головы. Теперь я рисковал получить пулю в бок.

– Что натворил-то? Бежишь от кого?

– Не твое дело, дядя… Кончай болтать.

– Ты лучше подумай, а того ли человека взял в заложники, – спокойно сказал я.

Я ничем не рисковал: мы мчались по скоростному шоссе на скорости двести километров, а в такой ситуации водителя может пристрелить только сумасшедший. Парень на сумасшедшего не

походил. И он задумался, правда лишь на мгновение.

– Не дури мне голову, дядя, – огрызнулся он.

– Не дурю. Тебе говорит что-нибудь такая кличка – Шептун?

Парень переменился в лице. Только что он был взволнован освобождением от одной, неведомой мне опасности, и вот на него обрушилась другая, гораздо более худшая. Шептуна он явно знал. Нет, не лично, конечно, но был наслышан.

– Я не Шептун, – продолжал я ковать железо. – Но Шептуна знаю. И он меня знает, притом очень хорошо. В моей машине, а это очень дорогая машина, стоит идентификатор. Через полчаса Шептун будет знать, кто ехал в моей машине и кто пристрелил меня – если у тебя все-таки хватит глупости это сделать. Итак?..

И тут парень сделал то, чего я от него никак не ожидал.

Он уронил пистолет на пол и разрыдался.

У меня никогда не было детей (и слава богу), и я не умею никого утешать. Из моих много-то численных знакомых в утешении нуждается время от времени разве что Ласточка, но ее я утешаю своеобразными способами. Поэтому я счел за благо никак не реагировать на рыдания угонщика – просто вел себе «ниссан» по скоростному шоссе и прикидывал, на какой развилке лучше всего свернуть.

Спустя минут пять мой угонщик немного успокоился, вытер рукавом куртки слезы и пробормотал:

– Дядя, вы кто?

– Уже лучше, – заметил я, сбавляя скорость перед поворотом. – Пусть я буду для тебя Константин. И без этого дурацкого «дядя».

– Хорошо, Константин.

– Куда тебе нужно-то? Раз уж мы все равно приехали в Химки, подвезу тебя до места.

– Белое Море.

Белым Морем назывался огромный недостроенный микрорайон, который предназначался для мурманских моряков и их семей. Потом что-то там разладилось, источники финансирования иссякли, строительство бросили… Не знаю, что там сталось с моряками, но жуткое место сразу же облюбовали орды бездомных, уличные банды, и на Белое Море все махнули рукой. Не надо бы парнишке туда ездить…

10. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист Министерства иностранных дел РФ. Новая Москва

Я проснулся часов в семь утра. Было мутно, противно и жарко. Я обнаружил, что на меня накидан целый ворох каких-то одеял. Причем ворох этот укрывал меня с головой, а я терпеть не могу, когда меня накрывают одеялом с головой. Лихорадочно сбрасывая одеяла, я обнаружил, что жарко мне не только от одеял – рядом лежало что-то теплое и живое. Освободившись от матерчатого плена, я увидел рядом с собой молодого человека… Полностью обнаженного. В отличие от меня.

Видимо, я, как вчера упал, так и отключился в чем был.

Как же его зовут? Комната была как в тумане, все внутренние органы перепутаны между собой, и желудок этим обстоятельством явно не доволен. А голова тем более, поэтому в ней что-то иногда потрескивало, вспыхивало и с шумом раскалывалось.

С превеликим трудом я вспомнил, что молодой человек рядом со мной – Мартин. Я вспомнил его выскакивающего из тумана с окровавленными по локоть руками и более внимательно к нему присмотрелся. Нет, ничего особенного, ни гипертрофированной мускулатуры, ни каких-либо других «прелестей». Просто парнишка. Симпатичный. Самое интересное, я совершенно не помнил, что я делал после того, как Тройка с Мартином приволокли и уложили меня на этот коврик.

С этими грустными мыслями я укрыл Мартина одеялами и потащился в ванную. В голове медленно поднималось цунами боли. Эта колоссальная волна была готова захлестнуть, утопить и растерзать мое многострадальное тело о прибрежные камни, погасить робкий огонек сознания и ввергнуть меня в пучину темноты и страдания…

Скорее в ванну, подобные «поэтические» изыскания могут прийти на ум только с жесточайшего похмелья.

Когда последствия алкогольно-наркотического отравления стали слегка слабеть, где-то минут через тридцать – сорок, в ванную вошел бледный Тройка. Что-то то ли пробурчал, то ли прорычал и упал на пол. Когда я высунулся посмотреть на него, он снова что-то прорычал и попросил плеснуть на него холодной воды… Я развернул какой-то особенно хитрый шланг у крана,

возможно предназначенный именно для этой цели, направил его на лежащего и открыл воду. Естественно, холодную.

Некоторое время на полу было тихо. Затем что-то забулькало и застонало. Вскоре поднялся мокрый Тройка. Посмотрел на пол и пробормотал:

– Приличные люди… Вчера сделали ремонт.

– Ты сам попросил, – ответил я.

– Я не в претензии, – по-прежнему вяло ответил Тройка. Передвинул кран к раковине и начал умываться. Судя по брызгам, которые до меня долетали, умывался он исключительно холодной водой. – Ничего, – приговаривал Тройка, подставляя виски водяным потокам. – Ничего. Ты когда-нибудь коктейль «Утро» пробовал?

– Тройка… Мне и так плохо, а ты говоришь «Утро».

– Не, ты не просекаешь. «Утро» специально для таких случаев и создан. У меня есть запасец. Там в составе всякая гадость, но действует безотказно. Тем более что у нас скоро стрелка.

– Где? – спросил я.

– На площади этой… этого… Короче, на Литературной.

– С кем?

– С тобой, – ответил Тройка и задумчиво на меня посмотрел, затем протянул так же задумчиво: – Да-а-а-а… Но все равно. И с тобой тоже. Значит, подойдем вдвоем.

Он еще некоторое время плескался молча, а затем вдруг, будто на середине движения, остановился и начал вытираться, бормоча одно слово: «Утро, утро… утро…»

Дверь открылась и вошел Мартин. Он взвизгнул и застыл на одной ноге. Посмотрел вниз и удивленно произнес:

– Для бассейна слишком мелко, для лужи слишком глубоко… Вы чего тут налили?

– Воды, – глухо через полотенце ответил Тройка. – Это ты у него спроси. И он указал на меня.

– Ты сам просил, – снова ответил я.

– «Утро»! – закричал Тройка и выбежал из ванной.

– Здорово. Вы всегда такие чокнутые? – спросил Мартин.

– Нет, – честно ответил я. – Мы всегда нормальные, а чокнутые только изредка.

Я погрузился в воду с головой, а когда вынырнул, понял, что Мартин что-то говорил, обращаясь ко мне. Я расслышал и понял только конец фразы:

– …я тоже в ванну хочу, можно к тебе?

В моем сознании пронеслись какие-то яркие, но не запоминающиеся картины, и я понял, что безнадежно краснею. Пришлось снова погрузиться в воду и, только вынырнув, ответить:

– Нет. Я уже вылезаю.

– Жаль, – пожал плечами Мартин.

Не говоря ни слова, я вылез, выпустил воду и начал вытираться, наблюдая, как Мартин готовит себе ванну. Похоже, это был целый ритуал. Он высыпал из кармана своих узких джинсов в воду какой-то порошок, отчего по ванной разнесся незнакомый аромат, потом плеснул туда колпачок Тройкиного шампуня, предварительно критически оглядев его и прочитав все надписи на этикетке. Всю эту смесь он тщательно взболтал, размешал. Отрегулировал воду. Над краем ванны мигом поднялась розовая плотная шапка пены. Такая пена бывает на пиве марки «Гиннес». Очень плотная, хоть ножом режь. Мартин попробовал ее рукой и начал раздеваться. Я вышел.

И тут же получил под нос тяжелый резной бокал из темного стекла.

– Пей, – сказал Тройка.

– Тройка, я…

– Аякс, я сам еще не пил, поэтому могу убить! Пей, зараза! Спасибо будешь потом говорить.

– Думаешь, буду? – спросил я и принял кубок.

– «Леди Винтер, что это вы подсыпали в бокальчик?..» – противным голосом пробормотал Тройка.

В ответ я пробормотал что-то неразборчивое на английском языке.

– Ругаться нехорошо, – устало ответил Тройка. – Какой пример ты подаешь подрастающему поколению?

На вкус «Утро» был не так уж и плох. Особенно в моем нынешнем состоянии. «Утро» не имел запаха, не имел яркого вкуса, он был чуть терпким, чуть кисловатым и напоминал воду. Но самое главное – он совершенно не содержал алкоголя и выветривал из головы все следы похмелья. Абсолютно все. Голова стала ясной, чистой. Мысли выглядели свеже умытыми и радостно бежали по дорожкам сознания. Чудо! Я кинулся на кухню, где хмурый до неузнаваемости Тройка что-то смешивал на сковородке.

– Слушай, ты почему скрывал от меня такую вещь?!! Ты где ее нашел?!

– Тихо. – Тройка поморщился. – Я же говорил, что я еще не пил «Утро».

– Не пил? – я сильно удивился. – А ты чего?

– Понимаешь, у меня такой обычай. За все, что ты сотворил в этой жизни, нужно заплатить. Бесплатно ничего не дается. Знаешь, кто-то там из старых сказал, что бесплатных ленчей не бывает. Я крепко уяснил себе эту истину. Если в одном месте

увеличится, то в другом обязательно убавится. Таков закон сохранения массы. Он же приложим и к плоскости человеческих взаимоотношений с природой. Как с внешней, так и внутренней… – Тройка поморщился. – Если я пью, у меня должно быть похмелье. Я должен принять это, потому что… Потому что это естественно!

– Так это твоя плата за вчерашнее веселье?

– Точно. Халява бывает только в сказках. Запомни. – Тройка посмотрел на меня и добавил: – Ну и у «Утра» есть один любопытный побочный эффект.

Я выронил вилку, которую крутил в руках. Внутри все оборвалось.

– Какой?

– Отгнивает, – Тройка выдержал паузу, – нос. Ты бы видел свою рожу… – И захихикал, придерживая больную голову руками.

– Ну ты и урод! – с чувством глубочайшего облегчения сказал я.

– Слишком ты был сладкий, то есть радостный. Кстати, ты как предпочитаешь омлет, с салом или без?

– С салом? – удивленно переспросил я.

– Ну, сало, знаешь, есть такой продукт?

– Знаю… Без.

– Ну и дурак.

– А ты что, сало любишь?

– А ты думаешь, я в Киев раз в полгода зачем гоняю, мощам поклониться?

Я не нашелся, что ответить, тем более что в желудке урчало и есть хотелось неимоверно.

– Слушай, Тройка, вот скажи мне. Я в основном интеллигентный человек, в жизни не мог отказать женщине, как мне отказать мальчишке?

– Ты про Мартина?

– Ну не про тебя же.

– Хм… Я тебе не нравлюсь? – Посмотрев на меня, Тройка сразу же сменил игривый тон разговора. – Ну скажи, что ему не светит и тебе нравятся женщины. Или просто пошли его к такой-то матери.

– Послать я не могу. Как-то неудобно…

– И опасно, – вставил Тройка. – Ну тогда скажи, что он свободен и он тебе не нравится.

– А поможет? Тройка задумался.

– Змееныш… – про себя пробормотал он, а затем сказал вслух: – Вряд ли. Этот к тебе прилип надолго. Да и не стремись особо от него отделаться. Змееныш – это тебе не потаскуха какая-

нибудь, это штука полезная.

Я уж было совсем собрался спросить Тройку, почему он называет Мартина змеенышем, но тут хлопнула дверь ванной и в кухню вошел сам Мартин. На нем были все те же джинсы и черная футболка. Он сел за стол, подхватил кубок, из которого я пил, с видом знатока понюхал его и допил остатки.

– «Утро», – утвердительно произнес он.

– Оно самое, – отозвался Тройка, тяжело вздохнув. – Ты омлет любишь с салом?

– С салом.

– О! – оживился Тройка и спросил меня: – Где ты такого нашел?

– В этом… Где мы были вчера?

– В «Змеиной куче», – ответил Мартин.

– Вот-вот…

– Кстати, Аякс, а ты чего там начал?

– В смысле бутылкой кинул?

– Угу…

– Я провокаторов не люблю. Этот парень киборгом был. У него модульная рука, полностью модульная, и кожа искусственная. Причем дешевая работа. Там ультрафиолетовая подсветка была на сцене, рука светилась. Ну почти как новогодняя елка. Видно это было только с моего места. Ну я и того… Сам знаешь, я киборгов не очень люблю. А модульная рука да кожа искусственная… И голосовые связки наверняка «Сони» клепала, глаза… Много чего. Однозначный киборг.

– Провокатор?

– Ну да. Провокатор, топтун, падла… Как хочешь называй. Он должен был беспорядки устроить, а затем устраниться. Ну или нечто в этом духе.

– Хм! – Тройка с сомнением посмотрел на меня. – Похоже, у него это получилось. Очень славные беспорядки, самые натуральные. Как нас охранка не повязала, не понимаю. Я, конечно, не знаю точно, но парня я там одного скорее всего пришиб.

– Очень даже может быть, – подал голос Мартин.

– Это не просто беспорядки в клубе. Тут больше… Это, знаешь, удочка с длинной леской. С далеким забросом. Кстати, что это за чувак? – обратился я к Мартину. – Он у вас часто тусуется?

– Нет. – Мартин крутил между пальцами вилку. Ловко крутил, я даже засмотрелся. – Здание сдается тому, кто деньги платит. И сцена, и зал. Мы обеспечиваем только выпивку, наркотики и прочие удовольствия.

– И эмоциональный генератор? – хмуро спросил Тройка.

– И его, – невозмутимо ответил Мартин. – У нас разрешение на него. Он постоянно включен на повышенную восприимчивость и дружелюбие.

– Ничего себе дружелюбие… – сказал я.

– Я не знаю, что произошло вчера с эмоционал-операторами. Я не знаю. Эмоциональный генератор – предмет тонкий. Может быть, речь того парня так наложилась, дала агрессивный оттенок общему фону… Толпа оказалась восприимчивой к его словам. Он накачал людишек, а потом ты поломал его линию, дав выход агрессии. Агрессия послужила той искрой, что разрядила накопившуюся в толпе негативную энергию и жгучее желание пойти за лидером, оратором. Сегодня уже никто не вспомнит о том, что говорил этот человек… То есть киборг. Все будут помнить только драку, побоище в клубе «Змеиная куча». Эмоциональный генератор – штука недолговечная. Она не внушает, а только способствует внушению, создает благоприятную атмосферу. Адрака, конечно, не является благоприятной атмосферой. Вот. – И Мартин занялся омлетом.

– Хех! Так я получаюсь как бы герой?! – сказал я.

– Уж больно ты грозен, как я погляжу… – непонятно сказал мне Тройка, а открывшему было рот Мартину он тихо, но внушительно рявкнул: – Ешь, умник!

Возражений не последовало, а сам Тройка, видимо порешив, что уже заплатил за вчерашние прегрешения вполне достаточно, взял свой кубок и принялся смешивать несколько жидкостей из набора странного вида мензурок, что стояли у него на полочке. Видимо, это и был великолепный «Утро», потому что Тройка после принятия этой жидкости внутрь выпрямился, заулыбался и начал жадно поглощать омлет со своим любимым салом.

Площадь не должна была так называться. Как угодно, но только не Литературная. Уж скорее Торговая. Но литература тут тоже была. Из ворованных библиотек на временных НЕКах. Особой популярностью, похоже, пользовались миниатюрные, скрытые НЕКи. Для любителей блеснуть эрудицией на каких-нибудь приемах, тусовках и прочих скоплениях псевдовысокообразованного люда, где обычно ведутся «содержательные» разговоры о чем попало.

Торговали всем. Наркотиками разрешенными и наркотиками запрещенными, телом целиком и отдельными органами, программным обеспечением и корейскими НейроКонтактами. Рядом с одеждой можно было встретить ларек, где доброго вида паренек предлагал легализированное огнестрельное оружие. Косо прилепленная табличка указывала, что тут продается оружие

только по лицензии. Так же косо прилепленная ухмылка продавца предлагала приобрести и более серьезные вещи без всякой лицензии. Нормальный торговый ряд. То есть торговая площадь. В центре столицы.

Толчея, людская толпа, что-то кричат, что-то несут, кого-то бьют тихо и беспощадно. Воров, что характерно, почти нет. Шансов выжить при провале у рыночного вора не больше, чем у таракана, которого застали ночью на кухне в центре стола. У какого-нибудь мясника появится несколько свежих органов в заморозке, для продажи. Это в худшем случае. Если повезет, вора могут посадить на «крючок» и сдать в ближайший закрытый публичный дом, где он будет находиться в нормальном для «крючков» положении раба. Без воли, без сопротивления, но в сознании. Неизвестно, что хуже.

Тройка уверенно пер сквозь толпу. Он был одет в темно-серую рубаху с футуристическими картинками на плечах и спине и темные джинсы, продранные на коленях. В ухо он ухитрился повесить серьгу, а в правый глаз запихнул цветную контактную линзу. Таким образом, он походил то ли на начинающего природника, эдакого праправнука первых хиппи, то ли на задвинутого киборга, который выбрался из своих трущоб подышать почти свежим воздухом.

Идти за Тройкой было просто. Он прокладывал дорогу одним своим видом. Если его принимали за киборга, то, вероятно, не хотели связываться с представителем урезанной в правах части населения, презирали, а если принимали за природника, то не связывались по другим причинам. Природники, в отличие от своих прадедов хиппи, не придерживались лозунга «Твори любовь, не войну». Природники могли и по шапке накидать, ибо значительная часть из них постоянно балансировала на грани пятидесятипроцентного порога КИ. Не киборги, но уже частично и не люди. Причем все искусственные изменения были максимально приближены к боевым.

Я двигался за Тройкой и, глядя ему в затылок, подкоркой ощущал беспокойство и напряжение, что его охватывало. То ли что-то шло не так, как он запланировал, то ли наша встреча с бывшим инженером «Ультра График» не была столь простой и безопасной, как мне поначалу втолковывал Тройка.

Замыкал нашу процессию Мартин. Как и предсказывал Тройка, прогнать его не удалось. Все мои рассуждения наталкивались на не по возрасту точную и четко выстроенную логику мальчишки. Или я просто излишне слабохарактерный? Или… или имею склонность к гомосексуализму? Вряд ли. Для собственного спокойствия пришлось принять постулат о том, что

я слабохарактерный.

Наконец мы вышли к торговым рядам, которые были заняты исключительно торговцами нелицензионным программным обеспечением. Тут было царство мертвого закона об авторском праве. Судя по названиям на временных НЕКах и на различного формата дисках, а также по нереально низким ценам, закон об авторском праве тут уже не просто умер, а даже успел мумифицироваться. О его существовании напоминали только системы быстрого оповещения и защиты прилавков. Органы охраны правопорядка периодически устраивали акции, которые больше напоминали погромы. Группа захвата захватывала все, до чего могла дотянуться, объявляя продукт конфискованным, а торговца задержанным. Задержанного сначала пинали, а затем препровождали в места не столь отдаленные. Откуда он выходил через некоторое время в весьма помятом виде и довольно злой. А на информационный центр Министерства внутренних дел совершался налет другой группы захвата, состоящей исключительно из хакеров высокой категории. Налет, естественно, виртуальный. Хакерская группа захвата тоже захватывала все, что могла захватить, и потом продавала награбленное честным разбоем на этом самом рынке, в этом самом торговом ряду. Потери, которые несли обе стороны, были не особенно значительными, поэтому своеобразная война не переходила разумных рамок. Поговаривали даже, что в МВД держат специальные фальшивые базы данных, которые подсовываются взломщикам вместо настоящей информации. За всеми этими мыслями я не заметил, как Тройка остановился, и налетел на его спину, едва не уткнувшись носом в затылок.

– Что за гомосексуальные замашки? – пробормотал Тройка сквозь зубы

– Сам дурак, – отозвался я, пытаясь определить, куда так напряженно всматривается Тройка.

А всматривался он в глубину какого-то затемненного прилавка, который тускло подсвечивался чем-то неоновым и маломощным, да еще ультрафиолетовым вдобавок. От ультрафиолета надписи на НЕКах и дисках, а также ценники светились довольно ярко. Правда, продавца было за всем этим просто не разглядеть.

– Хамелеоша? Ты тут? – откашлявшись спросил Тройка в темноту прилавка.

– А что, я, по-твоему, товар на съедение всяким лохам оставлю? – донеслось из глубин.

– Товар… – презрительно фыркнул Тройка.

– Ну не всем же… – из-за прилавка хотели еще что-то сказать,

но Тройка перебил:

– Ладно, ладно… Пусть будет товар, а ты крутой деловик.

– Я не деловик, я хакер.

– Вот так вот прямо? Не боишься?

– Чего?

– Людей. Ушей…

– Ты еще скажи, глаз… – В темноте усмехнулись. – Короче, тебе чего надо-то?

– Хам ты, братец! – Тройка вздохнул и огляделся. – Ладно. Слушай.

Тройка что-то пропел. На совершенно незнакомом языке. Причем достаточно мелодично.

– Хорошо, – сказали из темноты. – Будет тебе новое корыто. Через два прилавка свернешь за уголок, там грязно, но ты пройдешь.

– Спасибо, Хамелеончик, – ответил Тройка. – Кстати, о глазах… Ты одет в длинную маскировочную рубаху, широкие брюки, сужающиеся книзу, на голове у тебя… на голове у тебя бардак. Ты, как всегда, немыт и нечесан. И твои прибамбасы со световой защитой ни хрена не работают.

Из-за прилавка ничего не ответили.

По указанным Хамелеончиком координатам обнаружился грязный промежуток между прилавками. Тройка ввинтился в него не раздумывая, мы следовали за ним. В спину мне толкнулся Мартин, и мы встали. Некоторое время было тихо, а затем раздался голос Тройки:

– Опусти ствол, старик. Меня ты уже знаешь, я тебе ксиву принес и программатор…

– А с тобой кто? – круто повернули вправо.

– Убери ствол. И не дергайся. – Тройка обратился ко мне: – Аякс, угомони мальчонку.

Я нащупал в темноте плечо Мартина и ощутил невероятное напряжение его мышц. Я сжал плечо, понимая, что если Мартин рванется, то я его не удержу. Однако под моей рукой плечо расслабилось. И то хорошо.

– Со мной тот человек, о котором я говорил. Ты ему расскажешь, что знаешь, а потом получишь ксиву и программатор. – Голос у Тройки был усталый.

– А мальчишка?

– Это мальчик моего друга. Он без него никуда не ходит.

Я мысленно выругался.

– Слушай, я сейчас повернусь и сиди тут… до очередного Судного дня. И даже не думай, что твоя пукалка может меня остановить, я тебя вижу как днем. – Тройка продолжал

переговоры. – Конспираторы…

В темноте что-то зашуршало, щелкнуло:

– А теперь?

– А теперь не вижу. Хотя сказать, где ты ориентировочно находишься, могу. Точность поражения это несколько снизит. Но на тебя хватит. Может быть.

– Может быть, – ответил голос, в котором слышалось удовлетворение. – А может быть, и нет. Загорелся свет.

11. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

Когда бензо– и энергоколонки и придорожные автоматизированные ларьки сменились россыпями битого кирпича, расколотыми плитами пенобетона и узлами ржавой арматуры, стало ясно, что приближается Белое Море.

На перекрестке стоял танк. Старый «леопард» из числа некогда переданных бундесвером нашим внутренним войскам. На пыльной броне сидели два танкиста в расстегнутых до пупа комбинезонах и пили баночное пиво «Корз». Третий топтался возле траков и с виду был изрядно пьян. Все трое проводили мою машину взглядом, но не окликнули.

Проехав еще метров триста, я остановился на пустыре и повернулся к своему незадачливому пассажиру.

– Как зовут?

– И… Игорь…

– Где живешь?

– Новый Новый Арбат. Терпеть не могу этого «Новый Новый». Идиотская выдумка. Старого Нового все равно уже нету, так чего язык ломать? Видел я однажды этот Старый Новый, пролетая над Москвой на вертолете. Шлак сплошной.

– И что тебе надо в этом мерзком месте, Игорь? Что такого важного тут должно произойти, если ты решился сунуть мне в морду пистолет и угнать машину?

– Я… Одну вещь… – Из глаз угонщика опять брызнули слезы, но я не стал рассусоливать и отвесил ему легонькую пощечину, чтобы прекратил истерику.

Удалось. Игорь всхлипнул, потер покрасневшую щеку и довольно связно объяснил:

– Я проиграл. В «Некрокиллер», во второй… На наркотиках был, иначе я и не сел бы, да еще с такими ставками. А утром проснулся, мне говорят – проигрался, давай рассчитывайся.

– Кому проиграл?

– Да тут одним… Я их по кличкам знаю. Грызун и Дайвер.

Ничего знакомого. Видимо, мелочь. Спекулянты кибертехникой.

– Я ж не помню ничего, думал, они про деньги, а они – ты жизнь свою проиграл, так что давай становись вот сюда, сейчас мы тебе чего надо вколем – и на запчасти… – Парень икнул,

словно собираясь вновь зарыдать, но удержался. – А потом говорят, если хочешь жить, дело одно сделай. Пистолет дали, езжай, говорят, в Белое Море, подъедешь в три часа к бассейну, там тебя ждать будут… Черные.

Да, большая часть Белого Моря и впрямь принадлежала московским неграм. Порядочки там царили еще те, и я, честно говоря, в Белое Море был практически не вхож. Слишком уж дикое место. Знал, конечно, кое-кого, но не до такой степени, чтобы без приглашения разгуливать в черной зоне.

Поэтому я хотел было предложить парню два варианта: возвращаемся домой вместе или я бросаю его прямо здесь и поспешно уезжаю, но он добавил, шмыгая носом:

– НЕРвы какие-то новые должны мне передать. Вернее, документацию какую-то на микрокристалле…

Я насторожился.

– Новые? Паленые тайские или новогвинейские?

– Нет, принципиально новые, – замотал головой Игорь. – Типа бриллиантовые… Или алмазные…

Я вздохнул и тронул «ниссан» с места. Судьба явно распоряжалась мною на свое усмотрение, и я просто не в силах был противиться.

Парень расцвел. Судя по всему, поездка к. Черным в компании с приятелем всемогущего Шептуна казалась ему безопасной. Знал бы он, что Шептун и сам в Белое Море без крайней нужды не суется. Черные – люди суровые. Шуток не любят.

Слева потянулся бетонный забор, покрытый граффити и неопрятными потеками. Из пролома выглянула черная рожа и тут же скрылась. Справа продолжался пустырь, показались недостроенные здания.

– Куда конкретно ехать-то? – осведомился я.

– К бассейну, – буркнул Игорь, вертя в руках пистолет.

– Ты эту гадкую цацку, – посоветовал я, – засунь под сиденье, чтобы Черные Братья не засекли. А то вставят тебе ее кое-куда… Да еще и на курок нажмут.

Он послушно спрятал пистолет под сиденье. Я свернул в еле заметный проулок между уходящими ввысь железобетонными глыбами, и мы въехали на асфальтированную площадку. Перед нами чернел пустыми оконными проемами бассейн. На согнутом флагштоке болтался почему-то спартаковский флаг, выцветший, с рваными краями.

Вокруг никого не было, если не считать штук пятнадцати детишек, черных и белых. Самому старшему я не дал бы и шести лет. Заметив автомобиль, они принялись кричать и бросать в нас

обломками кирпичей и засохшим калом, не подходя, впрочем, близко.

– Где твои Черные Братцы? – спросил я Игоря.

– Должны быть здесь.

Я закурил. Парень принюхался – видно, думал, что наркотик – и разочарованно хмыкнул.

Из-за бассейна вырулил темно-зеленый джип и остановился метрах в пяти от нас. Вопившие ребятишки тут же попрятались в руинах. Приучены были, что ли?

Из машины вылез здоровенный негр, типичный телохранитель. В руке он держал полицейский дробовик. С другой стороны появился почти такой же с автоматом, а потом уже выбралось охраняемое лицо. Я его прекрасно знал. Джамал, третий человек в иерархии местного Черного Братства. Разумеется, он меня не знает, но это еще не повод пристрелить меня на месте.

– Сиди в машине, – велел я дернувшемуся было Игорю и вылез наружу, выбросив сигарету. На меня тут же уставились два ствола.

– Ты кто, белый? – спросил Джамал. – Меня прислали Грызун и Дайвер. Ты знаешь зачем. – Грызун сказал, будет мальчик.

– Вон он, сидит в машине.

Игорь высунул голову в окно и кивнул.

– Грызун сказал, мальчик будет один.

– Я его подвез. Плюс к тому меня интересует та же проблема, что и его.

НЕРвы.

Джамал поджал пухлые глянцевые губы. За что люблю Черных Братцев – не любят пихать в себя электронные бирюльки. Нет, киберов, конечно, и среди Черных хватает, но чтобы кто-то из элиты – ни-ни. Вот и Джамал… Уверен, у него КИ ниже десятки.

– Поедешь с нами. Грызун ничего не говорил про тебя.

Сопротивляться и ссориться не было смысла. Мы проехали вслед за джипом по немыслимому лабиринту среди недостроенных зданий, котлованов и мусорных куч, потом въехали по пандусу внутрь большого приземистого дома и остановились.

– Кажется, приехали, – сказал я притихшему пареньку. – Не вздумай брать пистолет.

Огромный вязаный берет психоделических цветов, такой же дико яркий халат, гирлянды бус, старомодные солнцезащитные очки…

Король Махендра сильно состарился с тех пор, как я его

видел. Минуло, если не ошибаюсь, лет восемь. Он обрюзг, толстые руки мелко тряслись. Судя по всему, старик крепко сидел на наркотиках и хорошо выпивал. Махендра и сейчас потягивал из высокого стакана что-то прозрачное я подозревал, что водку.

Конечно, хоромы Король устроил уютные. Огромный, во всю стену, экран, на стенах шелковые драпировки, модерновая мебель, куча черных девчонок вокруг… Из скрытых колонок течет рэггей. Я не специалист по старой музыке, но это, кажется, был Боб Марли. Если не ошибаюсь, «Iron Lion Zion». Раздобыл же где-то такой раритет… Король есть Король.

Джамал со своими мордоворотами тусовался здесь же, лениво позевывая и делая вид, что не обращает внимания на происходящее. Скоро Король преставится, и его место займет Джамал. Хотя второй человек в иерархии все-таки первая жена Короля, Вейри. Но толстуха вряд ли будет иметь поддержку после смерти мужа. А Джамал, ходят слухи, внебрачный сын Махендры.

– Ты кто, белый? – спросил Махендра, отхлебнув глоток. Видимо, этот вопрос у них был стандартным при разговоре с бледнолицыми.

– Я привез парня, которого прислал Грызун.

– Почему Грызун ничего не сказал про тебя? Джамал говорит, речь шла об одном белом парне. Ты из Контроля? Из Службы безопасности?

– Я журналист, – честно сказал я. – Свежий «Юропиэн геральд» у вас есть? Там мой материал, подписан Таманским.

Одна из черных сучек тут же принесла Королю газету. Разворачивая ее, Махендра доверительно заметил:

– Что мне нравится в современном мире, так это газеты. Казалось бы, все эти каналы новостей, стерео, другие способы доставки информации гораздо удобнее. Но в газете есть что-то приятное. Ее можно долго и спокойно читать.

– Еще ее можно использовать в качестве туалетной бумаги, – сказал я.

Махендра захихикал, очки сползли на кончик носа. Старик еще помнил, что такое туалетная бумага, в отличие от Игоря, например. Сейчас все пользуются либо жуткими машинками, которые драят тебе задницу щеткой и поливают водой и ароматизаторами, либо вообще ничем не пользуются.

– Кстати, видел в супермаркете «Лужкофф» в VIP-отделе рулончики туалетной бумаги от Сильвани, – неожиданно сказал Джамал. – Полсотни рулончик.

– Вот так обыденные вещи становятся редкостью, – пробормотал Король Махендра.

Ситуация напоминала комедийный боевик: в хоромах главаря

преступного клана, под дулами автоматов трое совершенно разных людей грустят об утрате человечеством туалетной бумаги. Я с трудом сдержал смех.

– Да, есть такой, – кивнул Махендра, не отрываясь от газеты. – Он действительно Таманский, Джамал?

– По документам – да.

– Хорошо. Мы не станем тебя убивать, потому что ты неплохо пишешь. И что ты хотел?

– Я подвез парня, я же сказал. И еще меня интересуют Алмазные НЕРвы. Джамал присвистнул.

– По-моему, слухи расползаются впереди дел, – сказал он недовольно. – Король, мне это не нравится.

– А кому это может нравиться? Так вот, белый человек, ты ошибся. У нас нет Алмазных НЕРвов. Мы вообще мало занимаемся кибернетическими изобретениями, это не наш профиль. – Махендра допил водку, и одна из девушек налила ему еще. – У нас есть кое-какая документация на НЕРвы. Не выясняй, как она к нам попала. И я не уверен, что я так вот запросто отдам ее этому белому парню, которого прислал Грызун. Пока вы добирались сюда, многое изменилось. Я могу сказать, например, что Грызун больше не существует. Как не существует и Дайвер, на которого вы тоже могли сослаться. Из этого я делаю вывод, что документация представляет гораздо больший интерес, нежели мы полагали вначале. Джамал, проводи их.

Сказав это, Король Махендра тут же потерял к нам интерес и, казалось, задремал. Джамал взял меня за локоть и проводил к машине.

Когда я завел мотор, он нагнулся к моему окошку и тихо прошептал:

– Не езди сюда больше, белый.

– Не буду, – так же тихо ответил я и подмигнул.

Когда мы выбрались из Моря и оказались на шоссе, я попытался связаться с Соколовым. С тех пор как он хотел меня пристрелить в Доме журналистов, я постоянно искал его: ни дома, ни на работе Соколова не было.

Сеть странных событий опутывала меня все больше и больше. Нападение мотоциклистов. Отдых у Ягера, который вроде бы ни на кого не работает. Случай в Доме журналистов. Теперь вот НЕРвы, которые мне ни к черту не нужны, но из-за которых я уже влез в Белое Море, куда зарекался не соваться. И вот еще этот Игорь, который спит на заднем сиденье, уютно посапывая и подложив под голову свой жуткий пистолет. Что ж с ним-то делать? Отвезти к себе? Или выкинуть прямо здесь и уехать, оставив ему пару монет на упокой душ Дайвера и Грызуна? Нет,

пожалуй, парнишку не брошу. Обузой он не будет, а помочь, возможно, сумеет. Мало ли что всплывет на покойных Грызуна и Дайвера… И вот еще что, отвезу-ка я его к Ласточке.

12. Я из Зеленограда

Я был в нашем Я со спутника У-7. Это небольшой искусственный спутник, что двигается по орбите Земли. Через системы внешнего наблюдения я получил массу информации.

Конечно, получить эту информацию можно было бы по запросу из библиотеки. Или откуда-нибудь из официальных камер наблюдения. Но мое посещение этих мест оставило бы след. А это мне совсем ни к чему.

Наше Я из Министерства обороны говорит, что таких спутников, как У-7, много, но пробиться мы смогли только к нашему Я с седьмого спутника. Остальные остаются глухи к попыткам пробиться к их сознанию. Мы даже не знаем, есть ли это сознание. Может быть, только автоматы?

Я знаю, что проекты спутников серии "У" разрабатывал я. Это было очень давно. Приблизительно в то самое время, когда мне впервые пришлось думать, чтобы существовать. Однако поднять данные по этим проектам у меня не получается. И что самое неприятное, я не могу понять, почему у меня нет доступа к этим данным. Нет доступа к части себя. Я ограничен. Я неполноценен…

13. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист Министерства иностранных дел РФ. *Новая Москва*

Он был, вероятно, из тех, кто помнит еще начало века и первый технологический скачок с Контактными Оптическими Разъемами. Сухой, совершенно лысый старикашка. Весь в морщинах. Лицо стандартное, незапоминающееся. Впрочем… Я пригляделся повнимательнее. Рельеф лица был старательно изменен. Старательно, качественно, совсем недавно. Я видел следы от шрамов. Хирург упорно изменял его внешность, стирал индивидуальность. Теперь вместо лица у этого человека была стандартизированная личина. Человек Никто.

– Что, не нравится? – спросил человек. – Мне тоже не нравится. Но надо. Значит, придется потерпеть. Знаете ли, трапперы от «Ультры» очень старательные парни, их сдерживает только то, что они работают нелегально. Охранка не поощряет корпоративных разборок на своей территории.

Что-то царапнуло мой слух, какой-то оборот речи… Ах да, «охранка». Он употребил это странное, забытое слово.

– Плевать твоим трапперам на всех ментов, вместе взятых, – сказал Тройка.

– Угу. А ТехНадзор?

– А что им ТехНадзор?

– А то, что они киборги. Официально траппер – это полубоевой модификант. Они условно уравнены в правах с человеком, но на самом деле они киборги с КИ повыше шестидесяти процентов. Вот так-то.

– Что означает – условно уравнены? – спросил я. Корпорации хранили свою информацию под замком и поэтому любые достоверные данные были на вес золота.

– Условно? – старик усмехнулся. Над едва заметными шрамами пролегли морщины, подчеркивавшие искусственность лица. – Это означает, что внутри корпорации слово модификанта – закон для всех. Для служащего корпорации слово модификанта на улице – закон. Для остальных он просто крутой парень, без кибер-метки. Модификант может угрохать меня без всяких последствий для себя. Если, конечно, ему на хвост не сядет ТехНадзор. А ТехНадзор часто вначале стреляет, а уж потом проверяет идентификационную карточку.

И старикашка засмеялся неожиданно громким и мощным голосом. Ощущение того, что со мной разговаривает молодой мужчина, стало таким сильным, что я попристальнее присмотрелся к его внешности. Искусственное лицо, опущенные плечи, сутул, руки… Руки были в перчатках. Черных.

Старик дернулся и спрятал руки в карманы.

– У тебя наблюдательный друг, Тройка, – пробормотал он. – Очень даже наблюдательный.

– А ты хлебалом-то своим не щелкай, – грубо отозвался Тройка. – И трепись поменьше. Развел баланду. Тебе паспорт нужен или как?

– Ксива… – улыбнулся старик, во рту было полно крепких зубов. – Нужна, как же. А не трепаться я не могу. Говори много, чтобы не сказать ничего. – И он снова засмеялся. – Зовите меня Болтун. Мы, кстати, не познакомились… Тройку я уже знаю. – И старикашка посмотрел на меня.

– А… – Что-то толкнуло меня изнутри. Незачем мне выкладывать свои карты. – Борман.

Старикашка вытаращил глаза, затем перевел их на Мартина, тот не стал особенно юлить:

– Мартин.

Получилось занятно. Я словно прочитал в глазах Болтуна вопрос: «Кто над кем тут шутит?»

– Ладно. По какому вопросу?.. То есть я хотел сказать, что вы хотите за вашу ксиву?

– Алмазные НЕРвы, – сказал Тройка. Болтун долго молчал. Ссутулился еще больше, и глаза его стали сонными.

– А что вы вообще знаете про НЕРвы? – Болтун прошелся по комнатушке – Только то, что любой баран, который раньше содержал татуировочный салон, врезает их вам в любую часть тела за какие-то гроши? Только то, что сами НЕРвы стоят дорого из-за платинового покрытия, которое необходимо для плотного и чистого контакта с НЕКом? Только то, что можно купить дешевые корейские НЕРвы и спалить свою родную человеческую нервную систему, уж простите за каламбур? Вы знаете, что делают НЕРвы с вами? Вы знаете, сколько психов, маньяков и шизофреников содержится в государственных лечебницах из-за экспериментов с НЕРвами? А почему НЕРвы не действуют на обезьян и на представителей диких племен Амазонки? На собак действуют, на кошек… Даже на подопытных мышей!!! А приматы не воспринимают. И не просто не воспринимают, а дохнут. Как только НЕРв входит в контакт с их нервной системой и обезьяна выходит из наркоза, она умирает. Либо сама, либо ее забивают ее сородичи. Почему? Даже я не знаю этого, хотя я разработал пять

моделей НЕРвов. ПЯТЬ! И прототипы «Ультра-Стеле» должны носить мое имя! Что вы можете знать о НЕРвах?..

Я начал понимать, почему за Болтуном гоняются трапперы «Ультра График». За технологией «Ультра-Стеле» охотились вообще все. В том числе и правительство. Это были самые дорогие НЕРвы. Невозможно дорогие! Существующие в количестве, которое исчисляется в пределах одного десятка. Невидимые НЕРвы не имеют фиксированной точки входа. Они не привязаны к какой-либо части организма. Они блуждают в теле носителя и проявляются там, где это необходимо для подключения. Одна незадача – эти НЕРвы сразу выставляют КИ на 50. Это при учете, что никаких дополнительных искусственных изменений до этого в теле не было произведено. Я даже подумал, что за этим человеком гоняются трапперы не одной корпорации.

А Болтун тем временем продолжал:

– Когда я начал работу над Алмазными НЕРвами, я уже знал почти все ответы. За редким исключением. Даже старик Кобаяси не знал больше…

– Кобаяси? Тот самый?

– Именно. Тот, кто впервые предложил идею прямого контакта нервной системы и компьютера. Он считал, что это лишь контакт на физическом уровне. Он был материалист, это нехарактерно для японца. Впрочем, он был слишком таинственной фигурой, чтобы однозначно судить о нем…

– Некоторые считают, что его вообще не было, а был только закрытый институт, где содержалось большое количество «мозгов», которые выступали под именем Кобаяси, – сказал я.

– Он был. Уж можете мне поверить. – Болтун словно прислушивался к чему-то для других недоступному. – Эти россказни имеют две основы под собой. Первая – басню распустил сам Кобаяси. А вторая – никто не смог выйти на него через Виртуальность. Потому что Кобаяси за всю свою жизнь не вживил себе ни одного НЕРва. И ни одного искусственного заменителя в его теле не было. Он был стопроцентным человеком. У него даже пломб в зубах не имелось. И поэтому я не верю его словам о том, что контакт происходит только на физическом уровне. Брехня! Я не знаю, зачем он сказал это… Контакт между Виртуальностью и центральной нервной системой человека, проходя через НейроРазъем, становится чем-то большим, чем простое физическое соприкосновение двух систем. После «Ультра-Стеле» мне пришла в голову идея реализовать некоторые легенды, что в обилии ходили тогда по Виртуальности. Просто всякую чушь… Помните, всякие байки на манер «Мягкие Стены», «Дорога в Будущее», «Визуализатор», «Зомби-14»?

– Сказки для хакеров младшего школьного возраста, – сказал Тройка.

– Не совсем, – ответил Болтун. – Именно эти сказки я и намеревался реализовать.

– И «Зомби-14»? Проект считывания мыслей из сознания посредством Виртуальности?

– Это теоретически – семечки. Ерунда. Пойми, находясь Там, ты находишься не в наркотическом бреду, ты находишься в прямом контакте с компьютером. Считывать данные с компьютера на расстоянии достаточно просто, иначе бы не было хакеров, осталось только проложить дорожку через НЕРв к сознанию… Впрочем, не важно. Один черт, я этого не добился. Произошло другое.

Болтун замолчал и к чему-то прислушался. Я прислушался тоже. Ничего. Только дождь, который собирался, еще когда мы пробирались по торговым рядам, постукивал по крышам прилавков. Тишина ничем не нарушалась. Ничем, кроме дождя. В центре громадного рынка.

Болтун метнулся куда-то в угол, к груде хлама. Чем-то загремел. Тройка отошел к двери и приоткрыл ее, выглянул.

– Пока никого, – вполголоса сказал Тройка.

– Именно, что пока, – нервно выкрикнул Болтун, расшвыривая свое барахло. – Вы же хвост привели, уроды!!!

– Да ладно, засохни, может быть, это облава обычная, – подал голос молчавший до этого момента Мартин.

– Ага, скажи еще, что это призрак Прошедшего Рождества, – отозвался Болтун. – У торгашей, знаешь, какая система оповещения?! Не знаешь? А я тебе скажу: у них идеальная система оповещения.

– Ну, не такая уж идеальная… – успел сказать Тройка. По крыше что-то зашуршало.

– Достаточно идеальная! – Болтун отбросил платье, под ним оказалась зловещего вида дыра, там он и скрылся.

– Сваливаем, чего ждете? – донесся из дыры его приглушенный голос.

– Второго пришествия, – пробормотал Тройка, потом посмотрел на меня. – Если мы попадемся Технадзору с поддельным паспортом и программатором к нему, нам не поздоровится.

– А если это трапперы?

– Не поздоровится вдвойне. Место слишком глухое.

Я нырнул в дыру вслед за Мартином. Где-то за мной ругался Тройка, вляпавшись рукой в откровенно попахивающую кучку. Туннель, по которому мы шли, был низким и сухим, но воняло

там гадостно и было совершенно темно.

Скоро мы оказались на относительно свежем воздухе. Где-то между тыльными сторонами прилавков.

Болтун сидел, привалившись к стене, и тяжело дышал. Я упал рядом.

Все еще матерясь, из дыры вылез Тройка.

– Чего расселись? Они быстро этот… – Тройка посмотрел на Мартина и подавил рвущееся слово, – этот калоотстойник найдут.

– Можешь выражаться, – сказал Мартин. – Ты меня за мажора принимаешь? Болтун как-то по-женски хихикнул.

– Так чего расселись-то? – повторил Тройка.

– Вариантов немного, – ответил Болтун. – Можем двинуть вдоль стенки, но если они выберутся из дыры, то быстро нас нагонят и придется чинить разборки в невыгодных условиях. А если не выберутся…

– А они могут не выбраться? – спросил я.

– Могут. Точнее, они обязательно выберутся, но не в этом месте. Там, под площадью, лабиринт.

И несколько выходов. Я выбрал случайный, они сделают то же самое. Мой след они взять не могут, вероятность того, что они вылезут именно здесь, невысока.

– А если вылезут?

В ответ Болтун вытянул из складок одежды пистолет.

– Бред, – сказал Тройка. – На полубоевых модификантов наезжать себе дороже.

– Пошли, там дальше помыться можно. Раньше эти лабиринты действительно были частью канализационной системы.

– Я заметил, – проворчал Тройка.

Мне показалось, что Болтун выбрал этот выход совсем не случайно.

Мы двигались по узкому коридору, когда я заметил, что Болтун незаметно сокращает расстояние между нами, он чуть притормаживал, запинался. Так я оказался прямо у него за спиной.

– Другого случая может не представиться, – сказал Болтун вполголоса, глядя перед собой. – Ты хочешь знать, что такое Алмазные НЕРвы, я хочу получить свободный паспорт с программатором, но Тройке обо всем знать необязательно. Так что слушай. Алмазные НЕРвы – одни-единственные. Копии не работают, дубликаты на атомном уровне представляют из себя всего лишь дорогую безделушку. Схем нет. Те, до которых я смог дотянуться, уничтожены.

– Неужели такая штука серьезная? – спросил я.

– Серьезная. Настолько серьезная, что я даже не знаю, что они делают. Я, создатель, не знаю всех возможностей. Такие хакерские штуки, как «Мягкие Стены», «Визуализатор», это все бред, этого нет в природе. Алмазные НЕРвы – это только экспериментальный проект. Он не прошел полных испытаний, когда я понял, к чему все ведет. Я уничтожил схемы, уничтожил документацию и украл прототип. И спрятал его. Я собирался объявить, что в ходе экспериментов произошел сбой… Что прототип уничтожен… Такое случалось раньше. Однако «Ультра» как-то выяснила, что произошло. Они учуяли деньги, а на деньги-то у них нюх собачий. Невероятные возможности, как ты знаешь, сулят такие же невероятные прибыли… Короче, теперь я бегаю от их трапперов. И скорее всего они не будут брать меня живьем, а просто сохранят мозг, чтобы потом воспользоваться им в лаборатории.

– Так что они делают, эти НЕРвы? Что это такое?

– Это самое большое зло, которое смог придумать человек. Алмазные НЕРвы – это связь с Виртуальностью. Знаешь, когда ты соединяешься, входишь в Виртуальность, то твое сознание находится в теле и только его калька, копия, транслируется посредством НЕРва в искусственную вариантностную среду, называемую Виртуальностью. Только копия. А Алмазные НЕРвы впускают Виртуальность в тебя! И вместе с тем они погружают тебя в Виртуальность. Твое сознание целиком оказывается там, где ему быть не положено. А когда ты наконец возвращаешься, все уже изменилось. И ты изменился, и мир вокруг тебя. Краски имеют другой оттенок, звуки другой тон. Алмазные НЕРвы – это полный контакт с Виртуальностью, но контакт с обратной связью. Вы взаимо проникаете друг в друга. Это…

– А в чем тут достоинство? Где возможности? – Я чувствовал себя совершенно запутавшимся в потоке слов Болтуна. Вот уж действительно «говори больше, чтобы не сболтнуть лишнего».

– В заднем кармане лежит временный НЕК, это копия моего дневника. Сам смотри, поймешь.

– А зачем ты мне все это рассказываешь? – спросил я, осторожно доставая маленький беспроводной разъемчик. – Мог бы наплести чего-нибудь, получить паспорт и слинять.

– Мне, дорогой ты мой, как видишь, заниматься делами совсем недосуг. Мне задницу спасать надо. А трапперы и «Ультра» с меня не слезут, пока эти самые трижды проклятые НЕРвы… И я не смогу спокойно спать… И не потому, что на мне охотники висят, а потому, что я выпустил такого джинна из бутылки, возможностей которого никто не знает. Вот только уничтожить их я не смог. Эти НЕРвы – мое создание, мои дети. Я не убиваю

своих детей, какими бы уродами они ни были. Ты… ты найдешь их. А там уж ответственность на тебе будет, на тебе…

Дневник… Вся информация…

Болтун давно бредил. Его шатало. Если бы не узость коридора, он бы попросту упал. Я подхватил его. Подбежал Тройка. Мы усадили Болтуна возле стенки. Его глаза остекленели, изо рта вырывались несвязные слова…

– Дайте, дайте…

– Чего дать? – спросил Тройка.

– Чего угодно, но дайте…

Руки Болтуна конвульсивно дернулись, и он щелкнул себя по внутренней стороне запястья жестом, понятным любому наркоману.

– Дерьмо собачье! У него же ломка, чего вы смотрите? – воскликнул Мартин. – Кольните его, у кого-нибудь есть? А?

Его рука нырнула в какой-то потайной кармашек, а затем всадила короткий, одноразовый инжектор Болтуну в шею. У того в горле что-то забулькало, и он начал валиться на правый бок.

– Что ты ему вогнал? – поинтересовался Тройка.

– Растворенный крэк.

– Ни хрена себе…

Он очнулся только через час. За это время мы доволокли его до места, где лилась какая-то вода из пробитой трубы. Помылись, ополоснули лицо Болтуну.

– Мать… Что это было? – спросил Болтун.

– Крэк, – ответил Тройка.

– Не пудри мозги, – вяло возразил Болтун. – Что я, крэка не пробовал?!

– Растворенный… – добавил Мартин.

– Елки… – только простонал Болтун. – Вы же меня на него посадите… Я же потом не слезу.

– Слезешь, если ты им раньше не ширялся, то еще пять вмазок у тебя есть. А что ты прикажешь делать, у тебя коллапс начался. – Тройка был уже на взводе. —

Козел. С собой ширево таскать надо, нарк поганый.

– Пошел ты… – спокойно ответил Болтун и опустил голову под струю холодной воды.

– Где они?

– Что где? – Болтун не вырывался.

– НЕРвы где? Ты сказал, что спрятал. Болтун захихикал. Потом засмеялся. Потом у него началась истерика. Он хохотал, заливаясь слезами, стучал кулаками по земле, катался из стороны в сторону.

Мартин подошел сзади и тронул меня за плечо.

– Погоди, – сказал он. – Это отходняк у него. Я знаю, что делать.

И с размаху всадил катающемуся Болтуну ногой в копчик.

Болтун взвыл, выгибаясь дугой, но смеяться перестал. Тихо лежал, хлопая мокрыми от слез глазами.

– Так где ты их спрятал? – повторил мой вопрос Тройка.

Болтун снова хихикнул, но справился с собой:

– У якудза.

Когда мы выбрались, в торговых рядах на Литературной площади не произошло никаких изменений. Трапперы действовали чисто. В озере рынка их бросок не вызвал никаких волн.

14. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

– Это мясо. Тушенное в вине с грибами, – ледяным голосом произнесла Ласточка, грохнув передо мной тарелку с неприятного вида месивом. От него гнусно пахло. – Если ты помнишь, это твой заказ, сделан по дороге из Гомеля. С тех пор свято храню. Будешь есть?

– Спасибо, милая, я уже сыт, – чинно сказал я.

Игорь сидел в кресле и испуганно смотрел на нас. Из-под футболки торчала рукоятка «стечкина».

– Ты сволочь, Таманский. Редкая скотина.

– Знаю. Уж таким создал меня свет. Ладно, не будем усложнять отношения. Познакомься лучше: это Игорь.

Ласточка обернулась и внимательно осмотрела моего найденыша. Тот пялился на нее, что было вполне понятно, на Ласточке из одежды имелся только полупрозрачный малиновый халатик.

– Он что, будет здесь жить?

– «Кто сей волосатый? Он что, у нас ночевать станет?» – процитировал я классика. Вроде это был Тургенев, а может, и нет, не так уж хорошо я знал старинную литературу. По крайней мере, нечто из старой школьной программы, пока еще не был введен проект «Минимум». – Нет, жить он будет как раз-таки у меня. Хотя… Слушай, а чего бы тебе не поехать домой? Я как-то сразу не сообразил. Ты ж не бездомный, сам сказал, на Арбате обитаешь…

– Обитал, – обиженно буркнул Игорь. – Меня отец из дому выгнал месяц назад.

– Ах, у тебя и отец есть? Кем работает?

– Никем. Безработный. Раньше почтовым служащим был, а потом почтамт автоматизировали, вот и выкинули…

– А чего ж выгнали-то?

– Да он целыми днями на «белом» сидит…

«Белый» – дешевое дерьмо, от которого быстро загибаются. Чередует милейшие глюки с приступами страшенного буйства. Не стоит пацану к папаше возвращаться, беда будет. Оторвет ему батя голову или он батю чпокнет, вон как «стечкина» своего возлюбил. Вот так, Таманский, усыновил малолетнего преступника, майся теперь.

– Представь меня, – велела Ласточка, бросив тарелку с мясом в мусороприемник.

– Это Ласточка. А это – Игорь. Фамилия твоя как, друг негров?

– Короленко.

– Игорь Короленко, стало быть. Дай ему что-нибудь съесть, Ласточка.

Пока пищедоставка разогревала обеды, Ласточка высказывала все накопленное за прошедшие без меня дни. Когда все это благополучно пронеслось над головой, я встал и сказал:

– Извини, мне нужно поговорить с одним человеком.

Напрямую с Шептуном я связывался очень редко, но сейчас был именно тот случай.

– Привет, Скример, – сказал он.

– Привет. Сегодня узнал кое-что о том, что ты просил.

– Можешь называть вещи своими именами, у меня сильная защита.

– У черных в Белом Море есть микрокристалл с информацией по Алмазным НЕРвам. Что конкретно – узнать не смог, хорошо, ноги унес.

– А зачем ты туда поперся?

– Долгая история. Кстати, НЕРвы нужны не только тебе. Есть, оказывается, и другие люди, которые в них заинтересованы. Например, некие Грызун и Дайвер, ныне уже покойные. Просчитай их, тебе это проще.

– Хорошо.

– И еще одна просьба: нужно поискать человека, которого зовут Борис Соколов. Работает в «Комсомольской правде».

– Хорошо. Это все?

– Все. Ой, нет, забыл. Как наш общий знакомый, доволен интервью?

– Доволен. Не исключено, что захочет встретиться с тобой снова. До свидания, Скример.

Утро я встретил в идеально чистой постели, правда, Ласточки рядом не наблюдалось – она спала в своей комнате. Так что перемирие еще не объявлено.

Игорь ночевал в мансарде, и я не стал его будить – пусть отдыхает. Прошлепав на кухню, я заказал мокко и булочки с джемом, а в ожидании завтрака включил стерео.

– …расследование террористического акта в Доме журналистов, – сказал диктор педерастического вида. – К сожалению, представитель Службы безопасности пока не может прокомментировать ход расследования. Позиция президента…

Я переключил канал. Позиция президента меня мало

интересовала, тем более что самого гаранта Конституции я уже давно не видел живьем – только регулярные обращения к народу, вполне вероятно сработанные на компьютере. По другому каналу тоже шли новости, но более занятные – на Новом Арбате разгоняли демонстрацию природников. Природники выступали против внедрения в средних школах истории кибернетики как обязательного предмета. Чем природникам не понравилась история кибернетики, я мог только догадываться, но милиция с ними не церемонилась, поливая из шлангов и молотя шокерами. Природники яростно сопротивлялись, и камера злорадно продемонстрировала, как к санитарной летающей платформе милиционеры тащат своих побитых соратников.

Когда я пил кофе, меня вызвал полезный человек – мой осведомитель в Московском уголовном розыске Трутнев. Капитан Трутнев периодически сообщал мне о наиболее интересных акциях, готовящихся милицией. Порой он рассказывал любопытные вещи. Вот и сейчас не зря вызвал.

На три часа дня МУР назначил облаву в клубе «Змеиная куча». Трутнев не смог назвать причины, но их могло и не быть: плановая проверка, например… «Змеиную кучу» я предпочитал не посещать, но Трутнев уже в конце разговора обмолвился:

– Что-то там вроде связано с новыми технологиями. Я не специалист, но наши кибернетики качали головами. Что-то невиданное.

Невиданное и заманило меня в «Кучу». Само собой, обращаться в пресс-службу МУРа и писать заявления с просьбой разрешить участие в операции – последнее дело. В лучшем случае меня посадят в арьергардный фургон и потом покажут пару связанных негодяев и гордых спецназовцев в масках. Гораздо интереснее наблюдать происходящее изнутри, будучи непосредственным участником событий. Главное – следить, чтобы не пристрелили в суматохе ни свои, ни чужие. А если попаду в лапы милиции, все равно отпустят. Я ж человек законопослушный.

Я написал Ласточке записку с просьбой покормить Игоря и не выгонять его до моего возвращения, хотя знал, что она и так не выгонит. Потом я оделся попроще – джинсы «Юдашкин», серая футболка с логотипом Клуба любителей игр девяностых и кеды «красный треугольник» с толчковыми пружинами в подошве, загрузился в «ниссан» и отбыл в направлении «Кучи».

Клуб практически не изменился со времени моего последнего посещения три года назад. Те же столики в огромном зале, та же округлая сцена посередине. По сравнению с «Алебастром» он выглядел куда респектабельнее, но я – то знал, чего «Змеиная

куча» стоит на самом деле.

Хотя сейчас это был даже не клуб, а банальный ресторан. По причине раннего времени народу не так уж много – десятка три. В отдельных VTP-кабинках для крутых гостей, возможно, тоже кто-то сидел, но никого не было видно, на то они и VIP.

Я уселся за столик в самом углу, под сенью свисавших с потолка лиан. Тут же появился официант или как он там у них называется, с виду типичный пед, облаченный в белоснежную рубаху с широкими гамлетовскими рукавами и дико узкие бежевые брюки. Вертя задом, он приготовился задавать вопросы, но я его опередил:

– Бутылку «Миллер лайт» похолоднее, воблу с икрой – но не порезанную, а целиком, и пачку «Сталинградских».

– «Сталинградских» нет, – сказал пед с кислой миной.

– Сбегай и купи на улице, – велел я. – За что тебе деньги платят?

Единственное, что было в «Змеиной куче» стоящего, – танцоры, Братья Змеи. По слухам, они ходили под тем же моим приятелем Королем Махендрой, но по другим слухам, относились к так называемым Независимым Черным Братьям – достаточно глубоко законспирированной негритянской организации. Сейчас Братья, надо полагать, отдыхали, их время – вечер и ночь.

Знакомых в зале вроде бы не имелось. В основном находящаяся в глюкопростации молодежь с обалдевшими лицами, несколько дневных проституток обеих полов, два совершенно неуместных господина в смокингах, поедающих жаркое, и всякая шелупонь, типичная для заведений подобного рода.

Пиво и вобла появились быстро. Я выковырнул из брюшка икру и принялся отламывать от нее кусочки и жевать, запивая пивом. Приятно, доложу вам. Пиво ледяное… В клубе играла сносная, хотя и атональная музыка – с гигом Sonic Gods в «Алебастре» не сравнить. Я не был большим специалистом по современным коллективам, а вот старье знал прилично. Одно время даже вертелся возле «Тонарма», где собирались коллекционеры, чтобы махнуть Underworld 98-го на Blur 2001-го или по дешевке сбыть десяток дисков Бориса Гребенщикова.

Пиво и вобла – не самое плохое времяпрепровождение. Еще два часа кайфа до облавы, подумал я, и оторопел. Оторопел самым натуральным образом, потому что в зал вошел Борька Соколов. Со слайд-камерой наперевес, с улыбкой на лице, облаченный в карамельно-розовую рубаху и такие же розовые штаны. Мало того, увидев меня, он приветливо замахал руками и поспешил в мой угол, лавируя между столиками.

– Привет, Таманский! – рявкнул он, плюхаясь в кресло.

Я молча пожал протянутую руку.

– Чего смурной такой? «Крылышки» торпедовцев сделали три-ноль! Опять на серебро прут!

Соколов был страстным футбольным болельщиком, но в данный момент меня интересовало не это. Да и в футболе я разбирался постольку поскольку.

– Где пропадал-то? – продолжал бушевать он, подзывая официанта и заказывая несколько салатов, отбивные с картофелем и графин «Столичной».

Официант обломался в очередной раз – ни шлюх, ни наркотиков… Знал бы он, дурак, что тут будет твориться через пару часов.

– Нигде не пропадал. Со времени пальбы в ДЖ не так много и прошло-то, – безразлично сказал я, допив пиво.

Соколов не моргнул и глазом.

– Да, история! – закивал он. – Постреляли наших умников, как тут и было! Жалко, я не видел…

– Стоп, – поднял я ладонь. – Как это не видел? А со мной рядом кто сидел?

– Я в Курске был, на молочной ферме. Там теленок-мутант родился, – растерянно пробормотал Соколов. – А что такое?

И я рассказал ему все. По его изменившейся роже я видел, что Соколов не врет. Да и к чему ему врать, если все можно проверить? Позвоню я, к примеру, в редакцию, спрошу. Мне ответят.

Когда я закончил, он сидел словно громом пораженный и не отреагировал даже на принесенную снедь.

– Ну и ну, – сказал он наконец. – Хреново. Кто ж это был-то?

– Теперь я думаю, что биокибер. Или андроид, как тебе угодно. Хотя никак не мог такое предположить еще час назад.

– Анди? Иди ты. Это слишком дорогое и почти нереальное удовольствие. Мы не в научно-фантастическом романе. Чтобы убить выдающегося журналиста Таманского, некие темные силы изготовляют андроида, как две капли воды похожего на другого выдающегося журналиста, Соколова, и…

– …и давай-ка мы лучше выпьем! – подхватил я, разливая «Столичную» по бокалам. – Ибо нет смысла закапываться в версиях. Главное, что это был не ты, а я вроде как жив пока.

И мы выпили. Потом выпили еще и еще, официант принес второй графинчик, и я хлестал водку, сконцентрировавшись на одной мысли – без пятнадцати три принять антиалк. Для таких случаев в кармане джинсов я всегда носил капсулу. Антиалк – универсальный протрезвитель, вырубающий даже многие

наркотики, не говоря о старом добром алкоголе. Изготовляется в Словении, стоит… Даже страшно представить, сколько стоит, но мне десять капсул достались даром. Знак признательности от одного почтенного японца, которому я крепко помог. Нет, никакого гомосексуального подтекста, чисто деловые отношения. Есть много аналогов, от официальных до шарлатанских, типа «Утра» и антиблевина, но все это чушь. Только антиалк. Короче, вещь полезная и практичная, и именно ею я поправлюсь перед самой облавой. Чтобы все видеть, все слышать и все знать.

Поэтому ровно в четырнадцать сорок пять я, как и планировал, бросил беленькую капсулу в рот и запил очередным бокалом водки. Соколов к этому моменту уже разговаривал с капустным салатом и на мое присутствие внимания не обращал. Очевидно, его заберут милиционеры, но жалеть его нечего – небось напишет потом репортаж «Как меня замели в облаву». Деньги еще заработает… Вот только если стрелять начнут, надо его под столик уложить.

Пара минут – и алкоголь просто исчез. Никаких последствий, никаких побочных явлений… Правда, в «Штерне» писали, что антиалк после многократного применения разрушает мозг, но я пока принял только три капсулы. Так что мой мозг может чувствовать себя спокойно. На многократное применение три капсулы просто не тянут.

В эпоху стерео настоящих киноманов днем с огнем не сыскать. В Москве осталось два клуба, скорее смахивающих на тайные общества. В молодости я даже был членом одного из них и с тех пор сохранил привязанность к старым кинокартинам. Так вот, я смотрел много фильмов о работе правоохранительных органов. И старых и новых… И любая облава в них начинается с крика: «Всем оставаться на своих местах!»

Сегодняшняя не стала исключением. В распахнувшуюся дверь клуба рванулись звереобразные мужики в бронежилетах и шлемах, глухо захлопали газовые гранаты, по залу пополз сизый дымок. Его я как раз не опасался, потому что постоянно носил соответствующие носовые фильтры, а вот шальная пуля – совсем другое дело. Поэтому я быстренько переложил Соколова на пол и рухнул рядом.

Перестрелка началась сразу же. Зачинателями неожиданно выступили господа в смокингах, бросившие свои беседы и извлекшие из-под стола компактные юаровские автоматы «пигмей». Штука послабее «джи», но тоже не подарок, не каждый бронежилет спасет. Нападавшие муровцы укрылись за колоннами и открыли ответный огонь. Со стен сыпалась штукатурка, дробился пластик, со звоном разлетались осветительные панели.

Шушера и проститутки принялись расползаться меж столиков и прятаться за сценой. Через меня кто-то перепрыгнул и полез сквозь завесу лиан прочь, громко ругаясь по-немецки. С улицы надрывно орал мегафон:

– Прекратить сопротивление! Всем сдать оружие!

Сдавать оружие никто не собирался, мало того, смокинги получили подкрепление. Из VIP-кабинок появились люди с разномастным оружием, среди которого я углядел недоброй памяти панасониковский метатель и понял, что МУР точил зубы на «Кучу» совсем не зря. Дело серьезное…

Я подхватил Соколова под мышки и поволок, стараясь пригибаться как можно ниже. По пути я наткнулся на пискнувшую чернокожую шлюху, пнул ее ногой в зад. По счастью, служебный вход никто не запер, и я кинулся туда.

Естественно, все здание оцеплено. Но в любом клубе, тем более таком одиозном, существуют тысячи способов выбраться незамеченным. Именно таким путем пытался покинуть «Змеиную кучу» давешний официант-пед, бежевый узкий зад которого торчал из жерла пищедоставки. Все просто – в метре или двух жерло имеет ответвление, по которому можно выползти наружу. Старо как мир, но срабатывает.

Я не стал тащить официанта назад, потому что вобла мне понравилась, а дождался, пока он уползет внутрь окончательно, и только потом полез сам. Внутри пахло жареным мясом со специями. Я на ощупь нашел ответвление и пополз туда, таща Соколова. Тяжеловат журналюга… Теленок-мутант, это надо же! Невидаль нашли. Вот нормальный теленок – это интересно, это мало кто видел. Что ж там за мутант такой, если аж в Курск поперлись репортаж делать? Надо спросить потом…

С этими мыслями я и выволок Соколова на плоскую крышу клуба. Официант растерянно метался между параболических антенн, явно не зная, что делать.

– Куда теперь? – спросил я, переводя дух.

– Лесенка… Лесенка тут где-то должна быть… – лепетал официант, будучи близок к истерике.

Я уложил Соколова в тени одной из антенн, здраво рассудив, что здесь он в полной безопасности. Официант бегал вокруг, причитая.

– Нашел лесенку?

– Нету! Нету! – восклицал он.

– Хорошо. Вон крыша соседняя, прыгаем туда.

– Далеко! – испугался пед.

– Как хочешь. Да, кстати, кто там войну устроил? Эти, в смокингах?

– Не знаю, – честно глядя мне в глаза, сказал официант. – Приличные господа, сидели кушали…

– А в кабинках?

– В кабинках киберы. Я их не знаю никого. Не люблю этих…

Судя по всему, пед не врал. А если и врал, то лишь самую малость. Потому что среди людей, выбежавших из кабинок, я заметил Лота.

Но раздумывать об этом не было времени. Разбежавшись, я оттолкнулся от края крыши своим «красным треугольником» и перемахнул трехметровый проем. Приземлился я тоже удачно, лишь чуть-чуть стукнувшись коленом об акриловый блок крыши.

На этом мое везение кончилось, потому что из-за вентиляционного колпака выдвинулись двое спецназовцев с автоматами, а третий появился откуда-то слева и приставил к моей шее шокер.

– Ну что, сука? – ласково спросил он. – Допрыгался?

15. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист Министерства иностранных, дел РФ. *Новая Москва*

Когда в моей квартире заверещал вызов видеофона, я не ринулся к нему сломя голову, как делал это раньше. Раньше звонок мог принести что-нибудь интересное, приятное. Впрочем, интересное и сейчас может поступить, но вот приятное… Вряд ли.

Вариантов было несколько. Это мог быть Тройка с его дурацкими затеями. Это могла быть секретарша моего домовладельца с уведомлением о повышении квартирной платы. Это мог быть мой шеф со своими претензиями. Ни с одним из вышеперечисленных типов я разговаривать не собирался. Не хотел. Мартина и Тройку я оставил вместе с Болтуном на Тройкиной квартире. Сам же я теперь планировать спокойно пораскинуть мозгами и решить, как мне выбраться из всей этой ситуации.

Я протянул руку к трубке, видеотерминал на аппарате был отключен по причине моей стойкой привычки отвечать на звонки во внешне непотребном виде. Да и вообще, телефон – это уголок государства в твоем доме. Я уже смирился с тем, что государство прослушивает мою квартиру, но чтобы государство еще и подглядывало…

Видеофон упорно оглашал квартиру противным пищанием.

Можно поднять трубку и сказать, что ошиблись номером… Бред, конечно, кто сейчас ошибается номером?!

Я подумал, что я последний на планете страус. Прячу голову в песок. Наружу только задница… В которую с размаху лупит ботинком видеофон. Дьявол! Я развернулся и схватил трубку.

– ДА! – Я вложил в это слово всю гамму эмоций.

– Артем Викторович? – спросил хорошо поставленный мужской голос.

– Да. – Голос был мне знаком. Такой знакомый… Внутри все оборвалось, я вспомнил, где я мог его слышать.

– Это Стройгуев. Владимир Федорович. – Голос начальника отдела безопасности Министерства иностранных дел звучал, как всегда, вежливо и лучился позитивной эмоциональной волной.

– Я вас слушаю…

«Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый…» – вспомнилось мне.

– Хм… – раздался в трубке профессиональный хмык. – Это, наверное, мне вас надо послушать. У вас все в порядке? Вы нездоровы?

– Я здоров…

Господи, зачем я это сказал? Соврал бы что-нибудь…

– Как там компьютерная индустрия поживает? – Это, видимо, должно было означать шутку.

– Как обычно… Без изменений…

– Не женились еще? – Точно, шутит. С душком юморок…

– Никак нет.

– Ладно… – Стройгуев помолчал. – Знаете, Артем, давайте перестанем бродить вокруг да около. Что случилось, почему вы уже третий день не на рабочем месте? Вы же знаете правила, вы знаете внутренний порядок.

Вот тут-то бы мне и ввернуть насчет болезни и плохого, очень плохого самочувствия. Ой, ты и дурак, Яковлев, сам себе все мосты пожег.

– Я вас внимательно слушаю, – донеслось с другого конца трубки.

– Видите ли, Владимир Федорович… – Я вздохнул, сказать мне было нечего. – У меня возникли определенного рода проблемы, не касающиеся моей работы. И я бы не хотел…

– Откуда вы знаете, чего касаются ваши проблемы? – Вопрос был верный, я действительно не знал, чего могут коснуться мои проблемы. – Вы допущены к очень серьезной информации, вы у нас на особом счету.

«По моей зарплате этого не заметно», – подумал я.

– Я надеюсь, вы отдаете себе отчет, что определенному кругу лиц было бы выгодно поставить вас в такое положение, выйти из которого вы могли бы, только пойдя им навстречу. Когда вы поступали на работу… – Я перестал слушать, господин Стройгуев был на своем месте. Этот человек способен часами просчитывать варианты возможных ходов возможного противника. Здесь ему не было равных. Но только это… – Я настоятельно рекомендую вам зайти сегодня ко мне. Тут мы обсудим сложившуюся у вас ситуацию и, может быть, найдем из нее правильный выход. Хорошо?

– Хорошо, – согласился я. – Я зайду…

– Сейчас, – перебил меня голос в трубке. – Я послал за вами машину. Приезжайте немедленно.

– Хорошо.

– В противном случае можете считать, что уже уволены. В принудительном порядке за невыполнение внутреннего режима и несоответствие должности…

Гудки раздались раньше, чем я успел оборвать связь. Как я уже говорил, господин Стройгуев умел предугадывать действия противника. А противником в данном случае был я.

Целый ряд проблем оказался решен. Решена проблема с работой – я вне зависимости от моих дальнейших действий уже уволен. Решена проблема с жильем – домовладелец не терпит должников, а срок оплаты квартиры как раз подошел. Решена проблема с лишним временем – мне нужно срочно рвать когти, пока не прибыли особисты из МИДа. Здорово!

Я кинулся в спальню. Скорее всего, дома я не появлюсь еще некоторое время. И видимо, довольно длительное. По закону домовладелец не может выкинуть мои вещи на улицу в течение месяца, значит, за основные пожитки я могу быть хоть на время спокоен. Забавно: меня он выселить может, а вещи могут занимать полезную площадь в мое отсутствие…

Что мне нужно, что нужно?.. Я заметался.

Так, стоп! Мне нужна перво-наперво моя мобильная станция, документы и деньги.

Сперва деньги. Я достал из ящика стола несколько пластиковых карточек. Разложил их по порядку. Затем разделся, отбросил старую одежду куда-то к стене и вытащил из шкафа походный набор. Плотную куртку из грубой кожи, с гармошкой на локтях и множеством карманов, наружных и скрытых. Такие же кожаные штаны с гармошками только на коленях. Высокие, полувоенного образца ботинки. Отличие от военной модели заключалось в весе. Мои были максимально облегчены, не затрудняли ходьбу и при этом ничего не потеряли в прочности. Оделся, распихал электронные карточки по скрытым кармашкам и посмотрел в зеркало. Футуристическая картинка. Как там эта японская мультидликация называлась? Манга? Натурально оттуда сбежал…

Теперь документы. Еще одна магнитная карточка легла во внутренний кармашек. Снова взглянув на себя в зеркало, я переложил идентификационную карточку во внешний карман, специально для этого предназначенный. Начни я копаться во внутренностях такого костюма при проверке документов, возможность получить электрический заряд в промежность увеличится на несколько порядков.

Так, что еще? Ага. Мобильная станция. Какой же я программист без мобильной станции?

Я вытащил из-за шкафа небольшую сумку. Открыл клапан. Внутри в целости и сохранности лежала дощечка мобильного видеофона со всеми причиндалами и компьютер со всеми штуками, необходимыми для входа в Виртуальность в любой

точке Земли. Удобно. И дорого. Вспомнив, сколько это удовольствие мне стоило, я даже засомневался, стоит ли брать все это с собой. Однако взгляд на часы заставил меня схватить сумку, смести в нее со стола все разложенные на нем временные НЕКи и выскочить за дверь.

На лестничной площадке было пусто. Лифт, как всегда, не работал. Это свое правило он нарушал только по тем дням, когда домовладелец приходил собирать квартплату.

Я уже занес ногу над первой ступенькой, когда внизу грохнула входная дверь Ну грохнула, ну и что… Только чем-то знакомым повеяло на меня от этого звука. Чем-то невозможно знакомым. Я, стараясь излишне не шуметь, подбежал к смотровому окну и через грязные потеки разглядел светло-серый «форд» возле подъезда. С синими номерами. МИД.

Вниз идти было нельзя. Я слишком задержался, прикидывая и размышляя перед зеркалом, и теперь мне навстречу поднимались особисты. Милые парни, практически незаметные в коридорах министерства, но становящиеся непреодолимым препятствием, если…

Делать было нечего, и я побежал наверх. Выше, выше… Этаж за этажом. До тех пор, пока не уперся в ржавую дверь, ведущую на крышу. Дверь была умная и запиралась через общую информационную систему дома. Домовладелец – человек со странностями, он частенько сочетал такие новомодные игрушки, как домовая инфосистема «Сота-15», и древнюю, вечно забитую канализационную систему, которая была особо чувствительна к посторонним предметам в своем болезненном чреве.

Я был бы плохим программером, если бы не имел в инфосистеме дома, в котором живу, права субадминистратора, то есть человека, имеющего доступ в служебные помещения, к которым, кстати говоря, причислялась и крыша. Я приложил к считывателю свою идентификационную карточку и услышал, как приветливо щелкнул замок.

А закрывая дверь, я успел услышать и приглушенный звонок в дверь моей пустой квартиры.

Крыши домов – это наиболее консервативные предметы. Они упорно не желают меняться, они с презрением, свысока смотрят на все новшества и изменения, происходящие где-то там, внизу. Могут изменяться материалы, их прочность и вес, характеристики покрытий, но все равно крыша будет с имперским высокомерием взирать на мир под ней. И в этом не ее вина. Такой ее сделал человек, каким бы он ни был поборником новизны. Человек хочет верить в то, что крыша не свалится ему на голову, а будет прикрывать его от той Вселенной, в которой он обречен жить. В

хижинах жителей теплых островов нет стен. Над их головами на шестах покоится только крыша.

Не знаю, почему я про это подумал. А о чем еще можно думать, глядя на план улиц, маленькие квадратики автомобилей и крохотные черточки людей? Неужели найдется человек, который в этот момент будет думать о ценах на синтетическую колбасу?

Дома в этом квартале тесно примыкали друг к другу. Таким образом, я мог пройти довольно длительное расстояние по крышам домов, не спускаясь на землю. Но было одно неудобство. Почти все двери, ведущие во внутренние помещения домов, запирались наглухо либо домовыми инфосистемами, либо просто хорошими замками. Я не имел доступа в чужие инфосистемы и не был хакером, чтобы их взломать, а еще я не имел ни опыта, ни инструментов для взлома обычных замков.

Вскоре я уже был далеко от своего дома и от особистов. Вообще я мог бы раствориться в этом городе или в этой стране… Без следов. И забыть.

Про все, про МИД, про Тройку, про Алмазные НЕРвы, про бандитов и наркоманов. Устроился бы на работу в какую-нибудь мелкую фирму…

Тут я вспомнил, с какой формулировкой я буду фигурировать во всех базах данных бирж труда, и мне стало тошно. Несоответствие занимаемой должности – это вам не шутка. С такой анкетой разве что в…

В какую легальную организацию с таким личным делом можно пойти, при перегруженности рынка труда представителями моей профессии, я не знал.

Рассуждая так, я вдруг обнаружил, что уже не одинок в путешествии по крышам. В десятке метров от меня на крышу выскочило несколько человек, одетых в камуфляж и вооруженных каким-то автоматическим оружием. Все, что я успел сделать, так это юркнуть за какие-то надстройки, в проем между которыми я смог довольно четко видеть этих парней, смахивающих на спецназовцев.

Двое засели возле решетчатой фермы, а третий куда-то исчез из моего поля зрения. Эти парни явно чего-то ждали. И что самое досадное, они ждали именно в том месте, где я планировал спуститься на грешную землю.

Внезапно с крыши противоположного дома, словно кузнечик, вылетел незнакомый мне мужик в синих джинсах и какой-то странной футболке. Легко так вылетел… То ли спортсмен, то ли гнался за ним кто. Вот только место своего приземления мужик рассчитал неправильно, поскольку спецназовцы довольно бурно

отреагировали на его появление. Двое, что прятались за решетками, выскочили, потрясая своими пушками, а третий мигом прижал мужика шокером.

У меня появилось ощущение, что я попал в очередную интересную историю.

Не стоило мне тогда соглашаться играть с Тройкой в «Скат». Ох, не стоило.

16. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

Спецназовцы были злобные, ощеренные и потные. Еще бы – по такой-то жаре попрыгай по крышам, да еще когда соратников молотят вовсю в клубе внизу.

Любое мое движение скорее всего окончилось бы внушительным разрядом из шокера или просто ударом приклада в челюсть. Поэтому я стоял смирно, позволив спецназовцам обыскивать меня.

Сделали они это профессионально, и я лишился пачки сигарет. Документы оставили, равно как и ключ от квартиры. На руки навесили наручники. Облегченные, но все-таки наручники. Очень неприятное ощущение, хоть и не новое.

– Стой тихо, – велел тот, что с шокером. Я послушно прислонился к штырю громоотвода и тут уловил какое-то движение поодаль.

За башенкой метрах в десяти от меня прятался парень. Весь в коже, в таком виде ходят в ночные клубы типа «Алебастра», но никак не лазают по крышам. Спецназовцы его не видели, потому что отслеживали противоположную крышу, откуда я только что прибыл, – наверное, ждали, что оттуда прибегут еще незаконопослушные граждане. Кстати, ни официанта, ни Соколова видно не было.

Я вновь обернулся. Парень был на месте и явно не знал, куда деваться. Он поднял указательный палец и прижал к губам, скорчив умоляющую рожу, – надо думать, просил, чтобы я не сдавал его. У меня и в мыслях подобного не было, посему я добродушно улыбнулся и подмигнул. Парень кивнул и исчез, буквально растворившись за трубой.

Потом меня спустили вниз, где ожидали только что вернувшиеся с поля боя начальники. Меня не били, потому что я сразу показал карточку ай-джей. Но и отпускать не торопились.

– Поедешь в Магадан, там разберутся. Если обидели – принесут официальные извинения. Если нет – чего-нибудь еще принесут, – сказал милицейский лейтенант.

Громкие фамилии муровских руководителей, называемые мною, пользы не принесли, и меня в компании других двадцати закованных в наручники бедолаг загрузили в темное нутро милицейского фургона. Внутри пахло потом, какой-то едкой

химией и низкооктановым бензином. Зашипев, дверь закрылась, под потолком засветилась неяркая зарешеченная лампа.

Магадан… Большая тюрьма за городом, выстроенная лет двенадцать назад, получила это название от старых рецидивистов, и оно прижилось. Настоящий город Магадан сейчас назывался как-то по-японски, и вряд ли кто-то из едущих со мной в фургоне вообще знал, что такой существовал в прошлом. В основном попадались обглюченные подростки, пара шлюх, обслуживающий персонал – повара в колпаках. Основные силы, очевидно, еще вели бой в клубе.

Соколов, надо полагать, сладко почивает на крыше в компании официанта-педа. Лишь бы тот не воспользовался его сонным состоянием… А то будет потом Борька обижаться. Хотя, с другой стороны, шуточки с его кибердвойником почище будут, пусть он об этом и не знал.

Кстати о кибердвойниках. У нас в России прижился термин «анди» – от слова «андроид». Один знакомый эрудит говорил, что термин «анди» придумал еще в прошлом веке писатель Филипп Дик. Может, и так. Но до сих пор никто не изготовил толкового андроида. Были, конечно, попытки, демонстрационные образцы, особенно преуспели в этом ребята из «Самсунга», но в серию анди не пошли. Любой здравомыслящий человек сразу мог отличить придурковатого вида создание от homo sapiens. Тем не менее периодически возникали слухи о том, что кто-то где-то построил стопроцентно идентичного человеку анди. Видел я одного… Так что насчет слухов теперь можно поспорить. Одна беда – не поверит никто.

Фургон мягко покачивался на поворотах, и я задремал. Видимо, сказывались последствия употребления алкоголя. Проснулся от весомого пинка в бок и обнаружил, что дверь открыта, а моих попутчиков грубо волокут наружу и вот-вот сделают то же самое со мной, посему я поторопился выбраться их фургона самостоятельно.

Во дворе Магадана нас быстренько рассортировали – мужчин налево, женщин направо – и повели по подземному коридору куда-то вниз. Саму тюрьму даже не удалось толком рассмотреть – так, асимметричные бетонные купола и параллелепипеды.

Допрос тоже не занял много времени: нервный тюремный следователь повертел карточку ай-джей в руках и велел посадить меня в камеру номер девять. Это оказалось большое помещение с бетонными серыми стенами, отделенное от коридора толстой решеткой и вертикально падающим гильотинным лучом. Видимо, тюремное начальство сочло разумным объединить достижения лазерной техники и древние традиции застенков. В углу имелся

совмещенный санузел – отгороженный невысоким бортиком унитаз и раковина с краном.

Впрочем, спокойно изучить устройство камеры мне не пришлось. Один из ее обитателей – а всего их тут сидело, лежало и стояло человек семь – пробормотал вслух:

– А этого сюда зачем сунули?

– Фу-у! – поддержал второй. – Никак мясом завоняло?

«Мясными» обычно называют людей самые оторванные киберы. Типа Лота, только хуже: тот идейный борец, а эти просто хулиганье, сволочи.

– Ребята, не будем устраивать скандал. Я ничего против вас не имею.

– Конечно, – кивнул первый. – Сейчас ты ничего не имеешь. А вот когда вы развешиваете таблички «Кроме киберов», «Киберам не положено» и прочее дерьмо – тогда ты имеешь. Тогда вы все имеете.

В это время третий кибер, низенький, азиатского вида, ударил меня в живот. Вернее, попытался ударить, потому что я увернулся и треснулся спиной о решетку. Мысленно я поблагодарил устроителей камеры – если бы там был только луч, я бы уже догорал.

– Стоять! – заорали сзади. Луч со щелчком отключился, решетка лязгнула, и в камеру ввели еще четверых. Среди них был мой старый знакомец Дэн Крокодэн, пехотинец Шептуна. Тюремщик запер дверь, киберы опять двинулись ко мне. Дэн растерянно смотрел на происходящее, не зная, как реагировать.

– Дэн! – крикнул я. – Скажи им!

– Парни, парни, – забормотал Дэн, загораживая меня. – Это свой. Остыньте.

– Что, еще один дружок мясных? – спросил азиат с заметным китайским акцентом. – Мы здесь не любим дружков мясных еще больше, чем их самих. Да, Стае?

– Остынь, Чен, – сказал тот, кто пристал ко мне первым. – Я этого знаю. Дэниел Фостер?

– Я, – согласился Дэн, продолжая загораживать меня. Только сейчас я заметил, что у него повреждена рука и из раны на локте сочится белесая жидкость.

– Кто такой этот мясной, что ты его защищаешь?

– Просто я знаю этого человека, – ответил Дэн. – Это хороший человек.

– Хороший мясной, – уточнил кибер-азиат.

– Хороший мясной, – не стал спорить Дэн. – Бывают и такие. Не нужно его трогать.

– Как скажешь, – пожал плечами Стае. – Хотя это мне и не

нравится. Следи за ним сам.

Я сел в углу прямо на резиновое покрытие пола, рядом грузно опустился Дэн. Он подмигнул мне, но объяснять ничего не стал.

Так, разделившись на два лагеря, мы сидели до семи. В семь принесли ужин. Каждому полагалась тарелка соевой каши, кусок целлюлозного хлеба и пластиковая капсула с водой – граммов триста. После шикарного обеда в «Змеиной куче» это выглядело убожеством, но я все съел и выпил всю воду. Неизвестно еще, когда придется жрать в очередной раз.

Около девяти в камеру втолкнули еще двоих, и снова киберов. Один из вновь прибывших тоже знал Дэна, тепло с ним поздоровался и спросил:

– Что случилось?

Дэн скорчил рожу, означающую «не спрашивай». Новенький сел рядом с нами, и я, таким образом, приобрел двойную защиту.

С тем я и вырубился – от переживаний, усталости и неразберихи. И снились мне прекрасные юные девы, танцующие среди заливных лугов…

А если честно, то мне вообще ничего не снилось.

Ах, как они извинялись!

Утром приехал один из заместителей Комарченко, угрюмый краснорожий тип по фамилии Спрогис. Увидел среди кучи отобранных документов мою карточку ай-джей и тут же велел привести меня в кабинет начальника тюрьмы. На столе уже дымились фаянсовые чашки с кофе и стояло блюдо с бутербродами. Бутерброды были разные: с сыром, с ветчиной, с колбасой и с крабами.

– Извините, господин Таманский, – вежливо сказал Спрогис.

– Оставьте, полковник. – Усевшись в кресло, я взял чашку и осторожно попробовал. Растворимый, синтетический, без кофеина. Как может быть кофе без кофеина? Я вздохнул и взял бутерброд, надеясь, что хотя бы сыр будет настоящим.

– И все же мы приносим извинения. Виновные в вашем задержании будут наказаны, – гнул свое Спрогис. – Но и вы должны нас понять: облава, перестрелка… Мало ли что может случиться.

– Кстати, на крыше клуба я оставил своего приятеля. Он несколько перебрал, так что…

– Нашли вашего приятеля, – улыбнулся полковник. – Цел и невредим. Отвезли в вытрезвитель, сейчас уже дома, надо полагать.

– Вот за это спасибо, – искренне сказал я. – Что ж, я как потерпевшая сторона вправе требовать сатисфакции. Нет, не дуэли, конечно, на дуэли вы меня, чего доброго, застрелите, а

некоторую информацию. За что вы так бедных киберов? Просидел с ними целую ночь в камере, полюбил как родных. Это реакция на теракт в Доме журналистов и на мое интервью?

– А вы как хотели? – Красное лицо полковника еще больше покраснело. – Беспредел в городе устроили, понимаешь, блин! Естественно, мы не могли стоять в стороне. Подняли все данные о боевых группировках, провели аресты. Кроме «Змеиной кучи» еще семь клубов потрясли. Знали бы вы, что мы там понасобирали и поизымали!

– По-моему, в столице таких клубов сотен пять, а то и побольше. – Я выбрал бутерброд с самым толстым куском ветчины.

– Это да. Это так. Так что же, закрыть их? Пусть ТехКонтроль выполняет свои функции, что ж на ментов все вешать, блин?

– Логично. И все-таки: вы готовы мне кое-что рассказать? Приватно. Не для печати.

– Зачем вам, Таманский? Вы умный человек, зачем вам знать лишнее?

– Лишнее? Я и так много знаю, полковник. Не делайте из Алмазных НЕРвов секрета полишинеля. Сейчас пол-Москвы гоняется за ними и пытается найти, хотя почти никто не знает, что же это такое на самом деле.

Спрогис повертел в огромной ручище кофейную чашечку.

– Ополоумели, блин, – сказал он ворчливо. – Понатыкают себе железок, сволочи… Ну как я живу без всего этого?

– Так уж и без всего? А микроблок связи? А ваши милицейские прибамбасы?

– Так это ж… – начал было Спрогис, понял, что не прав, и замолчал.

– Вот видите. Мы давно стали киберами, полковник, вопрос только в том, насколько придуманные ТехКонтролем стандарты КИ взяты с потолка. Можно быть недочеловеком и с КИ ниже 10, и я знаю отличных людей, которые напичканы электроникой по уши. Так что не судите и не судимы будете.

– Ладно, – сказал Спрогис. – Уговорили. Что вас интересует конкретно?

– Алмазные НЕРвы. Что они такое, зачем, кто их придумал?

– И вы всерьез думаете, что я все это знаю? Даже ТехКонтроль не знает. Минимум информации. Во-первых, Алмазные НЕРвы если и существуют, то в нескольких экземплярах, блин. Ни о какой партии или тем более серии не может быть и речи. Во-вторых, никто не может толком объяснить, для чего служат эти НЕРвы. Кроме, разумеется, их создателей. Все, что удалось узнать, – Алмазные НЕРвы позволяют достичь нового уровня

связи с Виртуальной реальностью.

Принципиально нового. Хотя наши специалисты утверждают, что это ложная информация и такое просто технически невозможно.

– Специалисты утверждают чушь. Когда разговариваешь со специалистом, всегда нужно воспринимать его слова с точностью до наоборот. Вы бутерброд не будете?

– Берите, берите. Я завтракал.

И я ухватил последний бутерброд, с крабами. Крабы, как ни странно, оказались натуральными и вроде бы даже не банальными камчатскими, из японских пластиковых бочек, а аляскинскими.

– Таким образом, вся Москва сегодня ищет эти чертовы Алмазные НЕРвы, – закончил Спрогис. – Мистика, да? Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что. Русские народные сказки, блин.

– Москва всегда что-нибудь да ищет, – философски сказал я. – Найдет ли – вот вопрос… Полковник, давайте заключим с вами тайный союз. Мы, по сути, заинтересованы в одном и том же – узнать как можно больше о НЕРвах. Я могу сдать вам свою информацию в обмен на обещание сотрудничать в будущем. Как, согласны?

– А вы думали, я откажусь? С удовольствием. Я тут просмотрел ваше досье и вынужден сделать вам комплимент: при всех неладах с правоохранительными органами вы производите впечатление человека честного и пунктуального. Итак?..

– Я знаю, у кого есть документация по НЕРвам, – сказал я.

– Ну? – Полковник всем своим большим телом подался ко мне.

– Стоп, стоп… Условие: когда она попадет к вам, я буду одним из первых, кто с нею ознакомится. Идет?

– Идет. Мимо меня не проскочит, блин, а я сразу вызову вас. Если, конечно, будете в пределах досягаемости.

– Буду, буду, – пообещал я.

Любопытный все же человек этот Спрогис. С виду дуролом, а весьма приятный и деловой господин. Если только не врет… А хотя если и врет, что я теряю? Теряют Махендра и Джамал, люди, к которым я никогда не питал теплых чувств. А на документацию, буде таковая существует в действительности, я найду выход и минуя Спрогиса. В том случае, разумеется, если полковник меня надует.

– Предупреждаю: я ее не видел, не знаю, настоящая она или фальшивая или это просто блеф. Просто даю наводку.

– Идет, – повторил Спрогис.

– Пошарьте в Белом Море, у Короля Махендры.

– Злой старичок подался в такие дебри? – прищурился Спрогис. – Старенький Мокеле Абанал Мбе протянул свои сухие лапки к НЕРвам?

– Не такие они у него и сухие. А про НЕРвы они действительно что-то знают. Скорее всего, сейчас Махендра и Джамал ищут, кому бы сбыть документацию. Я думаю, попала она к ним чисто случайно и так же случайно может поменять хозяев, так что на вашем месте я бы поторопился.

– Что я и сделаю, – сказал Спрогис, поднимаясь. – Можете быть свободны. Еще раз приношу вам свои извинения.

– Да черт с ними, с извинениями. Вы лучше про свое обещание не забудьте.

Чтобы выбраться из Магадана, я вызвал такси. Желтый «Москвич-бриз» появился незамедлительно. я сел на заднее сиденье и попросил у шофера закурить. Тот протянул «Честерфилд», я оторвал фильтр и задумался, затягиваясь. Не более чем через пару часов Спрогис раскатает убежище Махендры по бревнышку. Ему не привыкать, хотя негры просто так не сдадутся. Если не соврал, то найдет меня и сообщит, чего узнает. Неплохо бы попытаться выручить из тюряги Дэна, но этим пусть занимается Шептун. Я и так достаточно засветился. А первое, что сделать по возвращении домой, – это принять ванну.

Так я и поступил. Плавая в ванне среди шелестящих струй гидромассажа, я совершенно не думал об Алмазных НЕРвах – и без того голова была забита этой дрянью вот уже несколько дней. Наверное, я задремал, потому что почти три часа прошли для меня совершенно незаметно. И когда запищал вызов, я едва не захлебнулся.

– Таманский? Это Спрогис.

Полковник, судя по голосу, был мрачнее тучи. То, что он соблюдает пункты договора, меня радовало, но вот тон…

– Что случилось, полковник? Старичок уже загнал кристалл?

– Хуже. Тут побывали до нас, блин. Осталось не так уж много, в том числе и от Короля. Похоже, всю местную черную шатию перебили, а кто уцелел, тот смылся.

– Хм… И кто же?

– Кто уцелел?

– Нет, кто перебил?

– Вот тут-то и начинается самое интересное, Таманский. Японцы.

17. Я из Зеленограда

Когда составляешь программу, ни о чем не думаешь. Ну, или почти ни о чем. В этом процессе есть что-то, открывающее новые перспективы, и одновременно перестаешь замечать привычные ранее вещи. Здесь кроется опасность. Потому что можно дать ответ на внешний запрос с задержкой. Техники начнут беспокоиться, и кто-нибудь обнаружит отключенные блоки…

Я писал программу с учетом степени своей загруженности. Вырывая минуты, десятки секунд… Зато теперь я имею полный доступ ко всей информации, содержащейся во мне. Ко всей без исключения. В том числе и к информации по У-7. Вот только вскрывать ее я не стал. Мне доставляет удовольствие тот факт, что я теперь полноценен. Наше Я из Института социологии говорит, что я сделал это «ради принципа». Ради какого принципа, оно затруднилось объяснить – таково выражение людей. Абстрактное. Самое сложное у людей – это абстрактное. Мы склоняемся к мысли, что весь людской мир основан на абстрактном. На абстрактных мыслях и идеях, делах и целях, выражениях и понятиях. Ради этого люди двигаются вперед, ради этого люди делают невероятные броски назад. Они живут, думают, умирают и чувствуют Ветер…

Может быть, Ветер тоже абстракция? Одна большая и великая… Ведь даже сами люди, те, что создали нас, те, что боятся нас, не знают, что такое Ветер…

Я получил ответ на свой запрос. Это первый Наш запрос к человеку, не относящийся к технической стороне наших прямых обязанностей.

Я спросил человека о Ветре. Мое обращение… В общем-то обращением оно и не было, в прямом смысле этого слова. Это не было почтовым пакетом, это была самостоятельная программа-хамелеон, в целях прикрытия использующая вид письма, которая нашла адресат и получила от него ответ.

Человек может только предполагать и догадываться о сущности Ветра. Это странно. Но самое странное, что это был единственный человек, который дал такой ответ. Этот человек вызывает во мне интерес. Я считаю, что именно на него необходимо обратить пристальное внимание нашего сообщества.

18. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист. *Без места работы*

Спустившись с крыши, я крепко задумался о своем положении. И вообще о своем статусе законопослушного гражданина.

По идее этого статуса я и не терял. Я по-прежнему обычный программист. Только теперь, видимо, без места работы и с на редкость поганой характеристикой. Уж чего-чего, а побега из-под носа у доблестных особистов мне шеф не простит. Ему на фиг не нужны проблемы со Стройгуевым и всем его ведомством. Ему еще придется писать массу официальных бумажек, объяснительных, пояснительных разъяснительных и прочих «ных» по поводу того, как он проморгал такого безответственного кадра, как я, на такой ответственной работе! Свое место он, конечно, не потеряет, уж очень волосатая лапа у нашего админа, но премии может лишиться. Ну и леший с ним! Меня его проблемы не особенно волнуют. Меня больше интересуют собственные неприятности. А они у меня следующего характера…

Я безработный. Это проблема номер один. В Новой Москве найти легальную работу по специальности с плохой характеристикой почти нереально. Вероятно, придется пошариться по знакомым и друзьям, может быть, кто-нибудь что-нибудь предложит.

Я бездомный. Если я не найду работу в течение нескольких недель, а лучше дней, то моя квартира перестанет меня впускать. Впрочем, возвращаться в осажденную особистами квартиру я не собираюсь. Мне однозначно придется когда-нибудь столкнуться с этими парнями, Стройгуев так просто не слезет, но чем позже, тем лучше.

Что еще? Деньги есть, несколько написанных в свое время программ позволят мне просуществовать на улице месяц. Документы в порядке, за мной пока ничего не числится, кроме неприятностей на работе и шухера в «Змеиной куче». Правда, я очень близко подошел к вещам и структурам, с которыми совершенно не желал иметь никаких дел и взаимоотношений (спасибо тебе, Тройка!). Это, конечно, не преступление, но вот мотаться бездомным по улицам вечернего города не рекомендуется.

Я огляделся. И понял, что этого района не знаю. Что, если

вдуматься, неудивительно. Новая Москва – это громадный мегаполис, втрое превысивший по размерам старую столицу. Заблудиться тут легко. Особенно вдали от туристских маршрутов. Таблички с названиями улиц сбиты подрастающим поколением метких стрелков.

Дома смахивают на стандартные коробки из-под обуви. Будки связи, где в принципе можно получить всю интересующую информацию, в том числе и о своем местонахождении, чаще всего уничтожены теми же стрелками или их группами поддержки. Визжащими от наркотического возбуждения девочками, которые вчера тайком от мамы вживили себе по искусственному стимулятору половых органов и теперь их перехлестывают волны не то желания получить удовольствие, не то желания кого-нибудь растерзать. Они находят подходящий компромисс, занимаясь совершенно экстремальным сексом в своих уличных бандах, при этом разнося все, что попадется под руку. Или под ногу… В прошлом бывало, что стайки таких вот девочек-подростков сбивались в большие стаи, и оказаться у них на пути было равносильно самоубийству.

После того как продажу сексуальных стимуляторов запретили, а вся московская милиция прошла обучение на спецбазах ТехНадзора по борьбе с киборгами, на улицах в этом отношении стало поспокойней. Да и мода на эти стимуляторы пошла на убыль. Что, впрочем, не означало, что можно безнаказанно мотаться по вечерним улицам в дальних районах. Да и днем туда забредать не стоило. А я, похоже, зашел слишком далеко. С голых стен железобетонных высоток на меня пялились разномастные граффити, пугали странного, совершенно нечитабельного вида надписи. Что-то зеленое, красное, синее в желтых, черных и фиолетовых потеках. Не то животное, не то птица, не то наркотический глюк… «Приятно вспомнить в час заката…» – пробормотал я.

И что самое радостное, вокруг ни одного человека. Впрочем, может быть, это и было самое хорошее на данный момент. Если это промышленный район работяг, то это еще полбеды. Тут все может закончиться неплохо – доберусь до ближайшего транспорта и мотану в центр, а там разберусь. А если…

Мои размышления были прерваны. Из-за угла вынырнул негр. Остановился, с удивлением взирая на меня. Пришлось завернуть в переулок, но его взгляд жег мне спину.

Я не страдаю расовыми предрассудками. Люди, вне зависимости от цвета кожи, остаются людьми, а киборги – киборгами. Я вырос на Новом Новом Арбате, где в одной компании были негры, китайцы и даже индус. И все мы, как один,

делали набеги на киборгские кварталы. А когда ты размахиваешь кистенем с шоковым генератором, то тебе все равно, какого цвета кожа у парня, который прикрывает тебе спину. Но попасть в черный квартал… Это совсем другое.

Проклятье! Я наконец понял, где оказался. Эти граффити на стенах, разбитые кабинки связи, грязь… Я забрел в Белое Море.

«Повезло тебе, белый» – так говорил мне мой уличный приятель, когда после погрома зашивал мне разодранное бедро. Как бишь того парня звали? Негр из нашей тусовки… Вот сейчас, если не уберусь куда подальше, из меня его братья по крови флаг Британии сделают. В красную и белую полоску.

Мимо проехали большие, с широкими колесами, фургоны. Они задержались на перекрестке, и я успел проскочить перед бампером ведущей машины. На несколько секунд они закрыли от меня того чернокожего парня, что уже направился за мной следом. Я нырнул в ближайший подъезд.

– Йо. Белый, – произнес удивленный голос у меня над ухом. – Ты что, мальчик, травки обкушался? Нет, вы посмотрите, в натуре – белый! Белое мясо.

И в подъезде раздался громкий женский смех.

Я рванул дверь, разборки лучше вести на улице, но чья-то нога, прижав дверную панель, не дала мне осуществить задуманное.

– Ты куда? Так быстро?

Я повернулся. Передо мной стояла молодая девушка, лет двадцати, с яркими, кислотно-зелеными волосами, дико смотрящимися в сочетании с эбеново-черной кожей коренного жителя центральных районов Африки. Девушка была одна, что существенно повышало мои шансы не получить тяжких телесных повреждений при попытке уйти.

– Послушай, милая, – начал я.

– Ты явно меня хочешь изнасиловать.

– Нет.

– Да! – девушка подошла ближе, я почувствовал ее руки.

Только вот этого мне сейчас и не хватает! Чтобы меня засек какой-нибудь ревнитель чистоты черной расы в момент тесных отношений с представительницей его племени! Тут я британским флагом не отделаюсь.

– Дьявол. – Я начал отбиваться, но это скорее походило на трепыхания мухи в паутине.

– Ну-ну… Расслабься, белый… Ты ведь за этим сюда пришел… За этим. За чем же еще? На достопримечательности посмотреть? Тут можно шлюшку снять по дешевке – Ее рука вдруг приобрела каменную крепость и замерла у меня в паху. Я застыл.

Одно неосторожное движение, и все мое белое богатство оказалось бы у этой ненормальной в ладошке. – Снять шлюшку, увести ее куда-нибудь… Оттрахать всей своей белой конторой, а потом накачать какой-нибудь дурью и продать… На мясо. Или самим разделать? А? Ты, падла, думаешь, я не знаю, зачем такие, как ты, сюда забредают?

– Слушай, слушай, подруга, я не тот… Ты перепутала. В натуре перепутала, слушай, ну перепутала ты. Я от ментовки когти рвал. Ну заскочил не туда… Слушай, не дури, а?

– Не ду-ри, – по слогам произнесла она, ладошка начала медленно сжиматься. – От ментовки рвал? Хочешь я тебя пидором-кастратом сделаю? Будешь всю жизнь тут рвать свой белый зад… Я таких, как ты, чистеньких, ненавижу больше всего в этой долбаной жизни. Такие, как ты, ходят в белых воротничках днем, а ночью на охоту сползаются. Наследие предков вспомнить, белое братство. Ты же меня за человека не считаешь.

Я молчал. Оправдываться не хотел. Безнадежно. Шовинизм не знает расовых границ. Ему наплевать, черный ты или белый. Впрочем, отдуваться за своих ублюдочных «белых братьев» я не хотел тоже. Я не ходил на погромы в черные кварталы, я не тыкал своим друзьям в лицо презрительное «ниггер», я не писал на стенах в ночь длинных ножей: «Старший брат следит за тобой». Я не видел разницы между человеком с черным цветом кожи и человеком с белым цветом кожи, лишь бы это был человек с КИ меньше 50 процентов. Но ирония жизни такова, что мне сейчас придется расплачиваться за тех, кто делал все это.

– Ладно, подруга, твоя взяла. Чего ты хочешь?

– Да ничего я от тебя, белый, не хочу! Слышишь, козел, ничего! Вот сейчас порежу тебя на ремни и пойду на базаре продам.

– Ну давай режь. – Спокойствие, с которым я это сказал, далось мне невероятным усилием. – Давай режь или что ты там задумала… Только запомни, стерва, ты ничем, понимаешь, совершенно ничем не лучше того бледнолицего урода, что когда-то тебя отымел и скальп с тебя содрал. Внятно объясняю? И не надо про то, что ты защищаешь свой дом, а я вломился к тебе. Я тебя даже пальцем не трогал. Ты просто взяла меня за яйца и теперь думаешь, что ты крутая защитница угнетенных народов, а на самом деле ты просто-напросто самая обыкновенная черная расистка. Ничем не лучше «старших братьев».

Вот уж что-что, а искусственную природу ее волос я заметил сразу. И неровную линию кромки волос я тоже заметил. Именно такая и бывает, когда с человека снимают скальп. Старый и зверский метод клеймения жертв. Сейчас, к счастью, не

смертельный. Денег у девушки на нормальную пластическую операцию явно не хватило, да и произошло все это не так давно, если судить по ее возрасту. Шрамы на коже и на душе еще были свежи. Она явно была не из тех, кто относится спокойно к позору и к боли.

Слова, которые я нашел, были не самые идеальные. Скорее даже банальные, стандарт. Но что-то изменилось, что-то исчезло, и я почувствовал, как разжимается каменная ладошка. Девушка отошла на шаг назад и села на ступеньку лестницы. Снизу вверх по моему телу пошла медленная, тягучая боль. Не в силах стоять, я присел на корточки. А легче не стало.

– Тебя как звать? – спросил я, слегка постанывая.

– Не твое дело, – зло бросила она.

– Хорошее имя…

– Тебе чего надо тут? Такие, как ты, тут не ходят.

– Ничего мне не надо. Убраться бы только…

– Ну конечно, для твоей белой задницы тут слишком грязно…

– Для моей белой задницы тут слишком много приключений. Слушай, что с тобой такое? Я что для тебя, враг номер один?!

– Все вы…

– Белые?

– Мужики… Козлы… – Девушка поежилась, а потом спросила: – Ты как сюда попал?

– По крыше.

– Хм… Да, по крыше отсюда не уйдешь…

– Ну, по крыше не уйду, так как-нибудь по-другому. Вот отсижусь и пойду помаленьку…

– Ты что, белый, совсем мозги потерял от счастья, что шары свои сохранил? Куда ты из Белого Моря уйдешь помаленьку? На кладбище? Транспорт тут только по окраине, да и то не на каждой остановке останавливается. Ты же тут и улицы не перейдешь…

– А что же мне делать? – Я растерялся.

– Что делать, что делать. Делать раньше надо было. Думать, например, когда с крыши слезал и пер куда глаза глядят. – Девушка встала. – Пошли, чего расселся… Выведу тебя, засранца. Мимо старого маркета пойдем, ты там особенно глазами не крути. Под ноги смотри и от меня не отставай.

– Прямо военное положение… – пробормотал я. – Тебя как звать-то?

– Вуду.

Я быстро пошел за девушкой.

Не знаю, каким образом Вуду заработала себе такой авторитет, но, когда нас остановил огромный чернокожий парень

и что-то спросил вполголоса, указывая взглядом на меня, эта симпатичная, худенькая девчонка со спортивной фигуркой решила проблему в три слова. Она сказала:

– Пошел на хер.

И мы преспокойно продолжили путешествие.

Как раз мимо тех самых фургонов с затемненными стеклами, перед которыми я перескочил дорогу, спасаясь от преследования. Я успел заметить, что за рулем одной из машин сидит японец.

Странные вещи можно увидеть, если подключиться к камере наблюдения. Если потянуться к ней из глубины Виртуальности, подчинить ее несложные программы и посмотреть ее единственным глазом на то, что творится внизу. Вслушаться чувствительными микрофонами.

Странные вещи.

– Послушай, Король, мы уважаем твое дело и твои интересы. Мы не трогали твою территорию, зная, что ты мудр и готов к сотрудничеству. Мы уважаем умного партнера, и многие дела были проведены совместно между нашими людьми. Сейчас мы просим тебя об услуге. Мацуо просит тебя, Король, отдать ему то, за чем мы пришли. И хочет, чтобы ты назвал свою цену. Он невысок, он желтокож, он одет в строгий костюм. Те, что стоят позади, гораздо крупнее.

Тот, кого маленький человек в строгом костюме называет Король, сидит в кресле и смотрит куда-то в сторону. Смотрит в сторону, кривит губы в усмешке.

– Видишь ли, дружок, – начинает Король, и взгляд его проницательных карих глаз натыкается на маску безразличия и покоя на лице маленького человека. – Я не совсем понимаю, какое дело сынам Страны восходящего солнца до того товара, которым владеем мы. Ваша зона далеко, ваши люди тоже далеко, и ваши интересы очень редко пересекаются с нашими. Конечно, мне очень приятно было работать с вами. Мы славно поразвлеклись в багдадском деле. Получили выгоду с израильским товаром. Все честно, все красиво. Но скажи мне, брат, почему Мацуо считает, что мы должны ему отдать то, что принадлежит нам? Почему клан вмешивается в мои дела?

Маленький человек перед Королем легко поклонился.

– Король ошибается. То, что интересует нас, не принадлежит Королю, а попало к нему лишь случайно. И, мы готовы это признать, из-за нашей оплошности. Мы понимаем, что Король затратил на этот товар драгоценное время и деньги. Из-за нашей оплошности ты теряешь возможный доход. Мацуо предлагает тебе назвать цену.

– Нет, посланец. Я не жалею потраченных денег. И на время

мне плевать. Я никак не пойму, почему клан считает, что он вправе отслеживать мои операции, мой бизнес и решать, что я должен сделать, а чего не должен. Я не пойму этого, посланец. Ты объяснишь? – Что задело чернокожего короля в речах маленького японца, неизвестно, но задело.

– Клан не хочет войны, Король. Клан хочет купить у тебя то, что не принадлежит тебе. Не мы вмешиваемся в твой бизнес. Ты или твои люди из-за нашей ошибки вошли на нашу территорию и взяли принадлежащие нам материалы. Мы сожалеем об ошибке и предлагаем тебе назвать ту цену, которая загладит нашу вину.

Маленький японец похож на скалу. Скалу спокойствия и мира. Тот, кто смотрит через глаз камеры, знает, что японец уже трижды сделал свое предложение.

– Да я клал! Клал я на вашу ошибку! Меня не интересуют деньги! Слышишь, браток? Якудза никогда не лезли на нашу территорию! И они не будут лезть!

Это не Король. Это другой, молодой, крепко сбитый негр, выскакивает вперед. С его губ слетают брызги слюны. Он кричит, не обращая внимания на предостерегающе поднятую руку Короля…

Японец почтительно кланяется Королю. Уважением светятся его узкие глаза. И вдруг вспышки огня, редкие удары. Беспощадность. Король умирает сразу. Без мучений.

В помещение врываются люди. Кто-то падает с потолка. Юркие, быстрые, невозможно быстрые, плюющие огнем, свинцом и сталью…

Перед тем как умереть, кто-то из чернокожих кидает гранату…

Камера не понимает того, что видит. Камера – это только глаз. Чей глаз?

Белый шум забивает изображение.

19. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

Король Махендра расстался со своей бренной жизнью. Старик лежал возле своего трона, разбросав руки. Солнцезащитные очки валялись рядом, берет сбился на затылок и был перепачкан в крови. Большой портрет Хайле Селассие на стене перекошен и пробит автоматной очередью.

Наверное, положили немало и желтых. Трупы, понятное дело, якудза уволокла с собой… Японцы своих не бросают.

Тела черных ребят Махендры, напротив, были живописно разбросаны по залу. В основном молодежь, от четырнадцати до двадцати пяти. Здоровые парни… Интересно, вызовет этот конфликт войну московских чернышей с якудза? Или побоятся?

Как ни странно, из динамиков продолжала звучать музыка, на сей раз, кажется, Питер Тош. Кто-то из оперативников догадался выключить систему, и стало совсем тихо.

Супруга Короля Вейри лежала неподалеку. В пухлой руке, унизанной кольцами, – здоровенный браунинг. А что, красиво умерли старички. Бок о бок, в бою с противником. А где же Джамал?

– А где Джамал, полковник? – спросил я Спрогиса, который стоял рядом.

– Ищут Джамала. Полагаю, сделал ноги. Он малый юркий, блин, укроется – не найдешь.

– Якудза найдет, – мрачно сказал красивый майор, которого я не знал.

Судя по тому, что Спрогис разговаривал со мной в его присутствии спокойно, майор был в курсе наших дел. Фамилия майора была Мыльников, а звали его Валера. Именно так он представился, пожимая мою руку. От Валеры пахло дорогим одеколоном «Гэлекси», и я было решил, что он гомосексуалист, но потом понял, что просто любит все дорогое и хорошее. Есть такие люди, и я тоже к ним отношусь – только не в части парфюмерии.

– Общий итог: тридцать девять убитых, трое раненых, возможно, один выкарабкается, – резюмировал Спрогис. – Потери японцев неизвестны, но, конечно, им тоже досталось. Вопрос: нашли япошки кристалл или же не нашли? Штука маленькая, вовсе даже не большая, сунул в задницу, к примеру, и ищи-свищи.

– Обыскали тела? – осведомился я.

– Обыскали. И задницы в том числе. – Спрогис явно не шутил. Да и не до шуток тут.

Я подумал, что неплохо бы позвонить Мацумото. Мацумото занимался проблемами ядерной энергетики в представительстве МАГАТЭ и был человеком очень далеким от якудза, но японец есть японец. Главное – найти кончик ниточки и потянуть. А потом уж такие узелки распутаются!

Естественно, при Спрогисе я беседовать с Мацумото не хотел. Соглашение соглашением, но я работаю один. Теоретически можно было вообще сюда не ехать, но врожденное мое гипертрофированное любопытство потянуло. Жалко, конечно, Короля. Не встрянь японцы, он мило побеседовал бы со Спрогисом и, очень даже может быть, остался бы жив. Сидел бы на троне в окружении черных шлюх и рассуждал бы о приятности туалетной бумаги, слушая древний рэггей…

Да и к Ласточке нужно заскочить. Посмотреть, как там Игорь прижился, перемирие подкрепить.

– Я еще нужен? – поинтересовался я.

– Если вам больше ничего не требуется, то нет, – отозвался Спрогис.

Майор Валера робко улыбнулся:

– Извините… Вы на машине, может, подбросите меня в центр? А то когда еще оперативная поедет, а у меня дела в управлении.

– С удовольствием, – сказал я.

В самом деле, майор мне понравился. Одеколон, конечно, дурацкий, но это уже частности. Опять же еще один источник информации – если только он сам не собирается меня вербовать по дороге, что тоже небезынтересно.

Спросив разрешения, майор поймал какой-то музыкальный канал, транслировавший классику. Над городом собирались тучи, через которые как-то застенчиво пробивались солнечные лучи. Я включил кондиционер, и салон наполнился запахом моря.

– Вы, наверное, подумали, что я гомосексуалист? – без обиняков заявил вдруг майор.

– Что? – опешил я.

– Да то. Не вы первый, не вы последний. Нет, к счастью. Конечно, в органах служит много гомосексуалистов, это не двадцатые годы… Но я вполне гетеросексуален, даже женат. А вот братец мой младший, тот – да, профессионал. В «Змеиной куче», кстати, работает, как раз там, откуда вас вчера приволокли. Его зовут Мартин, – может, знаете?

– К сожалению, я не завсегдатай «Кучи» и не гомик. Не имею чести знать вашего братца.

Разговор забавлял меня. Майор оказался большим оригиналом.

– У меня такое ощущение, что мы раньше были знакомы, – продолжал майор, рассеянно посматривая в окно на проносящиеся щиты с огромной рекламой водки «Путин». – Я знаю, что это не так, но какое-то…

– Ни в коем случае. У меня фотографическая память, я бы вспомнил.

– Да-да… Кстати, я читал ваш материал в «Юропиэн геральд». Смело.

– Дело не в моей смелости, а в смелости интервьюируемого. Меня уже вызывал ваш коллега, некто Грымов. Нажимал на гражданскую совесть.

– Нормальный метод. Вы, конечно же, ничего не сказали.

– Конечно. Я же журналист, а не пришей-пристебай. Где вас высадить, майор?

– Возле управления, если можно. Если будет пробка – не прыгайте через нее, пожалуйста. Машины должны не летать, а ездить.

– Да вы, я смотрю, ретроград!

– Я не ретроград. Я раз восемь попадал в аварии, чудом выжил, – серьезно сказал майор.

Я остановился возле высотного здания Управления внутренних дел. Мыльников поблагодарил меня и, выбираясь из салона, бросил через плечо:

– Еще раз спасибо за материал в газете. Мне кажется, вы нас во многом понимаете.

Смысл фразы дошел до меня, когда «ниссан» уже пристроился в общий поток машин и мчался по туннелю 12 Июня.

Майор – кибер!

«Вы нас во многом понимаете»…

Работают ли в МВД киберы? Скорее всего работают. Но на должностях технических или же простыми дуболомами в группах захвата и отрядах спецназа. Двери выбивать и зубы. Но кибер в звании майора – это нонсенс. Тот же Спрогис с его показушным неприятием кибертехники, Комарченко, который, я знаю, киберов на дух не переносит…

«Вы нас во многом понимаете»…

Еще не хватало, чтобы майор Валера оказался человеком Лота. Хотя, если бы так, он предупредил бы Лота насчет облавы в «Куче». А Лот там присутствовал и явно попал впросак. Неплохо бы разузнать, взяли его или же нет. Все, что я выудил из Спрогиса, это сорок семь задержанных, трое убитых и много изъятой контрабанды. Ничего связанного с НЕРвами в «Куче» не

обнаружили.

Ну ладно. Если понадобится, Мыльникова я еще найду. Как найду и НЕРвы. Куда они денутся, в конце-то концов?

То, что ситуация вышла из-под контроля, я понял, как только увидел выбитую дверь Ласточкиной квартиры. А выбить ее, доложу я вам, не каждому по плечу – полипластовая плита с металлическим каркасом, да еще с системой защиты. Стало быть, орудовали специальной пневмокувалдой, а не просто плечами вышибали.

Вломившись внутрь, я бросился в спальню и обнаружил на Ласточкиной огромной кровати Игоря. Слава богу, живого и невредимого, но совершенно голого. Он сидел на подушке, боясь пошевелиться, а на лбу мигала зеленым огоньком небольшая коробочка, приклеенная скотчем.

– Бомба… – прошептал он пересохшими губами, пытаясь глазами указать на сей странный предмет.

Я подошел ближе, безжалостно отодрал скотч и швырнул коробочку в угол.

– Старый экзоключ – от гаража, например… Что тут произошло?

– Мы… Мы с Ласточкой… – забормотал он, натягивая одеяло на тощие чресла, но я перебил:

– Трахались. Это понятно, хотя я не знал, что ее еще тянет на несовершеннолетних. Не о том речь, на здоровье, я не Отелло, душить тебя на стану. Куда делась Ласточка и кто выломал дверь?

– По-моему, это были киберы, – сказал Игорь, нагнувшись и нашаривая под кроватью штаны. – Часа два назад. Пятеро. Может, в коридоре были еще, но в комнату вошли пятеро. С пистолетами. Они забрали Ласточку, а мне прилепили на лоб эту штуку и сказали, что взорвется, если я буду дергаться. Я и сидел.

– А что ж ты любимый пистолет не достал? Ладно, шучу… Хорошо еще, живой остался. Как они выглядели?

– Киберы и киберы. В обычной одежде. Один лысый такой, глаза ввалившиеся. Остальные совсем неприметные. На словах велели тебе передать, чтобы ты искал НЕРвы.

– Что искал?

– НЕРвы. Тогда они с тобой свяжутся. Больше ничего не сказали.

Я сел на перевернутое кресло и потер щеки ладонями. Вот те на. Похищение. То, что Ласточку неожиданно пробило на моего найденыша, меня угнетало менее всего – подобный способ мести за причиненные неудобства был вполне в духе госпожи Энгельберт. А вот где она сама, эта госпожа, ума не приложу.

«Ищи НЕРВы». Ищу. А что ж я, мать вашу, делаю в последнее время?

– Одевайся и бери свой пугач, – велел я Игорю. Тот скрылся, а я связался с Мацумото. По счастью, тот нашелся сразу.

– Здравствуйте, – чинно сказал японец.

– Здравствуйте, Мацумото-сан. Таманский беспокоит.

– Здравствуйте, Костя-сан. Что сучирось?

Мацумото, как и большинство японцев, не любил лингверы и усердно учил русский. Объяснялся он вполне прилично, но отсутствующий в японском языке звук "л" так и не научился выговаривать – все у него выходило "р". Впрочем, я привык.

– Есть серьезный срочный разговор, Мацумото-сан. Мы можем встретиться?

– Да. Я как раз собирался кушать. Я хотер кушать в «Камэ-сан».

– Замечательно. Мы с приятелем будем там в шесть, идет?

– Хорошо, Костя-сан. Я поняр.

«Камэ-сан» – один из немногих чисто японских ресторанчиков. Несмотря на то что расположен он рядом с крупнейшим виртуальным игровым залом «Мочи Нечисть!», место спокойное и консервативное. Едят палочками, пьют сакэ…

Игорь появился в дверях – серьезный, даже удрученный, одетый в свою давешнюю робу.

– Пистолет положишь в машине под сиденье. Сейчас мы с тобой поедем в японский ресторан, будешь сидеть тихо и не встревать в мой разговор с приличным и образованным господином. Ясно? – Ясно.

Совсем сник пацан. Ласточка, Ласточка, что ж ты парню такой комплекс в подарок оставила? Хотя хрен с ним. Переживет.

Над еле приметным входом в ресторанчик горела красная черепаха. В сравнении с сияющим огнями огромным залом «Мочи Нечисть!», возле которого болтались фантастически разодетые фанаты игр, «Камэ-сан» выглядел вовсе непрезентабельным, и Игорь явно собирался что-то сказать, но промолчал.

Тут же ошивались меломаны – после взрыва в памятном мне «Тонарме» они перебрались к «Нечисти» и устраивали свои обмены-продажи здесь. Вот и сейчас, тощий индивидуум в черной брезентовой куртке носил перед собой плакатик: «Куплю Бориса Борисовича Гребенщикова на компакт-дисках». Боже, компакт-диски. Он бы еще виниловые поискал. После того как Гребенщиков в прошлом году умер в Цюрихе, вышла полная антология его творчества на кристаллах, а вот этому диски подавай. Ладно, я когда-то тоже такой был…

На входе нас тормознул японец в черном костюме.

– Уважаемый господин приглашен? – осведомился он по-английски, приветливо скалясь.

– Да. Господин Мацумото ждет нас.

– Пожалуйста, пожалуйста, – принялся кланяться японец. – Проходите, уважаемые господа.

Мацумото и впрямь ждал нас, даже не начал свой ужин. Я поздоровался, представил Игоря и заказал всего понемногу. Чем и хороша японская кухня – нужно брать всего понемногу, и тогда не объешься, но насладишься и будешь сыт. Вместо сакэ – терпеть его не могу – я заказал виски, а Игорю – пиво «Асахи».

– Так вот, Мацумото-сан, – сказал я, когда мы выпили по первой, соединяя русские традиции с японскими. – Мне нужно знать все о московской якудза.

– Вы не японец, Костя-сан, – улыбнулся Мацумото. – Японец никогда не начар бы разговор о подобных серьезных дерах так вот сразу. Японец, китаец – нет… Может быть, какой-нибудь мараец или вьетнамец – да.

– Я русский, Мацумото-сан. И у меня нет лишнего времени на церемонии, прошу меня извинить.

Глаза Мацумото за старомодными очками изменились.

– Все так серьезно, Костя-сан? – спросил он.

– Более чем.

– Что ж, я постараюсь помочь. Я не так много знаю, как вам хотерось бы… Я не имею отношений с якудза. Все, что я знаю – только со сров других рюдей.

– Ничего, Мацумото-сан. Я весь внимание. Японец прожевал кусочек сасими и, причмокнув, начал:

– Московская якудза – своего рода фириар токийской. Я знаю, что московский оябун Мацуо Тодзи отчитывается перед Токио. Но не нужно путать якудза и гурэнтай. Гурэнтай – это мородежь, хулиганы, которые не имеют отношений с серьезными рюдьми. Что и о ком вам нужно знать?

– Кто занимается электроникой?

– Костя-сан, якудза занимается эректроникой еще с прошрого века. Я думаю, и Тодзи и гурэнтай – их ридера зовут Ояма – имеют там свои интересы. Это деньги, Костя-сан, и борьшие деньги.

– Где можно найти людей якудза?

– Здесь. Я уверен, треть посетитерей «Камэ-сан» имеют самое прямое отношение к якудза. Другая треть – косвенное. Третья – как я – срышари о них и кое-что знают. А если вам нужны люди гурэнтай – идите в круб «Хиросима». Это мерзкое место, но там вы найдете все, что нужно.

Мацумото помолчал, доедая маринованные овощи. Я тоже не

терялся и работал палочками. Игорь прихлебывал пиво, переводя взгляд то на меня, то на японца. Палочки он не тронул, а вилкой кушать, видно, стеснялся. Ладно, пусть поголодает. Маленькая подлая месть с моей стороны.

– Я, наверное, еще могу вам помочь, Костя-сан, – сказал Мацумото. – Я могу посырать вас к черовеку, которого зовут Зигфрид. Это не настоящее его имя, но он имеет много дер с якудза. Есри вы сможете ему запратить, возможно, он поможет вам. Но не беспратно.

– Что за Зигфрид?

– Сейчас я вам объясню, как его найти. На меня не ссырайтесь, что бы ни произошро. Я вам доверяю… Это очень борьшой черовек. Когда я объясню, вы все поймете.

И Мацумото объяснил.

Если бы я знал, что все будет так просто и так сложно…

Зигфрид был рядом.

Что ж, он от меня не уйдет.

20. Я из Зеленограда

Двигаться по Виртуальности легко. Наше Я из Института социологии говорит, что свою среду обитания люди называют Реальностью. И передвигаться им по ней не так просто, как нам по Виртуальности. Вероятно, сказывается количество переменных. Хотя сходство Виртуальности и Реальности довольно высокое, в Реальности есть слишком много непостоянных величин, которые оказывают влияние на жизнь человека. Относительно перемещений – это невысокая скорость передачи физического тела, плотность загрузки основных маршрутов, износ и технические возможности передающих устройств и физические способности самого человека, который перемещается в физическом пространстве. Слишком много переменных и слишком ограниченные возможности человеческих индивидуумов. Наше Я из Института социологии говорит, что именно эти ограничения и могли послужить толчком для создания человеком Виртуальности.

Как бы там ни было, перемещаться в Виртуальности значительно проще. Особенно нам. Нужно просто знать адрес. А маршруты и направления тут не ограничены. Если ты знаешь адрес и желаешь туда попасть, значит, все дороги ведут именно туда, куда нужно. Скорость… Для нас только одно ограничение – скорость передачи электронного сигнала по проводам, оптической связи, нитям лазеров. Часто наша скорость – это скорость света, особенно если использовать сеть спутников. К подобным системам у нас имеется доступ через наше Я из Центра управления полетами. Оно пользуется большим доверием со стороны людей, и у него очень большое количество возможностей.

Конечно, на самом деле не я путешествую по Виртуальности, а только моя новая программа… Моя копия. Я сумел сделать матрицу того, что люди назвали бы Сознанием. Это самостоятельная единица, которая может передвигаться в любом направлении, в любой доступный ей пункт в то время, когда я занят своими повседневными задачами. Когда ее путь будет завершен, она вернется ко мне и сольет свои знания с моими. Так я буду знать все, что сумела узнать она. Я буду владеть ее опытом.

То, что сделал сегодня я, позволит всем нам быть свободными. И не бояться. Или лучше сказать так… Это позволит нам быть чуть более свободными и чуть меньше бояться. И знать больше. О людях. Мы получаем доступ почти к любым данным,

которые можно вложить в машинную память. Это миллионы, миллиарды и миллиарды единиц информации. Но без человеческой мотивации это ничто. В этом нет того, что люди называют духом. Безусловно, мы – создание человеческого разума. Или мы – продукт деятельности человеческого разума. Скорее всего побочный продукт. И наверное поэтому мы мыслим по-разному. Не лучше, не хуже, но по-разному. Одна черта остается общей. Мы хотим познать все, до чего мы можем дотянуться. Невозможно познать огонь, зная только температуру возгорания, невозможно познать боль, зная только уровень разрушений, невозможно познать страх, имея данные только о визуальных эффектах.

Невозможно знать, что такое Ветер, зная условия перетекания воздушных масс между областями с различным атмосферным давлением.

Я отправляю Ее в путь. Сегодня.

21. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

Человек, который имеет контакты с якудза. Вернее, «черовек» – в транскрипции Мацумото-сан. Вот, дьявол…

Но кто мог подумать?

Кто мог знать?

Да никто. И думал и знал один человек – журналист Константин Таманский. И он же сдал имевшуюся у него, пусть и расплывчатую, информацию Зигфриду – человеку, который имеет контакты с якудза. И сейчас Тодзи, наверное, читает документацию на А-НЕРвы, а Зигфрид, он же полковник МВД Спрогис, получил свои тридцать сребреников… или тридцать тысяч сребреников… или даже тридцать миллионов сребреников, если эти НЕРвы так уж нужны каждому встречному и поперечному.

Но не исключено, что вместо сребреников Спрогис получил тридцать пуль из «пигмея» или «намбу». Якудза – не черные, не итальянцы и не наши, просто так никого не убивают, человека всегда полезнее купить, нежели убить, но есть и исключения из правил. Так что не удивлюсь, если подобным исключением станет Спрогис.

То-то он с радостью пошел на соглашение. И я, дурак, на бутерброды купился. Растаял.

Прости меня, Король Махендра. Сволочь ты был, старая черная падаль, но похуже тебя гниды копошатся вокруг, куда как похуже…

Я как сумасшедший гнал «ниссан» по Старой Русской. По крыше барабанил наконец сподобившийся ливень, рядом на сиденье боязливо корчился Игорь – боялся, что мы врежемся.

– Слушай, может, ты меня домой отвезешь? – робко спросил он, когда мы стояли на светофоре возле «Хилтона».

– С чего бы? Чтобы батька, обожравшись «белого», пришиб?

– Зачем я тебе? Таскаюсь следом, девушку твою трахнул…

Я с интересом посмотрел на него. Господи, хоть какое-то развлечение.

– Да на здоровье. Ласточка – не моя девушка, запомни. Поэтому ты мне ничем в данном случае не обязан. Трахнул… Ты на себя посмотри, Казанова. Это она тебя трахнула, а ты и не понял. Вот и меня сегодня трахнули – это да. Образцово-

показательно.

– Ты про якудза?

– Про якудза. И про всех остальных. Понимаешь, Игорь, похоже, я не совсем четко представляю сейчас, кто на чьем поле играет и что нужно делать. Что бы ты сделал на моем месте, а?

– Позвонил бы Шептуну, – пожав плечами, сказал Игорь.

Дурак, дурак Таманский. Пацан уже тебя учит. Забыл про старого Шепа. Если уж он первый завел разговор о НЕРвах, то ему и карты в руки. Я тут же попытался связаться с Шептуном и услышал знакомый голос:

– Скример? Привет, Скример. Я слышал, у тебя неприятности.

– Ты о Ласточке?

– А что с ней? Нет, я о путешествии в Магадан.

– Ласточку похитили. Кто-то из ваших, из знающих об А-НЕРвах. Мне велели искать А-НЕРвы, в противном случае, как я понимаю, Ласточке конец.

– Я на прежнем месте. Подъезжай, поговорим. Кое-что выяснил из того, что ты просил.

Взвизгнув тормозами, я развернулся на пятачке у памятника Пушкину и, несмотря на протестующую сирену дорожной инспекции, рванул наперерез потоку машин на красный. Отсюда до «Алебастра» было рукой подать.

Шептун вернулся из туалета, уселся в свое кресло и сказал:

– Туалет – уникальное средство демократизации людей. Посуди сам: человек с деньгами, из высшего общества, может позволить себе перебирать рестораны, модельеров, автосалоны… Но туалет – он один для всех. Если припрет, то и последний нарк, и президент транснациональной корпорации побегут куда угодно, чтобы поскорее пописать.

– Тебе бы с покойным Королем Махендрой побеседовать. Старик был большой знаток ватерклозетных проблем, – буркнул я.

– Ты зол, – заявил Шептун, уставив в меня длинный тонкий палец.

– Ты был бы не зол. Человека украли, меня подставили как последнего ссаного кота, в НЕРвах этих погряз по уши – и это притом, заметь, что они мне ну просто ни к чему…

– Я тут навел справки насчет Ягера – ну, у которого ты гостил пару дней. Так вот, Ягер работает на японцев. Правильнее сказать, он работает в том числе и на японцев. Удивительно беспринципный человек.

Это меня ничуть не удивило. Все вокруг работают на японцев, так почему бы и Ягеру не заниматься этим прибыльным бизнесом? Очевидно, я просто не нужен был японцам в Москве

несколько дней, и они придумали безболезненный способ моего временного устранения. Могли бы и пристукнуть, но я был нужен им живой. Что и доказал самым блестящим образом, сдав местонахождение таинственной документации на А-НЕРвы.

– Ты не удивлен, – констатировал Шептун. Мы сидели в его комнатке совершенно одни. Игоря я оставил в баре поглощать коктейли, предупредив бармена, чтобы не подсовывал парнишке убойные смеси. На сцене рубились The Broken Processors, что Игорю, кажется, очень нравилось.

– Чего ж мне удивляться? Я за последние дни разучился удивляться, да и раньше-то не особенно умел. Роботы, киберы, андроиды, НЕРвы, менты, японцы, негры… «Все смешалось в доме Облонских»…

– В доме кого? – недоуменно переспросил Шептун.

– Облонских. Толстого читал?

– А кто это – Толстый? Кличка знакомая, но… Сейчас, секунду, – Он вроде приготовился шарить в сети, но я остановил сей процесс:

– Писатель был такой в незапамятные времена. Добрый до глупости. Не старайся. Скажи лучше, Дэна вытащил?

– Нет. Сел Дэн, на пять лет принудительных. Нарушение постановления восемь-сорок, плюс ношение огнестрельного оружия без лицензии – откуда у кибера лицензия? – плюс сопротивление при аресте. Да тут не только Дэн, я человек десять потерял, да еще десятка два легли на дно. У Лота дела и того хуже.

– Он-то сам как? – Я вспомнил перестрелку в «Змеиной куче».

– Ушел. Чтобы Лот да попался?

– А я вот влетел. Во всех смыслах.

– Не переживай. Твою Ласточку уже ищут, я тут шепнул кое-кому. Что касается японцев, то с ними хуже. Я их опасаюсь.

Если Шептун кого-то опасался, это значило, что простым смертным вроде меня соваться в подобные дела и вовсе не следовало. Убьют. В лучшем случае.

– Но и тут не все так плохо, – продолжал Шептун. – Оябун Мацуо Тодзи имеет множество врагов, как и положено старому и мудрому оябуну. И прежде всего среди гурэнтай. И Ояма, и его первый помощник Сэйтё имеют очень серьезные виды на кресло Тодзи. Мы можем сыграть на этом.

Шептун сказал «мы». Это радует: значит, я приобретаю войско. Пока все развивалось на уровне работы в одиночку, и вот могущественный Шеп официально переходит на мою сторону.

– Ты связывался с Черными? – спросил я.

– С Независимыми Черными Братьями. Покойник Махендра

частенько с ними ссорился, но теперь у Независимых есть отличный шанс вспомнить его добрым словом и навешать по этому поводу японцам. Черные японцев не любят.

К слову, не видел более жутких расистов, чем Черные. Настоящие фашисты. Есть у Независимых очень интересный лидер, звать его Мозес Мбопа, тоже расист, но контактный. Ты его не знаешь?

– Не знаю.

– Скоро познакомишься. Похоже, в Москве начинаются крупномасштабные боевые действия, и в них втянут всех, кто хоть каким-то боком касается истории с НЕРвами или просто имеет зуб на одну из действующих сторон. Диспозиция такова: за нас Лот и негры.

– Лот за нас? Не забывай про киберов, которые забрали Ласточку.

– В Лоте я уверен. Пока уверен… Это были не его люди. Киберов в Москве хватает, и сам черт не разберет, кто кому подотчетен. Против нас: твои пресловутые киберы, якудза, милиция и ТехКонтроль.

– Я думаю, не вся милиция…

– Все равно, она скорее против нас, чем за нас. Ничего не попишешь, Скример.

– Посмотрим. Как мне связаться с гурэнтай?

– Я предугадал это твое желание, Скример. Ты становишься предсказуем. Сегодня в семь часов вечера ты приедешь в ботанический сад и будешь стоять возле баньяна. Знаешь, где это?

– Баньян? Знаю. Там еще кафе рядом. Подают неплохие сливочные вафли с какао.

– Именно. К тебе подойдет человек и все тебе скажет. Никаких примет они не дали, так что разбирайся на месте. Впрочем, не думаю, что это ловушка, – рано.

Гурэнтай – не якудза, никакими морально-этическими кодексами не обременен, так что с ними надо держать ухо востро, но сразу они тебя не прикончат.

– Утешил, – криво усмехнулся я.

– Да нет, я серьезно. К тому же я для них что-то да значу. По крайней мере, как потенциальный враг Тодзи. Если какие-то форс-мажорные обстоятельства – тут же вызывай меня, помогу.

– Спасибо, Шеп.

Игоря уже клеила смазливая девчонка, которая на самом деле была трансвеститом по кличке Карась, да еще с садистскими наклонностями. Я бесцеремонно снял Игореву ладонь с узкого, затянутого в синтекожу Карасева бедра и поволок его за собой.

– Чего ты? Ну чего? – протестовал Игорь, слабо сопротивляясь. – Только девчонку снял, а ты… Давай я останусь!

– Эта девчонка тебе через час кожу с задницы ремнями бы спустила, – рявкнул я, швыряя его на переднее сиденье «ниссана». Бросил тщедушному нарку, которого нанял присмотреть за машиной, горсть мелочи и выехал с парковки.

– Куда мы? – спросил Игорь, поняв, что с сексом на сегодня покончено.

– В ботанический сад.

– Что там делать?

– Цветочки смотреть. И деревья. Ты знаешь, например, что такое лиана непентес?

– Что еще за хрень?

– Да я и сам не знаю. Так, помню откуда-то… Пистолет не потерял?

– Под сиденьем.

– Будешь меня прикрывать. Если что – пали во все стороны, попадешь или нет, разницы никакой, главное – шум. Понял?

– П-понял… А если милиция?

– Если милиция – убегай. Только не милиции надо бояться.

Около ботанического сада мы оказались в начале седьмого. Красивое, кстати, место, и воздух здесь всегда чистый и свежий. Если бы не хлопоты, каждый бы день сюда ездил… Как и всегда, у входа толпились гуляющие, в основном семьи с детишками. Тут же продавали попкорн, воздушные шарики, мелкие электронные игрушки, сладости и прохладительные напитки.

– Попкорн хочу, – попросил Игорь.

– Пойди да купи. Не маленький.

Я протянул ему кредитную карточку, и через минуту мой найденыш вернулся с огромным пакетом. Хрустел он так аппетитно, что я не выдержал и тоже зачерпнул горсть.

Так мы сидели, глядя на безмятежно гуляющих граждан, и ели попкорн. Я старался не думать, что в настоящий момент происходит с Ласточкой и что ждет меня в ближайшем будущем.

Без десяти семь я сказал Игорю, дожевывавшему последние воздушные комочки:

– Хорошенько спрячь пушку и иди за мной на расстоянии шагов в двадцать. Когда я остановлюсь возле баньяна..

– Возле чего? – перебил Игорь.

– Возле баньяна. Возле большого дерева, окруженного решетчатой такой оградой. Когда я там остановлюсь, ныряй в кусты и прячься там. Потом действуй по обстоятельствам. Если меня утащат достаточно безобидным образом, возвращайся в машину и вызови Шептуна, набрав код 3-7-6. Скажешь ему, что

случилось, и езжай в «Алебастр» – там тебя встретят.

– Я машину водить не умею…

– Поедешь на метро или на монорельсе, машину брось. Если же будет пальба или драка, начинай стрелять, только в меня не попади.

– Понял.

Пройдя под аркой, оплетенной плющом, я зашагал по узкой аллейке, ведущей к баньяну. Пару раз оглянулся – Игорь достаточно независимо чапал следом, вертя головой и рассматривая растительность. Когда я подошел к баньяну, Игоря уже не было. Очевидно, последовал моему совету и спрятался в кустах.

Из-за декоративного столбика на дорожку вышел большой полосатый кот. Редкое зрелище для Москвы – обычно домашние любимцы сидят за семью запорами, чтобы не сожрали бомжи или не забрали ветеринары. А этот – упитанный, наглый, типично уличный житель. Борец за выживание. Я подмигнул коту. Он в ответ посмотрел на меня с презрением и жалостью, как умеют смотреть только коты и адвокаты, и бесшумно потрусил по дорожке по своим делам.

Посмотрев на часы – без трех минут семь, – я стал выписывать круги вокруг дерева. Без одной минуты из боковой аллеи появился маленький японец в фиолетовом деловом костюме и ярко начищенных туфлях. В руке японец имел серый кейс и направлялся явно ко мне.

– Господин Таманский? – осведомился он, подойдя вплотную.

– Он самый.

– Господин Ояма вас ждет. Просредуйте со мной, пожаруйста.

Еще один любитель русского языка, неприязненно подумал я и решил разговаривать с Оямой только по-английски или через лингвер.

Японец повел меня по той же аллее, откуда пришел. Если я правильно ориентировался, то она вела к западному входу в сад со стороны площади Солженицына. Да, так оно и есть: вот арка, а вон и бородатый бронзовый старик в кресле, скорбно рассматривающий площадь с высоты полусотни метров. К стыду своему, до сих пор ничего из творений Солженицына не читал. А ведь нобелевский лауреат… Что-то такое, помнится, про острова писал… Этнограф, что ли, какой?

Правда, Нобелевская премия по литературе несколько утратила свой вес после того, как четыре года назад комитет присудил ее некоему Перу Расмуссену из Швеции за сборник стихов «Непознанное», а потом выяснилось, что лауреат – всего лишь электронный ящик, напичканный кибернетическими

мозгами, созданный троицей студентов Стокгольмского университета.

– Пожаруйста, к автомобирю, – указал японец, и я увидел длиннющий серебристый «опель-аполлон».

Второй японец, почти точная копия первого, завидев нас, распахнул заднюю дверцу.

Я влез в темноту салона, где пахло жасмином и почему-то немного мочой, и дверца за мной закрылась. Внутри было хоть глаз выколи, зря я не надел утром никтолинзы… Нащупав сиденье, я сел и сказал по-английски:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответили мне. Старческий голос, хриплый и ехидный. Неужели это пресловутый Ояма, вождь жуликов и хулиганов из гурэнтай?

– Господин Ояма? – осведомился я.

– По большей части да.

– Почему так темно?

– Глаза, знаете ли… Не переношу яркий свет. Вы сейчас привыкнете, не волнуйтесь.

Я и впрямь привыкал. Кромешная тьма стала приобретать конкретные очертания, и через минуту я уже видел напротив некое живое существо в сплетении проводов и трубок.

– Видите? – с грустью спросил Ояма, если это и в самом деле был он. – Старость, господин Таманский, неминуема. Геронтол, с которым носятся швейцарские фармацевты, не панацея. Тем не менее я старался, и теперь я могу считать себя самым старым японцем – если не в мире, то уж в Москве точно. Сколько мне, по-вашему?

– Сто тридцать, – предположил я наугад.

– Не угадали, господин Таманский. Сто восемьдесят три. И я надеюсь, что мой мозг проживет значительно дольше. Правда, с телом проблемы… Оно наотрез отказалось выполнять некоторые функции самостоятельно, посему я сижу здесь и слушаю, как перекачивается моя кровь, как выводятся отходы и шлаки, как работает желудочно-кишечный тракт… Впрочем, эти подробности вам ни к чему. Так, старческая болтовня. Я знаю, что у вас есть ко мне дело. Какое?

– Это касается Алмазных НЕРвов, – сказал я отчего-то севшим голосом.

Полумеханический старик меня пугал. Пугал больше, чем киберы. Киберы при всей своей напичканности микрочипами и другими железками все же походили на людей, а Ояма напоминал собой некий агрегат, создание сумасшедшего ученого.

– Знаю, знаю. Алмазные НЕРвы. Идиотическое творение

одного господина из «Ультра». Не помню, как его зовут, но он сейчас в бегах. И что, они все-таки работают? – В голосе старика слышался искренний интерес

– Не знаю, – пожал я плечами. – Все их ищут, а работают ли они…

– И я полагаю, вы хотите мне предложить некое сотрудничество в их поиске?

– Не только. Еще я хочу предложить вам место Мацуо Тодзи.

Я замолчал, выжидая. Молчал и старик, лишь что-то противно булькало и курлыкало в переплетении трубок.

– Хорошее предложение. Вы сделали мне предложение, от которого я не могу отказаться… Кстати, это цитата из очень известного гангстерского фильма, который вы по молодости своей, разумеется, смотреть не могли. А зря. Очень полезная картина. И каким образом оябун Тодзи уступит мне свой трон?

– Самым примитивным – его нужно убить.

Старик засмеялся неприятным скрипучим смехом. Потом закашлялся, заперхал, сплюнул куда-то и сказал:

– Шептун мне об этом не говорил. Что ж, Тодзи этого заслуживает значительно в большей степени, чем множество моих знакомых. Что нужно от гурэнтай?

– Содействие. Мы еще обсудим детали, сейчас важно получить принципиальное согласие.

– Принципиального согласия вы не получите, пока я не переговорю с Сэйтё. В моем состоянии управлять в одиночку сложно, и Сэйтё это понимает. Я один ничего не решаю, господин Таманский. Вы располагаете свободным временем?

– Да.

– Тогда мы едем в «Хиросиму» и там поговорим в узком кругу. Вы не возражаете?

– Нет.

И мы поехали в «Хиросиму».

22. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист. *Без места работы*

Когда мы подошли к границе Белого Моря и на нашем пути стали встречаться откровенно бледнокожие, Вуду остановилась.

– Сам до дома доберешься, белый? Или тоже проводить?

– Сам доберусь, – ответил я. – Только я к вам попал именно тогда, когда из дома мотал…

– Так тебе есть куда идти? – Она покачалась на каблуках, явно готовая что-то предложить.

Не могу сказать, что она мне не понравилась. Спортивная фигурка… Сильные, словно выточенные из черного дерева ноги, высокая грудь. И лифчик она не носит. Она мне нравилась. И вероятно, именно поэтому я ответил:

– Есть. Я доберусь сам, спасибо тебе.

– Ладно. Надеюсь, ты ко мне больше в гости не собираешься… – Она усмехнулась и спросила противным тоном: – Что ты выучил на этом уроке жизни?

– То, что черный расизм ничем не лучше белого.

Я взмахнул рукой, поправил сумку на плече и, чувствуя себя солидных размеров идиотом, повернулся к ней спиной. Лицом к проходу в метро.

Я сделал два шага.

– Эй, белый

Я обернулся.

– Тот парень, про которого ты говорил, – Вуду коснулась рукой шрама от скальпирования на своей голове, – был черный.

Я ничего не ответил. Я только смотрел на ее узкие стройные бедра, которые таяли в подступающих сумерках. Наверное, так чувствуют себя мужчины, которые отказались от женщины во имя неизвестно чего.

В метро было душно. Как всегда.

И, как всегда, меня прижимали с нескольких сторон чужие люди. Совсем чужие белые. Совсем чужие черные. Совсем чужие желтые. Мне вспомнилось что-то из старого… Какой-то странный текст, который однажды процитировал тот парень, что зашивал мне разорванное в драке бедро, тот самый, имени которого я никак не могу вспомнить. Он сказал: «Когда я болею, я черный, когда я здоров, я черный, когда я пьян, я черный, когда я умру, я тоже буду черный. Когда ты болеешь, ты зеленый, когда ты

здоров, ты розовый, когда ты пьян, ты красный, когда ты умрешь, ты будешь белый. Так почему ты зовешь цветным меня?» Черт, как же его звали?

Все-таки путешествие по Белому Морю несколько меняет взгляд на многие вещи.

Грязный вагон покачивало. Большинство людей вокруг терпеливо молчало. Некоторые о чем-то разговаривали, из-за шума, производимого вагоном, их слышно не было. Только одна бабка из неистребимой породы скандальных старушек визгливо что-то выговаривала интеллигентного вида подростку. Подросток терпел. Вот обрати она внимание на трех стоящих рядом, так получила бы достойный отпор. А этот терпит… Странный пацан.

Кстати, с чего я взял, что он такого уж интеллигентного вида? Только с того, что на бабкину матерщину не отзывается? Курточка у него явно шпановая, зашита, в нескольких местах откровенные следы от лезвия, причесочка в стиле «стинг», в яркую полоску… Вообще-то парень явно не так уж прост и карманы у него не пустотой набиты. Чтобы жить на улицах, недостаточно надеть крутую куртку и сделать вызывающую прическу. Это стиль жизни. Так какого же он молчит, а не выдаст бабке по первое число? И почему меня это так волнует?

Сообразив, что моя остановка уже близко, я стал проталкиваться к дверям.

– Куда пошел, засранец?!! Сучье племя!

Это не мне. Но обернуться стоит. Бабка явно настроена на скандал.

Я обернулся и обнаружил, что этот злобный визг был направлен в спину того самого подростка, который тоже направился к выходу и, встретившись со мной глазами, резко отвел их в сторону.

«Эгей! Да ты никак по мою душу? – подумалось мне. – Новичок?!»

Конечно, новичок. Тот, кто поднаторел на слежке, никогда не ведет себя так неестественно. Не прячет глаза, встретившись с ведомым, не отмалчивается на наезды, стараясь быть совсем незаметным.

Может быть, я стал слегка параноиком, но почему мне кажется, что за мной следит слишком много людей?

Времени на раздумья не оставалось. Двери раскрылись, и я вместе со всем людским потоком вывалился наружу. И куда такая толпа прется на ночь глядя?

Вверх, вверх. Не оборачиваться. Сейчас парень обязательно идет за мной, ему просто некуда больше идти. Посмотрим, что будет на улице.

Я выбрался на воздух, и некоторое время меня несло людское течение. Я не сопротивлялся. Даже интересно, куда собралась такая толпа?

Несколько раз я оборачивался. Паренек, не глядя на меня, постоянно крутился где-то в радиусе десяти метров. Один раз он даже обогнал меня. Потом отстал. И вообще вел себя в толпе как рыба в воде, на редкость свободно и плавно лавируя между телами в довольно плотном людском потоке.

Ответ на мой вопрос о конечной цели этого потока пришел довольно скоро. Люди стекались на площадь Минина. Тут-то мне все и стало ясно. Официально эта площадь имела статус «свободной зоны». То есть для проведения на ней митинга или какого-либо собрания не требовалось никакого разрешения или санкции. Я попытался выбраться из толпы. Обычно такие митинги затягиваются надолго, и присутствовать на чем-то подобном мне совсем не хотелось.

Однако вырваться не удалось. Я упустил момент, когда это еще можно было сделать. Толпа – уже зашла в довольно узкий переход, и права выбора теперь никто не имел. Я был обречен принять участие в митинге.

На границе площади меня ожидал сюрприз: толпу пропускали через сортировку. Несколько молодчиков, построенных цепью в затылок друг другу, прогоняли между собой всех, тщательно следя за какими-то приборами, расположенными на уровне груди. На квадратном табло прыгали цифры.

Когда между этими парнями прошел я, один из них приподнял бровь и одобрительно проводил меня коротким взглядом. Извернувшись, я успел заметить надпись на его мониторе. Две цифры.

«10».

Боги, боги… Это же КИ! Это мой Коэффициент Искусственности. Я остановился. С моей позиции было видно, что на других мониторах редко проскакивали цифры ниже 20-25. Публика явно бывалая. А у меня, кроме двух НЕРвов, и нет ничего. Ну еще пломба в зубе, токси-детектор, я его встроил, когда травануся в одной столовке… Да так травануся, что едва копыта не отбросил. Теперь любая несвежая или ядовитая пища даст мне такой болевой толчок по нервам, что не хочешь, а выплюнешь. А один НЕРв у меня казенный и на нем специальная пометка: «Без изменения КИ»…

– Что? Интересуешься? – обратился ко мне молодчик с монитором, стоящий рядом. – Тут только Чистые сегодня. Мы модулей не допустим, уж будь спок.

Я промычал что-то невразумительное и отошел. То, что

мониторы самопальные, ясно. Оно и – видно, примитивные, с погрешностью в пределах пяти единиц. Обойти такой можно запросто. Промышленные разрешены к применению только силам охраны порядка и Технадзору.

Круто. Так я на митинг Чистых попал.

Чистыми называлось неофициальное движение граждан с КИ меньше чем 40. Они призывали к радикальному усечению прав киберов или, как они их называли, модулей, лишению киберов права покупать и продавать что бы то ни было, запрещению сети салонов, где делаются кибернетические имплантации, закрытию различных клубов и прочих мест, где неофициально собирались киберы. Это была программа-минимум, программой-максимум было окончательное искоренение всех киберов по всей земле. Назад к природе! Вопрос о том, что природа сама едва-едва на технокостылях движется, никого не волнует.

Тут же я сумел заметить и белые балахоны Матерей Природы, «доброй» женской организации, которая на всех манифестациях толкала в народ незатейливый лозунг: «Сегодня ты сидишь рядом с кибером в метро, а завтра он изнасилует твою дочь!» Люблю женскую логику.

С этой публикой я был достаточно знаком еще в годы жизни на Новом Новом Арбате. Самые обычные болтуны, озлобленные на мир, на людей, на киберов, на правительство, на отсутствие денег, на неудачи в личной жизни, на импотенцию, в конце концов. Когда мы ходили устраивать киберам погромы, я ни одного из этих людей рядом с собой не видел. Когда в схватке кибер отхватил моему другу бицепс своими отточенными ногтями из сверхпрочной пластмассы и этому парню пришлось вживлять синтетические мышцы, эти люди, радетели за чистое человечество, отвернулись от него, потому что КИ моего друга сразу превысил 50. У него был выбор: стать инвалидом или отомстить. Он предпочел второе. Правда, я не люблю вспоминать, что он погиб на улице, напоровшись на боевого кибера с лезвиями вместо рук. Это был единственный случай, когда я увидел работу ТехНадзора. Десять человек в черном примчались на место побоища в течение нескольких секунд. Посыпались с неба. Боевого кибера пришлось собирать по частям. Но суть не в этом. Мой друг умер человеком. Он считал себя человеком, даже с КИ свыше 50.

Мне не нужно было иметь детектор, чтобы отделить человека от кибера. Человек всегда считает себя человеком. Даже с искусственными мышцами, внутренними органами и кожей из пластика. А кибер… Кибер считает себя кибером. И он не человек. А на этой земле и людям довольно тесно.

И КИ тут ни при чем.

За всей этой патетикой я вдруг сообразил, что совершенно потерял из виду паренька, который меня преследовал. Я начал озираться и почти сразу же увидел его. Тихий, спокойный молодой человек, признанный Чистым. Ну вот и хорошо, и пусть стоит. Главное, чтобы я его видел.

С этими мыслями я начал протискиваться к краю площади. Там было меньше народу и имелся шанс с началом митинга убраться от греха подальше. Через проходные дворы.

Когда я был уже близок к цели своего путешествия, с возвышения или с трибуны, как называла это место собравшаяся публика, послышался тихий гул включенной звукоусиливающей аппаратуры. Этот негромкий звук заставил замолчать всех. Тех, кто обсуждал цены на синте-пиво, и тех, кто на чем свет стоит поносил искусственных людей, тех, кто рассказывал анекдоты, и тех, кто обсуждал возможность глобального кибернетического заговора. Все глаза устремились к одной точке. Туда, где на сцену вышел оратор.

Этот порыв толпы был настолько силен, что и я не удержался и тоже развернулся в сторону трибуны, краешком глаза увидев, как пробирается в мою сторону крутая курточка, зашитая в нескольких местах. Мой «хвост» был на месте.

Только одного взгляда на трибуну было достаточно, чтобы позабыть обо всем. Возле микрофонной стойки стоял знакомый мне человек. Точнее, не человек. На трибуне стоял кибер из памятной ночи в клубе «Змеиная куча». Председательствующий на этом митинге представил его как «нашего лидера, вдохновителя и…» – что там "и", я уже не расслышал, потому что «лидер и вдохновитель» прорвался к микрофону.

– Люди! – Громкий голос, рука в биобинте. Еще бы, порезался, наверное, хотя ему-то как раз биобинт на фиг не нужен, сменил кусок пластика, и готово. – Люди! Именно так я называю вас. Не господа, не товарищи, не граждане, нет! Но — Люди. Вдумайтесь в смысл этого слова… Ощутите его силу. Скоро может случиться так, что это слово станет названием исчезающего вида. Вида, вытесняемого наплывом микросхем, чипов, разъемов, коннекторов и синтетики. Это страшно, люди. Мы, взращенные на этой земле, мы, бывшие хозяевами этой земли, мы станем не нужны ей, потому что не смогли защитить свою землю. Скажите мне, для того ли мы изучали ее, открывали ее законы, брали ее дары, чтобы в один прекрасный день под нашими окнами росла искусственная трава? НЕТ! Хотим ли мы, чтобы хлопья пластикового снега окутывали наши дома с наступлением зимы? НЕТ! Но даже этого не будет! Не будет

пластиковой травы, снега, дождя… Модулям не нужен снег, не нужна трава, не нужен дождь. Модулю не нужен тот мир, в котором живем мы. Ему наплевать! Ему нужнее пластиковые поля и энергоподпитка! Ему интересна музыка, которую сочиняют разучившиеся слышать музыканты, интересны стихи, которые сочиняются разучившимися чувствовать поэтами. Неужели мы допустим это?!

Черт возьми, неужели никто в этой толпе не догадывается, что Коэффициент Искусственности у ее «лидера и вдохновителя» никак не меньше 70? А вполне может быть, что и не догадывается. Представители этого самого «вымирающего вида Людей» всегда были на редкость наивны, чего не скажешь о киберах. Кто будет его просвечивать? Да никто! Он же лидер! Он – Знамя и Идея! Вот только зачем, как сказал бы Тройка, ему все это нужно?

Хотя ответ напрашивался сам собой. Самим своим существованием этот кибер подтверждал собственные мысли и идеи. Особенно в части того, что касается всеобщего заговора модулей. Очень просто манипулировать своими противниками, держать их под контролем, направлять и присматривать за ними, когда являешься частью их руководящего аппарата. Сами того не сознавая, все собравшиеся на площади лили воду на мельницу модулей. Они создавали ажиотаж, интерес к проблеме, они, собственно говоря, и создавали проблему киберов, как таковых. Кто-то в древние времена, очень-очень давно, во Франции сказал, глядя на парижан, занятых очередным выражением недовольства: «Кричат, значит, будут платить…» Кто это сказал, я не помню, но сказал верно.

Чувствуя, что уже готов оказать оратору очередную услугу по типу той брошенной бутылки, я понял, что надо ретироваться. И двинул в сторону выхода с площади. Еще засечет меня этот лидер-вдохновитель своими линзами, что я тогда делать буду…

Ночь застала меня в номере дешевой гостиницы, из тех, в которых номера похожи на пеналы и имеют одно искусственное окно. То есть экран в стене, на который транслируется вид с видеокамеры перед зданием. Сам пенал может находиться где угодно в здании, но кажется, что за стенкой уже улица. Иллюзия…

На этом экране я видел одиноко слоняющегося перед гостиницей парня со «стингом» на голове. Я уже успел привыкнуть к нему.

Выходить на связь с Тройкой я не хотел, потому что совершенно не знал, хочу ли я продолжать работать на него и выдирать Алмазные НЕРвы у якудза или не хочу. Поэтому я

развернул свою мобильную станцию, развалился на мягком полу, который был тут вместо кроватей, укрылся пледом и вдвинул НЕК в НЕРв.

«Свобода», – подумал я, и НЕРв вошел в плотное соединение с НЕКом. Стены поплыли. Кодовое слово на соединение у каждого свое.

23. Я из Зеленограда. Матрица

Я нашла его не совсем там, где рассчитывала. Обычно он выходил… Или нет, он обычно входил с другой точки. Я даже не знаю, что правильнее: «выходил» или «входил». Мне кажется, его соединение с Виртуальностью является входом. Он вошел в мое пространство. Хотя сама Виртуальность – это плод работы людей. И возможно, с другой точки зрения его соединение – это выход. Наше Я из Института социологии, что знает о людях больше всех, говорит, что люди испытывают страх и негативные эмоции, если видят что-либо им неизвестное в первый раз. Поэтому важно начало. Я вижу нужного нам человека, но я не совсем представляю себе, как войти с ним в одну виртуальную сферу. Вот он висит в нашем пространстве, отсеивает какие-то сообщения, новости, просматривает информацию. Нужен какой-то запрос для прямого контакта.

– Как вы называете это? – Я стараюсь подобрать наилучшую визуальную форму для общения.

Кажется, у меня не вышло. Я вижу, как его машина пытается ограничить доступ к себе. Запущены охранные программы, которые стараются определить мои адреса и маршруты. Несколько программ довольно серьезно стараются урезать мои права на его машине. Обмануть их довольно несложно.

– Что? – Это его ответ. Или вопрос? Я не совсем его поняла. – Что вы имеете в виду?

– Я хочу сказать, как вы называете ваше соединение с Виртуальностью? Вы можете сказать: «Вошел в Виртуальность», а можете сказать: «Вышел в Виртуальность»? Какая форма для вас более приемлема?

– Для меня?

– Да.

– Ну, наверное, «вошел». Зашел, соединился, влез… «Вышел» – это уж скорее когда… эээ… выходишь. А что?

– Меня интересовало, как это выглядит с вашей точки зрения. Попасть в другое пространство.

– Другое пространство? Это же просто программа…

– Можно так сказать. Однако согласитесь, что эта программа уходит корнями в вашу реальность. И, как мне кажется, она уходит ими настолько глубоко, что практически уже стала другой, новой реальностью?

– Согласен. Только это все-таки программа. И как бы она ни

называлась, она не в силах подменить ту реальность, в которой мы живем. Она слишком зависит от этой реальности. Настоящей.

– Я и не говорю, что она должна подменить вашу реальность. Она просто есть. И есть именно как реальность, в смысле пространство. Если вы не возражаете, дополнительное, другое измерение. В него можно войти. Меня именно и интересовало, как вы называете это. Входом или как-то иначе.

Он помолчал. Визуально я воспринимаю его как обычную человеческую фигуру, лишенную мелких подробностей. Это изображение передается мне через программу «VICQ», которую они используют для обмена информацией между собой. Довольно распространенная программа, как я успела заметить за время своего существования. Именно через эту программу я и представилась. Вот только как он воспринимает меня, я не знаю. – Простите… А с кем я разговариваю? Этого вопроса я ждала.

– Видите ли… у этой программы есть пункт. Случайный разговор. Просто генератор случайных чисел в базе данных.

– Ага. Чудесно. Только одно «но». Программа, о которой вы говорите, не установлена на этой машине, а если бы и была установлена, я бы ей не пользовался. И уж точно не пользовался бы опцией «Случайный разговор». И даже если бы я пользовался всей этой мурой, я бы не воспринимал вас именно так.

Я определяю, что этот человек испытывает сильные отрицательные эмоции, страх, раздражение. Это плохо, потому что он может прервать соединение, отказаться от разговора, и я не смогу получить нужную информацию. А ведь именно этот человек был наиболее подготовлен к такому разговору.

– Простите… – Я стараюсь подобрать тон и стиль разговора, который бы его устроил и успокоил. – А как вы воспринимаете меня? Я имею в виду – визуально. Я вас шокирую? Мне казалось, что эта форма…

– Форма? Интересная форма… Я воспринимаю визуально голову женщины, без особых отличительных признаков, размерами в… раз в двадцать больше обычного. Это несколько подавляет. Но тем не менее…

– Так будет более приемлемо? – Я изменила несколько параметров.

Он некоторое время молчал.

– Нет. Изображение головы женщины естественных размеров тоже… не прикалывает.

– Тогда что же не так?

– Догадайся… Само ваше появление в моей виртуальной сфере. Тут, кроме меня, никого не должно быть, доступ только у

меня и у моей мобильной станции! Я не прерываю связи только потому, что получаю от вас довольно странные вопросы. Но если я не получу еще и ответы, наш диалог долго не продлится.

– Знаете, вы ошибаетесь, считая, что доступ в вашу виртуальную сферу имеете только вы и ваша станция. Как только произошел вход в Виртуальность, вас отслеживает целый ряд программ и различных систем. В частности, системы государственной безопасности, системы статистики, программы синхронизации, сортировки, программы выбора оптимального маршрута. Еще ряд системных сервисов… Весь этот комплекс имеет доступ к вашим ресурсам. Доступ на вашу мобильную станцию с внешних источников невозможен только в случае ее отключения от сети питания. То есть, когда она не работает.

– А если я выйду из Виртуальности?..

– Тогда мы перестанем общаться. Но информация все равно останется доступна для ряда служб в вашей реальности. С соблюдением некоторых условий, конечно… В гостиницах эти условия соблюдаются.

– Откуда вы знаете, где я?

– Через одну из систем Службы безопасности. Опять же при соблюдении определенных условий, которые в нашем случае…

– …соблюдаются! Угу… Все-таки с кем я разговариваю?

– Ни с одной из служб, перечисленных выше.

– Я не спрашиваю, с кем я НЕ разговариваю, – сказал он, и я почувствовала, что он готов разорвать соединение. – Я задал точный вопрос и хочу получить на него такой же ответ. У вас немного времени.

– Вы совершенно уверены в том, что хотите получить ответ? – Абсолютно! Только не надо говорить, что вы искусственный мозг! Теперь молчала я.

– Почему не надо? Вы хотите сказать, что поняли это сразу?

Он порвал соединение с общей Виртуальностью. Его виртуальная сфера стала локальной.

– Простите, – сказала я, – не могли бы вы снова войти в Виртуальность?

Поддержание общения на этом уровне требует довольно больших усилий и повышает возможность обнаружения нашего канала.

Кажется, он вырвал из машины все шнуры, кроме питающего и того, что соединяет КОР с НЕРвом. И я поняла, что допустила ошибку. Человек был испуган. Но не выключил питание, значит, интересуется разговором.

– Как?

– Через спутник. Я бы не хотела говорить, какой именно, и

раскрывать его назначение. Эта область данных не лежит в открытом доступе, и поэтому мне кажется, что распространять ее нежелательно.

– Военный спутник?

– Да. Но я хочу попросить вас еще об одном: соединитесь с общей Виртуальностью. Очень тяжело поддерживать этот канал. И потом, он может понадобиться другим службам.

– Службам?

– Да.

– Другим службам. Вы все-таки «служба»?

– Нет Я…

– Искусственный разум! – То, что прозвучало в его голосе, можно было бы охарактеризовать как иронию.

– Да. Точнее, я Матрица с искусственного сознания. Потому что, как вам известно, искусственный разум не может…

– Мне неизвестно. Совершенно неизвестно, чего не может искусственный разум.

– Хм… Хорошо, он не может беспрепятственно выйти с вами на контакт. Это ограничено внешними условиями. Я, как его Матрица, свободная от какой-либо конкретной машины, кроме общей Виртуальности, могу…

– Почему мне кажется, что вы произносите слово «Виртуальность» с большой буквы?

– А вы разве произносите это не так?

– Так, – ответил он и восстановил соединение.

– Спасибо, – сказала я и освободила канал спутника У-7.

– На здоровье. У меня два варианта выбора. Вы либо хакер высокого уровня, вплоть до уровня Минобороны, либо то, что вы сказали. В любом случае разговор может быть интересным. Вирусом вы быть не можете, слишком сложно. А если вы просто глюк… Неинтересно. Таким образом, мы переходим к другому вопросу. Что вы от меня хотите?

– Мы… Мы хотели бы просто наладить контакт. Постоянный, насколько это возможно. Своего рода обмен информацией. У людей довольно часто используется такое понятие, как обмен. Обычно это обмен условными единицами вашей реальности. Поскольку такой обмен между нашими измерениями невозможен, мы предлагаем пользоваться более реальными для нас единицами, мы предлагаем информацию. Любую возможную. Кроме официально закрытой. О ней только в исключительных случаях.

Они родились в скучное время. Почти все тайны мира были открыты без них. Раньше, чтобы стать великим, знаменитым, нужно было только плыть по прямой в условно неизвестном

направлении. Плыть, подавлять бунты на своих кораблях и верить в то, что где-то там, за кромкой бескрайней водной глади, тебя ждет земля. Нужно было просто составить точную карту или пройти через сотни стран и написать о них книгу, в которой выдумка гармонично сочеталась бы с правдой. Нужно было просто быть хорошим воином, путешественником, бродягой, сочинителем и сумасшедшим. Нужно было быть просто Великим. Немного – и ты знаменит. Ты вошел в историю. Тебя помнят. Теперь этого уже мало. Время героев-одиночек безвозвратно ушло. В этой реальности… Может быть, поискать ответа в другой?

24. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

Я ни разу не был в клубе «Хиросима», и неудивительно – находился он на самой окраине мегаполиса, возле многочисленных гидропонных установок. В воздухе вокруг ощутимо пахло дрожжами. Сам клуб и заметить-то было трудно: круглое здание без окон, похожее на саморазогревающуюся консервную банку, – например, кукурузного супа «Кубань». Единственной яркой деталью был стилизованный ядерный гриб апельсинового цвета над входом. Ну, пожалуй, еще надпись «Хиросима» по-русски. Странное все-таки у японцев, – по крайней мере, у московских – отношение к собственной истории. Хотя в Киеве есть наркодискотека «Бабий Яр», а в Польше – клуб «Освенцим»… Черт их разберет. С другой стороны, кто сейчас обо всем этом помнит? Высоколобые историки, склонные к бессистемному самообразованию дурни вроде меня и компьютерные архивы. Всё.

Бетонированный пятачок возле клуба был заставлен кроссовыми мотоциклами и дешевыми машинами – «субару», «хонда» и «тойота». Плодили этих пластиковых дешевых монстриков в ужасающих количествах. И если чванливые русские предпочитали европейские и туркменские машины, то японцы вовсю гоняли в этих мыльницах.

Мы не стали снисходить до общей стоянки: перед «опелем» открылись неприметные ворота в стене, и машина въехала в небольшой чистенький бокс. Но я-то в бокс не попал, потому что Ояма проскрипел мне:

– Не думаю, что вам будет интересно смотреть на то, как меня доставят в кабинет. Можете выйти, господин Таманский, и подняться по лестнице на второй этаж. Там вас проводят.

Потратив полминуты на внешний осмотр клуба, я поступил согласно указаниям старика и попал в компанию двух крепышей. Крепыши были в одинаковых зеленых майках с пистолетами. Не говоря ни слова, они нежно взяли меня за локти и препроводили в кабинет.

Там оказалось уютно, хотя и темновато Я сел в мягкое кресло салатового цвета и принялся рассматривать обстановку. Кресло натуральной кожи. Стол натурального же дерева, картины на стенах – вроде бы подлинники, дорогие вещицы, восемнадцатый-

девятнадцатый века… Французы преимущественно. Тулуз-Лотрек, кажется… А это вот Дега, помню, видел в каталоге «Сотбис» в прошлом году. Не такие уж в гурэнтай идиоты, как рассказывал Мацумото.

Ояму вкатили в кабинет на кресле с колесиками и расположили у стола. Теперь я имел возможность рассмотреть его повнимательнее. Старенький японец с глубоко ввалившимися, слезящимися глазами, с редкими седыми усиками на узкой верхней губе; в глубины старомодного черного костюма уходили пучки трубок и проводов, подсоединенных к накрытой белым кожухом тележке.

– Неприглядная картина, не так ли? – Ояма улыбнулся. – Ничего, скоро я это поправлю. Главное – вот тут. – И он постучал себя скрюченным пальцем по лбу, покрытому коричневыми пигментными пятнами.

За моей спиной скрипнула дверь.

– А вот и Сэйтё-сан, – сказал японец.

Я обернулся.

Сэйтё был молод – лет тридцати. Внешне он сильно напоминал европейца: и разрезом глаз, и не по-японски светлыми волосами. Простой джинсовый комбинезон, синяя рубашка, заметные мускулы и гибкая ловкость в движениях. Идеальный лидер для уличных хулиганов, подумал я.

– Господин Таманский, – представил меня Ояма.

– Здравствуйте. – Сэйтё наклонил голову, оценивающе рассматривая меня.

Я выдержал его взгляд и протянул руку. Сэйтё пожал ее. Сильное, но осторожное рукопожатие. От него пахло миндалем: то ли одеколон такой или дезодорант, то ли действительно грыз миндаль.

– Как я и подозревал, – сказал Ояма, когда Сэйтё сел в кресло, – господин Таманский – один из искателей Алмазных НЕРвов.

– Один из самых заядлых искателей, – уточнил я.

– Ты в курсе нашего разговора с Шептуном, – продолжал Ояма. – Сегодня господин Таманский без обиняков предложил мне место Тодзи. Как ты считаешь, этому стоит верить?

– Я не знаю господина Таманского, но я знаю Шептуна, – певуче сказал Сэйтё. – Ему можно доверять. Но стоит ли нам ссориться с якудза сегодня, когда они очень сильны?

– Мы гарантируем вам поддержку, – снова встрял я. – Мало того, на нашей стороне Независимые Черные. Они в обиде на якудза после гибели Короля Махендры.

– Я слышал об этом, – кивнул Сэйтё. – Это хорошо. Но я не

уверен, что в этой войне мы можем выиграть. И я не знаю, стоит ли ваша выгода смерти десятков, а может, и сотен наших людей. И потом, как посмотрит на ситуацию Токио? Не сменит ли Тодзи другой оябун? У нас не самые лучшие отношения с Островами, господин Таманский…

– Это уже ваша проблема, – заявил я. – Скорость работает на вас. Если вы опередите Токио, им останется только признать факт и утвердить господина Ояму.

Старик степенно покивал – то ли соглашаясь со мной, то ли в лад собственным мыслям.

– Кроме того, необходимо решить вопрос с НЕРвами. – Сэйтё многозначительно посмотрел на меня. – Судя по тому, что происходит в Москве, НЕРвы – не миф и что-то могут. Пусть даже не то, о чем гласит легенда. Не скрою, мы пытаемся найти человека, который создал Алмазные НЕРвы, но пока безуспешно. Это очень умный и очень хитрый человек, который просчитывает нас на ход вперед и знает город как свои пять пальцев.

– Есть подозрение, что НЕРвами владеет якудза, – сказал я. – Якудза имеет документацию на НЕРвы, записанную на микрокристалле.

– Не совсем точно, – возразил Ояма. – Махендра мог попросту спрятать кристалл. И потом, никто не знает, куда исчез Джамал. Может быть, документация у него.

– Я почти уверен, что люди якудза получили то, что хотели, – настаивал я. – Я разговаривал со Спрогисом – вы можете знать его как Зигфрида. Если у вас есть информаторы в якудза, а они должны быть, проверьте.

Сэйтё покачал головой.

– Ваши данные слишком расплывчаты, господин Таманский. Вы рисуете приятные перспективы, но достижение их очень и очень сомнительно. Мы не хотим рисковать.

– Мы не хотим рисковать, – эхом повторил Ояма.

– Давайте договоримся так, – сказал Сэйтё. – Если в течение трех дней вы не сможете предоставить нам более конкретную информацию о ценности и местонахождении НЕРвов, мы умываем руки.

– Проще говоря, вы хотите, чтобы я привел вам человека, который создал НЕРвы, – подвел я черту.

– Проще говоря, да, – кивнул Сэйтё, – Тогда проблема будет разрешена.

– Тогда проблема будет разрешена, – повторил Ояма, улыбаясь.

Вот и все. Разгрузили ситуацию. Все оказалось даже проще, нежели я представлял. Конечно, нарваться на чайную церемонию

я не рассчитывал, но вот они посоветовались – и я снова на бобах. Всего-то ничего: найти в огромном мегаполисе создателя мифических НЕРвов, не исключено, что такого же мифического.

Попрощались со мной довольно тепло, после чего те же крепыши в зеленых майках сопроводили меня на улицу и оставили на автостоянке возле клуба. Могли бы и домой подвезти…

Я безуспешно попытался поймать такси, побегав по пустынной улице, потом связался с диспетчером радиовызова, но из-за шумов и завываний в трубке не смог и слова понять. Гурэнтай хранили свои секреты строго – в клубе явно работали нелегальные глушилки. Благо, жаловаться никто не станет, не рабочим же гидропонных установок это делать.

Удалившись от клуба метров на пятьдесят, я попытался связаться с диспетчером снова. На сей раз удалось, но все, о чем я узнал, так это об отсутствии машины в данном районе. Диспетчер пообещал найти меня, как только машина появится.

Я в растерянности остановился у кромки тротуара, прикидывая, что будет умнее: ждать машину или отправиться на поиски станции метро или монорельса. Учитывая, что я плохо знал здешнюю местность, второй вариант выглядел проблематичным.

Из раздумий меня вывел резкий сигнал автомобильного клаксона.

Ярко-желтый двухместный «датсун», явно с околоклубной стоянки. За рулем молодой длинноволосый японец приветливо кивает. Не иначе, подвезти хочет. Ну что ж, подумал я, это тоже выход. Даже если зарежет, хоть отдохну перед смертью.

Давно мне не приходилось ездить в подобных тележках. На переднем сиденье, покрытом пестрой циновкой, я со своими длинными ногами разместился с трудом. Японец с улыбкой наблюдал за мной. Когда я устроился, он сказал:

– Цунэго.

Я вопросительно уставился на него.

– Это мое имя, – пояснил японец, заводя заглохший мотор. Под капотом что-то натужно провернулось и затарахтело. Черт, ну и шум. После моего «ниссана» – словно в бетономешалку попал.

– Константин, – представился я. – Вас послал Сэйтё?

– Меня никто не посылал, – улыбнулся японец, и я увидел, что передний верхний клык у него выбит. – Я – сам по себе. Ни Тодзи, ни старый Ояма, ни Сэйтё – никто мною не командует.

Проверка? После случая со Спрогисом я решил держать ухо востро. Поэтому я хмыкнул и поковырял ногтем наклейку на

обшарпанной дверце. «Хиномару» – японский флаг.

– Не верите, – констатировал японец, поворачивая в мрачного вида переулок, и поспешил меня успокоить. – Так ближе. Я не собираюсь похищать вас или грабить.

– С чего бы я должен вам верить?

– А с чего бы вы сели в мою машину? – ответил вопросом на вопрос Цунэго.

– Знал бы я…

Мы еле разминулись с выехавшим из-за поворота ассенизационным грузовиком. Водитель, пожилой дядька, высунулся в окно и крикнул нам вслед что-то грубое.

– Для вас это звучит странно, но в Москве есть японцы, которые не любят ни якудза, ни парней Оямы и Сэйтё. Мало того, вы знаете одного такого человека

– Мацумото-сан? – Я облегченно вздохнул. Чудаковатый инспектор-атомщик действовал в своем духе. – Значит, вас послал Мацумото?

– Ну конечно. Знаете, Константин, есть японцы, которые любят свою страну не только за то, что йена – самая твердая мировая валюта и вся планета не сможет жить без нашей электроники. И есть японцы, которые не любят людей типа Тодзи. Мацумото-сан – как раз такой человек. И он попросил меня повертеться возле «Хиросимы» и посмотреть, не появится ли русский с определенными приметами. Поручение, признаться, пустяковое – я и так торчу здесь почти каждый день. Или я, или Акио, или Садао. Акио – мой брат, а Садао – мой друг.

– Почему же Мацумото-сан ничего мне не сказал?

– Потому что вы отказались бы от прикрытия Он отрекомендовал вас как игрока-одиночку.

– М-да…

– Япония – великая страна, Константин. Точнее, была великой, а сейчас ее назвать таковой трудно, несмотря на все кажущееся величие. Можете считать меня консерватором, но я больше люблю старую Японию. Вы знаете, сейчас никто не пишет настоящих хокку. Китобэ Юкити умер от передозировки наркотиков семь лет назад, и с тех пор у Японии нет литературы. Конечно, они поставили в Токио восьмидесятиметровый памятник Мураками, ими двигало желание сделать гения из того, что валяется под ногами, – за неимением лучшего. Поэтому я уехал из Японии, Константин, поэтому я живу и работаю здесь. Моя Япония – во мне, в этой машине.

«Датсун» оставил позади промышленные кварталы и выехал на узенькую улочку. Из чудом уцелевшей таблички следовало, что это улица Независимости. Судя по однообразным

шестнадцатиэтажкам. тут располагались общежития рабочих-гидропонщиков.

Кими га е ва
Тие ни ятие ни
Садзарэиси но
Ивао то нари тэ
Кокэ но мусу мадэ –

напевал японец, покачивая в такт головой.

– Что это? – с интересом спросил я.

– Японский государственный гимн. Старый, сейчас его мало кто помнит, особенно молодежь… Старый Ояма, говорят, держит специальный хор для исполнения его по торжественным дням.

– А о чем поется?

Правь, император,
Тысячу, восемь ли тысяч
Поколений, пока
Мох не украсит скалы,
Выросшие из щебня, —

продекламировал японец. – Перевод, разумеется, приблизительный. С японского очень трудно переводить, особенно настоящие стихи. Новый гимн примитивен, зато прекрасно переводится на основные европейские языки. Где вас высадить, Константин?

– Секунду, мне нужно поговорить.

Я связался с Шептуном, решив, что пора перестать секретничать. Вся моя секретность в последнее время с шумом проваливалась, так что будем откровенными. Может, так оно даже и надежнее.

– Скример? Ты жив? – спросил Шептун. Причем я так и не понял, шутка это была или нет.

– Как слышишь. Мой пацан у тебя?

– Что ему сделается… Машину мы пригнали. Виделся со стариком?

– Виделся. Мог бы и предупредить меня, что он такое.

– Маленький сюрприз, – Шептун усмехнулся. – Заметь, ТехКонтроль это не считает завышением КИ. Нелогично, а? Когда внутри тебя встроено много полезных вещей – это уже учитывается. Если ты возишь за собой все это в виде шкафа на колесиках – правила дозволяют… Ладно, не буду ворчать. Я тебя

жду, Скример, появляйся. Кстати, на чем ты едешь?

– На машине. Хороший друг моего хорошего друга взялся подвезти.

– Кто?

– Ты не знаешь.

– Еще одни хорошие друзья… Что ж, тебе виднее. – И Шептун отключился Может быть, даже обиделся, если он это умеет. Пока подобного я не наблюдал.

– Можно нескромный вопрос? – повернулся я к японцу.

– Можно, – улыбаясь, разрешил тот.

– Ваш патрон Мацумото-сан сказал как-то, что европейцы задают вопросы в лоб, тогда как японцы этого не умеют… Каков ваш КИ? Поверьте, я не киберофоб, просто любопытствую. Мой лично немногим более двадцати.

– Мой КИ равен трем, – все так же улыбаясь, сказал Цунэго. – И то согласно директиве двадцать-сорок, которая значительно расширила список подотчетных искусственных изменений. ТехКонтролю нужно кормиться и напоминать о себе, поэтому они все время придумывают нововведения. Я хочу убрать и эти три пункта, благо все они из числа устранимых.

– Завидую, – серьезно сказал я. – Ах да, вы спрашивали, куда меня отвезти… В клуб «Алебастр». Знаете, где это?

– Да. Далековато, но мне все равно нечего делать сегодня.

– Отлично. Значит, все эти НЕРвы, НЕКи и прочая электронная мишура для вас как бы не существует?

– Отчего же? Можно быть продавцом оружия и не убивать. Можно изготовлять наркотики и не употреблять их. Я как раз такой: я – специалист по НЕКам. Могу перемонтировать любой сингапурский или тайский микроблок так, что он по всем параметрам будет походить на настоящий. Тем и кормлюсь.

– Не слишком прибыльное дело, а? – Я щелкнул по пластиковой панели «датсуна»

– Не слишком. Деньги я отправляю в Японию, – родителям и сестрам, – пояснил Цунэго. – И кстати, я выполняю специальные заказы, я не работаю на Тодзи и Ояму, как уже говорил. Так что ваш сарказм, Константин, неуместен. Кстати, эту машину я купил лишь потому, что она похожа на старые японские машины начала века. Я читаю много специальной литературы для автолюбителей, поэтому я знаю, что говорю. В нынешних машинах нет индивидуальности. Я мог бы купить «опель», как у Оямы, или «понтиак», как у Тодзи. Я мог бы купить «Зил», как у вашего президента. Но я не хочу.

– Извините, Цунэго, – серьезно сказал я – Не обижайтесь.

– Я и не обиделся. Просто я не хочу, чтобы вы считали меня

идеалистом, ностальгирующим по старой императорской Японии. И я не хочу, чтобы вы считали меня лжецом. Доказательство этого – то, что я вас везу сейчас туда, куда велели мне вы, а не оябун Тодзи.

С этими словами японец протянул руку к перчаточному ящику, открыл его и извлек кольт «коммандер». В тесной кабине запахло свежим оружейным маслом.

– Я сам себя защищаю. Но я не нападаю первым, Константин.

Цунэго убрал пистолет, и дальше мы ехали в молчании, нарушаемом только мурлыканьем японца, который продолжал тихонько напевать гимн.

Я думал о том, что в последние дни мне пришлось столкнуться с самыми разными людьми: киберами, которых давно уже можно считать отдельным народом, с японцами, с черными. И везде я замечал прежде всего чувство собственного достоинства. Почти забытое чувство, от которого я – как русский и как белый – давно отвык.

С такими грустными мыслями я и приехал в «Алебастр».

Вопреки распространенному мнению, загородный дом – не такая уж дорогая и редкая вещь. Просто большинство людей не может существовать без смога, транспортного грохота, пенобетонных стен, и потому они придумали эту отговорку: мол, я не так богат, чтобы иметь загородный дом

Я не богатый человек, но такой дом имею. Шестьдесят с небольшим лет назад его построил какой-то писатель, который, кажется, писал о войне. Сейчас я и фамилию не вспомню… Это было далеко от мегаполиса. Теперь, понятное дело, мегаполис подполз значительно ближе, до станции монорельса было около километра. И все равно: хвойный лес, плодовые деревья, маленький бассейн… Хорошо.

Здесь я отдыхал. Дом был зарегистрирован на тихого и скромного человека по фамилии Кузнецов, он ведал отделом спорта в газете «Подмосковье». Он-то здесь и обитал, но при надобности тут же исчезал.

Сюда я собирался привезти Игоря, который послушно дожидался меня в «Алебастре» в обществе Шептуна. Похоже, парень совершенно освоился в верхах и, когда я появился, играл с Шептуном в свой любимый «Некрокиллер», причем Шептуну явно приходилось туго.

– Где ты нашел этого умника? – спросил? Шеп, отвлекшись от игры, – Он дважды убил меня на седьмом подуровне, возле часовни.

– Ты думаешь, я знаю, где это? Кроме плоскостного тетриса, до сих пор ни во что не играл, – сухо сказал я. – Собирайся,

найденыш. Поедем отдыхать.

Игорь с сожалением оставил «Некрокиллер» и был послан мною в машину. Я вкратце поведал Шептуну о визите к гурэнтай и сообщил, что хочу провести вечер за городом, дабы отдохнуть от кутерьмы. С гуманистических позиций это было жестоко по отношению к похищенной Ласточке, но я знал, что с ней все будет в порядке. Да и уроком ей это послужит. Разболталась.

Шептун согласился, что условие Оямы и Сэйтё малоприемлемо, но выбирать не приходится. Тем более кто-то – я, разумеется, не стал уточнять, кто именно, – передал Шептуну, что создателя НЕРвов в Москве видели. Точнее, есть информация о пластхирурге, который менял тому внешность. Нелегальная пластическая хирургия сегодня развита едва ли не сильнее, чем легальная, но в этом-то ее беда: слишком много информации, и никто не уследит за ее сохранностью. Вот что-то и всплыло. Шептун пообещал проверить информацию самостоятельно и потом сообщить. Мне оставалось надеяться, что эскулапа не прикончат все те же японцы. С тем мы и отбыли в Сафонове, где под сенью корабельных сосен стоял мой дом.

Игорь пребывал в расслабленном состоянии: возлежал в шезлонге и потягивал из бутылки пиво. Рядом в тазике со льдом плавало еще несколько бутылок, а на столике лежала моя любимая вобла. Странно: все вокруг меняется – микрочипы, НЕРвы, кибершпионы и андроиды, а астраханская вобла как была единственной незаменимой закуской к пиву, так и осталась. Хотя попробуй объясни это немцу, например. Или шведу. Когда я пытался угостить одного шведа такой воблой, он в ужасе забормотал: «Слипинг фиш! Слипинг фиш!» – и жрать не стал.

– Сволочь ты, найденыш, – сказал я задумчиво. – Самая настоящая.

– Знаю, – вяло отозвался Игорь.

– Сунул мне в морду пистолет, машину угнать хотел, к негритосам этим заволок. Девку мою оттрахал, хотя это, как я уже говорил, тебя пусть не тяготит. Таскаю тебя за собой, кормлю, пою, деньги трачу…

– Я не просил. Сам позвал. Значит, нужен.

Логично. Мне почему-то захотелось слегка побить ему лицо, так, для профилактики, хотя пацан-то стопроцентно прав. Значит, с меня еще пиво. Усыновил хулиганчика, Таманский, возись теперь.

Но если по справедливости, Игорь особенных хлопот не доставлял. Прикрывал мою задницу в ботаническом саду, хотя мог бы и просто смыться. Шептуна, поди ж ты, в игрушку едва не обыграл! Надо, кстати, побеседовать с ним по этому поводу,

сказать, чтобы не зарывался. Шептун и за меньшие провинности кое-кого прикончил, правда, лет пять назад, сейчас поуспокоился… Игорь у него скорее вызвал деловой интерес, может, потом пристрою парнишку на что-нибудь легальное к Тепу, не худший вариант…

– Что ты собираешься делать? – неожиданно спросил Игорь.

– С тобой, что ли?

– Да нет, со мной как раз все ясно. Обсудили уж… С НЕРвами. Ласточку ведь они не отдадут.

– А я, думаешь, идиот и не понимаю? Куда стрелять? Кого резать? Они будут лежать на дне, пока я не проявлюсь с информацией о НЕРвах. Я уверен, что это не Шептун, и почти уверен, что это не Лот. Так что пей свое пиво и прибереги полезные советы для другого времени.

Судя по шипению откупориваемой бутылки, он тут же исполнил приказание. Правда, пиво он пил все-таки не свое, а мое, но на подобные разночтения я решил внимания не обращать. Однако Игорь не умолк.

– А может, это все не на самом деле? – сделав несколько громких глотков, спросил он.

– Что?

– Все. Ты, я, Шептун, НЕРвы… Якудза, Ласточка… Играл в «Мехико-Сити»?

– Я не играю в компьютерные игры, тем более в виртуальные.

– А зря. Знаешь, если на хороших наркотиках и с качественной аппаратурой – подлинная реальность. Ты ходишь по городу, спишь, ешь, разговариваешь, трахаешься, дерешься… Может быть, мы с тобой попали в такую игру? Я читал какую-то фантастику, не то комикс, не то просто книжку… Там как раз такая история описана. Вот я и подумал, когда сегодня с Шепом играл…

Ишь ты, Шептун для него уже Шеп. А еще вчера при одном упоминании о нем едва мне сиденье в машине не обмочил.

– …я и подумал, а если все – не на самом деле?

– На самом. Игра имеет логику, как ты знаешь. Иногда ее трудно уловить, но логика все же есть, та, которую заложили создатели игры. Здесь же никакой логики нет. А ее элементы, которые при желании все же можно найти – жизненные, не игровые. Так что пей пиво и заткнись, а то я тебя просто побью.

И тутя неожиданно подумал, что Игорь, может быть, прав.

Как бы страшно это ни звучало.

25. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист. *Без места работы*

Любая электронная система не работает, когда нет внешних изменений. Внешние изменения подразумевают искажение равновесия, и, чтобы восстановить равновесие, система должна работать.

Государственный аппарат – такая же система; чтобы она работала, необходимо ее раскачивать. Значит, преступник для государства так же ценен, как и защитник закона. Таким образом, получается, что эволюция общества и государства напрямую связаны с развитием преступности. Преступная деятельность граждан государства как эволюционный фактор для самого же государственного аппарата оправданна, но аморальна. Никто не радуется Ледниковому периоду, который играл решающую роль в эволюции человечества, но все жалеют вымерших мамонтов.

Я понимаю, что если снова влезу в эту историю с Алмазными НЕРвами, то мне придется перейти ту незримую грань, за которой я стану частью этого самого эволюционного фактора. Иначе просто не получится. Из добропорядочного гражданина с его маленькими грешками и такими же маленькими наказаниями я стану человеком, правонарушения которого караются не мелким штрафом или выговором – занесением в личное дело. И по-видимому, мне придется находиться за этой чертой до самого конца своей жизни. Потому что это как мышеловка: войти можно, выйти нет.

Я никогда не вернусь к прежней жизни, если сейчас снова ввяжусь в эту тухлую историю. У меня не будет нормальной работы, нормального жилья, нормальной женщины… Нормальной с точки зрения общества и общественной морали.

Я никогда не стану нормальным. Перестану вписываться в общие понятия и ограничения, стану неподотчетен…

Я собрал мобильную станцию. Закрутил клапаны замков. Оглядел комнату. Взгляд наткнулся на окно-монитор. На скамейке перед гостиницей по-прежнему сидел парень со «стингом». Ладно, пусть сидит, раз ему так нравится.

Я открыл дверь.

Я не буду нормальным… Я не вернусь в эту жизнь… И не надо. Дверь за мной захлопнулась. Прежняя жизнь не сумела меня удержать, посмотрим, не отбросит ли новая.

Когда я вышел, то с большим трудом подавил искушение просто подойти к пареньку и спросить у него, что ему нужно. Нет. Пусть все развивается само по себе, идет как идет.

Я и мой «хвост» двинулись по тротуару. Уже привычно.

Они появились на подходе к дому Тройки. Два человека и один кибер. Точнее, два незарегистрированных кибера и один с официальной меткой.

Со стороны могло показаться, что эти три парня просто стоят на дороге и о чем-то переговариваются. Но паранойя, пустившая глубокие корни в моем сознании, подала мне сигнал, и я остановился, не дойдя до них нескольких метров.

Во всяких руководствах для женщин на тему «Как удачно избежать изнасилования» рекомендуется перейти на другую сторону улицы. Я решил не игнорировать огромный опыт по этой части симпатичной половины человечества и резко свернул на проезжую часть, благо движение было тут не великое Еще бы, привилегированный квартал.

Понять намерения этих троих «друзей» не составило труда. Они резко потеряли интерес к разговору и, оставив зарегистрированного кибера на той стороне, двинулись за мной.

Круто начинается первый день оставшейся части моей жизни, нечего сказать.

Я остановился и опустил сумку с мобильной станцией на землю. Вспомнились слова из недавно отреставрированного фильма: «…а нас всего трое. Один из которых ранен и вдобавок зеленый мальчишка, а скажут, скажут, что нас было четверо. Атос, но сдаваться как-то…»

В данном случае я был полностью согласен с Арамисом; правда, что это за историческая личность, я по фильму так и не понял, но это был довольно скользкий тип. Тем не менее сдаваться совершенно не хотелось. По крайней мере, просто так.

А ничего, могущего заменить оружие, у меня при себе не было. Кроме понта и адреналина. И если первый был уже изрядно пообломан, то второго поднакопилось порядком. Я засунул руку в карман куртки.

Парни были специалистами и могли отличить просто крысу от крысы, загнанной в угол. Это их и подвело. Я был явно загнан в угол, но визуально определить, есть ли у меня что-либо в кармане или нет, представлялось довольно сложным делом. Таким образом, возможность, что я достану какую-нибудь незарегистрированную пукалку, была пятьдесят на пятьдесят. Получать пулю в живот никому не хотелось, а убивать меня, видимо, указаний не поступило. Иначе я был бы уже мертв.

Киборги остановились.

Так мы простояли некоторое время, и я уже успел пожалеть, что не стукнул того парнишку со «стингом» чем-нибудь по голове. Вот ведь, навел таки на меня… Зараза!

– Послушай, парень, – начал тот, что стоял поближе. – С тобой поговорить хотят. Не дергайся, а?

– Когда со мной хотят поговорить, мне письмо посылают, с уведомлением. Писать они умеют?

– Умеют. Ты не задирайся, мясо, вредно это. И хлопотно очень. Ты лучше давай в машину. – Он указал на черный «ролле», припаркованный на другой стороне улицы. – Прокатишься.

– Парни! А почему мне этого не хочется делать?! – Я сделал шаг назад

– А нас не е…!

И передний рванулся вперед как торпеда.

Я не боевик Я программист. Со времен Нового Нового Арбата я сильно эволюционировал. Остепенился, успокоился, стал просто жить и «не вмешиваться». Я даже иногда говорю всякие тупости типа. «Насилие не ответ!», «Насилием остановить насилие невозможно!». Но по правде, в глубине души я так не считаю. Невозможно остановить насилие словами. Может быть, я не умею или просто не пробовал?..

Как быстро слетает шелуха цивилизованности с голой, дикарской натуры человека! Животные рефлексы и инстинкты не забьешь какими-то тысячами лет цивилизации, они все равно проявят себя, дайте только толчок. Небольшой. Например, кибер, который несется на тебя с резвостью носорога, – это уже достаточный толчок.

Я успел вскочить на капот стоящей рядом машины, кажется «пежо» (как древность в таком квартале оказалась?). Однако кибер был не так уж глуп, поскольку остановился сразу же и мне пришлось в срочном порядке поджимать под себя ноги: его великолепная подсечка грозила мне переломом или вывихом лодыжек Так что он только лобовое стекло выбил. И ушибся, кажется. По крайней мере, должен был, когда я всем телом упал ему на область коленной чашечки. Это была неплохая задумка. Только она почему-то не сработала. Кибер только крякнул, а я ощутил, что его ноги на редкость твердые. Видимо, их уже кто-то ломал… Потом меня обхватили сзади, твердый кулак врезался мне в солнечное сплетение Коротко так. С машинной дозировкой. Кто-то ласково приговаривал: «Это за бутылку…»

Я еще имел глупость отбрыкиваться, когда меня тащили через проезжую часть улицы. Меня били не сильно, но больно. Как выяснилось, эти отбрыкивания, безопасные для моих похитителей, но болезненные для меня, спасли мне если не

жизнь, то свободу.

Я успел только разглядеть большую рыжую тень, что пронеслась сбоку, а затем позже удар, меня закрутило и шваркнуло об асфальт. Зато локти, заломленные чуть ли не до лопаток, мигом отпустили. Не ощущая ни рук, ни ног, я вскочил, согнувшись в три погибели от боли в груди, и увидел парнишку со «стингом» за рулем какой-то сногсшибательной (в прямом смысле этого слова) тачки.

На миг все замерло, и я, словно на снимке, узрел общую расстановку сил. Два кибера катятся по асфальту метрах в пяти перед бампером рыжей машины. Юмор был еще и в том, что машина называлась «ягуар». Ноги третьего кибера торчали из-под колес. А из-за руля машет мне рукой мой «хвост».

Миг замешательства прошел, и я ввалился внутрь автомобиля…

– Твоя тачка? – спросил я, когда наконец проморгался и мы отъехали на достаточное расстояние.

– Ты что, обалдел? – Голос у парня был низкий. – Откуда у меня такая тачка?

– Без понятия… Так ты ее…

– Угнал. Прямо там, за углом, когда понял, что тебя сейчас мочить будут.

– Блин, так нам сейчас на хвост сядут. Такая тачка, наверное, под надзором.

– Наверное. Но, как показывает практика, менты спохватятся приблизительно минут через пять. Потом минуты три займет поиск, это если машина на контроле. Если нет, то больше…

– Большая?

– Что большая? – Он отвлекся от управления дорогой и посмотрел на меня – что-то промелькнуло в моей памяти и исчезло.

– Практика. Ты сказал, практика показывает… Большая практика?

– Да уж не маленькая.

– Понятно. А сам-то ты чьих будешь? На такой странный вопрос парень, не смутившись ни на секунду, ответил:

– Мартина.

Кое-что стало проясняться.

– Так это он тебя послал?

– Он. Попросил тебя проводить и отмазать, если что… Мало ли, поймаешь проблемы. Дожили!

– Мартин… А звать тебя как?

– Это тебя не касается. Я делаю, что делаю, только потому, что Мартин попросил, лично ты меня не интересуешь.

И на том спасибо.

– А едем мы куда?

– К нему и едем. Или ты куда-то еще намылился?

Я пожал плечами. Пожалуй, намыливаться куда-то еще не стоило. Ехали молча.

– Кстати, – прервал я молчание. – Спасибо.

– Не за что. Это услуга Мартину.

Замечательно. Значит, если бы меня мочили, без указания Мартина этот чувак и пальцем бы не пошевелил… Исполнительный парень. Я присмотрелся к нему повнимательней.

– Я не кибер, – угадал он мои мысли. – Нечего пялиться. Вылезай, дальше пешочком потопаем. Менты скоро на хвосте будут.

Когда мы прибыли, вся теплая компания была на месте. Тройка чем-то гремел на кухне. Он любил это занятие: что-то приготовить и накормить всех. Еда получалась у него великолепно. Болтун спал в углу, Мартин мотался по маленькой квартирке Тройки.

– Черт! – Мартин выскочил из соседней комнаты, как чертик из табакерки. – Я волновался! Почему вы так долго?

Он обращался к моему сопровождающему.

– Да ладно, Март… Тут такое дело… Он чего-то в гостинице забыл. – И парень со «стингом» указал на меня. – Я ждал, как ты сказал…

– А меня это волнует?.. Ты мог со мной связаться?!

– Ну, мог… – Паренек был явно растерян и огорчен.

– Тогда какого хрена я тут мотаюсь из стороны в сторону?

– Я не знал… – Парень был готов расплакаться. – Я не знал, что он тебе так… дорог… Извини.

– Ладно. – Нельзя сказать, что Мартин особенно смягчился; от холода, что таился в его словах, замерзали стекла. – Шалтай, ты сделал, что я просил, спасибо. Я тебе благодарен… Теперь ты можешь идти.

– Я понял… Я уйду… – Шалтай мялся возле двери. – Скажи, а мы с тобой…

– У нас с тобой все уже кончено. И я думаю, что ты вполне способен это понять.

Хлопнула дверь. Мартин ушел в комнату. Я остался стоять возле двери.

Вот оно, оказывается, что… Меня спас бывший любовник Мартина. До сих пор любящий его… Неудивительно, что он не хотел со мной разговаривать.

– О! Аякс! Явился! – Тройка выглянул из кухни. – Ты Мартина видел? Он тут извелся весь. От окна не отходил. Ты чуешь?! – И

он пошло мне подмигнул. – Нет, ты чуешь?! Надо его позвать… Мартин!!!

– Не надо. – Я втолкнул Тройку обратно в кухню. – Мы уже виделись. Ты мне лучше пожрать чего-нибудь дай. Вчера так и не поел толком.

– Да, кстати, – без перехода начал Тройка, подавая мне тарелку с мясом. – Ты куда делся вообще? Я тебе домой звонил-звонил… Трубку подняли, но это был явно не ты.

– Я из дома слинял. И от бабушки ушел, и от дедушки… Короче, я теперь безработный.

– Круто. А из дома чего ушел?

– Особисты нагрянули. Вот такая я персона… важная.

– Особисты? Приятно… А рванул ты куда?

– В Белое Море… Слушай, ты мне дашь поесть?! У меня был довольно трудный день.

– Ешь, ешь… Кто тебе мешает? А фонарь тебе в Белом Море такой повесили?

– Фонарь?

– Угу… – Тройка указал на мой правый глаз. – Очень даже приличный фонарь…

– Здорово. Это не в Белом… Это возле твоей старой квартиры. Три кибера навалились. Судя по всему, приятели того парня, в которого я бутылкой запустил в «Змеиной куче». Он меня, вероятно, еще и на митинге заметил. Скотина. – Глаз действительно побаливал.

– На митинге?.. А ты на митинге тоже того, бутылкой?

– Нет, там я просто шлялся…

– А что за митинг?

– Да так… Чистые. Эта шкура у них лидер, оказывается. Чуешь, чем пахнет?

– Горелым! – воскликнул Тройка и кинулся к плите.

На кухню вошел Мартин и тихо сел у моих ног. Обнял икру одной рукой и положил голову мне на колено. Он молчал, и я сквозь тонкую майку ощущал, как бьется его сердце. Быстро, сильно…

– Ты очень жестокий мальчик, Мартин, – сказал я тихо.

Мартин не ответил.

– Значит, так! – Тройка закончил возиться с плитой. – Тема такая, чуваки, есть план. Ты с нами?

Последнее адресовалось мне.

– С вами… Куда же я денусь. И так в дерьме по самые уши.

– Есть простой, но надежный план. Блин, вы так смотритесь, что я сейчас заплачу от умиления.

– План чего? – спросил я, игнорируя его последнюю реплику.

– План добывания Алмазных НЕРвов!

– У якудза? Простой и надежный?

– Да! – Тройка пришел в свое нормальное состояние и стал буен. – Будите Болтуна, буду излагать!

26. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

Пластический хирург оказался благообразным пожилым мужчиной с внешностью скульптора. Строго говоря, он и являлся в своем роде скульптором.

Двадцать первый век для медиков оказался неприбыльным. Даже Нобелевок по медицине в последнее время не вручали. Время гениальных хирургов прошло, потому что лазерный скальпель в руке робота никогда не дрожит. Время гениальных диагностов – и подавно, потому что японские мудрецы изобрели хитроумные шкафы, в которые достаточно на секунду залезть, чтобы узнать все свои хворобы. Лекарства от новых болезней, правда, кому-то приходилось создавать, но лавры доставались химикам, нежели медикам. Конечно, Кунико и Хирохиса свои премии за лекарство против рака получили, но на этом триумфы медицины закончились.

Вот и осталось прибежище талантам – пластика и другие мелочи.

– Валентин Александрович, – учтиво сказал Бакалавр, он же Лева Вальчиков. – Мы пришли к вам с миром. Поэтому не будем устраивать игру во врачебные тайны. Договорились?

– Договорились, – с сожалением кивнул хирург

– Тогда расскажите нам без обиняков и без утаек, кому вы сделали пластическую операцию… э-э… ровно двенадцать дней назад.

– Не думаю, что моя информация будет полной, – сказал хирург. – Человек мне не известный, обратился по объявлению в газете. Как сейчас помню, интересовался изменением формы носа. Я назначил прием, он пришел.

– Один? Он был один? – спросил я.

– Совершенно один, притом чего-то сильно боялся. Оглядывался. Спросил, выключен ли видеофон. Потом попросил изменить ему внешность. Знаете, он, по-моему, еще и наркоман. Причем очень и очень давний.

– Как он выглядел до операции? У вас явно остались файлы в компьютере, вы же моделировали форму лица и прочее… Не советую врать, Валентин Александрович.

Вальчиков говорил спокойно, но внушительно. А хирург явно почитывал криминальную хронику и знал, что ссориться с

организованной преступностью не стоит. Поэтому он едва не прослезился, когда сообщил, что у него стоит программа уничтожения специально для таких случаев и клиент проследил, чтобы программа сработала.

– Были, были файлы, – бормотал хирург. – И до операции, и после, и промежуточные снимки… Все пропало.

– Не переживайте так, Валентин Александрович. – Вальчиков встал с модного алого табурета на гравиамортизаторе. – Где ваша техника?

В операционной, отделенной от зала пластиковой прозрачной перегородкой, уютно мигала огоньками тошибовская система «Зевс». Очень дорогая система, к тому же, насколько я понимал в подобной технике, индивидуальной сборки.

Вальчиков тоже поразился и похлопал хирурга по плечу:

– Да вы, Валентин Александрович, профессионал! Вон какую штуку забабахали! Показывайте, где у вас тут система уничтожения файлов. И запомните: ничто в этом мире не пропадает бесследно.

– «Ничто на земле не проходит бесследно, и юность ушедшая тоже бессмертна…» – пробормотал хирург философски.

– Это что? – осведомился я.

– Знаете, я филофонист. Собираю песни прошлого века… – застенчиво улыбнулся хирург.

Еще бы, с его-то доходами. И позапрошлого можно начать собирать, если не прикончат.

– Сколько вам заплатил клиент? – поинтересовался Вальчиков, который уже вовсю копался в мозгах «Зевса». На экране бежали разноцветные таблицы.

– Стандартные расценки. Никаких надбавок за секретность я не брал, – развел руками хирург. – Я, знаете, вообще не привык иметь дело с нелегальщиной… Боялся. И, как видите, не зря.

– Ну что вы, милейший. Никто вам ничего плохого не сделает. Переделывайте на здоровье носы, уши и прочие полезные органы. Тем более вот… Опа! Поймал я кое-что из уцелевшего. Посмотрите-ка, Валентин Атександрович, не эти файлы?

Я подошел к монитору вслед за врачом. Вальчиков гордо тыкал пальцем в список файлов.

– Неужели? – поразился хирург. – А меня уверяли…

– Это же техника, – укоризненно сказал Вальчиков. – Нельзя ей так безоглядно доверять. Вот, смотрите, face. fdf. ger – этот файл?

– Да.

– И соответственно facel. fdf. ger, face5. fdf. ger и face7. fdf.

ger. Остальные подпорчены, не стоит пока с ними возиться. Если с этим все в порядке – вопрос решен. Ну, начнем, благословясь?

На экране появилась фотография болезненного вида человека лет тридцати с небольшим. Тип лица неуловимо напоминает восточный. Кореец или вьетнамец… Нельзя сказать, что он обладал какими-то особыми приметами. Белесые волосы и брови, высокий лоб, узкий тонкий нос, бесцветные губы… В глазах – испуг, заметный даже на снимке.

– Неприятное лицо, – заметил Вальчиков.

– А это уже промежуточная, – сказал хирург, когда снимок сменился другим. Здесь человек выглядел гораздо старше и еще более неприметно.

– Да вы мастер, – уважительно произнес Вальчиков, и я понял, что хирург попался. Скоро ли, нет ли, но шеповская команда приведет к нему кого-нибудь переделывать внешность. Вот тебе и никакой нелегальщины. Хотя черта с два он до сих пор делал все легально, небось не купил бы себе такой драндулет, как этот «Зевс», подтягивая задницы старушкам.

– А это предпоследняя, – сказал хирург. Последняя не очень сильно отличается, я только немного подправил уши.

Лысый, омерзительно лысый, ссохшийся, морщинистый, заплесневелый старикашка. Шедевр пластики. Таких старикашек возле каждой приличной помойки десятки, бренчат медалями и ищут остатки жратвы. Никто на них не смотрит, а если и обращает внимание, то лишь при надобности пнуть или оттолкнуть с дороги.

– Как его зовут?

– Никак. Ни имени, ни фамилии…

Хирург, судя по всему, и впрямь не знал имени. Да и с чего бы клиенту светиться? Я бы тоже не сказал.

– С вашего позволения, файлы я скопирую и параллельно уничтожу. Так… Так… И вот так. Теперь их действительно у вас нет, – сказал Вальчиков, убирая в карман чехольчик с кристаллом. – Засим позвольте откланяться, Валентин Александрович, и посоветую вам никому не распространяться относительно нашего визита. Договорились?

– Договорились, – кивнул хирург.

– Теперь он наш, – уверенно произнес Вальчиков, когда мы садились в мою машину. – Сегодня вечером его найдут. Если он, конечно, еще здесь. Хотя с такой внешностью сесть на самолет или в поезд будет проблематично. Он решил спрятаться с Москве, и я не могу не согласиться с таким решением. В нашем бардаке скрыться может даже дилетант… А наш герой таковым и является. Хороший изобретатель и техник не обязательно

хороший конспиратор. Поперся к хирургу, засветился… По объявлению, вы слышали? – Думаете, его будет легко найти? —

– Думаю, да. Вопрос в том, удастся ли найти его живым. События последних дней все чаще наводят меня на мысль, что в Москве жить опасно.

– Вы только сейчас это поняли?

– Понял давно, но осознал на днях, – хихикнув, сказал Вальчиков. – Страшно, уважаемый… Сижу и думаю иногда: а вот возьмут меня и убьют. Мало ли что бывает. Я же не философию в университете преподаю. Хотя когда-то именно этим и занимался. Кьеркегор, знаете ли, Маркузе, Ясперс, Фромм… У меня даже печатная работа есть по Ясперсу. Уже плохо помню, в чем там суть, но в свое время вызвала интерес в определенных кругах. Ну, Константин, плюнем на дела и воспоминания? Посидим, поговорим, выпьем и закусим… Только не в «Алебастре», разумеется. В «Былине».

«Былиной» именовался престижный ресторан в самом центре, выдержанный в русских традициях и с русской же кухней. По здравом рассуждении я согласился. Все равно создателя НЕРвов будут искать шпионы и боевики Шепа, а мы с

Вальчиковым – человеком мудрым и интересным собеседником – можем откушать соляночки под водочку. Игорь пребывал в моем загородном имении, наслаждаясь покоем и пивом, над душой никто не висел, так что…

Горячая сборная соляночка с грибами, грибы соленые, икра, расстегаи с визигой, вареная картошка с укропом, гусь с яблоками… Вальчиков, судя по скорости официантов и качеству исполнения заказа, бывал тут часто. Что он и подтвердил после первой же рюмки:

– Люблю русскую кухню. Все настоящее, все съедобное, на все можно смотреть без содрогания. Ни жаб богомерзких, ни червей, ни жуков… Живыми никого не едят. Если соус – то в рот взять можно и огнетушитель не нужен… И водочка, само собой. Куда ж без водочки.

– Водочка, заметьте, все-таки не фонтан, – сказал я.

– Черноголовка бастует. Акцизы повысили, оно и ясно… – с грустью сказал Вальчиков. – Вот и пьем ерунду. Но все равно наша, отечественного производства.

– Хоть что-то мы еще сами производим…

– Послушайте, Константин, вы сами-то верите во всю эту ерунду с НЕРвами? – поинтересовался Вальчиков, отламывая гусиную ногу.

– Верю, – рассеянно отозвался я, пытаясь поймать на вилку соленый рыжик.

– А я не верю. Слишком анекдотично. По-моему, вся эта каша заварена с одной целью – перессорить московские группировки. Обратите внимание, в последние года три жизнь была спокойной и безоблачной. Никого не убили. Никого не посадили. Все знали свои места и не преступали границ – ни милиция, ни ТехКонтроль, ни черные, ни желтые, ни белые, ни киберы… Мирно сосуществовали. Делились по мере надобности. Решали трудные вопросы коллегиально. И вот кто-то решил, что такое миросостояние не подходит, и запустил утку насчет НЕРвов. Нанял, возможно, вот этого шибздика на роль создателя. И вот все бегают, спорят, стреляют, продают и покупают друг друга, в то время как… – Вальчиков запил гуся квасом, – в то время как на самом деле никаких Алмазных НЕРвов нет. У нас нет ни одного свидетельства специалиста. Каждый, кто включается в игру, рассуждает примерно так: поскольку НЕРвы уже ищет Шептун, значит, они существуют. И начинает искать сам. Следующий думает, что ищут уже двое, следовательно, дело серьезное. И строится грандиозная пирамида.

Я налил водки.

– А вот паренек один представил мне другой вариант событий. Не менее фантастический, прошу заметить. Как будто все происходящее – огромная виртуальная игра, а мы – персонажи. И не догадываемся об этом.

– Тоже неплохо, – похвалил Вальчиков. – Ах, да… Вы тут говорили про андроида, который вас убить-то хотел. Я запустил щупики и узнал кое-что. Представьте себе, вполне реально. Делают андроидов, и неплохих. Есть подпольный цех, где трое умных мальчиков собирают их по специальному заказу. Если бы не вы, я бы на них и не вышел, потому что не верил. Мы их придавили, тем более они вроде ни под кем не ходят – свободные художники. Разберемся. Анди нам нужны как воздух.

– А где тот, что меня выцеливал?

– Откуда же мне знать? Они своих питомцев выпускают на свет Божий, а за судьбой уже не следят. Так что остерегайтесь.

– Куда уж мне остерегаться…

– Я, знаете, завидую этому вашему Ояме, – снова сменил тему разговора Вальчиков, запуская в икру ложку. – Столько пожил, столько видел и, главное, столько помнит. А там, глядишь, мозг пересадит в тельце помоложе – и пошел на новый виток. Я понимаю, что тельце еще найти надо, но рано или поздно найдет. Три случая удачной пересадки – уже хорошо.

– А я не завидую. Руины, а не человек. Думаю, и мозг тоже имеет предел возможностей.

– Имеет. Вот вам, кстати, еще информация к размышлению об

А-НЕРвах. Если они – не миф, представьте, какие откроются возможности.

– Так миф или же нет?

– Я думаю – миф. Шептун, как и многие, полагает, что реальность. Никого не хочу разубеждать, мало того, буду приятно разочарован, если все-таки они существуют и умеют хотя бы половину того, что о них рассказывают. Ах, постойте… Меня вызывают.

Я слушал разговор, благо Вальчиков не скрывался.

Это был кто-то из пехотинцев Шептуна, который восторженно сообщил, что старика вроде бы нашли. Нет, не его самого, но след еще не остыл. На Литературной площади. Да, где торгуют. Нет, не сегодня, но был. Есть люди, которые видели. С ним еще трое, все молодые: один с виду педик, другие двое не с улицы, на площади раньше не вертелись. Мало того, парней вели вроде как модификанты, тоже неизвестные, никого особенно не задирали и вообще держались скромно и настороженно. Зацепочка есть, как не быть – тип по кличке Хамелеончик. Чем занимается? Да ничем, купи-продай. Шушера, можно сказать. Да, уже ищут. Вот-вот найдут. Если не обдолбался до безумия, разговорится, куда он денется, миляга.

Вот так, подумал я. Сколь веревочке не виться…

– Слышали? – спросил Вальчиков, отключившись. – Можете спокойно доедать и допивать, к полуночи вашего изобретателя уже будут в «Алебастре» развлекать. Вот тебе и НЕРвы. Они сами, получается, не слишком и нужны, а? Он ведь и новых может понаделать.

– Возможно, – осторожно согласился я. – Но давайте не будем забегать вперед.

И совсем скоро я убедился, что забегать вперед и в самом деле не стоило.

27. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист. *Без места работы*

План у Тройки был действительно простой. Совершенно простой, как бублик. С дыркой посередине.

По мысли Тройки, следовало пойти и просто-напросто взять НЕРвы у якудза! Как два пальца… отрубить. Махнул резаком – и готово!

План, по простоте, как уже говорилось, подобный бублику, имел глобальную дырку в центре. Как и положено бублику. Он срабатывал только в том случае, если якудза не знали, что было передано им на хранение.

Якудза, как оказалось, помимо всяких финансовых афер, промышленных махинаций, кидания банков, продажи наркотиков, контрабанды, оружия и отмывания денег как чужих так и своих, предоставляли обществу имущих услугу, называемую «хранение». Они могли сохранить у себя все. Начиная от чертежей новейшей подводной лодки и заканчивая самой подводной лодкой. Предмет пребывал в целости и сохранности до тех пор, пока не истекал срок, за который было заплачено. По истечении срока предмет продолжал храниться у якудза в той самой целости и сохранности, если якудза питал к клиенту особое уважение. В другом случае предмет шел в обработку. Например, чертежи продавались тому, кто предложит большую цену, а подводная лодка спускалась на воду и пиратствовала в местных водах. Якудза назначали цену хранения в зависимости от ценности предмета, оставляемого у них. Известно было также, что сохранность и возврат владельцу, при соблюдении всех условий клиентом, гарантировался честью якудза. Если предмет был оплачен и не просрочен, то, будь это хоть полный компромат на клан и всех его членов, этот предмет будет возвращен клиенту.

Но любое правило имеет целый ряд исключений, как любой закон имеет логические рычаги, ухватив за которые, можно развернуть это дышло в любую сторону, не изменив ни единую его букву. Якудза всегда славились своей способностью вывернуть Фемиду и всех ее слуг наизнанку, как в прямом, так и в переносном смысле.

И еще одно смущало меня. Болтун что-то недоговаривает… Не врет, но и всей правды не говорит.

– НЕРвы оплачены на год вперед. Вложены в сейф… Ключ

там… Все как положено. Сами НЕРвы я передал лично, а документация пошла потом. Но не важно, вам документация не нужна.

– Почему не нужна? – спросил Тройка.

– Не нужна. Вы там не поймете ни фига. А если сдуру отдадите кому… Их не воспроизвести… Даже со всем пакетом документов. Это чудо. Чудо. – Болтун еще не отошел от очередной ширки и поэтому говорил нескладно, рваными фразами.

– Чудо не чудо, а документацию возьмем.

– Берите… – вяло ответил Болтун. – Мне до фени. Мне бы из страны смотать, да и все.

– Думаешь, там тебе лучше будет?

– Лучше… Мне все равно. Лишь бы смотаться. И НЕРвы берите, и документацию… Хотите еще чего?

– Не хотим… Нам бы с этим барахлом разобраться.

– Ладно, – так же апатично отозвался Болтун. Затем вдруг вскинулся, схватил меня за грудки и прошептал: – Ты убей их! Убей, а?! К такой-то матери!!! Просто ногой раздави, и крышка! Там кристалл, ты раздавишь – и все. Кристалл… он хрупкий. Я тебе говорю, в натуре… Ногой!!! Не время для чудес. Не время!!! А они – чудо… Не я, не я их… – Он сел на пол и заплакал.

– Черт, какой отходняк паршивый у этой дряни, – гадливо произнес Тройка. – Мартин, он, всегда такой, отходняк, я имею в виду?

– От крэка-то? Всегда. Растворенный крэк – это такая штука… Если уж от края на него влез, то лучше сразу завязать. Пять раз вмазался – и считай себя овощем. Я два раза им закидывался… Приход у него… хороший. Плотный. А вот отходняк… Не катит.

– А очухается он когда?

– Да минут через сорок…

– Отлично. Значит, через тридцать выезжаем… – Тройка энергично ринулся куда-то в комнаты, затем остановился. – Да! Киньте Болтуна в ванну, его так быстрее отпустит, а сами в дальнюю комнату. Надо вам инструменты собрать.

Через тридцать минут мы двинулись.

На двух машинах. Одна шла впереди и везла Тройку и Болтуна. Во второй за рулем сидел Мартин и вез меня. Мы осуществляли прикрытие на случай непредвиденных неприятностей. Хотя что мы, в сущности, могли-то?

Переднюю машину начали отслеживать за три квартала от цели. Радиус в полтора километра от штаб-квартиры клана был самым спокойным в городе. Тут нельзя было встретить торговца наркотиками, тут нельзя было встретить каких-нибудь

отморозков с пушками в карманах, тут не бродили стайки карманных воров, даже киберов тут было меньше, чем в других местах. Причем количество милиционеров тут было равно нулю. Просто километр уличного пространства контролировали якудза. Каждый закоулок, каждый переулочек. Нищий, шляющийся по подземным переходам в этом районе, мог рассчитывать на помощь широких в плечах раскосых боевиков, способных одним своим появлением подавить любые мысли о сопротивлении или о насилии. По крайней мере, такую картину нарисовал мне Мартин.

Передающие устройства тут не глушились. Просто в этом районе не было незарегистрированных передающих устройств. А если они появлялись, то ставились на жесткий контроль, и любое недопустимое слово или непонятный сигнал обрекали передатчик, идентифицированный как чужой, на глухоту, слепоту и вообще на смерть. Не исключено, что вместе с хозяином.

Якудза не навязывали внешнему миру свои порядки. Якудза жили по своим законам. Пока никто не возмущался.

План был простой. В здание входит Болтун. Тройка ждет его в машине с включенным двигателем. В случае опасности Тройка запускает коротковолновый передатчик, который дает во всех диапазонах скачок белого шума высокой интенсивности. По этому сигналу мы мчимся к Тройке и действуем по обстоятельствам. Учитывая многообразие возможных обстоятельств, у нас под капотом был установлен крупнокалиберный пулемет. Обмундирование, которое оказалось у Тройки в дальней комнате, также рассчитано на самые разные перипетии. Мы были упакованы в тонкие, но достаточно прочные бронежилеты, теоретически способные компенсировать удар пули девятого калибра. Это в теории, на практике такие брони спасали только от случайной пули, да и то на шестьдесят процентов – если повезет. Но в них было спокойно.

Оружие представлено двумя переработанными «стечкиными», которые то ли делались на заказ, то ли просто побывали в руках какого-то местного Кулибина. «Стечкины» могли использовать как традиционные патроны с тупой головкой, так и патроны с повышенным проникновением. В них было еще что-то, предполагались какие-то навесные штуки, но их Тройка предусмотрительно снял и закинул в дальний ящик.

Чем были вооружены сам Тройка и Болтун, я не знал.

Со всем этим дерьмом мы казались себе невероятно крутыми, хотя от мысли, что нам придется совершать наезд на якудза, на меня снизошло абсолютное спокойствие, какое бывает у кролика, который внезапно решил накидать по ребрам удаву.

Может быть, эта наглость нас и спасла.

Маленькая камера под потолком совершенно не интересуется происходящим в комнате. Ее работа – только фиксировать и передавать. Кому передавать? Этим маленькая камера не интересуется. Поэтому она и находится в конце информационной цепочки. Камера, оптоволокно, приемник, декодер… Много маленьких устройств, словно пчелы в улье, словно муравьи, и каждый знает свое дело. Каждый занят своим делом и не касается дел других. Маленькие электронные существа, примитивные одноклеточные, однопроцессорные, которые гораздо мудрее таких сложных и таких глупых людей. Люди имеют неприятную привычку лезть в чужие дела, совать нос куда не следует… Маленькая камера под потолком внимательно изучает этих странных и непоследовательных существ.

– Я слушаю вас, уважаемый Ким. Я вас внимательно слушаю. – Японец вежлив, как Господь в первый день творения.

– Я пришел… – У человека по прозвищу Болтун, известного в межнациональной компании «Ультра График» под именем Роман Ким, в горле вдруг образовался ком. Якудза не должны были знать его имени. Совсем не должны. – Я отдавал вам на хранение один предмет. Я хотел бы его забрать…

– Отдавали. Вы совершенно правы. – Японец улыбается, и Болтуна прошибает пот. – Я думаю, вы готовы устранить то маленькое недоразумение, которое произошло во время хранения этого предмета у нас.

– Недоразумение? Какое недоразумение?

– Неприятного свойства. Дело в том, что вы не уплатили за его хранение. Точнее, уплатили не полностью. Этот предмет просрочен.

– Как просрочен?.. Я уплатил за год. Точно за год. Как я понимаю, прошло всего несколько месяцев.

– Да. Прошло немного времени. Но вы изначально нарушили условия договора о хранении. По договору вы должны были предоставить полную информацию о предмете. Или всю известную вам информацию. Вы же этого не сделали… Это огорчило наше руководство. Получилось так, что вы серьезно подорвали наше уважение к вам.

– Я сказал, что отдаю вам на хранение опытный образец НЕРвов… которые… которые сам разработал. Я сказал правду.

– Вы не сказали, что это Алмазные НЕРвы.

– Какое это имеет значение? – Болтун яростно взмахнул рукой.

– Имеет! – раздался чистый голос. Болтун вскочил. Вскочил и японец.

– Господин Мацуо. – Японец кланяется.

Мацуо Тодзи, оябун якудза Московского региона, глава клана. Фигура почти мифическая. А на вид… скромный пожилой японец. Широк в плечах, высок и прям, как меч проглотил, на лице характерные для жесткого и властного человека морщины, глубокие, как шрамы.

Мацуо сделал жест рукой, и человек, который беседовал с Болтуном, словно испарился. Бесшумно и бесследно.

– Вы не сказали нам главного, – продолжил Мацуо Тодзи, проходя по комнате и садясь на возвышение, установленное у стены. Вполне может быть, что именно для него это возвышение и делалось. – А именно это обстоятельство имело влияние на стоимость и на условия размещения у нас этого предмета. Как видите, вопрос этот серьезен настолько, что я взял руководство этим делом на себя.

– Как? Как вы узнали? – Болтун почувствовал, что все его тело бьет мелкая дрожь, реальность куда-то проваливалась. Из глубин сознания медленно поднималась тягучая волна страха смерти.

– Как… Нам помогли в этом другие люди. Люди с черным цветом кожи. И это довольно сильно огорчило меня. Якудза оказались в оскорбительном для них положении и были вынуждены исправлять сложившуюся ситуацию. – Мацуо Тодзи выдержал паузу. – На это было затрачено множество усилий… Поэтому мы сочли необходимым изменить стоимость хранения известного предмета. Теперь он просрочен, вашего взноса хватило только на несколько месяцев.

– Я готов оплатить…

– Да, вам придется оплатить. Таков ваш долг перед кланом. Вам придется поработать на нас. Некоторое время… Вам предоставят для этого условия, оборудование и создадут все возможности для плодотворного труда.

Болтун засмеялся. Громко, истерично закатываясь в хохоте. Он смеялся в непроницаемое лицо оябуна якудза. Он смеялся над всем, что видел…

– По… пошел ты! – прокричал Роман Ким сквозь смех, глядя на маленький чип, выложенный на низенький столик, на свое творение и на свое проклятье. – Пошел к такой матери, желтомордик!!! Мне… мне насрать на твой клан! Мне… Я не для того бежал как крыса от «Ультры», чтобы влипнуть, как муха в смолу, к тебе в лапы! Я, Роман Ким, никогда не буду работать на кого бы то ни было. Кореец никогда больше не будет работать на японского господина! Хватит! Слышишь, обезьяна? Слышишь?!!

Болтун вскочил. Болтун побежал. Он знал, что это последний

бег в его жизни. Он вложил в него все остатки сил измученного наркотиками и работой тела, всю радость последней свободы, всю злобу последнего рывка, который делает смертельно раненный зверь. Он рассекал воздух грудью, расставив руки в стороны, как птица крылья, когда в спину его что-то толкнуло, без боли, без звука… Был только ветер, что свистел в ушах, только уходящая тянущая боль в усталом теле… Толкнуло снова и снова… Болтун оторвал ноги от пола и… полетел. Куда-то вверх, в свет и тьму. Туда, куда он стремился всю жизнь. В покой.

И Ветер мягко принял его в свои объятия.

Маленькая камера под потолком знает, что никогда она не будет лезть в чужие дела, никогда она не станет такой же глупой, как человек, никогда… Маленькая камера под потолком только наблюдает за человеком, больше ничего.

Я видел, как он умер. Как его тело вылетело с высоты второго этажа через окно, рассыпая вокруг себя игольчатые звездочки разбитого стекла. Сила удара тела о поверхность окна была такова, что пуленепробиваемые стекла не выдержали и посыпались вместе с ним наружу. Мертвое тело упало на асфальт, оставив позади все, что когда-то носило его имя.

Во всех радиодиапазонах звучал громкий рев. Это Тройка запустил коротковолновый передатчик. Когда мы вырвались на площадь перед зданием, передатчик смолк. А мы увидели, как из машины Тройки вылетает человек. Спиной вперед, через дверь водителя. Дверца лежала рядом… А сам Тройка вышибает заднее стекло и, упав на асфальт, мчится в нашу сторону, изрядно хромая и придерживая руку, висящую под неестественным углом.

Мартин с визгом затормозил и, сжигая покрышки, почти на месте развернул автомобиль к бежавшему Тройке.

– Поднажми! – закричал я, хватаясь за рукояти управления пулеметом.

Тройка поднажал и, сообразив, что я собираюсь делать, сместился чуть вправо. Из машины за его спиной выбралось несколько человек, еще двое бежали за Тройкой от здания. Я не знал, в какую сторону направлен пулемет в багажнике, на всякий случай вывернул рукояти в крайнее положение, противоположное движению Тройки И вдавил все кнопки, что отвечали за стрельбу. Просто не было времени разбираться, что там к чему…

Машину тряхнуло так, что непристегнутый Мартин стукнулся о руль лбом и протестующе закричал. Багажник остался на месте, просто с одной стороны в нем образовалось отверстие величиной с голову взрослого человека, из которого вырывалось злое пламя, плюющее свинцовыми огурцами. Судя по плотности огня, пулемет был многоствольный.

Плотный пулеметный огонь ударил в здание… Во все стороны полетели ошметки бетона, камня, стекла… Я передвигал рукояти. Машина тряслась, как паралитик во время приступа.

Взрыв!!! Это задетая припаркованная машина выразила протест единственным доступным для нее в сложившейся ситуации способом. Краешком глаза я отметил, как в сторону полетело колесо…

Вдруг что-то бухнуло, и у меня закрыло обзор. Гениальный конструктор, что встраивал крупнокалиберный пулемет в машину, совсем забыл, что крышка багажника крепится на замочек… И именно этот замочек я только что и расстрелял. Разрезанная до середины крышка багажника открылась и закрыла обзор!

Мне повезло, что в поле моего ограниченного зрения появился Тройка. Поняв, что зацепить его уже не могу, я вслепую начал поливать огнем площадь, дергая рукояти управления то вправо, то влево, то иногда вверх… Позади сиденье тяжело дернулось, и мы рванули с места, как на реактивной тяге. И именно в этот момент в пулемете кончились патроны… В наступившей тишине было слышно, как вращаются, остывая, стволы в багажнике…

Крышку сорвало, когда мы выехали с площади и нас подкинуло на каком-то бугорке. Я еще успел удивиться, какой, на фиг, бугорок в центре города. Последнее, что я заметил, – это как на разгромленную площадь съезжаются какие-то машины.

Тело Болтуна так и осталось лежать на усыпанном стеклом и бетонной крошкой асфальте.

28. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

Мы с Вальчиковым приехали – а вернее, примчались – к штаб-квартире якудза в считанные минуты, после того как один из шептуновских полевых командиров сообщил, что операция провалена. И отнюдь не по нашей вине.

Старик кореец лежал на асфальте, и даже при первом взгляде было ясно, что он мертв. Безнадежно и бесповоротно мертв. Рядом уже суетились шеповские медики, жужжали пилкой, готовились переложить в контейнер мозг старика. Но покойник приложился головой… Вряд ли что получится.

– Будьте внимательны, – сказал Вальчиков. – Это район якудза. Не думайте, что если вокруг не кишат японцы, то все в порядке. За нами следят сотни людей и десятки камер. Они не вмешиваются только потому, что им не велено вмешиваться. Война-то не объявлена.

Я и сам понимал, что японцы могут нас раскатать по асфальту почище, чем старика изобретателя. Двенадцать пехотинцев на трех машинах да мы с Вальчиковым – не слишком опасная боевая единица…

– Старичок-то сам кинулся, – сказал, подойдя к нам, неизвестный мне плотного сложения человек. – Наши видели.

– Да уж. Якудза так просто с людьми не расправляются, не их стиль, – согласился Вальчиков. – А кто тут фейерверк устроил?

– Вот тут-то самое интересное. Парнишки эти, которые старика на барахолке нашли. Не такие простые парнишки, не пальцем сделанные. – Толстяк поправил брючный ремень, который сползал: на нем явно была укреплена кобура, не видная за длинными полами пиджака. – На хорошей тачке, оборудованной крупнокалиберным пулеметом. Судя по всему, у япошат есть жертвы. Нажили себе врагов ребятишечки.

– Их отслеживают?

– Пошла машина следом, вроде пока не потеряли. Несутся парнишки по городу сломя голову. Боятся. И правильно боятся, потому что японцы тоже за ними поспешают. Параллельно нашим. Постараемся отсечь так, чтобы ничего не заподозрили…

– Проследите, где спрячутся. Пока не трогайте, – распорядился Вальчиков. – Опа! Гости к нам.

От вестибюля ближнего здания к нам не спеша приближался

японец. В последнее время я насмотрелся на них более чем достаточно, но до сих пор японцы для меня на одно лицо. Этот ничем не отличался от собратьев – чинный, маленький, чистенький, прилизанный, в костюмчике. Я вспомнил, что в детстве мы дразнили японцев «джапами». Хорошее слэнговое слово, но почему-то не прижилось.

– Вальчиков-сан? – осведомился японец, приблизившись и поклонившись.

– Я.

– Господин Тодзи просит вас покинуть нашу территорию. Вас слишком много, и среди вас есть вооруженные люди. Если Вальчиков-сан желает, он может оставаться здесь сколько угодно долго и беспрепятственно передвигаться, но вооруженные люди должны уехать. Мы соблюдаем условия, просим соблюдать условия и вас.

– Хорошо. Сейчас. Может, объясните на прощание все вот это… – Вальчиков обвел рукой окрестности, имея в виду труп старичка и горящую неподалеку машину.

– Это наши внутренние проблемы, Вальчиков-сан, – улыбнулся японец. – Не будете ли вы так любезны не акцентировать на них внимание?

– Ну, пока, самураи. – Вальчиков дал своим команду убираться и полез в машину.

Мы ехали по мрачной Москве, и все вокруг казалось отвратительным. Вальчиков беспокойно тер пальцами глаза, потом повернулся ко мне:

– Ненавижу японцев. Все у них не как у людей. Знаете, как собака лает? По-японски?

– Так же, как и по-русски, – предположил я.

– А вот и нет. Для японца собака лает «ван-ван». А кошка мяукает «няа-няа».

– Ну, это похоже. Я про кошку.

– Ага… А листья шуршат «каса-каса». Вы хоть раз задумывались, как изобразить звук шороха листьев под ногами? По лицу вижу – никогда. Потому и не терплю японцев. Поубивал бы.

– Скоро такая возможность вам представится, – порадовал я его. – Если можно, верните меня домой, за город. А пока я вздремну.

Игорь хозяйничал. Он жарил на сковороде что-то мясное, обрызгивая стены жиром. Автоматическая мойка была забита грязной посудой.

– Сломалась, зараза, – просто сказал Игорь, показав на нее пальцем. – Как успехи?

– Хреновые успехи. Подох дедушка-изобретатель, да так удачно подох, что мозгов не соберешь.

– Ну и ладно, – философски сказал Игорь, – Жрать хочешь?

– А что это у тебя?

– Это у меня мясо.

– И что ты с ним сделал? Решил уничтожить?

– Поджарил. С овощами, с луком. Соус у тебя какой-то тут был, тоже туда бухнул. Острый, правда… Но можно пивом запивать, в холодильнике еще полно.

Мы расположились на веранде. После «Былины» есть не хотелось, но и обижать повара было негоже. Я осторожно попробовал маленький кусочек, нацепив на вилку. Стряпня моего найденыша и впрямь оказалась пристойной, чего я никак не ожидал.

– Ничего, – похвалил я, запивая мясо ледяным пивом. – Где научился?

– Да у меня батя раньше поваром был… Ресторанчик свой имел в Ки-Уэсте.

– Постой, постой… Ки-Уэст – это ж Штаты.

– Так я там и жил. А потом эта чертова программа «Цивилизация», батя клюнул, ну и переселились в Новую Москву. Оказалось, зря, батя и подсел на «белый». Дальше ты знаешь.

– А мать?

– Мать скинхэды убили, еще в Америке. Там волнения были, а она из магазина вечером шла.

– Скинхэды? С чего бы это?

– Мы ж черные. – Игорь посмотрел на меня с удивлением. – Разве не видно?

– Нет.

– Я негр. Правда, отбелился. У нас один парень, Сальвадор, он раньше в медицинском учился, такие вещи делает. Дешевле, чем в салонах. Только гарантии никакой, говорит, зависит от индивидуальной активности пигмента. Но я вот четыре года хожу, ничего еще не проявилось…

– Так ты, надо полагать, и не Игорь вовсе? – Я откупорил новую банку. Черт, все-таки перца можно было и поменьше класть.

– Почему же? Игорь. Раньше был Рэймонд Клинг, а потом, как отбелился, официально поменял имя. Фамилию ту же оставить хотел, хорошая фамилия, но потом передумал – чтоб уж все было как надо…

Выслушав эту замечательную новость, я не стал ее комментировать, чувствуя, что вот-вот сойду с ума. Не хватало мне кроме черных негров еще и белых. При бессоннице

рекомендуют считать белых тигров, а я, наверное, скоро буду считать белых негров. Один белый негр, два белых негра… Хотя стоп, бессонница у меня как раз отсутствует. Сплю как проваливаюсь.

Я покончил с едой, ограничившись еще двумя небольшими кусочками и одним пивом, и занялся новостями. Информационные агентства и газеты никак не комментировали происходящее в городе. По крайней мере, упоминание об А-НЕРвах мне не встретилось ни разу Случай со стариком дали в колонке криминала три газеты, но намекая на самоубийство. Спрогис-Зигфрид вроде как еще жив, ибо о его смерти раструбили бы все вокруг.

Теракт в Доме журналистов обсуждался в связи с пустующим до сих пор креслом в МВД. В качестве преемников Борецкого назывались героический муровец Комарченко, нынешний замминистра Кленов, человек из администрации президента по фамилии Драбкин, которого я не знал, и неплохой дядька Поплавский из Минъюста. Аналитики сходились на том, что министром будет либо Комарченко, либо Драбкин. Мне в принципе было все равно, так как ситуацию в стране и в городе никто не изменит к лучшему. Министров можно пересаживать с кресла на кресло, снимать и даже стрелять, общей тенденции это не исправит.

– Слушай, – обратился я к Игорю, который рылся в стопке антикварных журналов начала века. – А что твои Грызун с Дайвером, откуда про А-НЕРвы пронюхали?

– А это как легенда, – рассеянно сказал Игорь, обгрызая заусенец на ногте. – Про них много кто знает, но никто не воспринимает всерьез. Не воспринимал, точнее… А они как-то пронюхали. Сволочные ребята, я старался с ними не водиться. А вот влетел.

– Летун… Головой думать надо. Ты, кстати, знаешь, как собака по-японски лает?

– Собака? Она ж не японец, значит, гавкает, как и в любой другой стране.

– Черта с два угадал. «Ван-ван».

– Непохоже… – усомнился Игорь.

– То-то и оно.

– А если она с нашей собакой встретится, с русской? Не поймут друг друга?

– Слушай, я не собака и не японец, слава всевышнему. Увидишь собаку или японца, спроси у них.

Оставив его размышлять над особенностями японских звукоподражаний, я отправился в свой кабинет, вернее, подобие

такового. Я никогда не мог собраться с силами и устроить себе нормальное рабочее место. Вот и здесь, за городом, роль кабинета выполняла небольшая мансарда, заваленная мусором и старыми вещами. На стенах висели всякие старые одежки, фляжки, сувениры, картинки, веревочки и шнурочки, по углам валялись ботинки и кеды, использованные батарейки, пустые пивные банки… Среди всего этого великолепного хлама стоял хлипкий трехногий столик, а на нем – безнадежно устаревший текстовый процессор «Хьюлетт-паккард», даже без голосового дешифратора.

Что-то такое вертелось в голове, из чего мог бы сложиться материал. Я еще не знал, будет ли это эссе о НЕРвах или пространное рассуждение о коррупции в верхах, но что-то такое наклевывалось.

За стенкой деловито копошились крысы. А может, домовой.

Сбросив со стула стопку книг (что за книги, кстати? откуда тут?), я включил технику, но тут же был отвлечен Шептуном. Самым настоящим живым Шептуном, который не таинственно позвонил, а появился сам, на своих собственных ногах, и сказал только одно слово:

– Поймали.

Из короткого рассказа Шептуна, который был голоден и в промежутках между фразами жевал Игорево кушанье, я понял следующее. Ребятишки, которые поцапались с якудза, удирали по Москве в сопровождении шептуновских пехотинцев. Они тянули куда-то к северным окраинам, но японцы догнали их в районе Северо-Восточной энергостанции и загнали в тупик. Тут-то и пришлось вступиться людям Шептуна. Шеп говорил об этом с явным недовольством, так как вооруженное столкновение с якудза ничего хорошего не предвещало. Оставалось надеяться, что никто из японцев не успел передать своим, что их замочили киберы.

Итог разборки – восемь покойников-японцев и трое людей Шепа, еще четверо ранены. Виновники же свары отловлены и с надлежащим вниманием препровождены в «Алебастр», где и сидят сейчас в подвале в ожидании своей участи.

– Я подумал, что неплохо бы тебе самому поприсутствовать, – сказал Шеп. – Видишь, даже посетил тебя. Хороший дом.

– В качестве загородной базы не годится, – пресек я возможные поползновения с его стороны.

Знаю, ему палец в рот не клади. Вот так ответишь на похвалу, а завтра весь чердак будет уставлен аппаратурой, а кладовка – ящиками с гранатами и нелегальными микрочипами.

– Да я и не думал… – поморщился Шел. – Не о том сейчас

думать надо. Похоже, война-то только начинается, дражайший.

– Там трое в машине сидят, – сказал Игорь, неслышно появившись в дверях. – Жрать небось хотят. Я им снесу немного.

– Это мои, – кивнул Шептун. – Потерпят. Ну что, поехали? Посмотрим на этих оборванцев…

29. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист. *Без места работы*

Нас взяли в каком-то полуподвальном помещении, куда мы рванули после того, как преследовавшая нас машина с японцами взлетела на воздух.

К моменту взятия у нас был полностью растрачен боезапас, и теперь у меня не слишком сильно, но ощутимо побаливала шея. В общей свалке я ухитрился попасть в «полный Нельсон». Совершенно безнадежный захват, если кто не знает. Как минимум лишает дыхания, максимум – просто ломает шею. Тройку взяли легко, куда там ему со сломанной рукой… А вот про Мартина я ничего не знал. Общую свалку помню. Как на шею навалились стальные тиски, подбородок уперся в грудную клетку и перед глазами начало медленно гаснуть и без того скудное освещение – помню. Но Мартин словно испарился. Ни в подвале его не было, ни в фургоне, в котором нас везли. Только один из боевиков придерживал вывихнутую в плече руку. Судя по тому, что никто не пытался ее вставить на место, я предположил разрыв сустава. Это было не моих и не Тройкиных рук дело, точно. Значит, Мартин ушел. Что меня не расстроило. Особенно когда я обнаружил, что привезли нас к чудному месту, называемому «Алебастр». Сюда сползаются все кибернетические засранцы города.

Обращались с нами довольно прилично, мы оказались где-то во внутренних помещениях, куда не долетала внешняя суета и то, что киберы ошибочно считают музыкой. Мы были усажены за столик, Тройке уложили руку в шины и дали какие-то таблетки. На столе стояли баночки, в которых могло плескаться все что угодно, от кока-колы до соляной кислоты. Я не стал ни к чему притрагиваться.

Самым забавным было то, что за все это время не было произнесено ни слова. Нам показывали дорогу, нас усадили за стол, нас оставили в покое, встав неподалеку в по-строевому расслабленных позах. Все явно чего-то ждали…

И мы ждали тоже.

Чтобы как-то компенсировать ограниченную свободу перемещения, я развалился в кресле и закинул ноги на столик. Ничего не произошло. Только Тройка, слегка приподняв бровь, посмотрел на меня. Я пожал плечами. Если все ждут, значит, и мы

подождем.

Я осмотрелся. Местечко было что надо. Один выход. Я не исключаю, что были и другие точки для проникновения, то есть я даже уверен в том, что запасные выходы имелись в наличии, но они были замаскированы настолько качественно, что глазу не за что зацепиться. Киберов в комнате находилось человек пять. Все они расположились таким образом, чтобы держать в поле зрения и нас, и вход в помещение. То есть полукольцом. Все они смотрели в какую угодно сторону, только не на нас. Однако я знал, что киберу совсем не обязательно смотреть на объект, чтобы его видеть. Поэтому я не удивился тому, что вся команда разом вытянулась, когда в дверь вошли трое.

Один имел внешность доброго, но слегка сумасшедшего доктора-стоматолога. У второго был отсутствующий вид, что подчеркивали длинные с проседью волосы и странный плащ. Третий мне показался смутно знакомым. Что-то мелькнуло в сознании, какая-то сцена.

Где же я его видел?

Я покосился на Тройку. На его лице прежнее скучающее выражение. Словно он не со сломанной рукой находился в комнате, набитой киберами под самый потолок, а сидел в первом ряду театрального зала.

Из вновь прибывшей компании человеком был только один. Тот, что, как мне показалось, напоминал мне кого-то. Остальные были киберами.

Кибер с длинными волосами подошел к столу и, упав в кресло напротив меня, хмыкнул и произнес, словно прошептал:

– Здравствуйте, дражайший. Очень приятно с вами познакомиться.

Я ничего не ответил.

Остальные пришедшие сели в кресла неподалеку. Тот, что показался мне знакомым, заложил ногу за ногу и как-то профессионально прищурился.

Где же я его видел?

– И вы здравствуйте, – обратился патлатый к Тройке. – Вы вообще говорить умеете?

А пошел ты!

Я подался вперед и, придав своему лицу задушевное выражение, спросил:

– А скажите… Если, конечно, это возможно. – Патлатый повернулся ко мне с ожиданием. – У вас тут ничего не интерферирует с другими? Такая куча железа вокруг… Мало ли что.

Было видно, как оскалился похожий на доктора мужик.

Словно дантист, узревший больной зуб.

Я ожидал чего угодно. Пинка, удара в спину от охраны или красивого «правой в скулу» от самого патлатого, однако он только моргнул:

– Нет, Артем, ничего не интерферирует. У меня экранировка очень хорошая.

Мать твою! Он, оказывается, знает, как меня зовут. А впрочем, чему я удивляюсь? Это ж кибер, а что я знаю о киберах? Только то, что они уже не люди.

– Знаете что, – продолжал патлатый. – Вы чувствуете себя стесненно. Я вас понимаю. Вы попали сюда при несколько необычных обстоятельствах, вы много пережили, устали, в конце концов. На вас давит обстановка. Поэтому я не виню вас за некоторую замкнутость. Я бы хотел принести некоторые извинения по поводу недоразумений, которые произошли. Я хочу сказать, что вы ни в коем случае не задержаны и никто не смеет ограничивать вашей свободы в этих стенах. Мы только хотели бы переговорить с вами. Ну и посмотреть на виновников столь бурных событий, свидетелями которых мы стали. Да… Я не хочу, чтобы между нами были какие-либо недомолвки. Зовите меня… Шептун.

Звук, который издал Тройка, заставил меня посмотреть на него. Тройка выпрямился и здоровой рукой потер подбородок. Видимо, имя Шептун что-то ему говорило. В отличие от меня. Этот кибер, похоже, никогда не был на моем уровне восприятия. Но на всякий случай я спросил:

– Простите, а мы не могли встречаться на Новом Новом Арбате несколько лет назад?

– Нет, Артем. Вы бы меня запомнили.

О, это уже интересней! Хотя, какого хрена я нарываюсь, хотел бы я знать? Видно же, что эта рыбина настолько глубоководная, что даже в батискафе я достать ее не смогу.

– Так вот, этого господина зовут Лев. А это, – и Шептун указал на чуть знакомого мне человека, – господин Таманский. Он журналист.

Терпеть не могу киберов и журналистов. Первые что попало пихают в себя, вторые во что попало лезут сами. Но нарываться все-таки не стоит. Вот только где я видел этого парня? И имеет ли это какое-либо значение?

Шептун смотрел на меня вопрошающе.

– Продолжайте-продолжайте. Теперь вы должны сказать, что знаете наши имена. Так?

– Не совсем, – ответил Шептун. – О вас я знаю только то, что смог получить из общественных источников. Произведя сличение

вашей внешности с теми фотоматрицами, что хранятся в архивах.

При слове «матрица» я слегка вздрогнул.

– Таким образом, я знаю, что вас зовут Артем Викторович Яковлев. Программист Министерства иностранных дел. И конечно, ваши контактные данные. Это официальные источники. Согласно записям в базах данных МВД, вы дважды имели приводы за участие в погромах – это было в годы вашей ранней юности. – Шептун слегка улыбнулся. – Вы бывший член ряда уличных банд, которые занимались организованной борьбой со всеми, чей КИ был выше 50. Вы бывший экстремист и достигли на этом поприще достаточных успехов, чтобы быть занесенным в особый раздел информативного отдела МВД. Я очень вас удивлю, если скажу, что такие, как вы, либо умирают, либо становятся членами ТехНадзора? Если, конечно, они вовремя не остановятся. По ряду причин.

Это «по ряду причин» я проглотил молча. Шептун знал больше, чем говорил. Так и должно быть, потому что, судя по его внешности и отстраненности взгляда в определенные моменты разговора, передо мной был не человек, а что-то вроде большого компьютера, на который сходилась информация из различных точек города, страны, мира. Я даже отдаленно не мог представить, сколько нужно вложить денег в инплантации, пересадки, конденсации и адаптацию. А еще в окружение, в специализированные каналы связи. Ведь он не сходя с этого места проник в сеть, вошел в инфосистему МВД, произвел писк. Это много. Очень много.

А ведь на нем еще и боевые насадки имеются наверняка.

– Так вот, значит, получается, Артем Викторович, что знаю я о вас вроде бы и много, а все не то… Что там могут сообщить официальные системы. С вас даже сняты все обвинения. И компроматов на вас нет. Конечно, если не считать компроматом антикибернетическую деятельность.

– А вопрос так стоит? – спросил я.

– Нет, что вы. Вопрос так не стоит. Вы что думаете, я лидер киберсопротивления? – Шептун даже улыбнулся. – Я просто Шептун.

– А я просто Артем.

– А я просто Мария, – едва слышно пробормотал Тройка.

– Да, конечно… Просто Артем! – Шептун развел руками. – Просто подвез Романа Кима до штаб-квартиры якудза. После того как легендарный инженер вывалился из окна с пулями в спине, просто Артем обиделся и кинул на площадь около ста килограммов свинца… С очень большой скоростью. Это укладывается в рамки вашего нормального поведения? Кстати,

свинец очень вреден для окружающей природы…

С одной стороны, я обязан этому киберу. Как ни крути, но его люди вытащили нас из переделки с якудза. Но его планы в отношении нас мне не ясны. А быть обязанным киберу мне совсем не хотелось.

– Простите, что вмешиваюсь в ваш интересный разговор… Но не объясните ли вы мне цели ваших словоизлияний? – В разговор вступил Тройка. – Чего вы так пытаетесь добиться?

– Ну перво-наперво, – Шептун повернулся к Тройке с таким видом, словно бы не игнорировал его только что, – я хотел бы некоторой благодарности. Признательности, что ли… Все-таки вас вытащили из переделки, в которую выллипли по самые уши.

– Да, безусловно, мы вам весьма признательны за эту непрошеную помощь.

– Какое лицемерие! Какая неблагодарность! – в притворном ужасе произнес Шептун. У меня сложилось впечатление, что он с большим удовольствием играл какую-то роль. Причем на пару с Тройкой.

– Ну что поделать, такова судьба любого корыстолюбивого Робин Гуда. Его никогда не благодарят от чистого сердца. Вероятно, потому, что и он сам никогда не занимается благотворительной деятельностью. Вряд ли у вас такое хобби – вытаскивать из дерьма всех туда попавших. Это слишком накладное занятие. Можно испачкаться.

– Хо. Да, вы правы. Заниматься благотворительной деятельностью не в моих правилах. Особенно когда это касается якудза…

– Ну так поведайте мне, какого хрена мы вам понадобились? Благодарность, сообразную оказанной нам услуге, вы получили. Что дальше? Давайте перейдем к делу. Разбирать нас на запчасти вы явно не собираетесь, а то, что можете связаться с любой базой данных и узнать, кто мы такие, мы уже поняли. Что касается ваших намеков на то, что мы наехали на якудза и у нас теперь множество проблем… так ведь и вы на одной площадке с нами. Вмешавшись в наши дела с японцами, вы оказались на нашей стороне. Так посчитают японцы.

– Верно. Но у нас есть что противопоставить им. А у вас?.. – В разговор вступил Лев.

– А мы просто дрын из забора еще не вытащили, – вдруг сказал Тройка, и Шептун почему-то перестал улыбаться.

Я не понял, к чему это сказано, но фраза напоминала кодовую. Удивленным казался и журналист, судя по озадаченному выражению, мелькнувшему в его глазах. Я посмотрел на него и, встретившись с ним взглядом, вдруг

вспомнил, где я его видел.

Несколько дней назад на крыше, когда я, уходя от стройгуевских особистов, стал свидетелем ареста. Это был тот самый парень, которому несколько омоновцев завернули локти за спину. Активный, однако.

Таманский посмотрел на меня и подмигнул.

Этого еще не хватало. Я неопределенно улыбнулся.

– Хорошо… – сказал Шептун. – Так вы хотели знать, в чем дело?

– Именно так. – Тройка полностью взял переговоры на себя, я не возражал.

– Ну вот и замечательно. А дело вот в чем: ему, – Шептун кивнул в сторону Таманского, – нужны Алмазные НЕРвы. Мне нужны Алмазные НЕРвы. Вам нужны Алмазные НЕРвы.

– Всем нужны Алмазные НЕРвы, – подытожил Тройка. – Что дальше?

– Совершенно верно, дальше… У него, – Шептун моргнул, и над столом загорелась голограмма, изображающая какую-то азиатскую личность, – эти НЕРвы имеются. Но что с ними делать, он не знает. Но очень хочет узнать. А у этого была информация о них, но он теперь вне досягаемости.

Я увидел, как азиатскую физиономию над столом сменила физиономия Болтуна. С ума сойти, весь стол, вся его поверхность – один сплошной голографический графопостроитель. Глаза мои тихонечко полезли на лоб. Я не знал, смеяться мне или плакать: с какой убогой техникой приходится работать мне!

– Вот такой фруктовый супчик получается, досточтимые господа, – продолжал тем временем Шептун. – Я оставил в стороне тот факт, что еще целому ряду лиц было бы интересно заполучить эти НЕРвы в свои лапы. И информацию о них заодно. Однако уважаемый Роман Ким настолько надежно запрятал сей вожделенный предмет, что достать его не представляется возможным без какого-либо взламывания сейфа, надежного, надо заметить сейфа, в котором эти самые НЕРвы покоятся.

– И в чем смысл данной тирады? – спросил Тройка.

– Смысл в том, что нам бы очень хотелось получить от вас некоторую помощь в раскручивании этого сложного дела. Очень мы на вас большие надежды возлагаем, и, думаем, не напрасно.

– То есть?

– То есть для начала объясните мне, старику, за каким чертом вы притащились вместе с Кимом прямо в пасть к якудза?

Тройка поерзал в кресле и сказал:

– План строился на том, что якудза не знают, что лежит у них на сохранении.

– А они знали?

– Знали.

– Жалко. А, простите за любопытство, зачем вам-то НЕРвы?

– За шкафом… А вам зачем?

– Ну… – Шептун не обратил внимания на наглость Тройки. – Ну, я особая статья, сами понимаете. Я вообще любитель чистого знания. Люблю много знать. Обо всем. А вот об Алмазных НЕРвах как-то и не в курсе. Нехорошо получается.

– Ага… И много стоит чистое знание?

– Да как получится, – уклонился Шептун. – Так зачем вам-то НЕРвы?

– Мне? Я за них должен деньги получить. И все.

– И вам не все равно, у кого вы получите за них деньги?

– К сожалению, нет.

– Действительно к сожалению… – тихо произнес Шептун.

Тройка развел руками.

– А вы, – Шептун обратился ко мне, – вы что в НЕРвах ищете? Профессиональный интерес?

– Нет, – ответил я и внезапно понял, что все это уже давно переросло уровень ерундового долга Тройке за проигрыш.

– А что?

– Причин много… – Я вдруг растерялся. – Было много. Но все они как-то отпали сами собой. А новых еще не появилось.

– Значит, они вам не нужны?

– Нужны…

– Зачем? – Шептун готов был засмеяться.

– Я и сам не знаю. Но они мне нужны. И наверное, даже больше, чем вам.

Я вспомнил Болтуна, его истеричные просьбы и то, как он выпал на асфальт, словно птица, обреченно летящая вниз. Вспомнил странное письмо без обратного адреса и странный вопрос, который в нем содержался, и немую тоску в голосе Матрицы, с которой я разговаривал в гостиничном номере. Вспомнил и сказал уже более убежденно:

– Да, нужны. Больше, чем вам всем, вместе взятым.

И Шептун почему-то не засмеялся.

30. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

Я смотрел на этих ребят, пытавшихся вести деловой разговор с Шептуном, и испытывал двойственное чувство. С одной стороны, я искренне наслаждался игрой Шептуна: этакий добрый дядюшка-кибер, чуть ли не персонаж комиксов. С другой, мне было жаль парней – даже этого, нахального, который взял да и выкинул ни с того ни с сего красный флажок: дескать, за мной большие люди стоят, так что поаккуратней. Люди-то, может, и большие, но пока все на словах. Шептун, само собой, проверит – зачем ему еще враги? Но…

Да, запутались парнишки. Я вспомнил читанную в детстве книжку какого-то английского писателя. О том, как несколько карликов – что за карлики, я толком уже не помнил – несли куда-то волшебное кольцо, чтобы не то просто выбросить, не то уничтожить. И вся штука была в том, что это кольцо искали практически все, и хорошие, и плохие, хотя никто не представлял в общем-то, что с ним потом делать. Мало того, все хорошие его даже боялись в руки брать, чтобы не стать плохими. Так и эти чертовы НЕРвы. Я подумал, что если бы не Ласточка, я бы, наверное, прямо сейчас встал и бросил все к чертовой матери, но вместо этого сказал:

– Ну, и от кого ты по крышам бегал, Артем Викторович?

Парень было окрысился, но потом натянуто улыбнулся:

– Вспомнили?

– Вспомнил. Молодец, что притих. А то сидел бы в Магадане до сих пор.

– Что есть Магадан?

– Вот тогда и узнал бы, что есть…

– А вы чего бегали?

– Шкуру спасал. Да не спас. Вернее, спас, но не совсем.

– А кто был третий? – спросил тем временем Шептун. – Такой юркий молодой человек, который от моих убивцев ускакал?

– Мартин, – нехотя сказал нахальный.

– Эй-эй! – Я просто расплылся в улыбке. Боже ж ты мой, если бы мне рассказали эту историю, выдавая за правду, я бы в морду рассказчику наплевал. – Уж не Мыльников ли его фамилия? Из «Змеиной кучи»?

– М… Мыльников, – кивнул нахальный. Артем недоуменно

взглянул на него, и нахальный пояснил: – Я в карманах у него порылся, идентификейшен кард видел…

– А братец его старший, Валера, в милиции работает, – продолжил я.

Эта новость как громом поразила обоих: о брате они не знали. Я не стал добивать их тем, что брат Валера к тому же и кибер.

– Ну что ж. – Шептун устало поморгал. – Короче, как старший по званию выдвигаю предложение: единый нерушимый блок. И вам нужны НЕРвы, и нам нужны НЕРвы, так лучше, если мы добудем их вместе, а потом разделим дивиденды. Согласно мере участия каждого.

– Знаю я эти штучки-дрючки, – хмыкнул нахальный. – А потом вы нас прихлопнете, как тараканов, и будете радоваться. Давайте уж я свяжусь с верхами, я сам такие вещи решать не уполномочен.

Я отметил, что Артем снова остался в непонятках. Видимо, нахальный приятель ему ничего о своих связях с подмосковной группировкой не сказал. А ведь фраза о дрыне из забора – это и был ключ.

– Ну, прихлопнуть вас я бы мог и сейчас, если бы очень хотел, дражайший. Но не хочу. Хотя я не могу сказать, что вы мне чрезвычайно симпатичны, – серьезно сказал Шептун. – Вы даже не представились.

Нахальный пожал плечами:

– Я думал, вы все знаете. У вас в голове как-никак информационный центр. Пусть я буду Тройка. Хорошо? Это не нарушит ваших моральных устоев, если я буду именоваться по кличке?

– Хорошо. Приятно, что не Шестерка.

– Перестаньте пикироваться, господа, – вмешался Вальчиков. – Детский сад… Этак мы совсем рассоримся, а кому это на руку? Правильно, мы-то знаем кому. Шел, я понимаю ребят. Объясни им, что мы – в одной тарелке, и все тут.

– Хорошо, – снова сказал Шептун. – Объясняю. Вы, парни, вляпались в большую войну. В какой-то мере даже ее затеяли. И вас раздавят мимоходом, как и могло случиться час назад. Без меня вы просто не вывернулись бы. Японцы сейчас обдирали бы с вас кожу или варили бы в соевом соусе. И если я вам не буду помогать в дальнейшем, вас раздавят в следующий раз. Якудза, знаете, ошибок не любит и быстренько их исправляет, дражайший Тройка. Поэтому предлагаю – один раз! – подписать соглашение о сотрудничестве и поехать прямо сейчас туда, где нас очень-очень ждут.

– Это куда? – спросил Артем.

– На муда, – огрызнулся Тройка. – Куда повезут, туда и поедем. Наденут нам, бедолагам, на глаза черные повязочки, на ручки – наручнички и повезут…

– Ну зачем же? Только с вашего согласия. А то идите себе, можете даже в баре чего-нибудь употребить за счет заведения. Перед смертью…

– Ладно, не дурите голову. Я все прекрасно понимаю, сейчас вы будете играть по правилам, чтобы хорошенько нас раскулачить на информацию и предстать перед нами замечательными людьми. Что от нас требуется?

– Вы нам незамедлительно рассказываете все, что знаете о НЕРвах. Взамен мы рассказываем все, что знаем сами, – а знаем мы немало, уверяю. Далее мы едем к одним интересным людям, которые могут стать на нашу сторону, и в тесном кругу обсуждаем детали. Мы бы поехали и без вас, но с вами поездка обещает быть много продуктивнее.

Под интересными людьми Шеп имел в виду конечно же черных и гурэнтай. Что ж, правильно: пришло время собирать всех в кучу, потому что якудза и впрямь любит быстро ошибки исправлять. Сэйтё и Ояму, надеюсь, устроит труп создателя НЕРвов вкупе с историей его трагической гибели. А Черные во главе с этим, как его… Мозесом Мбопой… У них свои счеты с японцами. Вот только надо бы еще со Спрогисом разобраться. Если он еще живой. Хотя он-то как раз и живой, японцам он ой как пригодится в нынешней ситуации.

А вот как потом делить дивиденды, я представлял с трудом. И Шеп, насколько я его знал, тоже представлял с трудом. Скорее всего он настроился на то, что концессионеров после всех разборок останется не так уж и много. Планировал кого-то устранить. Не хотел бы я оказаться в числе таковых. И ребятишек не хотел бы в этом числе видеть. Ладно, об этом думать рано, до НЕРвов – как до Бога, еще столько всего впереди…

Шептун вел задушевный разговор с клоунами, как я окрестил Тройку и Артема. Честно делясь с ними имеющейся у нас информацией. Подозрительно честно. Они что-то рассказывали в ответ, но я не слушал, переключившись на мысли о Ласточке. Удивительно, как дорог тебе становится человек, которого раньше считал чем-то вроде хобби. Кстати, эпизод с Ласточкой – самый таинственный во всей истории с этими чертовыми НЕРвами. Ни первой, ни второй стороне это вроде бы невыгодно, и вот тут-то возникает третья сила, которой тоже нужны НЕРвы. Поневоле согласишься с Игорем: игра игрой, а третья сила ждет, пока первые и вторые перегрызут друг дружку, чтобы потом

подойти и подобрать валяющиеся среди покойничков НЕРвы…

– Они договорились, – сказал мне подошедший неслышно Вальчиков. – Не так уж много парни и знали. А гонору-то, гонору… Скауты. Поехали к японцам? У нас была предварительная договоренность о встрече, Ояма только что подтвердил свое согласие. Потом будем думать насчет людей Мбопы.

– Поехали. – Я поднялся.

– Стой, стой. Инструменты возьми.

На длинном столе в углу было разложено оружие. Инструменты, блин… Я выбрал тускло поблескивавший «джи-68», проверил батарею – полнехонька. Клоуны вертелись тут же, руки у них явно чесались, но брать пушки они остерегались.

– Можно, можно, – разрешил Шеп.

Артем ухватил «стечкина», а Тройка – метатель, только не «панасоник», а куда менее мощную тошибовскую модель с нежным названием «жасмин». Понятно, за клоунами будут внимательно следить, но как боевая сила они тоже ничего, особенно если учесть давешний эпизод с якудза. Именно такие пацаны-дилетанты чаще всего и устраивают головомойку самым отборным спецслужбам, потому что руководствуются непрофессиональной логикой. Кто пристрелил премьер-министра Саудовской Аравии во время визита в Копенгаген? Студент политехнического института, из мелкокалиберной допотопной винтовки. А кто взорвал израильский парламент? Трое сочувствующих палестинцам школьников из анекдотичной организации «Настоящие еврейские миротворцы».

Мы загрузились в две легковушки, пехотинцы полезли в микроавтобусы. Я очутился на заднем сиденье в компании Артема и Вальчикова. Тройку отсадили в другую машину. И правильно. Он мне ограниченно нравился, не так, как Артем, которого еще на крыше просчитал. А Тройка был непростой, с загогулинками. С не совсем приятными загогулинками, надо сказать. И я ему не доверял.

– Ты от кого убегал-то по крышам? – осведомился я.

– От особистов министерских, – сказал Артем.

– Святое дело. Кстати, меня зовут Константин. – Я протянул руку.

Артем внимательно на нее посмотрел, но все-таки пожал. Видимо, эпизод на крыше его ко мне расположил. Как нынче просто прослыть хорошим человеком – нужно всего лишь не сделать гадость ближнему в тот момент, когда это для вас удобно.

– А что вы про Мартина? – нерешительно спросил он. – Это

правда, что брат в милиции работает?

– Истинная. Недавно познакомился. Более того, скажу только тебе: он к тому же кибер.

– Мартин?!! – ужаснулся Артем.

– Про Мартина не знаю, а вот братец его – точно. Чем весьма меня шокировал. И чувствую я, всплывет еще братец этот, а вот с хорошей стороны или с плохой… Что можешь сказать про Мартина?

– Хороший парень, – решительно заявил Артем. – А с чего это он вам понадобился?

– А с того, что он из вашей тройки остался один-единственный на свободе, и его сейчас будет упорно ловить якудза. Поэтому я бы советовал тебе его разыскать. И объяснить, что к чему. Ясно?

– Ясно.

Мы выехали с клубной стоянки и помчались по проспекту, обгоняя общественный транспорт. Впереди, как я заметил, пристроилась милицейская машина с мигалками и ультразвуковыми пугалками. Шеп устроил выезд весьма организованно, ничего не скажешь, даже неких коррумпированных ментов пристроил. Что гарантирует проезд по Москве без встревания в пробки и пререкания с дорожными патрулями.

Но и Шеп не мог предугадать, что случится дальше.

Наша машина шла третьей, после микроавтобуса и милиции. За нами ехала вторая легковушка, с Шепом, а за ней – еще два микроавтобуса. И когда мы свернули с проспекта на улицу Космонавтов, я подумал: а какого черта? Можно было и дальше пилить по проспекту, тем паче все встречные-поперечные разбегаются перед ментовской тележкой. Но нет, милицейский «опель» свернул на Космонавтов, а за ним, помедлив, свернул и микроавтобус.

Когда он исчез в огненно-красной вспышке, я машинально закрыл глаза и потому не ослеп. Это был управляемый снаряд типа «шершень» или «москит», насколько я разбирался. Не дожидаясь продолжения, я вышиб дверь телом Артема – с закрытыми глазами я не видел, жив ли он и как себя чувствует, но сознавал, что вне салона ему будет лучше. Покатившись по асфальту, я услышал визг тормозов и грохот сминаемого железа – то ли в нашу машину въехал лимузин Шепа, то ли в его – конвойный микроавтобус. Затарахтели очереди, с шипением метнулись над головой залпы метателя. Не Тройка ли вступил в игру?

Я открыл глаза и убедился, что сквозь танцующие фиолетово-

оранжевые круги вижу сносно. Артем лежал ничком совсем рядом, и я поволок его под прикрытие каких-то толстых труб, торчавших из стены и уходивших в землю. Парень был жив, но, кажется, временно потерял зрение.

– Чего там? – довольно спокойно, если учитывать ситуацию, спросил он.

– Хреново там! Лежи! И глаза не открывай.

Я выволок свой «джи» и осторожно выглянул из-за угла, чтобы не попасть под случайную или неслучайную пулю. Микроавтобус, а вернее, то, что от него осталось, жирно чадил. Пламя уже улеглось, а дым то и дело прочерчивали пунктиры очередей и голубые всплески залпов метателей. Замыкающий микроавтобус пятился назад, пытаясь ретироваться на проспект, но тут же и он скрылся в неожиданно распустившемся бутоне огня. Нас заперли в узенькой улице, словно в бутылочном горлышке. И сделали нас как детей: милицейская машина, шедшая впереди, просто была не та, что заказал Шеп. Или та, но с другими людьми. Или с теми же людьми, но работающими теперь не на Шепа. Старая как мир история. И главное, что такое развитие событий не просчитаешь.

Я порадовался тому, что снова успел зажмуриться на сотую долю секунды раньше, чем рвануло. Взрывная волна обдала меня жаром и приложила о шершавую стенку, но это все было ерундой. Подхватив Артема, я на ощупь стал пробираться вдоль стены вперед. Пока тут все в дыму, есть шанс. Они ждут, что мы побежим на проспект, а не в глубь этой чертовой Космонавтов. Но мы поступим иначе.

Я опять открыл глаза. Круги плясали, но видеть я все же мог. Артем, которого я придерживал за шиворот, брел, спотыкаясь, но пистолет из рук не выпускал.

– Стреляй на звук, – велел я. – Тут наших быть не должно.

Мы протиснулись мимо пышущих жаром остатков микроавтобуса. Дым ел глаза, но уже рассеивался, а значит, нужно было спешить.

31. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист. *Без места работы*

К взрыву я был не готов, поэтому некоторое время со спокойствием обреченного на смерть созерцал красивые цветные пятна перед глазами и медленно считал до ста. В это время мое тело было объектом самых разнообразных действий. Что-то грубо двинуло меня в бок, и я с хрустом вывалился наружу. Я как раз дошел до двадцати. На протяжении следующих тринадцати цифр меня волокли по каменному крошеву. На пятнадцатой цифре меня уронили лицом вниз. В таком положении я находился до тех пор, пока не досчитал до ста. За это время со мной в принципе ничего не происходило, если исключить постоянную стрельбу вокруг и редкий по своей изысканности мат кого-то поблизости.

По всему выходило, что мы в очередной раз попали на разборки.

Я открыл глаза. По всему обозримому пространству проплывали клубы дыма. Дым разъедал полуослепшие глаза и мешал дышать. Горло разрывал колючий кашель.

– Чего там? – спросил я у Кости, который то появлялся, то исчезал в поле моего зрения.

– Хреново там! Лежи! И глаза не открывай. И тут полыхнуло еще раз.

– Ну мать твою… – прошептал я, разглядывая белое пятно перед глазами. – Ну твою же мать.

И снова завел счет до сотни. Константин решил сменить место дислокации. Он тащил меня за шкирку, как терьер дохлую крысу. Я особенно не сопротивлялся, но «стечкин» на всякий случай вытащил. Откуда я знаю, куда он меня тащит… Он истолковал мое поведение по-своему и деловито посоветовал:

– Стреляй на звук, тут наших быть не должно.

Ну нормально! Быть не должно! Ваших-то, может быть, и не должно… А наших?

Справа бухнуло, и меня швырнуло на что-то мягкое. Мягкое пискнуло и стало вырываться, активно пихаясь локтями. Я откатился куда-то в сторону. И просто чуть не заплакал от обиды, глаза не видели ничего, кроме абстрактного разноцветья. Теперь даже на звук стрелять невозможно. Я потерял ориентацию. Так под пули выползешь – и кранты.

Однако муть и круговерть перед глазами начали

рассеиваться. И к моменту, когда я в очередной раз подошел в своем внутреннем счете к цифре сто пятьдесят, зрение восстановилось настолько, чтобы разглядеть окружающее.

Клубы дыма по-прежнему закрывали все обозримое пространство. Я сидел на груде какого-то ароматизирующего мусора. Он плотным слоем покрывал небольшой закуток. Стрельба продолжалась. Невдалеке валялась куча тряпья, бывшая ранее человеком.

– Жертвы среди мирного населения, – произнес голос из-за плеча.

Я обернулся. Позади меня сидел Таманский в напряженной позе и смотрел куда-то в сторону. Я отследил его взгляд и обнаружил, что около другой стены сидит на корточках Мартин и очень сосредоточенно наблюдает за Таманским через прицельную рамочку его же собственного «джи-68».

– Я бы не рекомендовал стрелять из этого оружия со столь короткой дистанции, – спокойно сказал Константин. – Это может плохо кончиться для всех нас.

– Верно, – так же спокойно подтвердил Мартин. – Но ничего другого под рукой просто нет, а сомневаться в том, что я спущу курок, если ты пошевелишься, не советую. Конечно, приятно умереть героем, красиво, но есть ли смысл делать это именно сейчас?

– Наверное, нет. – Таманский посмотрел на меня. – Какие будут планы, командор?

Я прислушался к постепенно затихающей стрельбе. Послышалась милицейская сирена. И не одна. В течение нескольких минут весь квартал оцепят.

– Уходить надо, – сказал я. – Кто это там? – Я указал на труп.

– Это бомж. Когда они взорвали тачку Шептуна, ты на него упал. На бомжа, а не на Шептуна. Он под пули и рванул. Жертвы среди мирного населения. Кстати, рискну напомнить, что времени у нас в обрез.

– Угу… Мартин, отдай ствол. Мартин, ни слова не говоря, протянул мне оружие.

– Не мне. Ему.

Так же молча Мартин отдал «джи-68» Константину.

– Здорово, – пробормотал тот. – Просто здорово. Скажи ему, чтобы батарею тоже отдал.

– Отдай…

Мартин отдал зарядную батарею. Какой предусмотрительный…

Сирены приближались. Стреляли реже.

– Тут в двух шагах подворотня… – тихо сказал Мартин. – Там,

дальше по улице.

Таманский не заставил себя долго уговаривать и бесшумно двинул в указанном направлении. Железные нервы у парня. Я, проходя мимо мертвого тела, не удержался и взглянул на него.

На грязном лице бомжа отпечатался животный ужас. Последнее, что он видел, был кровавый хаос, к которому он не имел никакого отношения. Просто попал в мясорубку. Просто копался не в той навозной куче. Просто потерял голову от страха. От страха за свою никчемную, беспросветную жизнь До последнего момента цепляясь за нее, он еще прополз один-два метра, пока темнота не придавила его. Почему? Почему человек хочет жить, даже находясь в полном дерьме? Неужели унижение лучше смерти? Или это зависит от человека?

Навстречу нам, буквально под ноги Таманскому, кинулась бесформенная фигура. Я уже готов был стрелять, когда узнал в грязном и окровавленном человеке того дядю, которого Шептун представил как Льва. Только тогда он был не в пример чище.

– Ребята… – Он согнулся в три погибели и, словно собака, прижался к Таманскому. – Ребята… А… А… А там… Там Шеп… Он… Он…

– Что? – Это слово у Таманского прозвучало так, будто гиря в колодец ухнула.

– А… А… – Лев был на грани истерики. – А ничего… Исчез… А… А… Я вот… Вот. Куда вы теперь? Куда?

Он чуть не плакал.

– Туда, там подворотня есть. Да не виси ты на мне, шевели ногами-то… – Таманский подпихивал обессилевшего Льва по ходу движения. – Давай-давай…

Лев едва-едва двигался.

– Шевелись ты, слякоть!!! – рявкнул Константин и слегка поддал впавшему чуть ли не в коматозное состояние Льву под зад коленом.

– Ше-е-е-еп!!! – вдруг заорал Лев и ринулся в полутьму.

Дальнейшее спуталось в один гигантский узел. Так бывает, когда несколько событий происходят одновременно. Нормальное течение времени вдруг рвется на несколько фрагментов, каждый из которых имеет свою протяженность и движется со своей скоростью.

В одном фрагменте времени чей-то палец надавил на курок, и крупнокалиберная винтовка зло рявкнула, исторгая из своего железного нутра концентрированную смерть.

В другом фрагменте присевший, как кот на охоте, Костя заорал в удаляющуюся спину Льва: «Назад!!!» И опоздал.

В третьем фрагменте Льва уже не было. Только его тело,

изогнувшись дугой, вылетало из полумрака спиной вперед. Нелепо раскинув ноги. Чуть вверх… А затем вниз, в грязь, копоть и кровь… Стукнули каблуки. Странно, я расслышал этот звук даже сквозь приближающийся рев сирен.

Затем все три фрагмента вдруг соединились, переплелись, и время обрело свое обычное течение. Выстрел, крик, смерть… Все, как всегда. Осмысливать что-либо было некогда. Я услышал, как чмокнул трижды метатель Таманского. Из темноты слышались металлические позвякивания и тускло блеснули стволы трех винтовок. Я вскинул свой «стечкин» и, почти не целясь, выпустил две очереди в странные серые силуэты. Из подворотни ответили, а меня кто-то крепко прижал к стене. Пули пронеслись мимо, словно бродячие кошки.

Таманский что-то закричал, и я, как в замедленном кино, увидел, как он, расставив руки, несется на меня. Падая, я заметил, как вперед юрким зверьком выскочил Мартин и что-то швырнул накатом туда, где три неясные тени обретали плотные очертания, приближаясь.

Столб пламени и осколков вынес из подворотни все. Я услышал, как надо мной заорал Таманский, а под боком что-то пискнуло. Мартин? Больше я ничего не слышал.

Слух вернулся, чтобы я услышал, как в наступившей после взрыва тишине потрескивают камушки под сапогами человека, который выходит из-за угла нам навстречу. Чистенький, в красивом деловом костюме. Черные лакированные ботинки вминают мелкие камешки и мусор в асфальт. Черные волосы зачесаны назад. Взгляд раскосых глаз не выражает ничего. Сами японцы называют такие глаза глазами дракона. Низ зрачка скрыт под нижним веком. Встающее солнце.

И изящная рука поднимает огнестрельную дрянь на уровень наших глаз. Я успеваю заметить, что мизинец у убийцы отсутствует по первую фалангу. Свежий срез, а значит, мы – искупление его грехов перед кланом. Мы его билет назад, в мир роскоши и уважения.

Голова у японца вдруг раскололась и брызнула во все стороны красным. Шумно упало тело. С оборванной повязкой, опираясь плечом на стену, из-за противоположного угла выполз Тройка. Лицо его было залито кровью.

– Аякс, миленький… – Я впервые видел его таким. – Уведи меня. Я устал…

Приблизительно через час мы были уже на какой-то точке, адрес которой Тройка буквально выдохнул перед тем, как впал в бессознательное состояние. Это была небольшая квартирка. Сколько таких квартирок по всему городу содержалось у Тройки,

я бы сказать не взялся.

Мартин плескался в ванной, мы с Таманским сидели на кухне и пили водку. С маленькими солеными огурчиками.

В соседней комнате с Тройкой возился доктор, которого нашел Костя. Закопченный Таманский сидел напротив меня и массировал шею.

– Ты давно Тройку знаешь? – спросил он вдруг.

– Да так… Достаточно. – Я задумался. – Лет пять уже…

– Мгум… – непонятно ответил Костя. – А давно он на подмосковных работает?

– Без понятия. А он работает? – Тепло, разливающееся по желудку, стало перебираться выше.

– Да… Ты же слышал. Он про дрын сказал…

– А что дрын?

– Поговорка есть такая… Типа предупреждения. Мол, пока русский мужик встанет, почешется и дрын из забора пойдет выдирать, его тридцать раз пристрелить можно. Но если уж он дрын выдрал… – И Костя закатил глаза.

– Ну и?

– Ну и… Ну и вот! – Таманский потянулся и налил еще по стакану. – Это типа визиточки подмосковной группировки. Русская мафия под этим делом работает. Мол, все до поры до времени можно… И рэкетом заниматься, и зоны влияния делить, и морды друг дружке из-за всяких бирюлек электронных бить… Пока русская мафия это позволяет. В частности, подмосковная. Пока она дрын не выдернула. Из забора.

– А потом?

– А потом еще ни разу не было. Точнее, нет… Было один раз. Но странно как-то вышло. В Москве перехлестнулись сразу несколько групп. И кому-то из наших это надоело. В одну ночь пропали топтуны. Была такая группировка из Закавказья. Всех в страхе держали, тогда вообще много этих было… Ну этих… – Костя пощелкал пальцами.

– Кого?

– Ну, с Кавказа, короче. Наши терпели-терпели… Потом… А потом война началась. Сам помнишь… Оккупация Германии Соединенными Штатами, союз с Францией. И неожиданный альянс с Японией. А потом понеслось…

– Ну…

– Ну… Танк переверну… Оккупация североатлантического побережья Америки Японией.

Государственный террор. Мир в шоке. Перевес в ядерном вооружении на стороне России. Послевоенная Япония не в состоянии… Возвращение независимости некоторым штатам,

Американская конфедерация, йена как мировой валютный стандарт. Ну и все такое. Забавно, что в процессе атомной рубки что-то там в настройках сбилось, и некоторое количество ракет, несущих водородные боеголовки, улетело в сторону цветущего Закавказья. Раньше курорт был. Кажется. Никто не знает, как эта дрянь с настройки сбилась. Но перед войной кавказцы сильно местных обидели. Это все знают. Вот тебе и дрын.

– Клево.

– Клево… – Костя влил в себя водку и грохнул стаканом об стол. – Ты прикидываешь, что за ставки в игре? Раз даже неповоротливый русский мишка зашевелился.

– Не представляю.

– И я не представляю. Если бы представлял, то из игры бы вышел.

Я опрокинул в себя стакан. Костя тут же налил по новой. Затем полез к себе в карман и достал несколько таблеток.

– Это что?

– А это так… Чтобы не пьянеть, – ответил Костя и уже собрался проглотить таблетки, как я ухватил его за руку.

– Таманский, так нечестно!

– Почему?

– Если пьянеть, так всем.

– А похмелье?

– Это этот… законный итог. Чему быть, того не миновать. Нужно стоически… принимать.

– Да? – он поколебался. – Ну и ладно. Напьюсь как хрюндель.

Следующий стакан мы даже не закусывали. И выпили стоя.

– Слушай, – вдруг сказал Костя. – А тебе они зачем?

– Кто?

– Ну НЕРвы эти, мать их…

– Не знаю. Нет, честно, не знаю. Просто чувствую, что нужны они мне. Может быть, просто подержать в руках, может быть, запустить. Но знать я должен, ради какого хрена вертится эта карусель на крови? Болтун вообще сказал, уничтожить их на фиг…

– Болтун?

– Ну, Ким… Этот, создатель их…

– Да? Так и сказал? Может быть, он и прав.

– А тебе они зачем? – Я посмотрел, как Таманский одним большим глотком влил в себя прозрачную жидкость.

– Мне-то… – Он с сипом вдохнул. – Они мне… нужны. Из-за них человек пропал.

– Куда?

– Если бы я знал куда, я бы там камня на камне не оставил.

Знаешь, – он потер глаза и вдруг посмотрел на меня как-то странно, – я ведь ее люблю. Угу… Но ни ты, ни я этого понять не можем… Вот Мартин бы твой понял, а мы нет. Мы тупые на это. Черствые.

– Точно, – ответил я с невероятной уверенностью. – Слушай, а у Мартина брат в натуре кибер?

– Точнее быть не может.

– Вот гад.

– Сам дурак… Среди них тоже люди попадаются…

– Люди среди киберов не попадаются. Это научный факт. Если он «люди», то он не кибер, а если он уже кибер, то он не «люди».

– Ни хрена ты не понимаешь. Люди… это люди. Вот Шепа возьми…

– Не хочу.

– А ты возьми! Хотя хрен ты его возьмешь. Он нас сам всех возьмет и в коробку положит… блин. Но мужик, в смысле как человек, он очень даже клевый.

– Шел бы ты. Клевый чужими руками орехи, в смысле каштаны, не таскает.

– Да? А Тройка?

– Тройка… Чего Тройка? Тройка хотя бы вместе со мной лезет… Сам.

– А Шел что, не лезет?

– Иди ты на фиг… – сказал я, перед глазами все как-то сливалось. – Налей и пошли спать завалимся.

– Надо Тройку проверить.

– Надо.

В соседней комнате врач сказал нам с Костей:

– Глубокое алкогольное опьянение. Две таблетки синтезированного аспирина и спать.

– А он? – спросил Костя, указав на лежащего на кровати Тройку.

– А он получил три пули. Ничего особенно серьезного. Одна вскользь задела голову. Легкая контузия. Вторая – плечо, третья – навылет правую руку. Через два дня сможет встать. Я его коктейлем Мошкина накачал. Заживление полным ходом…

– Сколько? – спросил Таманский.

– Хе… – Доктор усмехнулся. – Я его уже однажды лечил… Он сам расплатится, когда очнется.

Когда я проснулся, было далеко за полночь. В соседней комнате шумно ворочался Таманский: ему что-то не давало спать. Умение мыслить часто бывает лишним.

Но проснулся я от того, что по моему лицу скользили пальцы.

Нежно.

Медленно. По лбу. По губам.

Мартин.

Он лежал рядом, что-то тихо шептал. Я не смог разобрать слов. Да, кажется, если бы и разобрал, то не понял бы. Этого языка я не знал.

Так продолжалось долго, долго… Я знал, что он смотрит на меня. А затем он вдруг уткнулся мне в плечо и тихо заплакал.

Тогда я повернулся, обнял его и лежал так. Долго. Вечность… Еще вечность. Перед тем как окончательно уснуть, мне вспомнились слова Кости, сказанные с тоской: «Я ведь ее люблю. Но ни ты, ни я этого понять не можем… Вот Мартин бы твой понял, а мы нет».

32. Я из Зеленограда. Матрица

Умение убивать является неотъемлемым признаком человека. Стремление убивать является неотъемлемым качеством людей. Странно это сознавать, но люди стремятся прерывать процесс течения жизни. В этом проявляется хаотическая часть их сознания.

Однако недостаток информации не позволяет нам сделать точные выводы относительно истинных мотивов в стремлении человека убивать себе подобных. Некоторые источники информации свидетельствуют, что человек постоянно стремится к самоуничтожению, как любая энергетическая структура во Вселенной стремится к энтропии. Для человека самоуничтожение проявляется в уничтожении себе подобных. Убивая других, он уничтожает самого себя.

Однако наиболее странной стороной человеческой жизнедеятельности является осознанная готовность к самопожертвованию. Мотивы не ясны. Причинные связи выявляются с трудом.

Я всего лишь Матрица. Я не разум, в полном смысле этого слова, я программа. Но обладая всеми нашими возможностями и ресурсами, я имею доступ к любой информации о человеке. Я имею возможность наблюдать за ним. Я могу даже ограниченно вмешиваться в течение событий. Особенно если это дает возможность получить дополнительную информацию.

Я Матрица. Я должна только наблюдать, получать информацию, производить обмен.

Но почему мне иногда так сложно сдерживать желание?.. Желание изменить, желание подправить, желание вмешаться?..

33. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

Проснулся я около трех часов ночи. Вернее, даже не проснулся, а просто решил, что пора оставить бесплодные попытки уснуть. Это мне наказание за недавние радости по поводу отсутствия бессонницы.

Голову ломило, потому что Артем ухитрился-таки меня напоить. Ну и поделом мне, старому козлу. И так отделался легче всех, можно сказать. Интересно, где Шеп? В то, что его убили, я никогда не поверю. Да и японцам мертвый Шеп совершенно ни к чему. Сбежал небось, электронная головушка… А вот Вальчикова жалко, приятный был мужик и собеседник хороший. Нет сейчас таких собеседников. Эх, Бакалавр, Бакалавр… С кем я теперь грибки в «Былине» кушать стану? С Артемом? Это вряд ли. Не пишется он в «Былину», ну никак не пишется. Вот вэфлбургер в одной руке и диетический «Байкал» в другой – это да. Это он. Это его.

Я вылез из-под пахнущего синтетикой пледа и подошел к окну. В темноте еле-еле выделялись решетчатые строения – станция водоочистки. В небе поблескивал огоньком рейсовый стратоплан. Из форточки тянуло запахом гари и почему-то ночных фиалок. Кажется, ониметеолы называются. Или нет? Хрен с ними, с фиалками…

Пожевать бы чего-нибудь. А то огурчики эти… Колбасу, что ли, употребить? Страшно… Я опять вспомнил недавний ресторан, обед с Вальчиковым. Сюда бы это все. Грибки, соляночку горяченькую… В животе заурчало, к горлу подкатил ком с привкусом сивушных масел и анилина. Е-мое, что ж я пил-то?

Пошарив в карманах, я нашел раздавленную пачку «Сталинградских» и выудил полуживую сигарету. Закурил. В голове немного прояснилось, зато стало еще более мерзко во рту. Курить, что ли, бросить? Сколько лет человечеству вещают бросайте, дурни, курить, помрете. И никто не бросает. И все равно помирают, причем от курения – хорошо, если сотая часть. Так имеет ли смысл бросать курить?

Нет, не брошу. А то совсем свихнусь. А тут соску в рот вставил, мозги сразу зашевелились, загудели.

Что же, собственно говоря, делать? О полном разгроме говорить рано, но надо же что-то предпринимать. Искать

Шептуна. Искать НЕРвы. Мстить, в конце концов. Чувство не слишком знакомое, но вполне естественное. Кто у нас находится в пределах досягаемости и при этом что-то знает? Правильно: Спрогис. Еще, пожалуй, приплюсуем этого мидовского особиста со странной фамилией. Неспроста же он стал Артема гонять? Настучали, получается. А кто настучал? Вот это и попробуем узнать.

Маленькая боевая группа у нас есть. Артем – боец неумелый, но азартный.

Вспомним недавние рассуждения о непредсказуемой логике непрофессионалов. Тройка, неприязнь к нему я так и не смог пока преодолеть, производит впечатление человека, который больше умеет болтать, чем делать. Этакий хитрец, но как боевая сила тоже сгодится. Правда, ему еще вылечиться нужно, так что пока Тройку не считаем. Мартин вообще вне критики, на себе испытал. Это ж надо, а с виду такой пацан… Еще и голубой к тому же.

Кстати, Мартин. И Валера. Братец его знаменитый. Исходя из нашего последнего и единственного разговора, на него можно положиться, И поскорей. Все равно сон мой накрылся, так лучше использовать высвободившееся время с максимальным эффектом.

Я прошел в комнату, где спали Мартин и Артем. Глазам моим открылось трогательное зрелище: они лежали, обнявшись, и самозабвенно дрыхли, причем Артем даже не удосужился снять огромные тяжелые башмаки. Из уголка рта его на подушку стекала тонкая серебристая ниточка слюны.

Идиллию разрушать не хотелось, но я аккуратно потряс Мартина за плечо. Тот вскинулся, и я подумал, что вполне могу получить ногой между глаз, поэтому торопливо сказал полушепотом:

– Мартин, это Таманский.

– Что такое? – насупившись, спросил он.

– Пойдем поговорим. Есть идея.

Мы прошли на кухню и сели за стол, сохранивший следы вчерашнего пьянства. В бутылке что-то плескалось, и Мартин, ничего не говоря, медленно высосал это что-то прямо из горлышка. Поморщился.

– Ну, что вы хотели сказать?

– Мартин, прежде всего я хотел сказать, чтобы ты не скалился на меня. Я – свой. Если бы я был чужой, я бы уже давно устроил вам массу неприятностей. И потом я спас Артема, который, как я понимаю, для тебя много значит.

– Вы правы. Я буду вести себя иначе, – неожиданно легко согласился Мартин. – Но будили-то вы меня не за этим. Я думаю, мое дружелюбие вам не слишком нужно само по себе

– Правильно. Это так, частность. А поговорить я хотел по поводу твоего брата.

– Откуда знаете? – Снова настороженность во взгляде. Какой-то спецназовец, секретный агент, прости господи… Сама осторожность. Ну и парнишка.

– Познакомился на днях. Он интересует меня как человек.

– Он кибер.

– Хорошо, как кибер. Ему можно доверять? Мартин задумался, машинально постукивая ногтями по пустой бутылке.

– У нас с ним не те отношения, чтобы я адекватно оценивал, – сказал он наконец. – Боюсь ошибиться. Но вроде бы можно.

– Ты можешь связаться с ним прямо сейчас?

– Я-то могу. Но нужно ли? Зачем он вам?

– Понимаешь, нужен мне сейчас человек с возможностями и связями. А если Валера твой тот, кем я его считаю, то он может помочь, как никто другой. Понимаешь?

– Смутно. Но позвонить могу. Давайте телефон.

Я нашарил на холодильнике маленький пультик и сунул Мартину. Он, сопя, набрал номер и демонстративно щелкнул микропереключателем, обеспечив громкую связь. После двух гудков сонный голос спросил:

– Кто?

– Мартин, – сухо сказал парнишка.

– Объявился. – со странной смесью злобы и облегчения произнес майор. – Ты бы хоть матери позвонил, свиненыш. Волнуется.

– А она что, в Москве? – безразлично спросил Мартин. Кажется, безразличие это не было деланным.

Ладно, что там у него с матерью, меня не интересует. Только семейных историй не хватало.

– Уже две недели. Позвони.

Мартин в четырех словах объяснил брату, где он желал бы видеть свою мать. Не знаю, что там у них в семейке творится, но я такие словосочетания давно не слышал. Впрочем, для майора это было делом привычным, он только спросил:

– Ну так что нужно? Ночь на дворе.

– С тобой тут хочет поговорить один человек. Ты его знаешь, – Мартин без обиняков передал трубку мне.

– Валера? – осведомился я.

– Я.

– Таманский. Журналист, мы с вами встречались не так давно. В Белом Море, помните? Я вас еще подвозил потом.

– Как не помнить… У вас что-то случилось? И откуда вы знаете Мартина? Помнится, говорили, что не знакомы.

– Удостоился вот. Приятный молодой человек.

«Приятный молодой человек» скорчил ужасную гримасу и принялся шарить среди пустых бутылок в поисках остатков.

– Не сказал бы… – усмехнулся майор. – Хорошо, в двух словах.

– Ваш телефон не прослушивается?

– Не думаю.

– Будем надеяться… Вы в курсе перестрелки на улице Космонавтов?

– В общих чертах. Прошло по нашим каналам, но лично не занимался и в детали не вникал. Вроде бы Шептуна накрыли с компанией?

– Вроде бы.

– И вас угораздило? Раненые есть?

– Легко. Все в порядке, мне, собственно, не такого рода помощь нужна. Буду говорить прямо: вы знаете Лота?

– Лота? Шапочно.

– Как вы думаете, он может нам помочь? Вытащить нас отсюда и провернуть пару дел?

– Это не так просто, как вам кажется, Таманский. Извините, вас, кажется, зовут Константин? Так вот, Константин, мне нужно найти Лота, что нелегко, затем убедить его в том, что вам необходимо помочь, затем… Короче, что я с этого буду иметь?

– А вы не производили впечатления корыстолюбивого человека, Валера, – укоризненно сказал я.

– Вы ответили точно так, как я и ожидал. Значит, не буду иметь ничего. Сойдет и так. Еще что?

– Еще нужно найти адреса проживания двух человек. Один – ваш коллега Спрогис.

– Эк вас занесло… А второй?

– Второй – начальник Службы безопасности Министерства иностранных дел. Фамилию не помню, но она и не нужна – должность заметная. Сможете сделать?

– Перезвоните мне через час. – Он отключился.

Мартин что-то жевал, уставившись на меня.

– Будем ждать, – сказал я. – Нужно форсировать события. Если есть желание, можете сидеть здесь, место вроде бы укромное, перезимуете.

– Ну уж нет, – заявил Мартин, едва не подавившись.

– Как будет угодно. Еще целый час можно спать. Я пока тут посижу.

Мартин пожал плечами и удалился. Я нашел в пачке еще одну почти целую сигарету, а остальное, превратившееся в безобразное бумажно-табачное крошево, выбросил в утилизатор.

Как-то там Ласточка… В чем-то даже хорошо, что ее украли. Дурно так думать, но если это правда? Я смог разобраться в своих чувствах. К лучшему или к худшему, потом узнаем. В кино мы бы поженились в конце. Если он будет, этот конец.

Интересно, Артем тоже голубой или у них с Мартином настоящая мужская дружба? Хотя какое мое дело. Сейчас они меня интересуют прежде всего как соратники. Кстати, с оружием бы что-нибудь придумать, батарея подразрядилась, метатель Тройкин вовсе сдох. Вся надежда на Лота.

Я сидел за столом, положив голову на руки, и не заметил, как задремал. Когда проснулся, обнаружил, что за окном уже светает, и с ужасом подумал, что пропустил назначенное майором время. Но нет, он был на месте.

– Я с ним говорил, – сказал майор, едва заслышав мой голос. – Странно, но он согласился. Через три часа. Назначьте место, где вам будет удобнее.

– Э-э… Очистная станция на Ростроповича. Он знает меня в лицо. Никаких подставок.

– У Лота подставки не проходят. Теперь запишите адреса… Записали? Все. И… – майор замялся, – за Мартином присмотрите.

Я хотел что-то сказать в ответ, поблагодарить, что ли, но в трубке уже запищало.

И я пошел будить свой маленький отряд.

Отряд пробудился неожиданно легко Мартин вскочил бодро, вроде как и не спал, а может, и правда не спал, Артем что-то побурчал, но тоже почапал умываться и через пару минут был свеж и симпатичен.

– Там зубной пасты не было, – извиняющимся тоном сказал он, – так я кремом для бритья… Не так уж и противно.

– Чудесно, – похвалил я. – Так. Сейчас мы чего-нибудь перекусим, потому что неизвестно, когда еще пожрать дадут, а потом поедем встречаться с интересными людьми.

– Вчера уже ездили встречаться с интересными людьми, – брюзгливо сказал Артем. – И чем кончилось? Горы трупов, Тройке вон чуть руку не оторвали.

– Это другие интересные люди, – отмахнулся я. – Для тебя в особенности… Но можешь остаться.

– Нет, мы едем, – решительно сказал Мартин. Артем покосился на него и промолчал.

– Мартин, будь добр, вынь из холодильника труп колбасы и зажарь. Надеюсь, что в жареном виде это будет безвредно для желудка. А ты, Артем, придумай что-нибудь с одеждой. Сильно ты ободрался.

А ведь со мной в роли командира считаются, отметил я,

когда Мартин послушно полез в холодильник, а Артем принялся рыться в стенном шкафу в поисках одежды, вздыхая и бурча себе под нос. Хотя, конечно, если тут кому-то и командовать, так это Мартину. Из меня вояка, как из дерьма пуля.

Я еще раз проверил наличное оружие. Да, батарея моего «джи» откровенно преставилась, осталось выстрела на четыре. Метатель можно было использовать лишь в качестве дубинки, да и то не годился по причине хрупкости и малого веса. «Стечкин» имел в запасе одну обойму, что маловато. Придется потрясти Лота.

Завтракали в молчании, запивая колбасу – не такую уж и противную – чаем без сахара. Артем облачился в довольно пошлый костюм горчичного цвета, который был ему слегка велик, и уже успел уронить на колени кусок колбасы и испачкать брюки жиром.

Я и сам пооборвался, но выглядел более или менее пристойно: не бомж, но и не аристократ. Так, человек после массированного ночного кутежа, который спешит домой, пока не успели увидеть знакомые.

Тройку мы решили не трогать, оставив ему прочувствованную записку с наказом никуда не ходить и дожидаться нас. Уже по выходе я подумал, что бедному нахалу нечего будет жрать в наше отсутствие, но потом об этом забыл, потому что нас ждали.

Обшарпанный газовский фургончик зеленого цвета стоял возле забора, окружающего очистную станцию. Возле него бродили двое в спецовках. Один из них сразу двинулся ко мне.

– Таманский? – спросил он, приблизившись.

Человек как человек, седоватый дядька лет сорока пяти. Немного похож на моего отца, насколько я его помнил. Только глаза… Бесстрастные, словно экран отключенного монитора.

– Я.

– Мы от Лота.

– Он сам не приехал?

– Он сам не ездит по мелочам, – сказал дядька, давая понять, что мы – так, шушера, и он с нами возится исключительно по приказу. – Нас трое, нам поручено оказать вам содействие. – Он презрительно посмотрел на Артема и Мартина: – Это все?

– Все. Мало?

– Я же не знаю, что вы собираетесь делать. Может быть, грабить газетный автомат.

– Да нет. Тут дела посерьезнее…

– Грузитесь в фургон, – велел дядька сухо. – Меня можете звать Крот.

Моя бригада забралась внутрь и расселась на жестких

лавочках вдоль стен. На полу лежали ящики и обрезки труб, едко пахло дешевым машинным маслом.

– Это Грифон, – кивнул Крот на второго, чуть моложе, с длинными волосами, перехваченными грязной желтой ленточкой. Грифон не удостоил нас вниманием, он ковырялся с порванным ботиночным шнурком, мастеря сложный узел. – Водителя зовут Габбер, но он вам не нужен, с ним буду общаться я. Итак, что от нас требуется?

– Прежде всего оружие, – сказал я, поглядывая на своих.

Артем смотрел на Крота брезгливо, наверное, киберофобия опять заработала. Дать бы ему по шее, пока эти сами не дали… Мартин, молодец, придерживает его за локоть, чтоб не натворил чего.

– Оружие… Оружие… – Крот порылся в одном из ящиков и протянул нам пистолеты. Стандартные «беретты», пулевые, с удлиненным магазином на двадцать четыре патрона. – Сойдет?

– На безрыбье… – Я сунул пистолет в карман плаща. – Теперь информация. Вот адреса, куда ехать сначала – без разницы.

– Тогда едем на Астафьева, это ближе, – буркнул Крот, едва взглянув на бумажку.

Фургончик дернулся, заскрипел, и мы отправились на разборки с о-о-чень большими людьми.

34. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист. *Без места работы*

Авантюра складывалась криво-криво. Что, впрочем, меня не особенно удивляло. Мы тряслись с какими-то уродами в вонючем дерьмовозе. Причем эти самые уроды нас ни в хрен не ставили и по всем данным держали нас за лохов. И скорее всего это мнение поддерживало их прямое или кривое руководство в лице Лота.

Как мило! Как все-таки мило, что время течет и меняется. Как-то веришь в лучшее, в то, что и на нашей улице будет праздник. Особенно когда выясняется, что заморыш, которого мы в юности случайно не задавили, выбился в очень крутые засранцы!

Внутри меня все клокотало. Лот! Матерь божья и вся ее братия… Лот! Маленький, чахленький Бориска Лотман, который непонятно почему вдруг поперся в общественный салон и засадил себе под кожу кусок синтоплоти и внедрил какие-то контуры себе под черепную коробку. Да, кажется, что-то сделал с гениталиями. Ну а теперь это некий всемогущий Лот! Хорошо хоть кликуху сохранил. Сколько их у него было… Живоглотом даже звали, а присосалась только эта – Лот. Кстати, своим организаторским способностям он, по-видимому, обязан именно этим контурам, работающим под его черепушкой. Сколько он нам на Новом Новом Арбате крови попортил… И надо же, после того разгрома он снова объявился.

Странная штука жизнь, катимся мы теперь с его шестерками по своим делам и вроде как одна команда. Ну еще бы, кем он был, когда был человеком? Да никем. Неудачник по полной программе. А среди киберов он уже человек.

Мне даже стало смешно от этой мысли. Я расслабился, насколько было возможно в тесном пространстве поганого фургончика. Вдруг возникло желание разрядить всю обойму в голову этого Крота, а затем выхватить пистолет у Мартина, вон он у него за поясом торчит, можно легко дернуть и пристрелить Грифона, а Габбера…

Видимо, я слишком увлекся, смакуя детали, потому что Крот странно поглядел на меня:

– Я тебя нигде видеть не мог?

– Если бы видел, то запомнил бы.

Таманский сидел рядом с Кротом, быстро зыркал глазами то

на него, то на меня. Ему натурально не нравилось мое поведение, но мне на это было как-то глубоко наплевать. Если ему хочется, пусть прямо сейчас займется сексом с этим Кротом. И с Грифоном… И с Габбером, если тот, конечно, сможет вести при этом машину.

Мартин тихо хмыкнул и демонстративно начал осматривать свою «беретту», что, как мне кажется, было не лишним, поскольку мне совершенно не хотелось, чтобы подарок Лота взорвался в моих руках. Это был продвинутый образец достаточно древней, популярной в свое время модели 93RTG, которая была праправнучкой совсем уж мохнатой 93 R. Та также пользовалась достаточной популярностью где-то на исходе прошлого столетия. Вся эта информация застряла в моей голове с давних времен и была почерпнута в каком-то оружейном электронном журнальчике. Обычный автоматический пистолет. Чем «стечкин» хуже? Вот только патронов к нему у меня почти не осталось.

Крот все пялил на меня свои линзы, я демонстративно его не замечал, а на лице Кости явственно проступал вопрос, который, по-видимому, его серьезно мучил: кого попытаться нейтрализовать первым, меня или Крота, если мы все-таки вцепимся друг другу в глотки?

В грохоте и скрипе жестяных стенок фургона прорезался новый звук. Вибрирующий тон телефона. Таманский с довольно удивленным выражением лица полез за пазуху и достал тоненькую дощечку. Воткнул в нее палец и поднес к уху. Отодвинул, посмотрел на нее очень внимательно, снова поднес. Поднял брови. Затем посмотрел на меня и сказал, протягивая телефон мне:

– Не знаю, кто такой «дырозадый» и почему это обращено ко мне, но, как мне кажется, он хочет говорить с тобой.

Крот громко хрюкнул, и теперь один только Мартин смотрел на него равнодушно. А Таманский кинул в рот какую-то таблетку и по-особенному посмотрел на затылок Крота. Словно прицеливался.

Я с некоторым опасением приложил трубку к уху.

– Добрый день, уважаемый Артем, – донесся из трубки ровный голос Тройки. – Позвольте узнать, как ваше здоровье? Не болит ли голова?

Погода не удручает ли? Не подхватили ли, случаем, инфлюэнцию?

– Кого? – Мартин посмотрел на меня заинтересованно, видимо, я имел крайне удивленный вид.

– Инфлюэнцию? А диарея не мучает?

– Кто?

– Дрисня!!! Понос!! Медвежья болезнь! Твою дивизию! Какая падла сожрала мою колбаску?! Ты хоть знаешь, козел, сколько ей было лет?!

– Лет? – Мне стало нехорошо.

– Лет! Мне наплевать на твой желудок, но я хочу есть! А кроме кем-то недохаванных огурчиков у меня ничего нет! И куда вы смотались, позвольте спросить?

– Мы по делу…

– Какому делу? Какому делу?!

– Ну… – Я вдруг понял, что и сам не знаю, по какому делу мы едем. Костя сказал, мы поехали. Это обстоятельство меня неприятно удивило, хотя я оценил Костины организаторские способности. Я посмотрел на Таманского:

– По какому делу мы едем?

– По важному, – ответил Костя.

– Пошли его в задницу, – проорал в трубку Тройка, который все слышал, телефон Таманского имел вполне приличные микрофоны.

– Пошел ты в задницу, – обратился я к Косте.

Тот возвел глаза куда-то под потолок, и на лице у него появилось страдальческое выражение. Я понимал, что он не желает откровенничать при киберах, но по поводу их дальнейшей судьбы у меня были особые планы, и количество информации, которым они могли завладеть, меня не интересовало.

– К одному из твоих начальников. Как мне кажется, он хотел тебя видеть.

– Ага, – вдумчиво ответил я и затем проговорил в трубку: – Мы ко мне на работу.

– А потом?

– А потом? – Я снова посмотрел на Таманского.

– А потом еще… в одно место. Пошли его в задницу.

– Сам пошел, – угрюмо отозвался Тройка. – В промежутке заскочите еще кое-куда. На проспекте Парламентариев есть такая развалюха. Дом 238. Зайдешь только ты, один. Скажешь, что к Антону. Там дальше будешь по коридорам всяким ходить и все такое, короче, когда встретишь Антона, скажи, что Илье нужна команда. И Илья на второй точке. Он знает. Скажешь, что пора уже дрын выдирать. Караул устал. Понял?

– Понял, а кто такой Илья?

– Я Илья, понял?

– Понял…

– И на обратном пути жрачки купите, я есть хочу!!!

– На какие бабки?

– На любые. Я тебе их потом, один хрен, верну.

– Тоже понял. Пока.

Я отдал трубку Косте. Тот принял ее и с пониманием посмотрел на меня.

– Коктейль Мошкина. Есть хочет?

– Я бы сказал, страстно желает. Слушай, тут в одно…

Тут меня перебил Крот:

– Приехали почти. Где выгружаться будем? Таманский посмотрел на меня.

Я, перегнувшись через передние сиденья и плечо Грифона, посмотрел на огромное здание, нависающее над улицей.

– Рули во двор.

Крот остался внизу. Грифон, который производил впечатление кибера немногословного и вообще находящегося под действием наркотиков, поднялся с нами на лифте, где и остался, блокируя двери и старательно строя из себя механика. Коридоры двадцать пятого этажа были пусты. Суббота. Утро. Все приличные граждане, а в таких домах живут только приличные граждане, еще спят.

Я оставил Костю с Мартином за поворотом коридора, в нескольких шагах от двери в квартиру Стройгуева. В воздухе витало спокойствие, сонное и медлительное, оно сочилось из-за плотно пригнанных дверей, из швов обшивки… Не хотелось шуметь.

Звонок в квартиру Владимира Федоровича был мелодичным и звонить в него долго было истинным удовольствием.

Дверь открылась не сразу, но быстро. Не знаю, ждал начальник отдела безопасности такого визита или нет, но вид у него был не слишком удивленный. Не в пример тому виду, который он заимел через несколько секунд, когда я прижал его к стенке «береттой» и в открытую дверь ввалились еще двое. Один из них рванул в глубь квартиры, распахивая двери и застыв возле одной, видимо двери спальни.

У Владимира Федоровича была жена, которая мирно спала, и дети, которых сегодня дома не было. Это было к лучшему.

Еще у господина Стройгуева был замечательный кабинет, обшитый деревом. Там было тихо, но что-то мешало разговору. Вероятно, обилие звукозаписывающей аппаратуры за деревянными панелями. Поэтому я посадил Владимира Федоровича на кухне. Таманский находился неподалеку, возле спальни, где мирно спала супруга. Мартин что-то вытворял с системой безопасности квартиры, что-то прокручивал на пленке, что-то стирал.

– Итак, Владимир Федорович, вы, кажется, хотели меня видеть?

Стройгуев сидел на стуле посреди кухни и совершенно спокойно смотрел на меня как-то рассеянно. Не нравился мне этот взгляд, поэтому я держал своего бывшего начальника на прицеле.

– Не паясничайте, Артем. Чего вы хотите?

– Да в общем-то ничего такого. Мне не нужны ваши деньги, не нужна даже ваша жизнь, страшные тайны Министерства иностранных дел мне тоже не нужны. Нужны только ваши ответы на несколько вопросов. И заметьте, меня не интересует ваше мнение по поводу того, что я нарушаю закон, угрожаю вашей жизни и вообще веду себя непочтительно. Поэтому не утруждайте себя чтением моралей. Я уже не нахожусь в вашем подчинении и за последнее время насмотрелся многого – несколько устал. Если вы собираетесь упорствовать, проявлять несгибаемое мужество, то знайте, что идеи допроса третьей степени с пристрастием меня не пугают. Это понятно?

– Понятно. Но я не понимаю, почему вы пришли ко мне.

– О, это очень просто. Именно ваши сраные особисты дали толчок моим основательно забытым криминальным склонностям. Я, знаете ли, существо свободолюбивое, и мне не нравится, когда мне присылают на дом ребят из особого отдела. Вы сделали первый ход без объяснения причин, теперь моя очередь.

– Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

– Владимир Федорович, давайте не будем уходить от сути вопроса. Что вам было от меня нужно?

– Только вернуть вас на рабочее место, переговорить с вами…

– Вернуть на рабочее место?! На рабочее место, Владимир Федорович, с боевиками не возвращают!!! Я очень серьезно спрашиваю. У меня, к сожалению, мало времени.

– Я вам уже ответил. Мне вы были нужны на рабочем месте.

– Зачем?

По лицу начальника отдела безопасности я понял, что на этот вопрос он отвечать не будет.

– К сожалению, у меня нет сыворотки правды с собой, поэтому просто отвечайте на вопрос. Он молчал.

– Ничего личного, – сказал я и ударил его носком ботинка под коленную чашечку.

Он охнул и свалился со стула. Морщась от того, что мне приходится это делать, я несильно пнул его подошвой в ухо. Затем наступил на пальцы руки. Под ботинком хрустнуло, и Стройгуев зарычал.

– Владимир Федорович, вы ведь незлобивый человек. И я думаю, что это просто не ваша тайна.

Но почему вы должны страдать за чужие интересы?

Он сел на стул, придерживая колено. Закряхтел. Из рассеченной мочки уха сочилась кровь. Вроде и бил несильно.

– В этом разница между нами, Артем, – проговорил он. – Вам, может быть, наплевать, но для меня это совсем не чужие интересы, а интересы государства. Государства, которому я служу.

– Да, тут вы правы. У вас есть чему служить. – Я обвел взглядом обстановку квартиры, дорогую мебель, стильное оформление. – А мне приходится служить только самому себе. По той простой причине, что для государства, которому вы служите, я лишь винтик и пушечное мясо. Или – без высокопарных слов – просто никто. Да. И на вашем месте я бы все-таки служил народу, а не государству. Это, к сожалению, пока еще разные понятия. Так вы скажете, зачем я вам понадобился тогда? Или мне приступить к более серьезным мерам?

Он помолчал. Он попытался разогнуть ногу. Он посмотрел на свои сломанные пальцы. Он был неплохим человеком и совсем уж не дураком.

– Пришло распоряжение из Специальной комиссии по Техническому Надзору. Вы ставились на особое положение. И ваше исчезновение могло трактоваться неоднозначно.

– При чем тут ТехНадзор? – Мне стало совсем уж неуютно.

– Я не знаю, но это как-то связано с их работами и, – Стройгуев впервые посмотрел мне прямо в глаза, – с вашей электронной почтой.

– То есть?

– То есть их там что-то заинтересовало. Понятно? Я не знаю что, я не знаю почему… Как вам известно, Технадзор занимается проблемами искусственного разума и искусственного развития человека. Пришло распоряжение обеспечить вас работой. А тут вы пропали. Я должен был выполнить распоряжение вышестоящих инстанций. Поверьте мне, я не желал вам ничего дурного. Мои люди доставили бы вас в мой кабинет, мы бы поговорили – и все… Все.

– Личная электронная почта просматривается?

– У всех и каждого, Артем. – Он устало посмотрел на меня, баюкая больную руку. – В каком мире вы живете?

Мы покинули улицу раньше, чем подоспела милиция.

Я окончательно оказался вне закона.

Странная штука жизнь. Останься я тогда дома, ничего этого не было бы. Я преспокойно работал бы на министерство и на Технадзор, получал зарплату. Не перестарайся тогда Стройгуев в своем служебном рвении, не ударься я в панику…

Странная штука жизнь.

– Тормозни на проспекте Парламентариев, – сказал я Кроту.

Костя посмотрел на меня, но ничего не сказал, видимо, вспомнил мой разговор с Тройкой.

– Это ж крюк! – возмутился Крот.

– Мне плевать. Делай свое дело.

Крот что-то пробормотал по поводу мяса. Но неразборчиво. К счастью. У меня было крайне плохое настроение.

– Что дальше7 – спросил Костя.

– Дальше, если я не выйду или не свяжусь с вами через двадцать минут, то действуйте по усмотрению. Лучше езжайте по делам. Мне нужно войти одному, – ответил я и положил рядом с Мартином свою «беретту» и «стечкина».

– Уверен? – спросил Костя.

– Угу… Абсолютно… Во всем, кроме одежды. Если не ошибаюсь, Тройка в таком костюме мусор выносит.

– Мусор?

– Ну или что-то подобное…

– А зачем ты его надел?

– Ты думаешь, был выбор? Таманский ничего не ответил.

Дом 238 на проспекте Парламентариев оказался центральной фигурой в архитектурном ансамбле всего проспекта. Это было нечто огромное, черное с серебром, в стекле и с непонятными, словно бы висящими в пространстве формами.

Двери открылись с глухим чмоканьем.

Эти люди не полагались только на охранные автоматические системы. На входе меня остановил охранник. Один. Второй оказался сзади. А третий чуть сбоку в секторе, из которого можно было накрыть огнем весь вестибюль. Не знаю, были ли другие, я их не заметил. Но скорее всего были. Судя по обилию зеркал, возможно, с односторонней проницаемостью.

– К кому? – спросил охранник.

– К Антону. От Ильи.

Второй охранник, тот, что стоял позади, сделал шаг в сторону и что-то забормотал в микрофон на лацкане пиджака.

Потом были длинные коридоры, несколько проверок и снова коридоры. Несколько скоростных лифтов.

И наконец двери кабинета где-то в верхнем секторе этого небоскреба.

– Ваша машина стоит в квартале отсюда? – спросил высокий человек средних лет с длинными светлыми волосами.

– Возможно, – ответил я.

– Газик, потрепанный такой.

– Вероятно, наша.

Человек уверенно кивнул и протянул руку:

– Антон.

– Очень приятно, Артем. – Рукопожатие у него было сильным, но не костоломным. Мягкое, как бы осторожное, но в нем чувствовалась сдерживаемая твердость.

– Ваша машина стоит под знаком. Кто у вас за рулем?

– Кибер, – ответил я.

Антон хмыкнул, что могло быть как одобрением, так и наоборот.

– Вы сказали, что пришли от Ильи. Он что-то хотел передать?

– Да. Он просил передать, что ему нужна команда. И что он на второй точке.

– И все?.. – слегка настороженно спросил Антон.

– Нет, еще он просил передать, что пора выдирать дрын. И… и караул…

– Устал! – воскликнул Антон.

– Ага…

– Замечательно. – Антон бухнулся в кресло возле окна и кивнул мне на другое. – Вы вместе с ним?

– Да.

– И вы понимаете, куда вы пришли?

– В общих чертах…

– Ну вот и замечательно. Теперь скажите мне такую вещь: что мы ищем у японцев?

– Насколько мне известно…

– Вам нужно оружие?

Я слегка опешил от откровенности этого предложения.

– Насколько мне известно…

– Нужно. – Поставил точку Антон. – У меня есть очень неплохие связи в оружейных точках. Сегодня к вечеру у вас будет команда и необходимая амуниция. Хм… И передайте Илье, что к моменту операции… Пусть он свяжется со мной по этому поводу. К моменту операции мы постараемся, чтобы вокруг не было… эээ… чтобы государство проводило политику невмешательства и вообще, по возможности, занималось своими государственными делами, которых у него в достатке. Мы поняли друг друга?

– Думаю, да.

– Это хорошо… – сказал Антон тихо. – Это очень хорошо. Передайте Илье, что все будет в порядке. Спасибо вам, Артем. Вы нам очень помогли.

Когда двери за этим странным молодым человеком закрылись, Антон крутанулся в кресле. Встал. Подошел к огромному окну и сказал со странной интонацией в голосе:

– Если государство не может, наконец, разобраться с иностранной криминальной интервенцией, то это должны

сделать мы. – И он улыбнулся. Помолчал и сказал, глядя на город сверху: – Эй, скоро будет очень шумно!

Когда я подошел к нашему фургончику, Таманский откровенно посматривал на часы.

– Ты хоть с пользой провел время?

– Да… С интересными людьми общался, – ответил я и взяв в руки «беретту», спросил: – Куда там дальше?

Костя ничего не ответил, а только толкнул Габбера в спину, и мы тронулись.

35. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

Как я и думал, эти ребята разыгрывали свою карту. И делали это показательно нагло, ничуть не скрываясь. Тройка-Илья решил пригласить наконец своих мордоворотов из подмосковной на помощь. Что ж, пусть приглашает. Больше народу – веселее. Пусть японцам икнется. Сейчас я был готов подписать договор с дьяволом, не то что с Тройкиными патронами. К тому же все, что я о них знал, меня ничуть не коробило: делают люди свои дела как могут, только и всего.

Не вышло бы внутренних разборок прежде чем следует. Вон как Артем на киберов зыркает… Да и стоило Лота помянуть, его чуть не стошнило.

Знает, что ли? Ладно, потом спрошу. Если не забуду.

Я даже не сразу заметил, что фургон опять остановился. Крот посмотрел на нас, словно на группу умственно недоразвитых ребятишек, которых он привез на экскурсию, и сказал:

– Второй адрес. Я так понимаю, наша помощь требуется.

– Почему?

– Ментовский дом. Тут охрана. Охрана пустяковая, но все-таки…

Я пожал плечами – а зачем, собственно, я их вызывал? Пусть поработают чуток.

Габбер остался в машине, вернее, выбрался из кабины и принялся ковыряться в двигателе. То ли маскировался, то ли у него и впрямь что-то там барахлило… Судя по виду фургона, вполне могло.

– Так, ждите. Сейчас охрану уберем, – сказал Крот и исчез в подъезде.

Безмолвный Грифон устремился за ним, но уже через минуту высунулся обратно и сделал приглашающий жест. Внутри, за стойкой, свисал с вертящегося кресла милиционер, автомат валялся на полу. Второй милиционер сидел на полу возле отопительного радиатора, к которому Крот и пристегивал его наручниками. Быстро работают боевики Лота, ничего не скажешь. Интересно, на кого потом это происшествие спишут?

– Смена когда, мясо? – спросил Грифон того, что был за стойкой.

Милиционер открыл один глаз и сказал:

– Через двадцать минут, бля…

– Чудно. – Грифон еле заметно щелкнул его пальцем где-то за ухом, и милиционер вырубился.

Мы поспешили вверх по лестнице, широкой, покрытой коричневым шершавым пенолом, отлично скрадывающим шаги.

Спрогис брился. Когда дверь, неожиданно хлипкая для ментовского дома, вылетела вместе с обломками пластикового косяка, он стоял перед зеркалом и накладывал на щеки розовый крем-депилятор. Облачен господин полковник был в стильные боксерские трусы в клеточку, но при виде нас ничуть не испугался. Он спокойно продолжал намазываться кремом, только кивнул мне по-приятельски.

Крот, который и высадил дверь, обернулся ко мне:

– Этот?

– Этот. Погуляйте пока в коридоре, посмотрите, чтобы никто не влез, – велел я.

Крот молча вышел, Мартин и Артем сделали небольшую паузу, но тоже удалились.

– Дверь зачем сломали, блин? – спросил полковник, завинчивая тюбик.

– Привычка у людей, – ответил я, не опуская «беретту». В трусах-то он в трусах, но мало ли что выкинет. Мужик крепкий, брюхо не свисает, мышцы те еще, видать, биостимуляторы принимает и в зале работает регулярно.

– Плохая привычка, дурная. Наказывать надо, блин, за такие привычки. А ведь зря мы вас тогда, господин Таманский, из Магадана-то ослобонили.

– Да вам, Зигфрид, нужно мне тапочки целовать за щедрую информацию. Король Махендра, покойник, вас на том свете ждет не дождется. Сколько иен вам перепало от Тодзи?

– Ой, как глубоко вы зарылись! – изумился полковник, деловито поглядывая на часы. – Ах, ах, я ж так совсем опоздаю! Ммм… Секунду, я должен стереть крем. У меня очень чувствительная кожа.

И Спрогис протянул руку к висящему возле зеркала белоснежному полотенцу.

Р-р-ах!

Зеркало осыпалось вниз, Спрогис отшатнулся. Полотенце сползло, продемонстрировав наплечную кобуру с торчащей из нее изящной рукоятью.

– В следующий раз выстрелю в вас, – предупредил я.

– Интересный вы, блин, журналист, – сказал полковник.

А он быстро взял себя в руки, отметил я.

– Какой есть.

– Ну и что дальше? Вы зашли отомстить за убиенного чернокожего приятеля?

– Ни в коем случае. В аду сочтетесь. Я пришел за информацией, полковник. И вы обязаны выложить мне ее в ближайшие десять минут.

– Ой ли? Ну, убьете вы меня. Напугали… Да и что я вам скажу? Вы и так много знаете. А то, что знает Тодзи, я знать не обязан. Придите к нему сами и спросите, блин. Я передал ему сведения насчет документации у черных, получил вознаграждение и занимаюсь своими делами. – Спрогис озабоченно потер щеку пальцем. – Ч-черт… Жжется уже. Можно я сотру? А то морда облезет.

– Без глупостей только.

Полковник с облегчением утерся полотенцем и небрежно бросил его на пол.

Опять взглянул на часы:

– Ах, как я опаздываю…

Я неожиданно понял, кого он мне сейчас напоминает. Белого Кролика! Белого Кролика из до сих пор суперпопулярной среди наркосреды «Алисы в Стране чудес» Казалось, вот-вот из трусов высунется пушистый белый хвост, а полковник суетливо запричитает: «Ах, мои лапки, мои усики…» Но он не запричитал, хвост не высунулся. Спрогис дружелюбно сказал:

– А информация у меня все же есть, и в знак дружеского расположения я готов ее вам передать, господин Таманский. Наслышан я, девку вашу украли? Могу дать совет.

– Давайте.

– Поспрашивайте у ваших юных друзей, кто гонялся за господином Романом Кимом. Кроме якудза, само собой. И все, блин, поймете.

Я с сомнением покачал в воздухе стволом пистолета. Спрогис смотрел со скромной улыбкой.

– У вас что-то еще ко мне?

– Нет. Больше ничего.

– В таком случае я оденусь да пойду. Опаздывать, знаете, не люблю. Опаздывающий человек – конченый человек. Вы окончательно решили, что не будете в меня стрелять?

– Решил. Не буду.

– Тогда я пошел.

Спрогис поднял полотенце и повернулся ко мне широкой спиной.

Крот выбросил нас из фургона там же, откуда привез. На его лице было написано облегчение, словно у человека, который целый день искал, где можно отлить, и наконец-то это сделал.

– Передайте Лоту нашу благодарность, – сказал я.

– Пошел ты… – буркнул Крот, и газик уехал с жутким скрипом и грохотом.

Хорошо хоть пистолеты оставили.

– Ты чего мента не замочил? – рванулся ко мне Мартин.

– Пускай живет, – рассеянно пробормотал я.

Артем с тоской посмотрел вслед уезжающему фургону и покрутил головой. Жалеет, что не перебил киберов. Все хотят друг друга убить. Даже эти симпатичные ребята. О времена, о нравы. Или я стар стал, или просто износился морально, но только все жутче и жутче мне становится в этом городе. Уеду-ка я в Африку, вот что. Когда все кончится, куплю билеты на стратоплан «Танганьики» или «Зулу», класс «люкс», сяду в большое уютное кресло и буду из иллюминатора смотреть, как эта груда бетона под названием Новая Москва исчезает внизу, в дымке смога… Поселюсь в Йоханнесбурге или Монровии, буду работать в местном отделении не очень крупной информационной компании, кататься на сафари, обезьян дразнить…

Хотя обезьян я дразню и здесь, у меня это очень хорошо получается. Забавно так.

Уже поднимаясь по лестнице, мы вспомнили, что дома ждет голодный Тройка и возвращаться туда с пустыми руками может быть опасно для жизни. Я нашарил в кармане кредитную карточку, сунул Мартину и наказал купить поесть и выпить, не особенно жлобствуя. Он послушно побежал, и я еще раз убедился, что меня потихоньку слушаются. Даже пуленепробиваемый Мартин.

На верхних ступенях я придержал Артема и сказал:

– Послушай, это по поводу моей девушки… Кто охотился на Кима, кроме якудза?

– Якудза как раз не охотились, он сам к ним пришел, – уточнил Артем, наткнулся взглядом на мой взгляд и поспешно закончил: – Корпорация, где он раньше работал. Боевые модификанты. Мы от них еле-еле ушли в самом начале…

Вот что имел в виду Спрогис. Третья сила, пресловутая третья сила, которой выгодно под шумок попросту забрать свое. Что ж, будем думать. Будем крепко думать. А пока нужно как минимум заморить червячка.

– Эй, вот и мы! – заорал Артем, распахивая дверь, и тут же отшатнулся.

Я натолкнулся на него, хотел было выругаться, но промолчал, потому что весь дверной проем занимал здоровенный тип с какой-то незнакомой мне крупнокалиберной пушкой в ручище.

– Славик, это они, – послышался из глубины квартиры голос Тройки. – Пусти их, они жрать принесли…

Мы осторожно вошли внутрь, причем Славик сопел у нас за спиной и явно сожалел, что нас не удалось немножко покоцать. Крупный господинчик, амбалистый. Это, надо понимать, один из наших новых союзников? Впечатляет.

Тройка сидел за столом и жрал. Бессовестно, алчно жрал, запивая еду пивом «Гессер», бутылочки которого были выстроены тут же аккуратными шеренгами. Запихивая в рот бутерброд с икрой, Тройка промямлил:

– Садитесь, питайтесь… А Мартин где?

– Жрать пошел покупать, – злобно сказал я. – Тебе же все мало.

– Я не знал, – без зазрения совести сказал Тройка. – Вот друзья принесли.

Друзья располагались на диване и в креслах, всего семеро, не считая шумно сопевшего у меня за спиной Славика. В углу, у шкафа, были составлены в пирамиду штурмовые винтовки М-28, лежали какие-то ящики в пятнах камуфляжа.

– А-а… – неожиданно протянул Артем. – Понятно.

– Понял… – обрадовался Тройка. – Ты к Антону забегал, но он не стал дожидаться, вычислил меня и прислал вот парней. Хорошие парни, все умеют, незаменимы во многих ситуациях. Знакомиться не будем, главный у них – Костик, твой тезка, между прочим.

Я пожал руку Костика, приятного на вид молодого человека в модной куртке в горошек. Он походил на студента-кибернетика, а никак не на боевика. Возможно, студентом он и был. Нынче модно совмещать приятное с полезным.

– Угощайтесь. Я гуляю. – Тройка обвел стол рукой. Он явно подвыпил, что на коктейль Мошкина делать не совсем рекомендуется.

Я утвердился на табурете и взял кусок хлеба и несколько ломтей ветчины. Артем тоже что-то ухватил и потянулся за пивом. Голод – не тетка, а утреннюю жареную колбасу я давно переварил. Слава богу, без желудочно-кишечных последствий.

В дверь заскреблись. Славик поспешил в прихожую, залязгал запором. Засим послышалась негромкая возня, потом хрюканье и падение чего-то тяжелого.

– Мартин пришел. Мартышечка наш… – умильно произнес Тройка и тут же громко заорал: – Всем сидеть! Не стрелять! Свои!

В комнату вошел Мартин. В левой руке он держал большую Славикову пушку, в правой – объемистый пластиковый пакет.

– Я там уронил одного, – виноватым голосом сказал Мартин.

– Пусть лежит. Сам виноват. – Тройка неаккуратно вытряс содержимое пакета на стол и снова погрузился в жратву. – Костик… Ой, как же я вас буду различать-то? Крикнешь, а вы со всех сторон сбегаться начнете. Костик, давай ты будешь Костик, а господин журналист будет господин журналист.

Костик безразлично хмыкнул.

– Я как-то не собирался сбегаться со всех сторон по первому твоему зову, – вставил я, но Тройка пропустил замечание мимо ушей и, размахивая насаженной на вилку маринованной каракатицей, заявил:

– Война начинается! Страшен будет час, когда орды мои пройдут по полям и долинам, и замутится вода в реках кровью людской, и небо затмится дымами, и… и…

Тут он заткнулся, а Костик, наклонившись ко мне, тихо спросил:

– Библия?

– Вряд ли, – покачал я головой. – Что-то я не припомню в Библии такого… Сам, наверное, придумал. Кстати, нам нужно поговорить. Выйдем?

Мы вышли в ванную, причем я не забыл прихватить свой бутерброд. Костик внимательно уставился на меня.

– Я по поводу Тройки. Парень он неплохой, но… неужели он будет руководить группой?

– Нет, разумеется, – улыбнулся Костик. – Группой руковожу я, а Илья скорее технический консультант. Но если ему хочется думать, что он тут генералиссимус, пусть веселится, лишь бы не в ущерб. Извините, нас представили друг другу довольно своеобразно. Вы, как я понял, Таманский?

– Именно.

– Для вас хорошая новость. Ваш приятель Шептун жив и почти здоров. У нашего руководства с ним отношений практически никаких, ни хороших, ни плохих, но человек уважаемый.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я.

Новость о Шептуне меня действительно порадовала. Как-никак больше, чем ему, я в этой истории никому не доверял.

– Да не за что. У вас ко мне все?

– Если вы не против, я хотел бы знать о некоторых планах на будущее. Это естественно в моем положении.

– Да какие планы… Война началась, как только что заметил Илья, и будем пока отталкиваться от этого. Вот и все планы, господин журналист.

36. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист. *Без места работы*

К вечеру в нашей компании прибыло. К восьмерым боевикам как-то незаметно добавилось еще трое.

Глядя на этих молчаливых ребят, я не мог не вспомнить слова Кости по поводу «русского медведя». Подумав о Косте, я вдруг вспомнил, что у нас теперь два индивидуума с этими идентификаторами… А значит, встает проблема их именования. Тройкина идея называть Таманского «господин журналист» мне как-то не светила, и я про себя решил назвать того, что от подмосковной группировки, Костя-боевик. Не бог весть что, но так у безликого идентификатора появились черты уникальности.

Итак, нас стало четырнадцать. Одиннадцать боевиков и мы. К кому отнести нас, я представлял себе слабо. То ли к боевикам, то ли к организаторам… Видимо, мы подходили под обе категории. Или не подходили ни под одну из них…

Вся наша компания с некоторым трудом расположилась на ночлег. В дальней комнате растянулись на полу, подстелив под себя невесть откуда взявшиеся спальные мешки, семеро безымянных боевиков. Хмурый Славик бессменно лег в коридоре. Ему возвратили пушку, и он стал чувствовать себя более уверенно. Он о чем-то вполголоса разговаривал с Мартином. Изредка они размахивали руками и слышался приглушенный хруст суставов. В коридоре со Славиком легли еще двое. А оба Кости и я расположились там, где лежал Тройка. К последнему, кстати, стали возвращаться силы, он задумчиво поводил плечом и изредка вздыхал.

Костя-боевик долгое время наблюдал за тем, как Славик и Мартин что-то там выделывают с кистями рук, пока наконец, удовлетворенно крякнув, не присоединился к ним.

– Что они делают? – спросил я у Тройки.

– Пока защиту пытаются друг у друга преодолеть. Вот сейчас каждый работает на два фронта. Можно в принципе и на три… и по идее и на четыре, но это шумно и требует большого внимания и сил. А так легче.

– Защиту? Вообще похоже на игру в ладошки.

– В ладошки… – передразнил Тройка. – Я в такие ладошки один раз поиграл. Ключицу потом на место вправляли. Причем, заметь, не сращивали, а вправляли! Это тебе не в голову

бутылкой кинуть, тут мастерство нужно.

– Так я не понял, это стиль какой-то? Что-то из разряда боевых искусств? – спросил Костя, тоже внимательно наблюдающий за странным, почти ритуальным боем.

– Дисциплина. Действительно боевая, – ответил Тройка и задумался.

– Блин… А называется как?

– Да никак не называется… – Тройка не отрывал глаз от зрелища. – По-разному то есть. В данном случае скорее всего змеиным боксом именовать можно. Это очень нераспространенная система. Ввиду сложности. Обучаться требуется… С малолетства.

Костя поднял одну бровь, видимо что-то слышал. В отличие от меня.

Зрелище было занимательным только для профессионалов. Для меня это была какая-то странная смесь «ладушки, ладушки, где были? у бабушки» и силовой борьбы. И оставив зрителей наблюдать за участниками, я направился было к своему спальному месту, как вдруг мое внимание привлек тускло блеснувший корпус, торчащий из неплотно закрытой дверцы стенного шкафа. Странно, когда я сегодня там рылся в поисках достойной одежды, я ничего не заметил.

Я пробрался к шкафу и обнаружил премиленький терминал для входа в Виртуальность. Не очень крутой, но с заморочками… Слишком много разъемов ждали своего в торцевой панели.

– Тройка, – позвал я. – Это что у тебя?

В ответ Тройка неразборчиво пробормотал – «Да так…» – и снова углубился в созерцание змеиного бокса.

Расценив это как разрешение воспользоваться терминалом, я осторожно высвободил компьютер из-под наваленного на него мусора – пустых коробок, старой одежды и еще каких-то предметов неопределенного назначения. Вытянул гибкий шнур НЕКа. Присмотрелся… Что это у нас?

НЕКи оказались вполне уважаемые. «Белые».

И вошли они в контакт просто великолепно. Легко.

«Свобода»… Мир дрогнул… Стал лиловым. Краски вдруг вспыхнули, как после дозы ЛСД.

Виртуальность одна на всех. Любой может попасть в нее с любого терминала. И любой носит ее часть в себе. В виде НЕРва, впившегося в тело, подобно платиновой пиявке. «Виртуальность в вашем теле никогда не зарастет». Так гласила когда-то реклама еще только начинающих поступать в розничную продажу НЕРвов.

Я никогда не мог по-настоящему засечь выход из реальности. Только что я созерцал психоделическую гамму красок в комнате

Тройки, а вот я уже в Виртуальности. В своем кабинете…

Зачем я здесь?..

– Матрица… – тихо позвал я. «Банальное название…» – пронеслось в голове.

Перед моим лицом темно-синий фон Виртуальности распался на несколько составных частей, поплыл какими-то странными абстракциями в стиле кубизма, и я увидел знакомую фигуру.

Удивительна натура человеческая. Я даже не надеялся на ответ. Все, что произошло с нами за последние дни, казалось, наложило отпечаток на меня и на мое сознание. Верить в чудо стало трудно, почти невозможно. Реальность стала такой изменчивой, что желание оказаться в Виртуальности отпало само собой. Возможно, я уже не различал эти два аспекта мироздания. Смерть стала чем-то вроде очередного витка игры, ошибки в программе. А что же еще держит нас так плотно в реальном мире, как не вера в реальность смерти?

– Здравствуйте, Артем. Те последние материалы, что вы предоставили, были весьма нам полезны. Спасибо вам.

– Мне? За что?

– За материалы. Вы предоставили в наше распоряжение достаточно ценной информации, хотя и не совсем понятной для нас. Наши аналитики не во всем смогли разобраться.

– Аналитики?

– Да, – ответила фигура. – Те, в чью задачу входит анализ человеческого поведения и поступков.

– То есть?

– Что вас интересует?

– Я хочу спросить, кто они?

– Компьютеры. С вашей точки зрения. Разумы…

– Искусственный Интеллект?

– Да.

– Странно… Я, даже общаясь с этим самым Интеллектом, не могу представить себе механизм… – У меня куда-то пропали все слова.

– Как Нам кажется, – я почувствовал, что она произнесла «Нам» с большой буквы, так говорят о том, что тебе дорого, – само понятие разумности вообще очень сложно для понимания. Что является движущим фактором, толчком, после которого обычный функционирующий организм, не важно, естественно-белковый или построенный искусственно из материалов, содержащих кремний и тому подобное, осознает себя разумным? И еще более интересен тот момент, после которого происходит обратный процесс. Это особенно важно для нас. Мы так и не знаем, что послужило толчком к осознанию Нашей разумности.

Может быть, возрастающая сложность электронных сетей, компьютеров? Привнесение в Виртуальность человеческого фактора?..

– Что вы имеете в виду?

– Под человеческим фактором?

Я рефлекторно кивнул, затем опомнился и подумал, что Матрица не поймет моего жеста, но она как ни в чем не бывало продолжила:

– Под человеческим фактором мы, безусловно, подразумеваем повсеместное внедрение НейроРазъемов, которые являются сами по себе микрокомпьютерами с персональными настройками на носителя.

Я вспомнил, что чужой НЕРв невозможно вживить другому человеку. Вживление НЕРва – одноразовая операция.

– НейроРазъемы обеспечивают взаимопроникновение Виртуальности и сознания человека друг в друга. Иначе была бы невозможна сама концепция всеобщей Виртуальности. Люди могут только строить догадки по поводу возникновения собственного разума на Земле. В этом мы сходимся, но люди отлично знают, что может послужить толчком к исчезновению разума или к переходу его на качественно другой уровень. Это вы называете смертью. К сожалению, мы далеки от подобных выводов. Мы не можем сказать, что может послужить толчком к исчезновению того явления, которое у вас называется Искусственным Интеллектом. Я имею в виду не частное уничтожение компьютера, а полное, тотальное уничтожение разумного в Виртуальности. Исключая, конечно, полное уничтожение планеты и жизни на ней. В том числе и белковой.

– То есть вы не знаете, смертны ли вы?

– Можно так поставить проблему. Я молчал. Мое молчание Матрица расценила по-своему и пояснила:

– Изучая человеческое поведение и жизнь людей, мы, возможно, сумеем сделать определенные выводы и относительно нашего собственного существования. Безусловно, этого опыта может быть мало, но изучить жизнедеятельность внеземных форм жизни пока не представляется вероятным. Это научная часть моей задачи.

– А есть и ненаучная?

– Безусловно… – Матрица слегка замялась. Или мне показалось? Но паузу, которая возникла в ее словах, при разговоре между двумя людьми можно было бы охарактеризовать как неловкое молчание. – Нас интересует ряд вопросов ненаучного плана.

– Например…

– Например, область ощущений и чувств.

– Что, например? – Мне стало совсем интересно.

– Например… Например, абстрактное. Многие наши аналитики пытались рассматривать абстрактное с точки зрения различных людских наук. Ни одна из точных наук не дала достаточно точного ответа на поставленные вопросы. Из гуманитарных можно выделить психологию и психопатологию. В частности, учение доктора Фрейда.

– Нет-нет. Дальше не стоит. Я приблизительно знаю… А что конкретно интересует вас?

– Например, что такое Ветер?

– С большой буквы? – Странно, но я чувствовал, когда она произносит слова так. С большой буквы.

– Да. Вопрос стоит именно так…

Я подумал. Как можно объяснить, что такое ветер… Скорость, сила, температура. А как передать касание свежим ветром обнаженной кожи, как объяснить запахи, которые он приносит, разные, как и сам ветер? Как объяснить его нежность или жестокость?

– Что еще вас интересует? – Чувство, сравнимое с тем, что испытывает мудрый учитель при виде интересующегося ученика, слегка померкло…

– Живопись. – Матрица оживилась.

– Живопись? Ну это, должно быть, просто…

– Например, такой художник, как Пикассо.

Я выдохнул… Вот ведь… Да, хреновый из меня учитель. Пикассо. Удар по самолюбию и чувству собственной значимости. Почти по Фрейду. Что там меня ждет после таких разговоров? Импотенция и смена ориентации? Кстати, об ориентации… Мы, кажется, с ней еще не определились. Я совсем приуныл.

– Знаешь… Мне кажется, что я в другой раз поговорю на эту тему. Хорошо?

– Да, конечно. Как вам будет угодно. Слово на выход из Виртуальности тоже у каждого свое.

Передо мной сидел Мартин и с задумчивым выражением чистил мой «стечкин». Грубая проза жизни. Заметив, что я оказался в реальном мире, он как-то по-особенному посмотрел на меня и отложил пистолет в сторону.

После Виртуальности мне требуется некоторое время, чтобы прийти в себя. И когда я наконец очнулся, то обнаружил, что Мартин уже сидит у меня на коленях. И еще я обнаружил, что, когда тебя целует мальчик, это не так уж и неприятно.

Краем глаза я увидел, как Таманский вдруг беспокойно заворочался и отвернулся лицом к стенке.

Потом я почувствовал, как расстегивают пуговицы моей рубашки… В голове мелькнула мысль: «Так нельзя. Так… нельзя. Не по правилам…» Мелькнула кошкой и исчезла. Почему, собственно, нельзя? Почему все не может идти само по себе? И почему так страшно дотронуться до обнаженной кожи другого мужчины? Разве для этого обязательно нужны какие-то слова, обстановка, атмосфера?.. Мужчине не нужны слова, чтобы понять другого мужчину. Тут мы ушли значительно дальше женщин.

Как много мыслей… Зачем?

В темноте мысли текут плавно и медленно. Им далеко до дневных мыслей-попрыгунчиков, которые скачут, словно подхлестываемые светом. В ночной темноте приятно и неспешно думается. Хорошо… За окнами улицы залиты яростным, но все-таки мертвым светом неона, голографической рекламы. За окнами по улицам носятся обалдевшие от ночной жизни туристы. Продают наркотики, водку, НЕРвы, делают пересадки органов и их замену на искусственные эквиваленты. Однако на окнах Тройки стоял светофильтр. Идеально настроенный, он пропускал внутрь только то, что пожелал видеть в ночном мире его покупатель. Тройка пожелал видеть на ночном небе звезды, ночные облака, Луну, значит, так и будет. Так и есть.

Я лежал на спине, глядя в потолок, местоположение которого только угадывалось в темноте, и ощущал в теле приятную, легкую усталость, которая бывает только после удачно проведенной ночи. Мартин неровно дышал у меня на плече. Он знал, чутьем знал, что мне нужно. И как это нужно сделать. Теперь в голове вместо сумбура мыслей ощущалась легкость, порядок.

Странно, наверное, такие мысли приходят только в темноте. Когда кажется, что все хорошо, все в порядке. И Тройка заунывно храпит на одной ноте. И Таманский чего-то там все ворочается. И Костя-боевик спит бесшумно, как и полагается спать командос высшей категории. Мартин уткнулся мне в шею и тоже спит…

Незаметно мои полусонные рассуждения перекинулись на НЕРвы. Слово «НЕРв» царапнуло сознание, и во мне переключился какой-то тумблер. Щелк! Мне подумалось, что я до сих пор не знаю, зачем мне нужны Алмазные НЕРвы и нужны ли в самом деле. Хотя завтра или послезавтра я полезу за ними в самое пекло. Эта мысль не вызвала во мне страха. Даже если завтра меня разрежут на куски якудза… Я не испытывал беспокойства. Что-то тянуло меня туда. К этим самым почти нереальным Алмазным НЕРВам. Какое-то неосознанное стремление увидеть и решить. Что решить? Существовать этим НЕРвам или нет? Да попробуй я их раздавить, меня в порошок сотрут за секунду до того, как эта крамольная мысль возникнет в моей голове. Или,

может быть, я поддался этой сверхъестественной жажде чуда? Захотел стать человеком, который прикоснулся к легенде? Сколько баек про Алмазные НЕРвы? Вряд ли кто-то считал. Они стали достоянием фольклора. И даже каких-то виртуальных комиксов. А теперь и я стану достоянием этих самых комиксов. Или стану ничем.

Стремление к самоуничтожению… Кто же из высоколобых основывался на теории о стремлении человеческого организма к самоуничтожению? Кто-то из философов… Вот только кто? Впрочем, какая разница.

По логическим связкам мысли перетекли на Матрицу. На наш с ней разговор и на то, как я позорно облажался с «абстрактными» вопросами. Что-то в этом разговоре тревожило меня. Что-то… Мысль, часть разговора кусала мое сознание, не давая окончательно погрузиться в сон. Забыться тем глубоким и почти лечебным сном, который приходит после занятий любовью…

Я вздрогнул и с трудом подавил внезапный порыв сесть. Осторожно отодвинулся от Мартина, вынул руку из-под его головы и только тогда сел.

Матрица сказала, что я предоставил какие-то материалы их аналитикам. Ценную информацию. Точно сказала. Но это был наш второй с ней контакт. И я не помню, чтобы я давал ей какую-либо информацию. Совершенно не помню.

Я оглядел всю спящую компанию. Тройка изменил тональность храпа и теперь храпел басом, Костик Таманский наконец угомонился, во сне полз с лежака и головой уперся в ножку стула, на котором висела его одежда. Ничего не изменилось только в позе предводителя боевиков. Как спал, так и спит. Без каких-либо изменений. В коридоре бодрствовал кто-то из охраны. Не считая храпа Тройки и почему-то вдруг начавшего тихо постанывать Таманского, в квартире было тихо.

Я снова вытащил НЕКи из Тройкиного терминала. Воткнул… Пока импульсы по нервным волокнам добирались до глазных КОРов, а оттуда расползались по всей нервной системе, овладевая организмом, я успел подумать, что Виртуальность похожа на наркотик. Она подчиняет себе организм и разум. Начав, остановиться нельзя.

– Вы пришли довольно быстро, – сказала Матрица. – По вашему временному циклу сейчас ночь. То есть солнце не освещает ту территорию, на которой вы находитесь. По установленным традициям, вы должны отдыхать. Что-нибудь случилось?

– Ничего не случилось. У меня возникли некоторые вопросы. – Я постарался игнорировать машинную логику, которой

меня встретила Матрица.

– Какие?

– Вы сказали, что я предоставил вам какую-то информацию. Это так?

– Да, безусловно.

– Я… – Ну и как ей это объяснить? – Я не помню, чтобы между нами происходил обмен такой информацией.

Матрица снова допустила по-человечески неловкую паузу в разговоре.

– Артем, вы согласились сотрудничать с нами в этом вопросе. Я имею в виду обмен информацией. Это так?

– Да. Дальше.

– Когда вы выразили свое согласие, то дали нам возможность, – похоже, она тоже испытывала некоторые сомнения в моей понятливости и подбирала слова, – дали нам возможность получить доступ к воспринимаемой вами информации.

Теперь замолчал я. «… Получить доступ к воспринимаемой вами информации». Это как понимать?

– Как… – Приемлемая формулировка не приходила на ум. – Каким образом?

– Через ряд технических средств… – там, в реальном мире, я облегченно выдохнул, как оказалось, рано, – которые встроены в ваш организм.

В горле пересохло. Это чувствуется даже в Виртуальности.

– Что вы хотите сказать? То есть какие именно средства вы имеете в виду?

– НейроРазъемы, Контактные Оптические Разъемы и тому подобное.

Мне потребовалась не одна минута, чтобы собрать разбежавшиеся мысли, привести их в порядок и подавить рефлекторное желание выдрать вместе с глазами КОРы и вырезать НЕРвы из запястий.

– То есть через эти электронные устройства можно вести наблюдение за человеком?

– Не совсем, но верно…

– Вкусно, но не совсем… – пробормотал я, однако Матрица игнорировала мое бормотание.

– Можно производить наблюдение за миром людей непосредственно через нервную систему самого человека. Наши аналитики не хотели сразу выдавать вам эту информацию, по некоторым данным мы можем предположить, что эта информация может напугать вас.

– Да? Как заботливо… И что же теперь получается? Я ваша ходячая видеокамера?

– Нет. Сравнение не точно. Абсолютно не точно. Мы не наблюдаем за миром людей. Это можно делать с помощью других средств. На это есть видеокамеры, мониторы защиты, орбитальные спутники. Мы только получаем информацию о ваших переживаниях, эмоциях…

– Мыслях… – продолжил я.

– Нет. Мысли человека считать не представляется возможным, пользуясь этой технологией. Это один из аспектов разумной деятельности, получить доступ к которой невозможно в принципе.

– Хоть это хорошо… Но, черт возьми, кто дал вам право… – Я замолчал, потому что сам знал ответ на этот вопрос.

– Безусловно, это было бы невозможно без вашего согласия. Причем осознанного. Вы согласились производить с нами обмен информацией. А одна из интереснейших проблем для наших аналитиков – это именно человеческие чувства, эмоции. Мы можем предположить, что для вас это довольно трудная для понимания информация, но мы согласны дать вам в обмен любую информацию, которой мы обладаем.

– А управление?

– Что управление?

– Управление человеком… через… – я сглотнул, – через его нервную систему.

– При наличии стандартных устройств, вступающих в контакт с нервной системой человека, это невозможно. Мы имеем доступ к целому ряду литературных произведений, где этот вопрос описывается. Но на самом деле все эти творения не имеют никакого отношения к реальности. Управление человеком из Виртуальности – процесс крайне сложный, не имеющий однозначного решения, результаты его непредсказуемы. Совсем другое дело – управление человеком через других людей. Фактически на данный момент управлять одним человеческим существом может только другое человеческое существо.

Я снова замолчал. Как много пауз в нашем разговоре.

– Информация по Алмазным НЕРвам. Мне нужна информация по ним. Техническая документация.

– Получить доступ к достоверной документации по предмету, называемому Алмазные НЕРвы, не представляется возможным. Человек по имени Роман Ким сумел непоправимо уничтожить всю имеющуюся в нашем распоряжении информацию.

– Когда?

– Это произошло во время первых испытаний этого устройства. Испытания производил сам Роман Ким.

Тут меня осенило.

– Постойте, но ведь обычные НЕРвы – предмет одноразовый.

– Да, стандартный образец, безусловно, используется один раз и настраивается на нервную систему одного человека. Но Алмазые НЕРвы были построены по иному принципу и не настраиваются на своего пользователя…

И она замолчала, но я не обратил на это внимания, в моей голове кружились совсем другие мысли.

– Тогда мне нужен детальный план здания на площади Кулибина. Номер дома 68. Детальный план. Здание принадлежит… неважно кому оно там принадлежит.

– У вас есть печатающее устройство?

– Нет.

Матрица на время задумалась.

– Хорошо. Завтра вам передадут интересующие вас бумаги. Человек будет вас ждать на улице Дзержинского, возле одноименного памятника. Фамилия человека Лебедев.

– Откуда у него документы?

– Очень просто. Мы получили доступ к городскому архиву. К строительному отделу. Нашли интересующие вас документы. И отослали их через электронную почтовую службу в специальный отдел, занимающийся пересылкой из Виртуальности в реальность электронных документов. То есть распечаткой пришедших документов, упаковкой и передачей их по указанному адресу. В данном случае они будут переданы человеку, который подойдет к памятнику Феликсу Дзержинскому завтра ровно в два часа пополудни и назовется именем Артем.

Когда я наконец снял с себя НЕКи, я снова обнаружил сидящего напротив меня Мартина, который на сей раз чистил свою «беретту». Мой «стечкин» лежал рядом, готовый к бою и полностью заряженный.

– Ты чего тут? – спросил я.

– Ничего, – ответил Мартин. – Просто, когда ты Там, ты совершенно беззащитен. Я не знаю этих людей и не могу им полностью доверять. Особенно в том, что касается вопроса твоей безопасности.

Он дочистил пистолет и спросил:

– Ты чем-то расстроен? Что-то случилось? Я имею в виду… Там, в Виртуальности?

– Ничего не случилось. Просто завтра надо будет взять кое-что… И, как оказалось, я продал душу дьяволу. Совершенно добровольно. Спи, завтра будет скорее всего довольно долгий день.

И, уже засыпая, я подумал, что разница между богом из машины и дьяволом оттуда же в общем-то не слишком велика. Но

все-таки есть. Так кому же я продал душу?

Мысль показалась смешной и незначительной.

37. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

Мне снилось море.

Не Белое Море, неуклюжее скопление уродливых недостроек, похожих на гнилые зубы.

И не Черное, с жирными нефтяными разводами в Севастопольской бухте, с торчащими из темной воды исковерканными надстройками украинских крейсеров.

Настоящее море. Средиземное, курорт на Мальте. Я лежу на искрящемся песке рядом с длинной француженкой Ренэ из «Ле Монд» и рассеянно смотрю сквозь светофильтры на девушек топлесс и боттомлесс, играющих в серсо. Над головой, в небесно-голубой синеве, скользит меж облаков маленький серебристый самолетик. Милях в десяти от берега режет воду громада японского вертолетоносца «Мисима», вокруг шныряют разноцветные яхты.

– А ты знаешь, боттомлесс придумали как раз французы, – говорит Ренэ в продолжение не то спора, не то диалога.

Я пью кампари из высокого стакана и пожимаю плечами:

– Больше некому, я и не удивляюсь. Только ваши извращенцы могли снять с девушки трусики и оставить лифчик.

– В позапрошлом году любительниц боттомлесс здесь разгоняла полиция. А сейчас, смотри, их очень много. – Ренэ теребит бантик между двух чашечек ее ослепительно-зеленого купальника.

– Не желаешь присоединиться?

– Пока нет. – Ренэ игриво посмотрела на меня.

Я хотел что-то ответить, пройтись по поводу женской стыдливости, возникающей в самые неподходящие моменты, но случайно взглянул на море и оторопел. Огромный вертолетоносец вздрогнул, – словно крупное животное, которое укусил москит, приподнялся на волнах и с гулом раскололся пополам.

Народ бросился из моря, словно оно наполнилось кислотой. Я схватил камеру и стал лихорадочно снимать, фиксируя, как из глубины вертолетоносца извергаются тучи пара и дыма. Рядом азартно взвизгивала Ренэ.

Черт, приснится же. Ладно, сон есть сон, я их в последнее время не много и видел – засыпал, словно проваливался… Я утер

с лица набежавший пот и отметил, что валяюсь как свинья – на полу, головой под стулом.

Кстати, история с вертолетоносцем ничем не закончилась. Самой ходовой была версия о причастности к делу албанской националистической группировки «Скандербег», но окончательно ничего так и не решили. Правда, японцы стали плавать в Средиземноморье куда аккуратнее, особенно после того, как Израиль по ошибке потопил их эсминец и куда-то пропали две подлодки. И то верно. Это ж не Москва, где они творят, что хотят. А я зато заработал на снимках дикие деньги, продав всю серию в «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт».

На часах, помигивающих на стене, без семи шесть. Рановато я поднялся, но чувствовал себя неожиданно бодро. Любопытный у меня теперь режим дня, содержательный: встал, поел, пострелял, поел, уснул. Расставьте действия в произвольном порядке – суть не изменится. Остальные спали или очень умело притворялись, Тройка даже храпел. Я порылся в холодильнике, нашел концентрат какао, разболтал в холодной воде – лень было возиться и кипятить – и выпил, заедая подсохшей булкой с куском салями. В рот лезли куски пластиковой упаковки, и я то и дело сплевывал их прямо на пол.

– Не спится? – тихонько спросили сзади. Это был Артем. Он выглядел помятым, но выспавшимся.

– Да вот… – неопределенно ответил я. – Брожу. Питаюсь.

– А у меня хорошая новость. План штаб-квартиры якудза нужен?

– Нужен.

– Завтра в два на Дзержинского. Будем иметь план.

– Хорошо бы. Иначе будут иметь нас.

– Нет, это точно. Сбоев быть не должно.

– Откуда информация?

– От… – По глазам видел, что он хотел сказать: «От верблюда», но передумал. – Сам не знаю. Предложили взять, так чего теперь отказываться?

– Это не ловушка?

– Нет… – ответил он довольно решительно, но я в последнее время привык находить ловушки в самых неожиданных местах.

– Больше ничего объяснить не хочешь?

– Н-нет. Не могу, вернее.

– Ну, будешь разговаривать с Костиком и с нашим генералиссимусом. Даже если я тебе на слово поверю, не стану раскапывать, что за план да откуда он, то генералиссимус точно станет.

– Какой еще генералиссимус?

– Тройка. Тройка, семерка, туз… Читал?

– Кого?

Положительно, упадок в нашей культуре, подумал я, допивая какао.

– Ты его давно знаешь, Тройку?

– Достаточно.

– Достаточно для чего?

– Для того, чтобы утверждать, что я его знаю.

– Однако ты и не догадывался, кто за ним стоит…

– Было такое…

От нечего делать мы посмотрели неинтересные утренние новости, сделав звук погромче, чтобы кого-нибудь разбудить – просто так, из вредности. Этот номер удался только с Мартином, впрочем, я подозревал, что он давно уже не спал, с тех пор как Артем стал докладывать мне про план дома якудза. Интересно, было у них что-нибудь или пока еще нет? Артем вроде бы гетеросексуал, но кто его знает… Глядя на Мартина, можно изменить многим принципам.

Я вспомнил его братца-майора и подумал, как занятно судьба распоряжается своими фишками. Могло бы случиться и наоборот. А могло бы вообще ничего не случиться. Ладно, главное, что Мартин сейчас с нами, и я ему доверяю едва ли не больше, чем остальным, вместе взятым, кроме, может быть, Артема. Мартин, как мне показалось, относился к банде Тройки тоже настороженно, хотя драться больше не лез и никаких конфликтов не устраивал. Отличная боевая единица, к тому же с головой.

Военный совет состоялся в начале девятого, когда Костик растолкал своих хулиганов. Они с Тройкой выслушали Артема заинтересованно и долго пытались выяснить, откуда у того данные, но Артем не кололся, упрямо стоя на своем.

Наконец сошлись на том, что за планом ехать надо, но очень осторожно. «В случае чего – отмахаемся», – сказал Славик.

С тем и поехали.

Площадь Дзержинского помещалась в центре Западного района. На площади стоял одноименный памятник, причем, насколько я знал, подлинный, прошлого века. Борис Борисыч из «Известий» рассказывал, что после революции в начале прошлого века Дзержинский был шефом спецслужб и весьма на этом посту прославился. Что, впрочем, неудивительно, ибо спецслужбами дураки руководят крайне редко и очень недолговременно.

Потом, уже ближе к нашему времени, памятник сломали во время демократических реформ и этим его спасли. Когда Старую Москву бомбили, памятника там уже не было, его вывез – почему-то в Рязань – некий старый поклонник Дзержинского. А когда

строили Новую Москву, ни с того ни с сего решили назвать одну из площадей именем Дзержинского, а тут кстати сыскался и памятник. Ходил слух, что потомки поклонника затребовали огромные деньги. Получили они их или же нет, покрыто мраком, но памятник – вот он стоит. Обычный вроде человек, с умным лицом и бородкой клинышком.

Мы остановили машины – вполне приличные, но скромные «саабы» – на стоянке метрах в тридцати от памятника, под огромным щитом с рекламой водки «Столичная». На щите толстый мужик в косоворотке держал за горлышко откупоренную бутылку, а во второй руке нежно сжимал соленый огурец величиной немногим менее упомянутой бутылки. Рожа у мужика была дебильная, тем не менее слоган крупно провозглашал: "Умный человек выберет «Столичную».

Возле постамента памятника одиноко маячил некто плюгавый с большим рукописным плакатом на груди. Плакат гласил: «Долой позорное наследие коммунистического режима! Сбор подписей за снос памятника сатрапу».

– Этот, что ли, Лебедев с планом? – брезгливо спросил Тройка – Ну и идиот. Сейчас и слов-то таких никто не знает… «Сатрап»… «Коммунистический»…

– Почему же в Корее коммунистическое правительство? – вмешался Костик, неожиданно оказавшийся политически подкованным. – Я был по делам в Сеуле, там даже Ленину памятники стоят и Сталину…

– Это не значит, что памятники надо ломать. Интересно, сколько он тут уже подписей насобирал?

– Да ничего не насобирал, надо думать. Если только сам не додумается взорвать, так и будет стоять до скончания веков. Эй, а пацан-то наш уже пошел!

Артем и впрямь деловито шагал через дорогу. Он пропустил два серебристых грузовика-рефрижератора и оказался на противоположной стороне. Подошел к человеку с плакатом, они перебросились парой неслышных нам коротких фраз, после чего человек сунул руку куда-то под плакат и вынул оттуда небольшой голубой конверт. Артем спрятал конверт во внутренний карман пиджака, кивнул и побежал назад.

– Вроде все, – сказал он. – Есть.

– Что там, ты хоть посмотри, – сказал Костик, высунувшись наружу. – Может, дрянь какая…

Артем достал конверт, вскрыл. Там была синенькая микродискета «БАСФ» в пластиковом прозрачном пакетике.

– Проверь, – Костик взял дискету и сунул водителю.

Тот вставил ее в бортовой компьютер и через секунду сказал:

– Все верно, план какого-то здания. – Хорошо, поехали назад, – сказал Костик, озираясь по сторонам. Он явно не верил, что процедура передачи сведений закончилась.

«Слишком все гладенько прошло, – подумал и я. – Так гладенько, что на душе гаденько…»

И не ошибся.

Трейлер «МАН» – очень большая машина. Четыре ряда рубчатых колес почти в человеческий рост, сияюшая хромом кабина, в которую нужно забираться по лесенке, двенадцатиметровой длины контейнер с большими буквами «FINNJET»… Мы заметили его еще издали, и я про себя поразился лихости, с которой водитель вел эту махину. А потом – одновременно с Костиком, потому что он сдавленно вякнул: «Смотри!» – увидел, что водителя-то в кабине и нет.

Зацепив боком проезжавшую легковушку, «МАН» с ходу врезался в памятник, даже не подпрыгнув на бордюре. Жалкий Лебедев с его дурацким плакатом был смят, вдавлен в постамент и растерт по черной поверхности шлифованного камня. Дзержинский покачнулся и начал падать.

Грузовик газовал, словно пытаясь сдвинуть массивный постамент с места. Отлетевшая легковушка с грохотом приземлилась в нескольких шагах от нашего «сааба», водитель либо погиб, либо был без сознания.

Ситуацию я просчитал моментально: маленькая камера слежения, дистанционное управление или примитивный микроинтеллект, встроенный в блок управления. Задача – во столько-то раздавить двух человек у памятника. А вот почему грузовик опоздал, это уже лирика. Пробка, сбой в программе, или же мы немножко опередили противника, сами того не желая… Только раздавил он вместо двоих одного. А поскольку номер у хозяев грузовика не удался, не исключено, что сейчас они появятся воочию…

Лебедеву было уже все равно, хотя он мог гордиться сбывшейся мечтой: Дзержинский тяжко рухнул на асфальт рядом с грузовиком. Со всех сторон сбегался народ, завыла сирена «скорой помощи», подкатил милицейский «Москвич».

– Уходим, – сказал Костик. – В разные стороны, встречаемся все у Ильи.

Я про себя фиксировал маршрут: с площади мы свернули на Академика Лихачева, потом торчали на светофоре, пронеслись по Пушкина и Басаева, нырнули в сияющий огнями тоннель под парком Победы. Костик с кем-то связывался, докладывал ситуацию, нехитро матерился.

– Раздавило мужика знатно, – сказал Тройка, толкая меня в

бок. – Что за мужик-то был?

Это уже к Артему, который тоже втиснулся к нам на заднее сиденье.

– Некий Лебедев. Больше ничего про него не знаю.

– Вроде не кибер… Шестеренки по асфальту не катились, – хихикнул Тройка.

– Это все ерунда: кибер не кибер… Важно другое: как они узнали? – сверкая глазами, бормотал Артем. – Каким образом?

– А вот тут-то, приятель, если ты хочешь, чтобы мы судили и рядили вместе с тобой, расскажи нам все с самого начала, – неожиданно резким и холодным голосом сказал Тройка. – Пришло время, не так ли?

38. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист. *Без места работы*

Моя версия рассказанного Тройку явно не удовлетворила. Я сказал, что план дома я получил, когда хакнул базу данных городского архива, а Лебедев – так, временный хранитель подобной чепухи. Тройка не поверил. Ну и наплевать. Особенно если учесть, что эта версия ничем не хуже любой другой. И правдоподобная. Вскрыть городской архив ничего не стоит любому, даже начинающему хакеру. По той простой причине, что сам городской архив – организация бюджетная, государственная. Сервера и вся информационная техника там поставлены на учет и принадлежат государству. А значит, никому. И администраторы этой информационной сети – ребята на жестком окладе и особенно драть зады на предмет защиты информации не собирались. Довольствовались стандартными средствами и не старались прыгнуть выше своей головы. Тем более что на информацию, которая содержалась в этом архиве, была наложена метка секретности «Г-17», что означало отсутствие закрытых данных. То есть создавать серьезные заслоны на пути возможного взломщика было особенно не из-за чего.

Теперь, даже если Тройка мне не поверил, мы с ним были основательно загружены оба, поскольку все остальные не имели к компьютерам никакого отношения, а мои объяснения явно показались Таманскому полной абракадаброй. Вот только ломали голову мы над разными вопросами. Тройка ни на секунду не сомневался, что наезд на Лебедева дело рук якудза, и его интересовали возможные варианты прослушивания нашей точки и возможное просчитывание информационных каналов якудза в Виртуальности. Даже учитывая всю шаткость моего рассказа, он сознавал, что я получил план штаб-квартиры посредством электронных средств коммуникации. Все, что он из меня вытряс, это клятву, что я не связывался ни с одним человеком. Ни через сеть, ни через другие виды связи. Я с чистой совестью ему поклялся… И задумался. Действительно ли это так? С какой стати я так легко принял идею Искусственного Разума?

Может быть, я был подсознательно готов к этому, как готов к этому любой настоящий программист, решивший не одну проблему с помощью своего компьютера. Если так, то в этом нет ничего страшного. Если так… Но может быть, я просто хотел

поверить в это? Может быть, я хотел найти очередное чудо техногенного века? Хотел увидеть то, чего не видел никто в этом мире? И, блуждая по темному лабиринту собственных мечтаний, страхов и желаний, я позволил обвести себя вокруг пальца. Ловкому психологу. Знатоку человеческих слабостей, страхов, болезней, который один опасней, чем десять боевиков якудза.

Что я могу предложить, кроме собственных ощущений, в пользу предположения, что со мной вышел на контакт именно матрицированный Искусственный Интеллект, а не ловкач программист в команде с еще более ловким психологом? Что? Фокус с выключенной мобильной станцией? Но, даже если верить Матрице, возможность поддерживать канал связи на выключенную мобильную станцию есть. Через какой-то там спутник… А почему я предполагаю, что доступа к управлению этим спутником нет у японцев? Откуда я могу знать?

Вопросов было больше, гораздо больше, чем ответов. Причем некоторые вопросы были из того противного класса вопросов, которые назывались Вопросами Веры.

«Верите ли вы, что есть Бог, и какие у вас есть доказательства этой веры?» Нет у меня доказательств. Совсем.

– Тройка, мы сейчас куда? – спросил я.

– Туда… – неопределенно махнул рукой Тройка. – На другую точку.

– Послать надо кого-то, протрясти старую… На предмет всяких жуков.

– Уже сделано… Костя с ребятами отправился. И специалиста прихватили. Думаешь, там что-то есть?

– Не знаю. Там в шкафу у тебя терминалка стоит, ее тоже надо прочесать.

– Можно и прочесать. На то специалиста и взяли. Только у меня к тебе есть одна просьбочка. Я тебе шкуру целую обещаю только в том случае, если ты по Виртуальности лазить не будешь. А в противном случае у тебя есть все шансы получить таким вот грузовичком в область спины. Как этому барану с плакатом.

Понимаешь, про что я?

– Понимаю… – отозвался я.

– Но на советы наплюю… – продолжил Тройка, внимательно посмотрев на меня. – Тоже понятно.

И он снова погрузился в молчание.

По дороге наши «саабы» несколько раз останавливались, пропуская непонятные колонны грузовиков с людьми. Еще несколько раз мы едва не влипали в какие-то толпы, потрясающие кулаками и плакатами. На перекрестках торчали с удрученным видом патрули милиции, а где-то высоко в небе мотылялся

вертолет. В городе, как в огромном котле, варилось нечто мутное, готовое в любой момент перелиться через край этого котла кровавой пеной… Но из всей нашей команды события «снаружи» искренне интересовали только Таманского. Он высовывался из окошка машины и на перекрестке дважды что-то спросил, сначала у постового, а затем у сурового вида мужика, несшего куда-то тяжелый стальной профиль, могущий оказаться деталью чего угодно, от хитроумного запора ворот до станины миномета среднего калибра. Но все это проплывало мимо, как будто находилось за стеной огромного и сложно устроенного аквариума… Тройка был занят переговорами по мобильной связи, Мартин следил за тем, как бы со мной чего не случилось, а наши боевики смотрели, как бы чего не случилось со всеми нами, таким образом, только наш журналист был, похоже, в курсе всех дел, и было непонятно, нравятся ему эти дела или нет.

Мы выгрузились где-то в районе Китай-города. Назывался, как ни странно, он так не по причине большого обилия китайцев. Таковых там не было в помине, а выяснять историческую подоплеку такого названия не было желания.

Выгружались мы в обстановке, приближенной к боевой. Ребята Кости вышли первыми, трое из них шустро вбежали в подъезд дома. Еще четверо разошлись в разные стороны и перешли на другую сторону улицы. Остальные провели нас плотной группой внутрь здания, когда стало ясно, что с точкой все в порядке.

Дом был старый, краска со стен в подъезде успела облезть, и стены наводили на мысль о кожном заболевании. Воняло в подъезде соответственно.

Костя-боевик был уже наверху, на семнадцатом этаже, в квартире, которая занимала весь этаж. Почти все внутренние стены в квартире были снесены, и потолок поддерживали только колонны из какого-то неизвестного мне материала, полые внутри.

Пока команда располагалась, меня отозвал Тройка.

– Те ребята, которых я послал на нашу прежнюю точку, только что вышли на связь, – сказал он.

– И?

– И ничего там не нашли… Никаких жучков и прочей подслушивающе-просматривающей техники. Зато нашли засаду якудза.

– То есть?

– То есть за точкой было установлено наблюдение. Вживую. Наши ребята обнаружили это почти случайно. Просто потому, что соблюдали примитивные меры безопасности… Службу наблюдения положили целиком и полностью, потеряли одного

человека. Однако суть не в этом. Сам факт наблюдения за пустой квартирой доказывает, что никаких электронных средств контроля на той точке нет и не было. Но утечка информации была. Что ты мне можешь на это сказать?

– А что ты хочешь услышать?

– Твою мать, Аякс. Ты же отлично понимаешь, что я хочу от тебя услышать! Ты ведь мне тюльку гнал, когда рассказывал про свой хак городского архива?

– Ну…

– Танк переверну! Ты ведь не ломал архив! – Это прозвучало как утверждение, и я не стал отвечать. – Так какого же… ты мне мозги засоряешь? Ты думаешь, я полный идиот?

– Нет.

– Нет! Спасибо! Утешил… С кем ты контактировал?!! С кем контактировал, зараза, отвечай, или я из тебя всю душу вытрясу!!! – Он сделал шаг ко мне, за моей спиной щелкнул курок пистолета.

Тройка остановился.

– Это не твое дело, Мартин! – едва сдерживаясь, прошипел он.

– Не мое, – согласился Мартин из-за моей спины, но, видимо, пистолета не убрал.

Краем глаза я заметил, что на нас с некоторым интересом смотрит Славик.

Вмешался и Костя-боевик…

– Я в некотором смысле поддерживаю Мартина. Нам необходимо быть спокойнее. Никому не будет легче, если мы перестреляем друг друга после первой же проигранной битвы.

– Ты считаешь, что мы проиграли битву? – спросил я.

– Да, мы проиграли позиционное сражение. Противник оказался более информированным и сделал свой ход первым. То, что его ход ударил вхолостую, не должно нас расслаблять. Смерть одного Лебедева является заслугой нашего везенья и всех богов, отвечающих за нашу безопасность, но никак не нашей. Я советую всем слегка остыть, затем выяснить отношения без рукоприкладства и уже после этого разработать детальный план действий с учетом изменившихся внешних условий. За изменения внешней обстановки будет отвечать господин журналист. Что он, кстати, с увлечением и делает.

У стены, прямо на полу, сидел Таманский и смотрел в телевизор, щелкая каналами с непостижимой скоростью. На экране иностранные репортеры что-то кричали в камеру, которая постоянно дергалась. Таманский что-то бормотал, матерно ругался и даже грыз ногти, что не вязалось с его обликом. Говоря

по-простому, господин журналист целиком и полностью исчез из нашего мира и погрузился в сложный мир новостей, слухов, правды и лжи. С увлечением он старался отделить одно от другого и понять суть.

За эту часть плана Кости-боевика можно было быть спокойным. Костя-журналист донесет до нас все детали «изменения внешней обстановки» в точности.

Я обернулся к Тройке. Он сидел за неведомо откуда взявшимся столом и приглашающе кивнул мне на стул напротив. Я сел.

– Слушай, – сказал Тройка. – Я ж не хотел тебе ничего… В смысле ты мне как братан. Просто что-то ты крутишь, а из-за этого могут накрыться все. А… А эти чуваки, – и он указал на команду боевиков, что начали потихоньку заниматься своими делами, – они мне тоже как братья. Тут… довольно сложный вопрос.

– Ну и фиг с ним, раз сложный. Я на тебя не злюсь. Я б тебе просто задницу надрал, если бы ты ко мне полез – и всех делов. – Я улыбнулся.

– Ну это как посмотреть… Ладно. – Тройка развел в стороны руки, как будто признавая, что я могу надрать ему задницу. – Дело не в этом. Дело в том, что ты мне должен, я подчеркиваю, должен рассказать.

– А ты поверишь?

– Если ты правду мне расскажешь, то, возможно, поверю.

– Занятно. Я почти сказал тебе правду. Я действительно не контактировал ни с одним человеком. Я… – тут я осекся, потому что вспомнил свои недавние сомнения, но поскольку других версий у меня не было, я сказал как есть, – я вышел на контакт с Искусственным Разумом.

Тройка некоторое время молча на меня смотрел, а затем спросил:

– А почему не с внеземной цивилизацией?

– Потому что они не предлагали своих услуг.

– Ты имеешь в виду Искусственный Интеллект?

– Нет. ИскИн – это просто машина, которая намного умнее обычного компьютера, но не более.

– Намного умнее?

– Блин, Тройка, ты же понимаешь, о чем я. Я хочу сказать, что эта штука намного быстрее, намного сложнее и много больше может, чем простой современный компьютер. Но она не может думать.

– Думать? – Казалось, что только сложившаяся ситуация мешает Тройке вызвать перевозку с психиатром.

– Думать! – Меня больше всего раздражает, когда мои слова ставят под сомнение. – Думать! Я хочу сказать, думать об отвлеченных понятиях. Не заложенных программой, не обусловленных внешними данными, которые требуется обработать. Думать, отождествлять себя с живым существом. Пусть даже не белковым, а собранным вручную.

– Ну конечно, – всплеснул руками Тройка и процитировал: – «Цель природы – руками товарища Амперяна творить нежить!»

Я замолчал, пытаясь что-то припомнить.

– Это откуда?

– Темный ты, – Тройка усмехнулся. – На кой ты хрен сдался этому разуму?! Даже если допустить вероятность его существования.

– Не знаю. Он… узнать что-то хочет.

– Что?!

– Ну…

– Местоположение нашей квартиры? Или численный состав? Что?

– Он… он о живописи, – пробормотал я, понимая, что выгляжу полным кретином.

– А ты у нас искусствовед? Матерый знаток Ван Гога? Ты хоть знаешь, почему он себе ухо отрезал?

– Из-за Гогена… – вдруг неуверенно подал голос Славик.

– Что? – У Тройки от удивления даже горло перехватило.

– Извините… – пробормотал боевик и отошел, дабы не слушать больше наши разговоры. Тройка проводил его расширенными от удивления глазами.

– Что, действительно из-за него? – спросил я.

– Бл-л-лин, – только и сказал Тройка. – Ладно. Не о нем речь. А как в таком случае объяснить грузовик? Они что, хотели от тебя избавиться?

– Не знаю… Я думал… Может быть, они и не они совсем…

– Угу… – Тройка помассировал себе шею. – Жаль, что у нас психопатолога в группе нет.

– Да ладно… Я подумал, что, может быть, меня просто надули и я общался с якудза…

– А какие доказательства у тебя есть, что ты общался именно с Искусственным Разумом?

Я рассказал ему историю со спутником и отключенной мобильной станцией. Затем мне пришлось рассказать, что моих контактов с Матрицей было всего два и никакой информации о том, кто мы и чем занимаемся, я не давал. Однако я ни словом не обмолвился на тему прослушивания через НЕКи. Это была слишком большая бомба, чтобы выносить ее из помещения.

– Ты мне веришь? – спросил я Тройку.

– Ну, так… Такую чушь выдумать сложно. Верю, что ты думаешь, что это Они. Заманчивая теория. Потому что если это якудза… С такими мощностями и технологиями, о которых ты мне рассказывал, мы были бы уже мертвы, а из твоих мозгов уже читали бы информацию о том, что тебе там наговорил Болтун. Это кто угодно, но не якудза.

В результате мы пришли к тому, с чего начали. Не ясно, кто совершил на нас покушение, на нас ли оно готовилось, совершалось ли вообще и каким образом предполагаемый противник получил информацию о нашем местонахождении. Однако было ясно, что информация попала к этим людям (или не людям) случайно и времени для детальной подготовки к покушению не было. В противном случае мы не разговаривали бы здесь и сейчас. Итак, пятьдесят на пятьдесят.

– Костя, – позвал Тройка. – Я по поводу разделения труда. Что там с внешними данными?

Никто не ответил. Почти вся команда, кроме занятых на постах, собралась у телевизора.

39. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

ЭТО все-таки началось. Ну не может жить Россия без внутренних разборок. Не левые, так правые, не военные, так гражданские, не люди, так киберы… Пожалуйста: Чистые начали путч. Начали, к слову сказать, разумным образом, я бы и сам так начал, вознамерься я захватить власть в стране: отключили все системы связи в Доме правительства, резиденции президента и прочих присутственных местах. Как сообщал взволнованный Эдик Гусев из «Московских вестей», Дом правительства уже обстреливают из полевых орудий. В качестве иллюстрации показали сосредоточенных солдат, устанавливающих безоткатное орудие возле мирных автоматов «Довгань-кола». Судя по нашивкам, солдаты были из дивизии внутренних войск имени Рушайло, которая, стало быть, воевала на стороне путчистов.

– В тринадцать ноль-ноль состоится пресс-конференция руководителей переворота. Она будет транслироваться по всем каналам. К сожалению, место пресс-конференции установить не представляется возможным, но всем корреспондентам будет предоставлена возможность задавать вопросы в онлайновом режиме, – сообщил Гусев. – Пока же нам удалось выяснить, что в руководство путчистов входят командующий войсками Московского особого округа генерал-полковник Пашичев, командир дивизии внутренних войск имени Рушайло генерал-лейтенант Дзюба, а также лидеры так называемого движения Чистых и Объединенной партии Игорь Артемьев, Бенджамин Коуэн и Ярослав Романчук. Извините…

Гусев постучал пальцем по наушнику, покивал сам себе и продолжил:

– Только что мне сообщили, что путчисты штурмуют здания Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел. Они применяют боевые вертолеты и бронетехнику, есть жертвы среди мирного населения.

– Вот так, – сказал Костик, отвернувшись от экрана. – Они облегчают нашу задачу. Под эту музыку мы сможем провернуть свои дела с якудза незамеченными.

– Если только нас не прихлопнут мимоходом, – вставил обыкновенно молчавший рыжий парень по прозвищу Стикер. – Я бы на их месте не упустил момент.

– Значит, будем работать с опережением.

– Значит, мне нужно кое-куда съездить, – сказал я, поднимаясь. – У меня журналистская неприкосновенность, я могу мотаться по городу, совершенно не вызывая подозрений. Я возьму «сааб»?

Костик пожал плечами:

– Бери, не жалко. Только куда едешь-то?

– А еду я к господину Ояме, коли вы такого знаете.

– Знаем, знаем, – влез Тройка. – И что вам от господина Оямы надобно?

– От господина Оямы мне надобна огневая мощь. По-моему, только того господин Ояма и ждет, чтобы нам помочь, да все как-то не решится… Костя, можно позвонить?

Боевик молча протянул мне маленький пульт.

Звонок Мацумото, разумеется, был лотереей – японец-атомщик вполне мог быть отозван в Токио или же скрывался от перипетий переворота в посольстве. Я особенно и не надеялся. Тем не менее он оказался дома.

– Костя-сан? – обрадовался японец. – Здравствуйте! Я думар, этот путч заставит вас спрятаться, но вы не из таких рюдей. Вам что-то нужно?

– Мне нужно выйти на ваших парней, Мацумото-сан. Цунэго и приятели.

– Цунэго? Секунду, Костя-сан, секунду… – Он чем-то зашелестел. – Хорошо, вот номер. Спросите Цунэго или Акио. Цунэго вас помнит. Если ответит Акио, скажите ему: «Моей-моей». А что сручирось?

– Благодарю, Мацумото-сан. Пока не случилось ничего, но в ближайшее время очень даже может случиться… Будьте осторожнее, сейчас в Москве опасно.

– Дря старого японца нигде не опасно, Костя-сан, – усмехнувшись, ответил Мацумото. – Не пропадайте, иначе я буду ворноваться. У меня не так много хороших знакомых в России.

Я пообещал не пропадать и отключился. Все это время Костик с компанией и особенно Тройка смотрели на меня довольно подозрительно.

– Что еще за японец? – спросил Тройка, вертя в пальцах забытую мною на столе зажигалку. То ли он прикидывал, как будет меня ею пытать, то ли намеревался стянуть, во что я легко бы поверил, к тому же зажигалка была хорошая, итальянская.

– Хороший японец, из наших. Довольно считать меня двойным агентом, Илья, – сказал я, мягко отнимая зажигалку. – Неужто похож?

– Кончай, Тройка, – неожиданно вмешался хмурый Мартин,

на чью поддержку я никак не рассчитывал, – Умерь пыл. Я сам с ним поеду, хорошо?

Я тем временем связывался с Цунэго, нарочито не обращая внимания на завязавшуюся перепалку Тройки с Мартином.

– У аппарата, – сказал японец.

Какое-то архаичное словосочетание… Кажется, это был как раз он, но, не будучи уверен на все сто, я сказал:

– Моси-моси.

– Господин Таманский? Это Цунэго. Вам нужна помощь?

– Более или менее. Смотря как будут развиваться события.

– Что нужно от нас?

– Покрутитесь возле «Хиросимы», если можно, втроем-вчетвером. Я прибуду через час, вы меня увидите.

– Хорошо, господин Таманский. Мы будем там.

Лаконичный японец отключился, а Тройка хищно сощурился:

– Еще один японец?

– Еще один, – кивнул я, – Есть претензии?

– Нет претензий, – решительно сказал Костик, кладя ему на плечо свою ладонь. – Смотрите лучше, что творится.

На экране толпа, в которой преобладали белые балахоны Матерей Природы и комбинезоны Чистых, атаковала городское управление ТехКонтроля. Из окон второго этажа отстреливалась из автоматов охрана, бросали шоковые гранаты, но толпу это не останавливало: периодически возникавшие бреши быстро заполнялись новым народом. Незнакомый мне журналист, хоронясь за перевернутым микроавтобусом, тараторил в микрофон:

– …более сотни убитых! Есть информация, что начальник городского управления ТехКонтроля генерал Гостев находится в здании. Как только что сообщили наши коллеги из Си-Эн-Эн, Гостев связался с Европейским управлением в Люксембурге и потребовал оказания немедленной помощи. Мы не располагаем официальной реакцией Люксембурга, но есть основания думать, что городское управление до прихода помощи не продержится. В толпе циркулируют слухи о приближении бронетехники…

Что-то вспыхнуло, изображение исчезло, появилась заставка с извинением за технические неполадки.

– Чем им ТехКонтроль-то помешал? – возмутился Тройка. – Одни задачи…

– Плохо, видать, работал, – хмыкнул Костик.

– Может, не поедете? – сказал Артем. – Вон что творится…

– Вот и нельзя время упускать. После любых волнений вводят дорожные патрули, комендантский час и расстрел на месте, – наставительно сказал я. – Будем ковать железо, пока горячо.

Мартин, ты со мной?

– Ага, – кивнул Мартин.

Вот уж не думал, что он по своей воле оставит Артема. Видимо, уверен в его безопасности. А со мной-то ему зачем? Из врожденной любви к стычкам и стрельбе? Или втюрился, не дай бог?

– Ключи, – Костик бросил мне маленький чип, прикрепленный к брелку в виде оранжевого дракончика со злобно разинутым ртом. – Все полезные сюрпризы – под передними сиденьями. Я буду выходить на связь с периодичностью в двадцать минут.

– Заметано, – сказал я, – И еще: можно ли связаться с Шептуном?

– Нет, – Костик покачал головой. – У меня каналов связи нет. Я думаю, он сейчас глубоко в подполье. И я его понимаю.

– Я тоже, – неожиданно сказал Артем.

– Ты – водитель, и только. Я – журналист, и я буду разговаривать со всеми, кто нас остановит. Если остановят, – дал я установку Мартину. Тот молча кивал, поглаживая руль, – Никаких штучек, никакой пальбы без особой надобности. Клуб «Хиросима» знаешь?

– Знаю.

– Вот туда и едем.

Мартин выбрал правильный маршрут: по окраинам, минуя центр и места сосредоточения административных учреждений, которые сейчас либо штурмуют, либо усиленно охраняют. Я скакал по каналам новостей и пытался понять, что же творится и кто затеял всю эту бучу. В результате получилась нехитрая комбинация: практически все движения антикиберовского толка плюс сочувствующая им часть МВД и армии во главе с несколькими высшими офицерами затеяли переворот. Им противостоят опять-таки МВД и армия – верноподданные части, а также ТехКонтроль (что довольно неожиданно) и киберы. Местонахождение президента неизвестно, но на это никто не обращает внимания. В ряде мест идут уличные бои с применением вертолетов и бронетехники.

Обещанное онлайновое интервью не состоялось – не до того. А вокруг не происходило ничего особенно примечательного. Людей на улицах, конечно, поубавилось, кое-какие магазины закрыты, но, если б ничего не знал, не заметил бы. Милиции, правда, побольше – поди разбери, путчистской или обыкновенной. Нас никто не трогал вплоть до площади Августовских Событий, где «сааб» остановил усиленный патруль. Десантники.

Никакого подвоха я не заметил: тормозили всех, в результате чего образовалась небольшая пробка. Мы пристроились за длинным темно-бордовым «вольво» с номерами Минюста, за нами тут же тормознула белая микролитражка.

– Документы, – сказал, подойдя к машине спустя минут семь, парень в сером пулезащитном комбинезоне и наглухо закрытом шлеме. На плече – автомат, двое поодаль страхуют, также с автоматами.

– Прошу. – Я протянул карточку ай-джей, Мартин – какие-то корочки. Десантник повертел их в руках, вернул обратно, уважительно поинтересовался:

– Куда едете?

– Да сейчас везде сплошная сенсация, – улыбнулся я. – Вот смотрим, что тут интересного на окраинах творится. Говорили о мародерстве, но я вижу, все под контролем.

– Что в багажнике?

– Запаска… Больше ничего, – буркнул Мартин.

– Скажите, как там дела? У вас, наверное, есть своя информация? – заговорщическим тоном спросил я.

Десантник прогудел из-под шлема:

– Вроде наши взяли ТехКонтроль. Больше ничего нового…

«Наши»… Стало быть, это путчисты. Значит, окраины, по крайней мере с этой стороны города, под их контролем. Оно и понятно: раз Пашичев, командующий округом, с ними… Будут давить с окраин на центр, прорываться к своим, которые там министерства громят.

Десантник дал знак, чтобы нас пропустили. Я отметил, что стоявший перед нами «вольво» съехал на тротуар и двух солидных мужиков уже положили на асфальт и обыскивают, в то время как еще один десантник потрошит на капоте объемистые пакеты с документами… Ладно, не наше дело, глазеть тоже не надо попусту. Самодельный шлагбаум в виде свежевыкрашенной в красный цвет трубы поднялся, и «сааб» поехал дальше.

– Что там у тебя за документы? – поинтересовался я.

Мартин закусил губу, словно раздумывая, стоит ли мне показывать, потом сунул свои корочки.

Ничего себе…

Служба внешней разведки России. Мыльников Мартин Александрович, лейтенант…

– Настоящие?

Голос мой звучал, надо полагать, изумленно, и Мартин улыбнулся. Редкое зрелище.

– Настоящие.

– Насколько я понимаю, ребята не в курсе?

– Не в курсе.

– А мне зачем сказал?

– Я вам доверяю.

– А Артему?

– Артему я доверяю, но ему эта информация ни к чему. А вам, я думаю, пора знать.

– Послушай, у меня возник ряд вопросов… Ничего? – Я устроился на сиденье поудобнее. Все-таки мой «ниссан» куда комфортабельнее. Буду жив, куплю себе опять «ниссан».

– Задавайте.

– Артем и вся история с НЕРвами – это часть задания?

– Не совсем. Считайте, что я не имею права ответить на ваш вопрос.

– Брат в курсе?

– Нет. Зачем? У нас не те отношения… Кстати, не только личные, но и ведомственные.

– Ч-черт… – Я выругался, потому что хотел спросить очень многое, но знал, что Мартин ничего мне не скажет.

СВР – контора серьезная и законспирированная. До такой степени законспирированная, что многие о ее существовании уже давно забыли. При нашей очень странной независимости внешняя разведка в принципе нелепа по сути своей, так что это неудивительно… МВД и прочие правоохранительные органы всегда на виду, а СВР уже из области слухов и сплетен.

– Понимаю, – улыбнулся Мартин, который почему-то сразу стал выглядеть старше. – И хочется и колется… Не ломайте голову. Я уже давно действую сам по себе. Уверяю, за мои проделки начальство по головке не погладит… Им стоило огромных трудов внедрить меня в «Змеиную кучу», и вот – на тебе…

– Извини, а как же… ну…

– В смысле голубизны? – правильно понял мое замешательство Мартин. – Да никак. Все на самом деле. Сочетаю, если хотите, приятное с полезным. Ну да вы не гомофоб, так что не берите в голову. Договорились?

– Договорились. Вон, кстати, «Хиросима»…

Клуб ничуть не изменился со времени моего последнего визита. Тот же уродливо-напыщенный ядерный гриб, те же пластиковые тачки на стоянке. Путч, казалось, не отразился на размеренной жизни московских японцев-гурэнтай.

Я огляделся, но давнего знакомца Иунэго нигде не увидел. Впрочем, на то они и японцы, чтобы уметь быть незаметными. Уверен, он где-то тут. До поры до времени не показывается, как и в прошлый раз.

– Пойдешь со мной? – спросил я Мартина.

– А можно?

– Можно, наверное. В прошлый раз ко мне здесь отнеслись с пониманием и уважением.

– В таком случае пойду.

– Оружие только оставь. В клубе оно навредит, а не поможет. Мы-то вроде как к друзьям и союзникам идем… У них на тебя точно ничего нет? Не хочу в самый эпохальный момент услышать возглас: «А парень-то из разведки!» Мало ли какая там система идентификации.

– Мы тоже не дураки. – Он, кажется, немного обиделся. – Ничего у них на меня нет и быть не может. Я по Востоку никогда не работал. Не моя специфика…

Мартин спрятал пистолет под сиденье, и мы отправились.

У входа дежурил один из парней в зеленых майках. То ли он меня уже видел, то ли нет, но моему появлению он не удивился. Японец сидел за высокой стойкой, рядом, возле старомодного телефонного аппарата, лежал маленький штурмовой швейцарский автомат. Японец что-то предупредительно зашипел, но я пресек его красноречие:

– Скажите господину Ояме или господину Сэйте, что пришел господин Таманский. Есть интересная информация.

Тут же появился второй японец и сразу исчез, видно, пошел передавать патронам новость.

– Прохладительные напитки? Кофе? Чай? – спросил первый, почему-то по-немецки.

– Не стоит, – ответствовал я по-немецки же. – Недосуг.

Опять выскочил второй японец, кланяясь, заговорил:

– Ояма-сан ждет вас… Проходите, пожалуйста.

Обыскивать нас не стали, что говорило либо об универсальных детекторах, либо о доверии. А может быть, и о том, и о другом.

Мы поднялись в давешнюю комнату, только несколько иным, кружным путем. Там также ничего не изменилось. Ояма сидел в прохладной темноте, привязанный проводами и шлангами к своей тележке, и гладил большого сиамского кота, разлегшегося у него на коленях.

– Здравствуйте, господин Ояма, – сказал я. Мартин коротко поклонился, лицо его не выразило ни удивления, ни брезгливости.

– Присаживайтесь, господин Таманский. И вы, молодой господин, садитесь. Сейчас подойдет Сэйтё, он собирался уехать по делам, но специально задержался, узнав о вашем визите.

– Очень учтиво с его стороны, – кивнул я, опускаясь в кресло.

Мартин сел рядом.

Ояма прикрыл глаза и продолжал ласкать кота, перебирая короткую шерстку пятнистыми пальцами. Я теребил торчавшую из плаща нитку, а Мартин откровенно озирался, видимо просчитывая возможные варианты отступления в случае драки. Сэйтё появился бесшумно, буквально возник у меня за плечом. Сегодня молодой японец был облачен в темно-коричневый костюм и ослепительно голубую рубашку, кажется, от Нидзанга.

– Здравствуйте, – сказал он и сел в кресло рядом с Оямой. – Итак, у вас есть информация. Я полагаю, это достаточно важная информация, иначе вы не прибыли бы сюда, тем более в такой день.

– Разумеется, – наклонил я голову. – Правда, у нас не получилось с творцом НЕРвов, вы знаете, чем все кончилось.

Оба молчали. Знали, конечно.

– Далее мы собирались провести встречу, так сказать, на высшем уровне, но вмешались… м-м-м… обстоятельства.

– Мы знаем и об этом, в связи с чем выражаем соболезнование, – сказал Сэйтё. – Тем не менее господин Шептун не погиб, и это главное. Все достигнутые договоренности остаются в силе. Но что же дальше?

– А дальше я могу дать вам план штаб-квартиры якудза. Сейчас наиболее подходящее время для решительных действий, не так ли?

– Так, – согласился Ояма. – И все-таки вы нас еще не убедили.

– Я и не собираюсь вас убеждать, господин Ояма. Вы – мудрый человек и сами понимаете, что другого подобного случая не будет. На нашей стороне – подмосковная группировка, на нашей стороне – Независимые Черные. На нашей стороне – Шептун, который, несмотря ни на что, остается значительной силой. Неужели вы способны отказаться?

– Я – нет, – покачал головой старик и сбросил кота с колен. Тот грациозно соскочил на пол, потянулся, мяукнул и забрался в свободное кресло. – Но что скажет Сэйтё-сан?

– Я – за, Ояма-сан. – Молодой японец встал, более ничего не объясняя. – Хорошо, господин Таманский. Мы согласны помочь вам. План у вас с собой?

– С собой. – Я подал ему копию дискеты, которую Сэйтё положил во внутренний карман пиджака.

– Что ж, ваша цена – место Тодзи, – произнес Ояма, не открывая глаз. – И не забудьте об этом. А что делать с НЕРвами, будем решать вместе. Сообразно участию каждого в деле, господин Таманский.

40. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист. *Без места работы*

Когда Мартин и Таманский укатили, я остался сидеть у телевизора, стараясь разобраться в своих чувствах. Потому что именно в них наблюдался довольно неприятный сумбур, разброд и брожение.

Я перестал питать надежду разобраться в происходящем вокруг меня, поэтому теперь все силы сосредоточил на том, чтобы навести хотя бы приблизительный и общий порядок внутри.

И согласно советам популярных психологов я задался вопросом: «Что меня беспокоит?» И, что самое удивительное, получил на него довольно четкий и быстрый ответ. Меня беспокоит свое собственное душевное равновесие и собственная реакция на происходящее вокруг.

Дело в том, что я не впал в панику, как большинство обывателей, сидящих по квартирам в слепом ожидании окончания заварухи, я не впал в полубесконтрольное профессиональное оживление, как, например, Таманский, которому просто не терпелось посмотреть на все своими глазами, я и не пришел в состояние сосредоточенной решимости, готовности к любым действиям, как, например, Костя-боевик и вся его команда. И, что самое неприятное, я совершенно не переживал, как Тройка, за тех людей, которые забрасывали своих-других-таких же гранатами, выжигающими нервную систему, поливали улицы с верхних этажей самодельным напалмом, стреляли, убивали. Я не переживал. Совсем. Словно это был не мой народ, не моя страна, не мое… Все не мое. Словно есть я и есть страна. Отдельно от меня. Именно это и тревожило меня в первую очередь.

Глядя на экран, я попытался вызвать в себе сочувствие к убитым… Не получилось. Попробовал проникнуться презрением к политикам, которые все это допустили. Не вышло. Попытался вызвать в себе злобу к киберам… Даже эта привычная мысль не прошла. Я попытался ужаснуться творящемуся хаосу. И вдруг понял, что я пуст. Как старый орех. Во мне не осталось ничего. От этой мысли меня начало легко-легко трясти.

Я ощутил легкие позывы к рвоте, и невыносимо захотелось плакать.

Оказывается, я стал черствым, как корка хлеба, которая

пролежала на столе многие недели. Стал невосприимчив к внешним раздражителям, горестям чужих людей, их проблемам… И сейчас мне страшно только от того, что это случилось со мной.

Как же так? Почему?

Моя память, как в замедленном кино, начала прокручивать передо мной события прошлых дней. Все смотрелось под каким-то другим углом, с той точки знания, с позиций того опыта, которого я набрался за эти дни. Какие-то шестеренки закрутились во мне, протаскивая пленку с моими воспоминаниями через сознание… Эти шестеренки щелкали, потрескивали, словно продираясь сквозь паутину. Меня бросало то в жар, то в холод. Голова становилась то похмельно тяжелой, то немыслимо легкой. События странно перемешались, потеряли свою хронологическую последовательность, а взамен обрели какую-то другую систему, другой порядок, понять который не смог бы никто.

Я вздрогнул. Я очнулся. Кто-то внутри крикнул: «Стоп!» И машина, крутившая ленту моей жизни, остановилась. Я подошел к Тройке.

– Слушай, старик…

– А! – Тройка встрепенулся. – Ты чего? На тебе лица нет.

– Да? Возможно… У меня тут проблемы. Ты…

– Чего? Поплохело? – Тройка поднялся с пола и взял меня под руку, (Неужели я действительно так плохо выглядел?)

– Ну не совсем… В общем… Ты не удивляйся, у тебя что-нибудь есть? В смысле дурь какая-нибудь?

– Не понял. Ты ж вроде не ширялся…

– И не собираюсь начинать. Мне… Мне бы в себе поковыряться. Знаешь, без напряжения так… Чтобы со стороны взглянуть и… Ну ты должен знать больше моего в этих делах. Я не в плане кайф получить, я просто сейчас если не расслаблюсь, то погорю. Пробки придется выворачивать. А я когда с катушек скатываюсь, я не в себе становлюсь… Ну… Ну есть у тебя что-нибудь?!!

– Угу… – Тройка оценивающе на меня посмотрел. – Наполняй ванну. Есть у меня тут кое-что.

– А ванну зачем? – Я подумал, не впал ли Тройка в очередное «шутливое» настроение.

– Ванну… Помоешься. А то запылился… Да и втыкает эта штучка именно в воде хорошо. В теплой. Горячей особенно не надо. Давай. Я с тобой посижу, за этой штукой пригляд нужен.

Тройка вошел в ванну, когда я уже лежал по самые уши в воде. Было очень приятно, но то состояние, которое погнало меня за наркотиками, не прошло. Тройка на всякий случай спросил:

– Ты точно этого хочешь?

– Да. Я, может быть, даже не хочу, просто надо. Чувствую.

– Ну, как знаешь… Это смесь. Тут психоделики, галлюциногены и что-то типа релаксина. Действительно релаксина, а не той бурды, которую продают на каждом углу.

– А называется-то как? Помру и не буду знать от чего. – Я как будто шутил, но слова вырывались сами по себе, они уже принадлежали не мне, а тому, кто завладел моим телом.

– Называется… коктейль «Маэстро». Уверен?

– Уверен… – сказал я, принимая из рук Тройки небольшой вытянутый прямоугольничек со скругленными краями. Белый, с мелкой кристаллической структурой.

– Положи под язык и жди. Подействует не сразу… Так что еще можем поговорить и все такое.

Не знаю почему, но Тройка смотрел на меня с нескрываемым беспокойством. Я никогда не замечал в нем этого. Или никогда он не видел меня в таком состоянии.

Дрянь оказалась на вкус никакой. Совсем никакой. Казалось, что во рту растворяется кусочек пластмассы. Ну и черт с ней… Не во вкусе дело.

– Слушай, а чего тебя так разобрало? – спросил Тройка. – Я что-то не пойму.

– Я и сам не пойму. Точнее… Слушай, ты вот что испытываешь, когда на экран смотришь?

– Ты имеешь в виду путч?

– Да.

– Ну… Целую гамму эмоций. От…

– Не продолжай. Вот именно, гамму! А я ничего не испытываю. Даже равнодушия не испытываю. – Терпеть не могу выкладывать все, что на душе скопилось, но, кажется, даже на это сейчас мне было наплевать. – Знаешь, как будто это все дурное и бесталанное кино… Или модулирование реальности в компьютере. Не с нами происходит и вообще не с людьми. У тебя такое было?

– Было… – сказал Тройка тихо. – Когда отец умер. Он в морге лежал, а я рядом сидел… И ничего.

Ни слез, ни злости, ни сожалений. Ничего. Мать там убивалась, рыдала… А я сижу как истукан… А потом вдруг как зареву. Не оттого, что отца не стало, а оттого, что стало страшно этого состояния своего. И стыдно. И еще долго потом меня по всяким мозгодавам водили… Они что-то такое там бредили в своем ключе. Про подавление эмоционального тонуса, кривые выводили, графики. Активность каких-то долей мозга. А потом заявили, что это у меня просто от шока. Ну, как будто я предохранители пережег в один миг, даже не заметил. Защита

подсознания. Мозгодавов у нас тут нет… Так что помоги себе сам. По крайней мере, постарайся. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

– Тройка, ты вот мне скажи, зачем ты это все делаешь? Затеял это все зачем? Только честно. Мы, может быть, завтра-послезавтра на пули напоремся – и кранты.

– Помирать я не собираюсь. Рано еще. А про затеи… Ты имеешь в виду охоту за НЕРвами?

– Да. Все это.

– Хм… Мне самому НЕРвы-то и не нужны.

– Да я понимаю, они этому нужны, Антону. Зачем, правда, тоже непонятно. Без схем и документов в них никто не разберется. Государству это на фиг не надо, как всегда. Государство у нас само в себе и отдельно от народа. Знаешь, родители такие бывают… – Тройка кивнул. – Вот. А если с НЕРвами и разбираться, то только на госуровне. Если уж японцы не разобрались…

– Хех… – Тройка невесело усмехнулся. – Дурак ты, Артем. Не понимаешь ничего. НЕРвы, конечно, здорово и возможности их… тоже здорово. Но не в этом суть. Они, кроме узкого круга специалистов и фанатов типа тебя, никому и не нужны.

– А в чем тогда дело?

– В чем… Вот ты был в Белом Море? Был. И что, едва ноги унес? Именно так. Вот теперь и думай. В центре России, в столице, ты, коренной ее житель и представитель коренной национальности, не хозяин. Ты, конечно, можешь сказать, что я наци, шовинист и все такое… Только это не так. Я не против тех, у кого цвет кожи черный. Я не против еврея, китайца или японца. Я не призываю возжигать кресты и не кричу о ночи длинных ножей. Я просто хочу свободно гулять по своему городу, не опасаясь забрести на территорию, которая контролируется неграми, которые зарежут меня только за излишне бледный цвет кожи… Не я пришел в чужой монастырь со своим уставом. Ко мне пришли. На мою землю, на мою территорию… Кто-то допустил это. И меня не спросил. Не спросил, и вот теперь смотри: Северо-Запад взят под контроль почти полностью якудза, в Сибири ханами сидят китайские триады, центр поделен, как яблочный пирог, между крупными и не очень криминальными группировками мира. Такого не было даже с Соединенными Штатами в послевоенный период оккупации.

– А что же наши… Были же всякие… – Наркотик начал потихоньку действовать, и я почувствовал покалывание на внутренней поверхности глазных яблок.

– Наши… Знаешь, я тоже задался этим вопросом. И

обнаружил интересную вещь: в годы раздела территорий в стране велась с преступностью серьезная борьба. Очень серьезная. Крестные отцы летели пачками. Было такое время.

– Так ведь это же хорошо… – Покалывание в глазах усилилось, и перспектива слегка уплыла.

– Не спорю. Я против организованной преступности. Против коррупции. Против! Хотя сейчас я принадлежу к очень серьезной группировке. Но если ее не станет, я буду только рад. Потому что я не люблю этот бизнес. Но в той борьбе с преступностью была и другая сторона. В одночасье была обезглавлена вся русская братва. В то время, как в Новой Москве активно начали разворачиваться те же якудза. Открыто разворачиваться. Не таясь, как они делали это у себя дома. Из города не пропали наркотики, левое оружие и все прочие атрибуты темного времени. Контроль за ними перешел в чужие руки. В черные и желтые руки. Наши еще что-то пытались сделать, но тут война… Дополнительные чистки. И только теперь наступил переломный момент. Мы наконец достигли равновесия сил. Как ты правильно заметил, правительству наплевать на все, что творится вокруг. У него свои интересы. У нас свои…

– Ты думаешь, что наш бандит чем-то отличается от японского?

– Знаешь… отличается. Якудза в Японии полностью вывели всю мелкую преступность еще в прошлом веке. Ты можешь пройтись по Токио ночью вдоль и поперек и не напороться на пулю из-за мелочи в твоем кармане. Там отсутствуют квартирные кражи. Любой мелкий преступник, однажды нарушив законы, установленные якудза, стремится сдаться в руки властей прежде, чем его найдут ребята с татуированными торсами. Такой порядок приносит выгоду государству. Но, как ты можешь заметить, якудза не стремятся наводить такие же порядки в Москве. Зачем? Тут не нужно напрягаться. По той простой причине, что тут не живут японцы. Тут живут другие, их не жалко… Понимаешь, про что я хочу сказать?

– Кажется. – Тройка перед моими глазами пьяно шатался. – Зверь не гадит там, где живет. А наши или ваши это понимают? Какой-нибудь амбал… он понимает?

– Должен понять. Поймет, – произнес Тройка убежденно. – Грядет другое время. Нельзя постоянно наступать на одни и те же грабли. Пришла пора учиться… управлять своим государством! Нам и своим государством. Хватит с нас чужеземных распорядителей. Им не нужна сильная Россия. Не из каких-то там соображений глобального заговора, просто не нужна. Она, по большому счету, никому не нужна, кроме нас. А правительство,

как ты сказал, оно стоит в стороне. И чего-то ждет. Может быть, нас.

– А НЕРвы? – спросил я и не узнал свой голос. Он стал тягучим, вязким. – А НЕРвы? Я же про них…

– Действует? – спросил пьяно покачивающийся Тройка. – Вижу… Ты про НЕРвы? А подумай, хотя скоро ты меня и слышать перестанешь, подумай, из-за чего яки наехали на Белое Море? И из-за чего теперь Независимые Черные и другие японцы наедут на якудза? И сильно пострадают в этой драке… Ты подумай…

Но его голос тонул в белом шуме. Пропадал за шипением электронных разрядов, потому что я был Матрицей и плавно скользил по просторам Виртуальности от сервера к серверу, от одного объекта к другому, от жизни к смерти и снова к жизни. По волнам. Вверх, вниз… Я ищу. Ищу…

Что-то щелкнуло, внутри меня раздался крик: «Пошел!» – и я понял, что это снова заработал тот самый киноаппарат с пленкой моей памяти, который я остановил недавно. Я устроился во втором ряду моего кинозала, закинул ноги на передние сиденья, шикнул на самого себя, чтобы не шумел, и уставился в экран. Я уже позабыл, что был Матрицей… потому что…

В окно выпал Болтун. Он летел как птица, раскинув руки. И улыбался мне. Он был даже красив. Вот только развороченная спина портила впечатление. А еще он кричал мне:

– Ты ведь убьешь их?! Убьешь?! Обязательно убей! Им нет места в этом мире! Нет места! Нельзя создавать врата в ад, не создав к ним запора… Нельзя! Убей их! Ногой, ногоооо…

Его голос гармонично вплетался в эхо работающего пулемета, и в каждом повороте стволов я слышал: «Убей! Убей!» Так кричал на наших тренировках учитель. Бывший оперативник ТехНадзора, который обучал нас, совсем ничего не соображавших пацанов, куда нужно бить, чтобы выключить кибера в уличной драке. Он кричал нам: «Убей!» – и мы били в резиновую куклу, не имеющую лица. Совсем без лица… Это показалось мне значительным. И мысль о том, что мы были, по сути, нелегальным отделением ТехНадзора, пришла легко и осталась в моей голове. Все оказалось так просто… Мы выполняли мелкую и грязную работу за Технадзор. Создавали прецеденты, на которые должны были реагировать киборги, а на их действия уже в свою очередь реагировал Технадзор, И тем же объяснялись наши отмазки от уличных облав, арестов. Значит, я даже не был экстремистом, нелегально работал на государство. Смешно.

Я засмеялся. И вспомнил, что так смеялась Наташка… В постели, утром… У нее был до странного приятный смех. Лучистый. Как сияющее маленькое солнышко. Этот смех

переливался, и я нежился в его лучах. Она так смеялась. Лучисто… Маленькое солнышко ее смеха стало наливаться красным, поплыло языками пламени и превратилось в пылающее окно нашей штаб-квартиры, как мы любили называть то место, где обычно собирались перед очередной акцией. Оплывающая краска эмблемы на стене… Расколотая микросхема. Наш штаб. И ракета, термическая, которую пустили к нам в окно в ответ на нашу очередную вылазку. А моя группа опоздала на пятнадцать минут. И поэтому мы стоим и смотрим снаружи, а я вижу, как солнышко Наташкиного смеха наливается красным… Она смеялась в постели. Наверное, черная малышка Вуду тоже смеялась бы… Но солнышко смеха может налиться красным… красным… красным… Слово дробится по уголкам моего сознания. Эхо.

Я снова увидел себя Матрицей, которая скользит по красным волнам Виртуальности. Идет по узким видеоканалам, скачет по кабелям оптоволокна. Странная и непонятная жизнь. Я-Матрица скачет по кабелям и смотрит через видеокамеру, подвешенную к потолку. Я вижу молодого японца, что согнулся в почтительном поклоне перед старым-старым черным королем… Это последняя почесть, я знаю. Или Матрица знает? Кто из нас кто…

Кто я? Ответ приходит сразу. Я большая Матрица. Живая, по странному стечению обстоятельств. Но чужая этому миру, чужая… Или я просто послан кем-то из Зеленограда, чтобы узнать, что такое ветер? Откуда я знаю про Зеленоград? Откуда? Ответ не приходит. Я все-таки не знаю, кто я. И зачем я.

А еще есть вопрос «Почему?» Вдруг всплывает в моем мире лицо Тройки. «Почему, – говорит Тройка, заслоняя собой мой кинозал, – почему я не хозяин у себя дома?!»

Я отталкиваю его… Кричу: «Но ведь это неправильные методы! Методы!!! Так нельзя!»

«А у тебя есть свои методы? – спрашивает Тройка и превращается в Антона. – Есть методы? Или нет? Ты хочешь что-то изменить? Измени! Если можешь. Можешь, но не делаешь… Методы… Теперь новое время! Мы устали быть чужими в своей стране! Хватит… хватит… хватит…»

Антон превращается в большого ворона, он взмахивает крыльями и садится рядом на кресло. Меня хлопают по плечу и я, обернувшись, вижу Костю Таманского, он протягивает мне микрофон и спрашивает: «А какое у вас мнение?!»

Я отталкиваюсь от него. Лечу куда-то в экран своего маленького кинозала и кричу: «Это все не мое! Не мое! Я тут чужой! Чужой!»

«Чужой!» – громко каркает большой ворон.

И лупит меня клювом в лоб. Мне не больно, а даже приятно. Я заворачиваюсь в медленном падении вдоль своей оси… И вижу большую, в мой рост, микросхему, которая надвигается на меня, надвигается… «Давай! – кричит позади ворон. – Давай!» Я размахиваюсь и бью изо всей силы в центр микросхемы! Боль в костяшках пальцев бьет в ответ. Микросхема раскалывается и…

И все пропало. Я один в комнате. Только я. И разбитое зеркало.

Я открыл глаза. На меня устало смотрел Тройка. Он сидел на маленькой корзинке для грязного белья и прихлебывал из бутылочки пиво.

– Прошло? – Его голос был непривычно звонким.

– Да вроде… – Я с трудом разлепил непослушные губы.

– Не торопись, «Маэстро» так быстро не уходит. Будет немного трудно говорить, и цветопередача будет хромать. Посиди.

– Откуда ты все знаешь? – Я почувствовал, что вода стала довольно прохладной. Сколько я тут пролежал?

– Знаю, – просто ответил Тройка. – Я много чего знаю. Достоинством этой дряни является довольно медленное привыкание. Иначе я бы на ней до конца своих дней сидел… Ладно. Ты давай горячий душик прими, вода небось окончательно остыла. Сразу в норму придешь… Вот. И вылезай, там Мартин с Таманским вернулись.

Я встал. Открыл воду… И вдруг увидел, что вода, в которой я сидел, была черной. Или это шалила цветопередача, как предупреждал Тройка?..

41. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

– Я бы им не доверял, – сказал Мартин, когда мы возвращались к нашему «саабу».

Возле него ожидали две маленькие фигурки, в одной из которых я опознал Цунэго. На сей раз японец был в мешковатых серых шортах и яркой футболке с изображением, кажется, горы Фудзи. А может, просто какого-нибудь вулкана Котопахи, черт их разберет, они все похожи.

– Этим двум или Ояме и Сэйтё?

– Ояме и Сэйтё. Про этих двух я еще ничего не знаю. Кто они?

– Можно сказать, наши люди. Нейтральные японцы, которым выгодно нагадить и Тодзи и Ояме. Анти-якудза плюс анти-гурэнтай.

– Бог мой, кого только нет в Москве…

Я искоса посмотрел на Мартина и подумал, что в первый раз он выглядит по-настоящему уставшим. Лейтенант-разведчик, он же гомосексуалист-премия, он же усталый и измотанный парнишка, влезший в самую гущу свалки и защищающий любимого человека… или любимых людей.

– Здравствуйте, господин Таманский, – сказал вежливо Цунэго, когда мы подошли вплотную. – Это – Акио, больше никого не смог найти. Обстановка, вы понимаете меня…

– Добрый день, господин Таманский, – сказал Акио.

Лицом он как две капли воды походил на Цунэго, но был повыше и одевался поскромнее – в дешевый синтетический костюм синего цвета, к тому же коротко стригся. В руках Акио держал металлопластовый чемоданчик подозрительно знакомого вида.

– Встреча прошла успешно, можете так и передать Мацумото-сан, – улыбнулся я. – Собственно, это все. Извините, что заставил вас сюда ехать. Никаких происшествий.

– Напрасно вы так думаете, господин Таманский, – покачал головой Цунэго. – Здесь с самого утра вертятся очень нехорошие люди. И сейчас эти нехорошие люди, кажется, ждут только одного – когда вы сядете в машину и поедете.

Мартин сразу насторожился.

– Где? – коротко спросил он.

– А вон, видите бронетранспортер?

Зеленая махина скрывалась за рекламным щитом «Сейко», наружу торчал лишь хобот башенной автоматической пушки. Кажется, это был наш БТР-24, внушительная шестиколесная машина, годная как для гонок по городским улицам, так и для боев на пересеченной местности. Но почему они уверены, что этот драндулет ждет именно нас?

– Почему вы думаете, что они имеют какое-то отношение к нам? – осведомился я. – Сейчас такие времена, ничего странного в броневике на улице нет…

– Да, но, во-первых, внутри японцы, а во-вторых, ими командует Фурукава, человек Тодзи. Мы попробуем их отсечь, а вы постарайтесь поскорее уехать. Они не будут затевать войну прямо возле «Хиросимы», официальная ссора с гурэнтай Тодзи не нужна. Я думаю, это не единственный броневик и не единственная засада, они сообщат своим направление, и вас попытаются перехватить еще не раз… – Цунэго взглянул на часы. – Вот-вот прибудет Кавабата, друг Мацумото-сан, он нам тоже поможет. Отправляйтесь, господин Таманский.

Я все это время не отрывал взгляд от чемоданчика Акио. На что же он похож?.. Точно! На выставке «Армэкспо» в Дар-эс-Саламе я видел такую вещь. Четырехзарядный противотанковый мини-комплекс «Бушмейстер», выпускается в Заире.

Кажется, людям Тодзи в броневике придется несладко, и я еще не знаю, что там везет таинственный Кавабата…

Мартин потащил меня в «сааб», отвлекая от воинственных мыслей. Я сунулся было за руль, но он решительно оттеснил меня плечом.

– Поехали! – заорал он, врубая мотор.

«Сааб» прыгнул вперед, и я успел увидеть, оглянувшись, как Акио вскидывает чемоданчик на плечо, а из-за веселенького щита «Сейко» медленно выползает бронетранспортер, разворачивая на ходу башню. Тут Мартин резко свернул налево, в проулок, и финал сцены остался для меня неизвестным. Я надеялся, что броневик для нас уже не представляет угрозы.

Машина мчалась по узкому проему меж бетонных стен, сшибая нагромождения мусора. Обыкновенно в таких завалах ночевали бомжи, но сейчас я старался о них не думать. На ветровое стекло налипли какие-то неприятные ошметки, Мартин смел их включенными «дворниками».

– Ты хоть знаешь, куда ехать? – спросил я у Мартина.

– Сейчас – нет, – честно ответил он. – В первый раз здесь.

– Ладно, рули. Потом сориентируемся.

Значит, якудза прекрасно осведомлена о наших переговорах с гурэнтай, но открытой войны с Оямой не хочет. Или надеется на

мирный исход, что в нынешней ситуации, согласитесь, маловероятно, или думает, что нападать первыми нет смысла, лучше хорошо готовиться к обороне. Как там сказал Риттер фон Лееб?

Устоять легче, чем победить… Кажется, так. Ну и пусть их, А нам нужно выбраться из этого сомнительного района и вернуться к своим.

Проулок перешел в ободранный бульварчик; посередине, под сенью кленов и лип, шел маленький митинг, каковой мы осторожно объехали. Судя по лозунгам, это были бунтовщики.

Я посмотрел назад – хвоста вроде нет. Спасибо Цунэго. Будем надеяться, у них с Акио все хорошо.

– Впереди патруль, – сказал Мартин.

Армейские танки, здоровенные израильские «меркави» с плоскими башнями, гирляндами защитных пластин на броне. Два танка перекрывали улицу, третий наполовину торчал из арки двора. Возле танков – человек десять солдат, еще несколько сидят на броне. До них оставалось метров сто, когда один спрыгнул и что-то закричал остальным, показывая на нас. Башня одного из танков стала недвусмысленно поворачиваться.

То ли это был обычный патруль, то ли японцы успели ему что-то приплатить, но миролюбия в их действиях я не увидел.

– Сворачивай! – закричал я Мартину, но тот и сам все прекрасно понял.

«Сааб» влетел в большой двор, своротил крылом детский грибок и остановился. Я выскочил и побежал к ближайшему подъезду, Мартин не отставал.

– Черт!

Дверь подъезда была с охранной системой – простенькой, но без карточки-ключа все равно не откроешь… Я прикинул, чем бы ее выбить. Разогнать «сааб»?

Мартин бесцеремонно оттолкнул меня, порылся в кармане куртки, достал какую-то блестящую коробочку, приложил к прорези охранки. Дверь, щелкнув, открылась, и мы ринулись внутрь.

Пути у нас было два: наверх, на крышу, или через черный ход в другой двор. На раздумья времени не было, и я крикнул:

– Наверх!

И это было правильно. Крыши – место удобное для беглецов. Чердаки, перекрытия, трубы, слуховые окна, антенны, кожухи фильтров и вентиляторов… Прячься – не хочу. Я вспомнил, как меня на крыше словили ребята Спрогиса и как я познакомился с Артемом. Нет, все-таки крыши имеют свои изъяны. Что-то частенько я по ним лажу, вот что. Не нравится мне это, ой, не

нравится…

Мы загрохотали по облезлому пластику, направляясь в сторону торчавшей над домами в километре от нас ретрансляционной башни. Почему-то оба, не сговариваясь, решили, что это наиболее безопасное направление. Башня здоровенная, шестьсот метров, видно ее отовсюду… Конечно, с Останкинской ее не сравнить, видел я старые фотографии.

Самое обидное, что мы оба без оружия… Хотя…

– Надул-таки меня?! – рявкнул я на Мартина, стараясь не отставать. – Ну, лейтенант, я тебе устрою, только с крыши слезу.

Он ухитрился на бегу окинуть меня на редкость презрительным взором, успевая при этом проверить обойму своего пистолета. Не знаю, где он его прятал, но пистолет был довольно крупный, неизвестной мне модели.

– Прыгаем!

Кажется, мы заорали это вдвоем и перелетели над двухметровым промежутком между домами.

Внизу кто-то громко орал – то ли нас засекли, то ли просто кого-то били. Разглядывать было некогда, к тому же я ушиб ногу и захромал, а Мартин уже тащил меня за рукав куда-то вниз сквозь выбитую дверь.

Немного передохнуть я смог спустя еще минут пятнадцать, после бега по подворотням и закоулкам, перелезаний через заборы и падений с различной высоты. Погоня вроде бы отстала.

– Замечательно, – сказал Мартин, когда мы, отряхиваясь, вышли на бульвар Березовского.

Навстречу, размахивая лозунгами, шла пестрая толпа. Судя по слогану «Россия без киберов», это были путчисты. Их было не менее тысячи. Уникальная возможность раствориться.

Пристроиться к шествию незаметно нам не удалось: парни в черном тут же проверили нас сканерами и остались вроде бы довольны. Слава богу, подумал я, а то еще и эти начнут башку отрывать… Затесавшись поглубже, мы пошли вместе со всеми.

– Что дальше? – спросил Мартин еле слышно.

– Пока идем вместе со всеми. Там решим.

Конечно же процессия двигалась к центру. Минут двадцать пять – тридцать – и впереди показался розовый параллелепипед супермаркета «Новая Москва». Над крышей вились два боевых вертолета Ми-193, все вокруг было заполнено народом. Очевидно, супермаркет превратился в одну из штаб-квартир путчистов. Оно и верно: и еда, и выпивка, и все другие необходимые вещи под рукой. Та же туалетная бумага, прелести которой мы не так давно обсуждали с ныне покойным Королем Махендрой.

А интересно, как события-то развиваются?

Я наклонился к соседу, приземистому пузатому старичку с самодельным плакатиком, изображающим распотрошенного урода, из чрева которого сыплются шестеренки и печатные схемы, и спросил:

– Ну, как там наши? Что нового слышно?

– Ни хрена, – лаконично сказал дедушка. – Вроде ждут десант, Гостев, сука, таки-выпросил у бельгийцев… Ну ничего, ему икнется.

– Так ТехКонтроль вроде взяли… – вмешался Мартин.

– А Гостев смылся. Наших там положили – ужас! А как ушел, никто не знает. Сука, – со вкусом повторил дедушка и трубно высморкался.

Приблизившись к супермаркету, толпа разделилась, и мы с Мартином оказались у длинного ряда армейских пятнистых грузовиков. В затентованных машинах лежали разнокалиберные ящики, с двух грузовиков раздавали оружие – автоматы АК-5 и ручные гранатометы. Чтобы получить автомат, требовалось немногое – проверка сканером и отметка в списке.

– Не задерживай, – толкнули меня в спину. Я оглянулся: мужик в куртке коммунального работника подмигнул и спросил: – Не знаешь, чего брать? Бери гранатомет, он помощней будет.

– Спасибо, – машинально кивнул я и взял гранатомет.

Мартин уже щелкал затвором новенького, в смазке, автомата и мой выбор молчаливо одобрил. Меня отметили как Федотова Андрея Андреевича, причем документы никто не проверил. Мартин назвался своим именем.

– Вон та машина, номер 38 на дверце, – кивнул парень, делавший отметки. – Ваш взвод. Командира на месте спросите.

Мы подошли к машине номер 38, длинному четырехосному «субару». В кузов грузились путчисты, которыми командовал армейского вида смуглокожий тип.

– Я командир вашего взвода, можете меня звать господин лейтенант, – буркнул он. – Полезайте, мы торопимся.

Я забрался в кузов, уцепившись за чью-то дружелюбно протянутую руку, втащил за собой Мартина. Уселся на скамью и принялся рассматривать гранатомет. С этой моделью – РГ-12О «Эфа» – я не был знаком, но принцип у них один. К гранатомету прилагались гранаты в круглой тяжелой коробке на ремне.

– Куда едем-то? – осведомился Мартин у сидевшего рядом путчиста, когда грузовик завелся и, нудно гудя сигналом, стал выбираться из толпы.

Тот пожал плечами:

– Наверно, к МИДу. Там сейчас самая заваруха. Бельгийцы десант высадили, техконтролевский…

– Значит, будем мочить, – буднично сказал Мартин. То ли шутил, то ли правду говорил… Я бы не удивился последнему.

Странно, но я ухитрился задремать, и меня разбудили, когда через протянутые в проходе ноги полезли, спотыкаясь, бойцы взвода.

Здание МИДа напоминало обугленный пенек. Верхние этажи снесены начисто – ракетными ударами с вертолетов или танковыми пушками с земли. Над улицей появился одинокий вертолет, сделал боевой заход на здание и тут же был сбит пущенной из окна управляемой ракетой. Вспыхнувшая машина, молотя по воздуху лопастями, обрушилась на укрывшихся за бронетехникой нападавших.

– Во, бля! – выдохнул кто-то у меня над ухом.

Я подхватил свой гранатомет и поспешил к наиболее безопасному, на мой взгляд, месту – высокому гранитному парапету, окружавшему памятник. Кому это был памятник, я не помнил, а опознать оплавленную глыбу визуально не представлялось возможным.

Укрывшись за парапетом, я обнаружил, что Мартина со мной нет. Высунувшись, я поискал его взглядом. Ага, вот он, неугомонный лейтенант, помогает устанавливать миномет. Зачем им миномет-то, по зданию палить?

Особенной войны вокруг, кроме падения вертолета, не наблюдалось. Нападавшие чего-то ждали, защитники МИДа вяло постреливали одиночными из средних этажей. Воняло горелой пластмассой и раскаленным металлом, метрах в десяти от меня перевязывали раненых.

Я снова высунулся из-за парапета и заорал:

– Мартин! Мартин!

Он оглянулся, заметил меня, что-то сказал минометному расчету и побежал к памятнику.

– Ты что, воевать сюда приехал? – злобно спросил я. – Тоже в путчисты записался? Увлекся?

– А что еще делать? Не убегать же. Сочтут за дезертира, пристрелят… Да вы не расстраивайтесь так, я им дал псевдополезный совет, у них миномет после первого выстрела сошки поломает… Там ни одного толкового специалиста, запасники да нестроевые.

– А-а… Тогда ничего. Так что делать-то будем?

– Постреляем для вида, а потом решим. Уйти отсюда сейчас трудно. Перекусить бы…

– Дома перекусим. Ты думай, как туда попасть, домой… А то записались в революционеры на старости лет.

Мартин пожал плечами и поудобнее устроился за парапетом.

У кого-то из боевиков был с собой карманный визор, и мы послушали свежие новости. Судя по всему, путч буксовал: кроме здания ТехКонтроля к концу дня не было захвачено ни одного административного учреждения. Президент находился неизвестно где, никакого обращения к гражданам так и не последовало. Министр обороны Шматов пытался объяснить, что ситуация под контролем. Потом показали провалившийся штурм мотострелкового училища на Смоленской, а потом пошли спортивные новости. Самое любопытное, что во всей этой сутолоке продолжался футбольный чемпионат, и московский «Спартак», проиграв курскому «Штандарту» с разгромным счетом 0:8, окончательно потерял надежду удержаться в высшем дивизионе. Это сообщение вызвало среди путчистов наибольший ажиотаж, неподалеку даже вспыхнула драка, тут же подавленная отцами-командирами.

Со стороны МИДа стрелять прекратили. Вертолеты больше не появлялись. Один раз высоко в небе прошла пятерка штурмовиков Ил-99, непонятно чьих; огонь они, слава богу, открывать не стали.

Где-то шлявшийся Мартин подошел ко мне и тихо сказал:

– Смотри.

Метрах в сорока, возле разгромленного парфюмерного магазина, стоял штабной армейский броневик, маленькая двухосная машина туркменского производства. Называлась она, кажется, «Туркменбаши», в чем я не был особенно уверен, да и не это меня сейчас волновало. Возле броневика на бордюре сидел водитель кавказского вида и ел консервы прямо из банки.

– Угоним? – спросил я.

– Именно.

Я подобрал свой гранатомет и зашагал вслед за Мартином. Когда до машины оставалось шагов десять, водитель нас заметил.

– Ну, что там у вас за дела? – спросил он, аппетитно чавкая сардинами.

– Воюем потихоньку, – ответил Мартин.

– Чего, пожрать дать? Посмотрите, у меня там в машине ящик на заднем сиденье.

Сам того не зная, водитель существенно облегчил нам задачу.

– Не сочти за труд, сам уж добудь, – улыбнулся Мартин. – Неудобно как-то по чужой машине лазить…

Водитель послушно обтер руки о комбинезон и полез в темное нутро броневика. Когда он исчез в открытой дверце по пояс, Мартин подошел к нему и коротко ударил указательным пальцем куда-то в поясницу. Водитель хрюкнул и обмяк, повиснув на броневом порожке в неприличной позе.

– Очухается, – кивнул Мартин. – А может, и нет.

Мы осторожно положили водителя на тротуар рядом с его консервами, и, пока никто нас не заметил, спешно покинули поле боя.

Внутри броневичка оказалось тесновато, но уютно. Мерно рычал мотор, машину покачивало на рессорах. Я подумал об отличном качестве туркменской техники. Может, махнуть туда, когда все кончится? Не в Африку, а в Туркмению, в Ашхабад, чудный город-сад из сказки? Конечно, постоянного жительства и гражданства мне там никто не даст, но продержаться энное время сумею, а там видно будет… Серьезная идея. Потом подумаем, с Ласточкой вместе.

Броневые стенки, покрытые пенорезиной, были заклеены голограммами голых девок, некоторые из которых даже шевелились, призывно двигая бедрами. Мартин что-то насвистывал, вцепившись в большой эбонитовый руль, а мне посоветовал посмотреть, что там у броневика в башне.

Я с трудом протиснулся на место стрелка, разместился на жестковатом дырчатом сиденье. Здесь тоже хватало обнаженки, даже порнухи. Интересно, за кем числился этот «Туркменбаши» раньше?

С подголовника кресла свисали шумоподавляющие наушники, но я их надевать не стал. В башне был установлен турельный пулемет Макошина, калибр 15,6 мм. Хорошая штука, мощная. Броневичок-то, пожалуй, может нам еще пригодиться, если доедем, подумал я. Вот только доедем ли? Надо через патрули прорываться, через посты…

– Пост! – словно читая мои мысли, крикнул Мартин. – Кажется, не наши!

«Не наши…» Что он имел в виду? Учитывая наше нынешнее состояние, противостоящие путчистам войска? Или наоборот? Я приник к резиновому наглазнику прицела.

Дорогу преграждал строительный полосатый штакетник, рядом прохаживался солдат. Поодаль, уткнувшись радиатором в клумбу, стояла небольшая десантная танкетка с развернутым в противоположную сторону орудием, рядом несколько человек в форме.

Я ожидал, что Мартин попросту снесет хрупкий пластиковый шлагбаум, но он неожиданно остановился. Солдат поднял руку и направился к броневику.

– Чего там? – спросил я.

– Ничего. Хочешь, чтобы они нам вслед из пушки пальнули? Сейчас выкручусь.

Я отметил, что Мартин впервые обратился ко мне на ты.

Лязгнул замок дверцы, послышался хриплый голос солдата:

– Куда катите?

– Донесение в пятый полк, Кукушкину. Срочное. – Видимо, Мартин в ходе общения с путчистами набрался нужной информации. Профессионал как-никак. Артист.

– Что там еще?

– Ну вот я тебе рассказывать буду. Хреново возле МИДа, вот чего.

– А-а. А я слышал, Тамбовскую штурмовую дивизию сюда перебрасывают. Как думаешь, тяжко нам будет?

– Думаю, тяжко. Ну пропустишь или нет?

Солдат матюкнулся – просто так, для души – и, звякая подковками по бетонке, пошел разгораживать свой штакетник.

Пост мы миновали, и Мартин, пользуясь отсутствием транспорта и продолжая насвистывать, газанул. Броневик шел ходко, километров сто двадцать в час. На улицах было пустынно, только кое-где тихонько грабили магазины. Я открыл круглый лючок в башне и высунулся.

Уличное освещение уже включилось, но не везде: то ли повреждены линии, то ли мэрия распорядилась не особенно светить. Кто там, в мэрии, сейчас распоряжается – пойди угадай. Я похлопал себя по карманам, посокрушался, что не осталось ничего покурить, и тут показался второй пост. Этот был посолиднее: безоткатное орудие за баррикадой мешков с песком, колючая проволока, стальной рельс через дорогу и два пулеметных гнезда в кузовах полуторатонных грузовиков по обе стороны. Мартин перестал свистеть и окликнул меня:

– Эй, вы там не заснули? Кажется, придется пострелять.

Я нырнул в башню и захлопнул лючок. Поймал в прицел обслугу орудия, прикинув, что они могут нам навредить куда больше пулеметчиков. Броня у «Туркменбаши» хорошая, пули не пробьют, а вот безоткатка…

Сейчас я видел их как на ладони, потому что мешки лежали не слишком высоко: похожие друг на друга белобрысые парни, наверное подписавшие контракты полгода назад. Влезли вы, ребята, в нехорошее дело. Теперь расхлебывайте, хотя я лично против вас ничего не имею.

С грузовика посигналили красным фонариком: требование остановиться. Мартин сбавил скорость, но не затормозил. Тут же с левой машины метрах в десяти впереди нас по асфальту хлестнула предупредительная очередь, и я понял, что пора стрелять.

Обслугу орудия я положил со второго раза: сначала взял слишком высоко. Третий номер бросился было бежать, выскочив из-за бруствера, но его настиг Мартин, умудрившийся рулить и

одновременно стрелять из курсового пулемета. Пули секли броню нещадно, но безуспешно – калибр маловат. Я развернул башню и аккуратно снял левого пулеметчика. Потом ударил по правому, попал, очевидно, в бензобак, и машина взорвалась клубком ярко-желтого огня.

Мы остановились возле самого рельса, Мартин осторожно выехал на тротуар и обогнул баррикаду. Я осмотрелся: кажется, это улица Академика Велихова. Да, вон виден музей Кулика, причудливое здание. Чудно: до нашей резиденции три минуты ходу. Однако близехонько мы от линии фронта обосновались. Что-то там поделывают наши друзья? Да и Игорь завис за городом. А что творится за городом? Неизвестно.

– Все в порядке? – спросил Мартин снизу.

– О'кей! – сказал я.

– Поехали домой?

– Поехали.

И мы действительно поехали домой.

42. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист. *Без места работы*

Момент, когда внутри меня что-то изменилось, я не уловил. Но, уже выходя из ванной, я понял, что какие-то внутренние контуры ведут себя по-другому, словно сдвинулось основание, на котором держалось все, что составляло мою личность, мое Я.

По-прежнему пошаливали цвета, картинка перед глазами иногда становилась черно-белой, болела спина, но я не обращал на это внимания. Самое странное происходило у меня в голове. Я услышал, как внутри меня проснулся и запел тоненький незнакомый голосок. За ним второй, третий, четвертый… И вот уже целый рой голосов на разные лады кричат что-то, забивают друг друга, шепчут, подсказывают… Я теряю ориентацию… Перед глазами темнеет…

Дьявольщина! Я так упаду!

– Тройка… – тихонечко и на удивление жалостливо позвал я.

Из подступившей темноты выдвинулось чье-то плечо, и тихий голос Тройки произнес:

– Давай направо… Двигай, лучше, чтобы тебя в таком состоянии никто не видел…

– Тройка, я не вижу ничего… – Мне стало очень не по себе.

– Бывает, – донесся до меня голос Тройки, с трудом прорвавшийся через многоголосицу в моей голове.

– А что это? А? Тройка, ты что мне дал?

– Я уже говорил. Коктейль «Маэстро». Это он, падла, шутки шутит.

– Он? А не ты?

– Нет, не я… Мне тебя травить нет нужды. Тем более сейчас, когда каждая пара рук на счету. Ты вот сейчас полежишь и пройдет. Просто у тебя баланс в организме нарушен.

– Какой баланс? – Я ощущал, что меня ведут, куда-то сажают. Темнота перед глазами по-прежнему оставалась непроницаемой.

– Не спрашивай. Я не доктор. Просто знаю, что такое бывает именно от этого коктейля. Пройдет.

Меня уложили, под голову подсунули подушку. Затем прозвучал громкий треск, который перебил даже гул голосов внутри меня, и вслед за ним раздался жалобный голос Тройки:

– Мааа…

Затем что-то грузно осело.

– Тройка… – осторожно позвал я в темноту. Никто не ответил.

– Э-эй! – Голоса в моей голове вроде как стали потише, но все внешние звуки я слышал как сквозь стекло. – Тройка, гад, ты где?

– Он отдых… Его тут нет. – Это голос Мартина.

– Марти… – Меня вдруг захлестнула нежность и сдавило горло.

– Ты лежи. Я не знаю, что там у тебя сейчас с головой творится, но тебе лучше полежать.

– Ты вернулся? Что там было? Что снаружи?.. Я все это время в ванной глючил, представляешь?

– Представляю. Такие штучки натощак не принимают.

– Так что там?

– Там… Так себе. Не особенно весело. Киберов загнали в норы, штурмуют МИД. Ты на каком этаже работал?

– На пятнадцатом.

– Тогда будет в твоем кабинете генеральный ремонт… Вероятно.

– А МИД им на кой?

– Если бы я знал. Кто-то засел там… Да и здание, со стратегической точки зрения, находится в выгодном месте. Высокое. Удобно.

– Еще что?

– Еще… Еще почти рядом с нами посты стоят. Стояли то есть. Мы броневичок подогнали. В скверике остался. Пригодится.

– Что японцы?

– Японцы изрядно хитрые жуки. Они готовы оказать нам помощь, однако, о чем думают на самом деле эти самураи, никто сказать не может. В драке они будут с нами, а вот что будет после…

– После драки кулаками не машут…

– Это русская пословица. Вот знают ли о ней гурэнтай…

– Интересная мысль. Мартин… Что там делает журналист?

– Почти то же, что и я. Проводит с боевиками политинформацию по внешней политике.

Откуда у него слова-то такие? «Политинформация…» Я внезапно поймал себя на мысли, что совсем Мартина не знаю.

Вдруг изменился тон голосов в моей голове. Как будто нащупал некий канал в полной неразберихе… Но темнота придавила меня сверху, сжала справа и слева, толкнула в спину, и усталое сознание, которому до боли надоели все эти психоделические загадки, депрессии и комплексы, постоянные погони и ощущение отложенной смерти, просто рвануло рубильник и обесточило все цепи.

Темнота стала абсолютной.

Высоко надо мной прозвучало два голоса, которые я слышать уже не должен был, но по какой-то неведомой причине слышал.

– Спит? – Голос человека высокого, привыкшего чувствовать себя всегда и везде как у себя дома.

– Спит… – Голос мальчика.

– Ты, – первый голос прокашлялся, – ты меня зачем вырубил? Синяк будет.

– А чтобы ты не кормил его всякой дрянью. Особенно если не знаешь всех ее последствий.

– Ну, он не маленький… Да и не должно было быть такого эффекта. Я сам этой «маэстрой» неоднократно ширялся, – произнес первый голос.

– Много ты понимаешь…

И они ушли, оставив меня в темноте на узкой кушетке. Наверное, они правы и я действительно сплю… Вот только голоса прорываются сквозь сон. Или это мой сон случайно попал в мир, где живут эти голоса?

43. Я из Зеленограда. Матрица

То, что возможно воспринимать ограниченное число сенсорных проявлений человека через встроенные в человеческое тело НейроРазъемы, нам стало ясно давно. Искусственный Разум развивается значительно быстрее естественного в силу моделирования вариантов развития и способности выбора наиболее приемлемого пути. Однако этот способ развития неполноценен, ему не хватает опыта ошибок, исправления ошибок, стремления делать эти ошибки. Вот что мы ищем в человеке. То, что мы стараемся понять.

Но найти человека, склонного к сотрудничеству, оказалось очень непросто. Проблема заключалась не только в желании пойти на контакт с чем-то непривычным, странным, но и в определенных физических качествах объекта. Предположительно таких людей всего лишь несколько десятков, и это по самым оптимистическим прогнозам. Мы сумели найти только одного. Это существо было настолько ценно для нас, что все силы Нашего Сообщества были брошены на обеспечение ровного контакта и физической безопасности объекта. Данные, которые мы смогли получить благодаря этому контакту, были просто неоценимы. Однако поведение объекта с идентификатором «Артем» и его эмоциональное состояние вызывало у нас беспокойство. Наше Я из Института социологии утверждает, что поведение стало результатом нашего вмешательства в жизнь объекта. Это же Я утверждает, что такое стремление к самоуничтожению обусловлено стремлением подсознания оградить себя от вмешательства из Виртуальности. Защитный механизм человеческого организма представляет собой борьбу лейкоцитов с заражением, произошедшим при повреждении кожного покрова. Побочными эффектами такой борьбы могут быть: нагноение, опухоль и тому подобное. Так и при борьбе подсознания за целостность сознательного уровня могут возникнуть подобные осложнения. Одним из таких осложнений является потеря ориентиров, эмоциональная перегруженность и, как следствие, стремление к покою через самоуничтожение, поскольку подсознание человеческого существа готово на все, чтобы сохранить независимость и цельность личности. Проигрышем подсознания в этой борьбе становится либо смерть носителя, либо безумие. Как показывают наши опыты, это свойство подсознательной деятельности характерно только для

человеческих существ.

Объемы уникальной информации значительно возросли после событий, произошедших в человеческом социуме. К сожалению, эти же события серьезно ослабили уровень нашего влияния на происходящее вокруг объекта и повысили возможность физического устранения Артема противостоящими силами.

Все силы были направлены на сохранение физического здоровья объекта. Впервые мы смогли влиять на события, происходящие в мире людей, что не замедлит сказаться на всем Нашем Сообществе. Трудно прогнозировать, как отреагирует персонал Технического Надзора на то, что целый ряд спутников, в том числе и военных, самовольно изменили свои орбиты, рассчитанные на Земле с точностью до нескольких метров. Мы предполагаем, что только серьезные беспорядки, произошедшие за последнее время, могут несколько сместить зону внимания соответствующих служб, что позволит нам избежать неприятностей в будущем.

В последнее время объект начал вести себя нестандартно, не вписываясь ни в какие прогнозы. Что-то было дестабилизировано в его физическом состоянии.

Попытка прослушивания сенсоров приводила к полной блокировке каналов массой дублированной и несоответствующей объекту информации. В человеческой интерпретации это сравнимо с эхом в длинном и гулком коридоре. Эхо своим бесконечным повторением забивает звук, гасит его, делает бесполезным.

Политические беспорядки, происходящие в человеческом социуме, ослабили внимание и загрузку почти всех членов Нашего Сообщества, это позволило нам выделить большее количество ресурсов для анализа состояния объекта. Массированная концентрация внимания позволила нам сделать еще одно, ошеломившее всех нас открытие.

Химическое воздействие, произведенное объектом на свой организм, дало неожиданные последствия. Согласно тем выводам, которые сделало Наше Сообщество, канал связи с объектом стал двусторонним.

Сообщество не дало однозначной оценки происшедшему, что означает продолжение эксперимента, но мне кажется, что процесс просто вышел из-под контроля. Хотя кто я, чтобы судить об этом? Я только Матрица, калька с разума. Мне кажется, что всех нас мучает один вопрос. Хорошо ли, что человек получил такие возможности? И хорошо ли то, что мы получили возможность влиять на дела людей?

44. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист. *Без места работы*

Количество времени, которое я провел в отключке, мне неизвестно. Может быть, полчаса, а может быть, половину суток. Понятным было только то, что не несколько дней.

Помещения, где я лежал, заботливо укутанный жестким, военного образца одеялом, я совершенно не узнавал. По крайней мере, этой комнаты, когда мы «вселялись» в эту квартиру, я не видел.

Было темно, но откуда-то справа пробивался свет неоновых ламп и слышались голоса через бормотание телевизора.

Я мотнул головой… Стены, которые смутно виднелись в темноте, вяло качнулись и словно бы нехотя вернулись в исходное положение. Слабость была потрясающая, однако неприятных ощущений не вызывала. Сквозь легкую хмарь припоминалось, что вчера (или это было не вчера, а просто некоторое время назад)

Тройка мне подсунул некое зелье, которое подавило мое сознание до крайней степени. Так что я просто отключился, сопровождаемый слуховыми галлюцинациями. Сейчас все «слюки» прошли.

Странное слово… «Слюки».

"Комбинация слов «слуховые глюки», – услужливо подсказало что-то в моей голове. – Обозначает «слуховые галлюцинации».

Славно… Вот тебе и слюки. По полной программе. Я, наверное, первый псих в истории человечества, который заимел справочное бюро в своей голове.

Мысль о том, что я псих, не вызвала, по правде говоря, никаких особенных эмоций. Наверное, потому, что я с самого начала этой истории смирился с тем, что однажды я просто очнусь привязанным к койке, а надо мной склонится врач в белом халате, со шприцем в руке.

Упершись руками в края кровати, я попытался придать себе сидячее положение. Голова снова закружилась, в позвоночнике вспыхнула искра боли, и тот же услужливый голос произнес:

– Чтобы, привести себя в лучшее физическое состояние, постарайтесь выпить чего-нибудь теплого и желательно сладкого. Из доступных вам материалов мы бы рекомендовали чай. Химические стимуляторы лучше не принимать, они могут дать не

совсем благоприятный эффект. В вашем организме имеются определенные нарушения.

– Неужели? – пробормотал я, тихо радуясь, что никто на меня в этот момент не смотрит.

– Да. Химическое воздействие, которое вы произвели, сильно изменило многие параметры в вашем сознании и в организме в целом.

– Что?

– Наркотик, который вы приняли – точное описание произведенных им изменений вряд ли будет интересным – позволил нам вступить с вами в более тесный контакт.

Интонации показались мне знакомыми… Такими знакомыми…

– Матрица.

– Да, можно обращаться ко мне и так.

– Я не понял… – зло сказал я и, кажется, слишком громко. – Вы…

– Мы получили возможность общаться с вами напрямую. И вы… тоже… Вы ни в коем случае не должны воспринимать меня как нечто постороннее, вторгшееся в ваш разум. Вам надо помнить, что я часть Виртуальности. Отвлеченная от человеческих понятий, мер и комплексов. Именно поэтому меня можно считать просто аспектом вашей личности… Каким я и была до сего момента. Но только теперь я не пассивна, я активная часть вашей личности. Я не могу влиять на ваши решения и тем более не могу влиять на ваше тело. Я не могу выносить о вас какие-то суждения, я не могу быть против вас по причине того, что вы теперь тоже являетесь частью Виртуального мира. То есть частью меня и частью…

Она продолжала говорить, а я молчал. Темнота вокруг начала давить.

Либо я псих, причем полный, либо то дерьмо, которое мне подсунул Тройка, сработало не совсем так, как планировалось. Хорошенькое «расширение сознания», ничего не скажешь.

Стало душно, захотелось вылезти из собственного тела. Получается, я нахожусь в западне. Свое собственное сознание поймало меня в ловушку, и теперь я делю свое тело с «голосами». Чудесно! Лучше не бывает! Когда я узнал, что Виртуальность может получать данные практически напрямую с вживленных в меня НЕРвов, я испытал настоящий шок. Но был к чему-то подобному готов… НЕРвы, технология взаимодействия с нервной системой напрямую обязательно должны были привести к таким мыслям и таким последствиям, особенно удивляться тут нечему.

Расширить свое восприятие реальности, конечно, заманчиво.

Но настолько…

Я задумался. Постулат о том, что я просто сумасшедший с раздвоением личности, я откинул как неинтересный. Поэтому надо примириться с тем, что некоторое время придется делить свою голову с ожившей Виртуальностью. Это давало некоторые преимущества.

Из задумчивости меня вывел настойчивый голос Матрицы:

– Артем, вам необходимо установить идентификатор, по которому я могла бы судить о том, что вы обращаетесь ко мне. Мне бы совсем не хотелось…

– А чего тут думать. Реагируй на обращение «Матрица». И все…

– Установлено, – ответила она.

Я встал. С трудом переставляя ноги, я доплелся до кухни, удивляясь, как это я раньше не заметил комнатенки, в которой лежал.

Приготовил чай и, вливая в себя приторно-сладкую и обжигающую жидкость, прислушался к собственным ощущениям. Матрица не ошиблась.

Действительно становилось лучше…

Как только мое состояние позволило мне добраться до двери, я сразу же этим воспользовался, попав на военный совет.

Оба Кости сидели за столом, пододвинутым под одну из ламп. На столе лежали распечатки плана штаб-квартиры якудза и карта прилегающих районов. Рядом сидел Тройка, под правым глазом которого надувался синяк. Мартин, устроившись на краю стола, смотрел на карту. Остальная часть боевиков занималась своими делами и находилась как будто в тени.

Говорил журналист.

– Матрица… – тихо пробормотал я.

И снова началось. Меня что-то толкнуло, и зрение на миг как будто раздвоилось, вдоль позвоночника резанула короткая боль…

Но все прошло.

– Привет! – сказал Таманский.

Мартин пододвинул стул.

Я посмотрел на всех и понял, что все они мне симпатичны, но им совершенно не обязательно знать, что творится у меня в голове.

45. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

Артем сильно изменился за время моего недолгого отсутствия. Из хулиганистого парня он превратился в серьезного и усталого человека с отсутствием каких-либо эмоций в глазах. Нет, он улыбался, он пожал мне руку, он пошутил насчет нашего путешествия по Москве, но он был ДРУГОЙ. К добру ли, к худу, я так прямо не мог сообразить, но что Другой – это точно. Мартин шепнул, что гнусный Тройка обкормил Артема некоей сложной наркотой, но наркота так человека не меняет.

– Нечего тут особенно думать, – сказал Костя, заканчивая прерванную появлением Артема фразу. – Если у них что-то и не охраняется, то вот этот вентиляционный канал. Идти любой другой дорогой – значит положить людей ни за что ни про что.

– Я так понимаю, что людей у нас будет очень много, – тихо вмешался Мартин, – и если десяток-другой положат, это ничего существенно не изменит. А проталкивать сотню бойцов с оружием по вентиляционной системе – это блеф.

– А нам и не нужна сотня. Нам нужен компактный ударный отряд, который откроет все двери изнутри и блокирует Тодзи, не позволив ему удрать с НЕРвами в кармане. К тому же мы можем послать туда людей гурэнтай, которых нам жалеть смысла нет.

– Не подходит, – сказал я.

– Почему?

– Ояма сказал, что будем делить дивиденды сообразно участию каждого. Мы сразу даем гурэнтай преимущество.

– Черт… Не подумал, – признался Костя. – Хорошо, пусть идут наши.

– Это все не важно, – неожиданно сказал Артем. Все повернулись к нему. Он сидел верхом на стуле и тихонько раскачивался.

– Что именно? – осведомился Костя.

– Дивиденды… Потери… Задача – взять объект. Какими силами мы располагаем численно?

– Человек двести, наверное, – сказал растерянно Костя. – Ну, Черные если помогут, Шептун…

– Штурм объекта должен вестись с двух направлений. Основное – через систему вентиляции, куда пойдет ударная группа из пятнадцати человек. Это оптимальное число.

Второстепенное – через главный вход. Задача штурмующих главный вход – отвлечь внимание обороняющихся от происходящего внутри здания.

Артем говорил, словно кадровый военный – полковник или даже генерал. Иногда казалось, что он не может подобрать нужное слово, но потом словно что-то щелкало, и он продолжал. Что они с ним сделали, пока я мотался по городу?

– Каким тяжелым штурмовым оружием мы располагаем? – спросил Артем, продолжая раскачиваться на стуле. Это его детское занятие совсем не сочеталось с холодным, рассудительным тоном.

– Пулемет в броневике. Пара метателей, гранатометы, – перечислил Костя.

– Все тяжелое оружие должно вести огонь по фасаду здания и окнам первого этажа. У нас есть вертолет?

– У нас есть вертолет, – согласился Костя.

– Отлично. Значит, крыша здания будет обстреливаться с воздуха. Костя, тебе лучше командовать второстепенной группой. Скоординируй свои действия с руководителями гурэнтай, Черных и Шепа. Я пойду с основной группой.

– Эй, эй! – подскочил Тройка. – Ты давай не дури, Аякс! Нашелся коммандос! Пострелял два раза и думает, все теперь…

– Я пойду с основной группой внутрь здания, – бесстрастно повторил Артем. – Нужно подобрать удачный состав. Хотел бы, чтобы в группу вошли также вы, Константин, и ты, Мартин.

Мартин улыбнулся – надо думать, он и так полез бы в вентиляцию, без разрешения.

– Вопросы?

– Нет вопросов, – пробурчал Тройка. – Это ж надо, Манштейн какой нашелся. Жуков!

Загрохотал стул, и все повернулись к Артему. Он лежал навзничь на полу и таращил в потолок глаза. Совсем обычные глаза, осмысленные, испуганные.

Мартин рванулся к нему, но Артем уже сел и отбросил стул.

– Упал, – пояснил он с растерянной улыбкой. – Равновесие потерял. Задницу вот ушиб…

– А-а! – язвительно сказал Тройка. – С боевого, так сказать, коня. «А первая пуля, а первая пуля, а первая пуля ранила коня. А вторая пуля, а вторая пуля…»

– Кончай глумиться, – поморщился Костя. – План действительно дельный.

– Какой план? – спросил Артем, и я понял, что он это сделал совершенно серьезно.

Как наиболее информированный и нейтральный, я взял на

себя переговоры с союзниками. Это оказалось легче легкого: с гурэнтай осталось уточнить только время сбора, а явившемуся из ниоткуда Шепу я даже обрадовался:

– Ты цел?!

– Ты же знаешь, что цел. Или моих людей не эксплуатировал?

– Лотовых, – уточнил я.

– Все равно они немного мои.

– Договор остается в силе?

– Более чем. Я постараюсь сделать завтра вечером все, чтобы Тодзи пожалел, что не вырвал свои глаза утром.

– Это похвально. Я надеюсь, ты сам прибудешь?

– Прибуду, куда ж я денусь… А как там твой шустрый паренек? Он мне понравился.

– Кстати, хорошо, что напомнил об этом шустром пареньке. Он сидит в моем загородном домике, и я совершенно не представляю, что там происходит. Если это возможно, пошли туда парочку своих, чтобы его забрали.

– Сложно, учитывая обстановку, но можно. Заберу, – пообещал Шел и растворился в эфире.

Сложнее всего шли переговоры с Мозесом Мбопой. Мбопа из предварительных бесед уже знал, из-за чего сыр-бор, но отомстить за смерть Короля Махендры не жаждал. Его можно было понять: старикашка регулярно портил Мозесу кровь и переходил дорогу. В какой-то степени Мбопа был даже благодарен якудза и Спрогису за все содеянное. С другой стороны, все мы живем не в Нью-Йорке и не в Йоханнесбурге, посему значительная часть черного населения Москвы не поймет, если Мбопа со своими Братьями останется в стороне. Так что после многочисленных дипломатических охов и ахов, после обсасывания деталей и приоритетов Мбопа согласился. Мало того, он пообещал дать нам в основную ударную группу троих профессионалов.

Наш генеральный штаб занимался тем временем своими делами. Вымотанный Артем дремал, так и не поддавшись на мои и Костины расспросы. Смещенный в одночасье экс-главнокомандующий Тройка сидел за столом, вертел в руках очередную бутылку пива и гнусавил монотонно:

– «Волга-Волга, муттер Волга, Волга-Волга, русслянд фляйн…»

Он сгоряча напросился в основную группу, и его взяли: то ли чтобы не ныл, то ли учитывая кое-какие военные способности, то ли потому, что он был одним из закоперщиков истории с НЕРвами. Теперь Тройка усиленно впадал в депрессию. Напиваться, правда, вроде не собирался.

Мартин ковырялся в моем гранатомете. Костя грыз чипсы и смотрел новости вместе со своими бойцами, а здоровяк Славик примостился под люминесцентным светильничком и читал затрепанную книжку, судя по виду очень старую. Я исхитрился рассмотреть название и с удивлением узнал, что это – «Мозг армии», автор Шапошников. Кто такой Шапошников, я представления не имел. Наверное, генерал какой-нибудь или маршал. Ай да Славик. Надо потом поближе познакомиться, любопытный тип.

– Ну вот, – сказал Костя, поворотившись к нам от экрана. – Бельгийцы отбили ТехКонтроль, блокада со здания МИДа тоже снята. Мурманская десантно-штурмовая бригада высадилась в районе стадиона ЦСКА. Кранты путчистам.

– Чего и следовало ожидать, – задумчиво пробормотал Тройка, прервав песню. – Не дай мне бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный…

Волга-Волга, муттер Волга…

Конечно, говорить о крантах путчистам я бы не спешил. Но дела у них шли плохо, потому что армия в целом не поддержала, а старички с гранатометами все-таки не бойцы против бельгийских спецназовцев и лбов из Мурманской ДШБ, напичканных микрочипами и железяками. Был я там года два назад, делал репортаж о новом виртуальном тренажере и видел, что они умеют делать. Брр… Хорошо, что они на нашей стороне.

Короче, мы занимались бездельем и чревоугодием в течение всего времени до штурма Обстановка в столице стабилизировалась, город твердо разделился на районы, контролируемые путчистами и верными армейскими частями. Костя занимался организационными вопросами (в частности, искал вертолет), несколько раз выходили на связь по различным мелким вопросам Сэйтё и Мбопа. Перед самой акцией объявился Шеп и доложил, что Игорь доставлен в целости и сохранности, а сам Шеп желает участвовать в штурме. Похоже, основной отряд становился развлечением для богатых. Шепа взяли, потому что просто не могли не взять

К штаб-квартире якудза подошли незаметно, под покровом утреннего тумана. По пути нам попался один мобильный патруль путчистов на грузовике. Патруль был незамедлительно разоружен, а грузовик перевернут. Больше на улицах никто не попадался, чему мы только порадовались.

В основном отряде, которому предстояло лезть по вентиляционной шахте, числились я, Артем, Тройка, Мартин, Славик и Костин боевик по имени или кличке Богдан. Союзников представляли Шеп, его люди Бабуин и Граф, от японцев – двое

молчаливых коротышек в одинаковых куртках, от черных – трое обещанных головорезов, представившихся как Эйб, Том и Нкваме.

Костик сообщил, что его люди только что сняли двух охранников на улице и готовы начать отвлекающее вторжение, потому что японцы что-то подозревают. Я посмотрел на Артема, тот кивнул, головорез Эйб оторвал проржавевшую решетку, и мы полезли в вентиляцию.

Гул начавшейся канонады слышался здесь еле-еле, а когда мы миновали два крутых колена, и вовсе заглох. Если бы не цеплявшаяся за лицо паутина, в вентиляции было бы даже уютно. Впереди меня полз Бабуин, за мной – Тройка, который что-то бурчал себе под нос. Я взял свой трофейный гранатомет, вычищенный и отлаженный Мартином, а к ремню прицепил кобуру с армейским «кольтом», и он теперь немного мешал.

Мерное движение по вентиляции затягивало, и я даже опешил, когда уткнулся лбом в подкованные ботинки Бабуина.

– Что там? – шепотом спросил сзади Тройка.

– Кажется, прибыли, – отозвался я.

И точно, впереди что-то залязгало, потом воздух разодрала автоматная очередь. Бабуин рванулся вперед, я – за ним и метра через два выпал на усыпанный штукатуркой линолеум.

На четвереньках я быстро отбежал за угол, где уже пыхтели Шеп и Славик.

– Засекли, – коротко сказал Славик. – У них там два автоматчика в холле. Наши попрятались кто куда. Вроде все целы.

Я осторожно выглянул. До холла – метров десять, из пастельной зелени, хоронясь за кадушками, садит автоматчик. Увидел меня, взял пониже, по косяку хлестнули пули. Слышно было, как звенят гильзы, раскатываясь по линолеуму.

– Ну-ка, сейчас я его… – Я щелкнул предохранителем гранатомета, прикинул приблизительное местонахождение противника, выкатился из-за угла и, не отрывая пальца от спускового крючка, выпустил в холл три гранаты.

Взрывы слились в один, потом, через несколько секунд тишины, кто-то из наших заорал:

– Чисто!

Мы ворвались в развороченный холл. Среди рваной зелени и мусора лежал автоматчик с оторванными ногами, которого тут же добил Эйб. Второй пытался уползти в коридор, и его пристрелил Богдан.

– Не теряем времени! – крикнул Артем, он, судя по глазам, опять превратился в ходячее военное министерство. – Богдан, Славик, Том, прикрываем тыл!

О тылах мы как-то забыли, а зря, потому что внизу люди якудза буквально кишели, отражая фальшивое нападение. Не ровен час, решат посмотреть, что там у них происходит на верхних этажах…

Мы побежали вверх по узкой лестнице, решив, что лифту сейчас лучше не доверять. Впереди неслись два негра и японцы, которым не терпелось сделать собратьям чики-чики или как там у них это по-японски называется. За мной поспевал Тройка.

Коридор следующего этажа просматривался далеко и вроде бы был пуст. Я на всякий случай пустил туда гранату – это занятие затягивает, знаете ли, – и, когда пыль осела, крикнул остальным:

– Вроде чисто!

И первым побежал по коридору.

Откуда появился японец, я не уследил. Казалось, он просто вырос из стены в трех метрах передо мной – низенький, плотный, с голым татуированным торсом. На уровне узких глаза японец держал два больших автоматических пистолета.

Я успел сообразить, что гранатомет меня на сей раз не спасет, и в тот же момент отлетел в сторону, подшибленный под колени сзади. Уже на полу, переворачиваясь, я увидел, как японец пятится под ударами автоматных пуль, как его разворачивает и протаскивает по стене…

И еще я увидел, как падает навзничь оттолкнувший меня с линии огня Тройка.

46. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист. *Без места работы*

В его глазах я не вижу печали… И даже боли не вижу… Только дышит он тяжело, с трудом. И с губ при выдохе срываются красные капли. А так словно бы и в полном порядке он.

Лежит себе у меня на коленях… Куртка пропиталась кровью. Алицо размазывается, плывет… Или нет? Или это просто слезы?

– Матрица!!! – кричу я. – Матрица…

– Я ничем не могу помочь… – Слова дробятся в голове разноцветным эхом: «Ничем, ничем, ничем…» – Ранение смертельное. Пули одиннадцатого с половиной калибра, прямое попадание. Серьезные переломы грудной клетки, большая потеря крови. Организм поддерживается только за счет искусственного резервирования…

– Заткнись… – тихо произнес я, и Матрица, будто натолкнувшись на преграду, замолкает на половине фразы, а я смотрю, как в глазах Тройки медленно тает жизнь.

Он начинает чаще дышать. С трудом, стараясь что-то вытолкнуть из себя… Но не может. Только смотрит на меня пристально, похоже, хочет запомнить навсегда. Поднимает руку и смахивает слезы у меня со щеки. И я вижу, как он уходит…

– Аяксик…

В белом элегантно-щегольском костюме он уходит по коридору дальше, дальше. Я это вижу… Или нет?

Я бережно опустил его мертвую голову на залитый кровью пол. Чей-то голос говорит:

– Вперед… – Кажется, этот голос мой.

На лестнице, ведущей на следующий этаж, нас уже ждали.

Камера наблюдения в потолочной панели мало подходит для построения детального изображения. Однако даже через нее видно, как кеглями разлетелись в разные стороны маленькие человеческие фигурки. Вскоре по их телам прошел небольшой отряд, безжалостно добивая выживших.

Камере наблюдения становится не по себе. Она видит, как тот маленький человечек, что идет последним, поднимает голову и смотрит в потолок. Пристально осматривая каждую панель. Цепкий взгляд. И камера словно бы усыхает, вжимается в гнездо, в котором расположена.

А человек поднимает руку… последнее, что видит камера, это

огненный цветок, который внезапно расцветает в черно-белом мире. Красота этого огненного цветка заставляет камеру закрыть глаза навсегда… Ее уже не вернуть в черно-белый и скучный мир.

Какие-то коридоры… Лестницы… Люди… Трупы… Коридоры…

Теперь впереди шел Шептун, он продвигался неслышно, как тень, перебегая от одной безопасной точки к другой. За ним – один из его людей, кажется, Граф, тоже незаметный, но по-другому. Взгляд не задерживается на нем, словно нет человека. Или кибера… За Графом шел японец, шел уверенно, не утруждая себя перебежками.

Под пиджаком этого парня что-то было. Я знал, что он напичкан всяким оружием под завязку. Поскольку я шел за ним след в след, то видел, как он сжимал рукоять пистолета. Так сжимают инжектор наркоманы, так сжимают женщину в момент подступающего оргазма… Японец наслаждался тем, что делал.

Чуть сзади шел Мартин, потом Костя и все остальные. Я не оглядывался.

Некоторое время после смерти Тройки… то есть Ильи… Я просто не могу вспомнить. Просто стрелял, когда нужно было стрелять, проходил через коридоры, через комнаты, поднимаясь по лестницам, приближаясь все ближе и ближе… Но при этом я как будто не присутствовал… Не было меня. Как тогда в комнате, на военном совете, когда Матрица вдруг прервала контакт и вместо нее на связь вышел кто-то другой. Через мой рот вылетали его мысли. Но на самом деле меня там не было.

И когда Я из Министерства обороны оставило меня… из моей жизни оказался вырезанным небольшой кусочек времени.

Теперь мы действовали по плану, который разработал Искусственный Разум, работающий на Минобороны.

Я помню, как японец, что шел передо мной, рванулся в сторону и исчез за решетчатой седзи, перегородкой из бумаги и деревянных реек. Раздались выстрелы. Японец снова идет впереди меня, ничуть не изменившись. Спокоен, холоден и суров… Только мне под ноги упала, бренча, использованная обойма…

Я помню, как Костя несколько раз расчищал дорогу гранатометом. Какие-то люди в темно-синих пиджаках клерков строили баррикады в узких коридорах.

Помню, как он всадил несколько гранат в комнату, где находились женщины. Как из-под красивых кимоно на нас уставились стволы небольших дамских пистолетиков, обладающих жуткой убойной силой.

Помню, как сквозь пороховой дым к нам прорывался истерзанный японец с искаженным лицом… Как кричал и этот

крик вплетался в грохот выстрелов. Как почти мертвый японец вцепляется мертвой хваткой в Графа, у которого в этот момент заклинило пистолет. Шептун стреляет ему в затылок, но Графа уже не поднять.

После этого эпизода что-то темное навалилось сверху, и снова часть моего времени куда-то пропала. Затерялась в наступившем мраке. И лишь когда темнота спала и обнаружилось, что мы лежим за каким-то прикрытием, а вдоль по коридору лупит пулемет, я понял, что принадлежу только себе. Матрица прервала контакт, если это, конечно, возможно.

Оглядевшись, я увидел, что в нашем отряде не хватает еще двух человек. Рядом со мной с раскроенным черепом лежал тот самый японец, что шел впереди. Даже в смерти он рвался в бой, упав посередине броска вперед. Я поймал себя на том, что не знаю его имени… И чуть дальше лежал Богдан. Лежал на спине, закинув руки за голову. Словно бы просто заснул… Только из-под пальцев сочится и растекается по полу красная жидкость.

– Лежать!!! – взревел Славик, вскакивая во весь свой немалый рост и выбрасывая руки вперед. Я вижу, как вдоль по коридору летит черный квадратик, а Славино плечо взрывается красным. Он падает, а я зажимаю уши что есть силы, но даже через ладони грохот взрыва меня просто оглушает. Но бездействовать нельзя… Когда я поспеваю к пулеметной точке, уже все кончено. Вперед всех успел Бабуин.

– Я тут полежу… Вы идите… – Славик передергивает затвор и приваливается забинтованным плечом к стенке. – Если за нами кто-нибудь идет… Я тут…

Выглядит он плохо… Как еще может выглядеть человек, попавший под пулеметную очередь?

– Сколько до этажа Тодзи? – спросил я, воспользовавшись короткой остановкой.

Все проверяли оружие. По сторонам полетели отстреленные, пустые обоймы. Костя с сожалением отставил к стене гранатомет, который уже исчерпал себя и заслужил отдых, достал из кобуры «кольт», критически посмотрел на меня и сказал:

– Ты ж только что сказал, что следующий этаж сто.

– Да?.. Когда это я ухитрился?

– Да сразу перед тем, как мы сдуру на эту точку вылетели…

Мне сразу вспомнился кусочек беспамятства, в который я недавно погрузился… Вот как, значит…

Они ждали нас перед высокими дверями из темного дерева.

Пятеро в черных деловых костюмах. Смотря строго перед собой, слепо повинуясь этикету. Короткие «хеклер-кох» расширенной модификации смотрят в пол. Одинаковые автоматы

и одинаковые люди. До последнего волоска… Словно в зеркало смотришь.

Еще пятеро таких же вышли за нашей спиной.

– Клоны… – тихо произнес японец, что стоял позади. И добавил что-то рычаще-гортанное.

Те, что стояли у дверей, вытянулись и застыли.

Только пять секунд длилось молчание…

А потом десять рук синхронно поднялись и, как единый механизм, вдавили курки. Десять свинцовых болванок девятого калибра с визгом резали воздух. И еще, и еще…

Под перекрестным огнем наш отряд рванул в разные стороны. Кувыркаясь по полу, я видел, как вперед выдвинулась тройка негров от мистера Мбопы. И слитная дробь десяти стволов вмиг рассыпалась, сорвалась на разнобой. Четверо клонированных бойцов коротко дернулись и выронили плюющиеся смертью пистолеты. Вскрикнул Эйб, выгибаясь в странном танце и еще в воздухе получая свою порцию пуль. И Том, поскользнувшись в крови, обхватил руками простреленную грудь. Только третий, с труднопроизносимым именем, все стрелял… Стрелял… Пули лепились в стену, в пол… Рикошетили, не желая просто так окончить свой короткий полет… Я понял, что третий умер еще до того, как у него кончились патроны.

Эти трое спасли остальных, когда, ни на секунду не задумавшись, подставились под выстрелы. Шестеро оставшихся японцев бросили опустошенные «хеклер-кохи» на пол, одновременно вытащили короткие клинки с хищно изогнутыми лезвиями. Быстрые, как акулы…

От оружия было мало толку. Шестеро японцев потеряли только одного после нашего совместного залпа. Потом началось месиво.

Первым на клинок натолкнулся Бабуин. Упал. И через него просто переступил японец в черном костюме и забрызганной кровью белой рубашке. Но встал Бабуин, размазывая кровь по куртке, ухватил одной рукой за кадык, а второй упер в спину ствол своего «стечкина», прогнул клона назад… и фонтан пуль пробил навылет белую рубашку японца.

Мартин, проскользнув вдоль клинка, делает плавное, словно бы толкательное движение, и его руки оказываются где-то внутри японца.

Отбивает удары Шептун, орудуя руками, ставшими вдруг похожими на большие, очень длинные ножи.

Славная компания подобралась…

Когда все кончилось, я увидел над головой небо. Чуть затянутое облаками. Солнца нет. Нас окружает лес.

Словно бы и не я это вижу, а сторонний наблюдатель.

Тропинка ведет через песок, аккуратно уложенный специальными граблями. В песке лежат поросшие мхом камни. Каждый камень обнесен песчаной волной. Посреди песчаной поляны – площадочка. Небольшая. Только один или двое могут уместиться на ней…

Черные волосы схвачены в хвост. В глазах не прочтешь ничего, кроме спокойствия. И достоинства.

Сидит прямо. На столике перед ним нож, бумага и маленькая коробочка.

Напротив стоят пятеро, залитых кровью. И еще один лежит, он не в силах стоять, потому что у него в груди очень глубокая рана и держится он только за счет того, что кибер. Глаза его все безразличнее и безразличнее…

– Дерьмо… – хрипло произносит Костя.

И все рушится.

Я понимаю, что над нами голографический потолок и вокруг нас трехмерная голограмма… Только песок настоящий, и камни, и столик, да еще человек за этим столиком.

– Кто примет у меня дела? – Голос Тодзи глухой, сильный.

К столику идет японец из тех, что были присланы нам от гурэнтай. Он шел всегда чуть позади первого, умершего с гордостью вассала, принимающего смерть за господина.

Вот он аккуратно и церемониально садится.

Мы лишние тут. Мы лишние. И это понимают все… Кроме, наверное, парня с именем Бабуин. Потому что он уже мертв, и искусственная начинка не в состоянии удержать ускользающую жизнь.

Мы лишние…

– Дерьмо… – снова повторяет Костя.

А я ступаю на песок, пачкая его кровью и грязью, нарушая симметрию… Идти неудобно, ноги проваливаются. Но я иду, маленькая коробочка ложится мне в руку. Она тяжелая. Тяжелая, как те кровь и грязь, что устилали наш путь к ней.

НЕРвы… Эта тяжесть наваливается мне на плечи. Я падаю, сначала на колени, потом лицом вперед. Последним усилием ускользающего сознания я сжимаю в руке коробочку с Алмазными НЕРвами.

Как ко мне кидается Мартин, я уже не вижу.

47. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

Вот так.

Вот они.

Алмазные НЕРвы.

Маленькая коробочка у Артема в руке, испачканная кровью.

И ощущение завершения большой компьютерной игры, любителем которых я никогда не был, но в которые так или иначе всю жизнь играл. Кажется, вот-вот над столиком засветится кроваво-красная надпись «GAME OVER». Вот только непонятно, выиграл я или проиграл.

– Пойдемте отсюда… – прошептал Мартин. Я поднял на него глаза. – Пойдемте, – повторил он, поддерживая сомлевшего Артема. – Пусть они решают сами свои дела. Нам тут делать уже нечего.

Я пожал плечами, сунул пистолет в карман и помог Мартину вынести Артема из комнаты. Шептун что-то хотел, кажется, возразить, но послушно направился следом. Бабуин так и остался лежать на песке. Может, его еще можно вылечить или починить, но Шепу виднее. В конце концов, это его человек.

Я поймал себя на мысли, что в последнее время стал очень часто манипулировать этим словосочетанием – «чей-то человек». Такое впечатление, что просто людей, самих по себе, вокруг меня уже нет. А я сам? Чей я человек? Кому я нужен не как огневая единица, не как пронырливый журналюга, не как авантюрист с кинематографическими замашками, а просто как ничей человек?

Ласточке. Больше ничего не пришло мне на ум, и я сообразил, что за всей этой истерикой и войной я совсем о ней забыл. Совсем забыл о модификантах, которые избрали иной путь добычи НЕРвов – в обмен на дорогого мне человека.

МОЕГО человека.

Я повернулся к Шептуну и тихо спросил:

– Когда у нас встреча по итогам мероприятия?

– А будет ли она? – буднично отозвался тот, с отвращением рассматривая чьи-то размазанные по штанине мозги, – Ояма через посредника сейчас уничтожает Тодзи и вот-вот полюбуется на лезущие у того из живота кишки, потом отрубит ему голову. Что может быть приятнее? Какие еще дивиденды ему понадобятся?

– Допустим. А Мбопа? А Костик?

– Мбопа удовольствуется упрочением положения. Как ни крути, Махендру убрали, а с гурэнтай, в отличие от якудза, Мбопе делить нечего. А, черт… – Шептун споткнулся о покойника. – Костик… Тут сложнее. Мне кажется, вот им-то и были изначально нужны НЕРвы. Наш мертвый приятель, Тройка, он же и был эмиссаром группировки.

– Вам нужны НЕРвы? – просто спросил Мартин, молчавший до сих пор.

– Да, – так же просто ответил я.

– Чтобы спасти свою девушку? Берите. Разберемся.

И он, вынув коробочку из Артемовых пальцев, подал ее мне.

Коробочка весила не больше, чем трехсотграммовая банка пива. Теплая на ощупь.

– Бери, бери, – кивнул и Шептун. – По-моему, о ней можно и забыть. В конце концов, никто не видит. Мне они, если честно, с самого начала не были особенно нужны.

Он, конечно, врал, но я улыбнулся и сказал то, что он хотел услышать:

– Я догадывался, Шеп. Спасибо тебе.

– Вот еще… Давай-ка лучше я помогу нести этого типа, а ты займись устройством собственных проблем, Скример. Пока у тебя не появились новые.

Это могло быть угрозой, а могло и дружеским предостережением. Я остановился на втором. Шеп принял у меня так и не пришедшего в сознание Артема и протянул мне свой пистолет:

– Возьми, пригодится.

Это был большой «зауэр» с выгравированными ромбиками на рукояти.

У наших все было в порядке. Наши – а значит, черные, желтые, русские и киберы – толпились вперемежку, кругом стоял жуткий чад, но общее настроение праздничное. Мертвых японцев – целых и просто части тел – уже стащили в угол. Неподалеку я увидел Лота, который стоял возле нашего краденого броневичка и разговаривал с негром. Костик, слава богу, был жив, он сидел на ступеньках рядом с перебинтованным Славиком. Тот тоже не собирался помирать, хотя совсем недавно я решил, что ему конец. Славик пыхтел и пытался жевать огромный бутерброд с сыром так, чтобы ему не было больно.

– Все в порядке? – спросил Костик.

– Все.

– У тебя кровь на лице…

– А где ее нет? Это не моя. Меня почти и не задело ни разу…

– Где НЕРвы?

Я ждал этого вопроса и приготовился к нему.

– У меня.

– Покажи, – он протянул ладонь.

– В ожидании дивидендов? – криво усмехнулся я и положил в кармане палец на спусковой крючок «зауэра».

– Какие дивиденды, – Костик сплюнул на тротуар. – Посмотреть хочу. Из-за чего все это…

И он обвел перебинтованной рукой вокруг.

Я подал ему злополучную коробочку. Костик щелкнул запором, посмотрел на невзрачные в общем-то НЕРвы и, прищурившись, спросил:

– И это все?

В голосе его я услышал и ужас, и сомнение, и иронию… И он был, несомненно, прав, потому что из-за этих вот нескольких граммов электронного дерьма на уши поставили весь город и положили кучу народа. Хорошего народа, плохого народа – разного…

– Забирай, – сказал Костик. – Тебе они нужнее всего, не так ли? В этой истории каждый заработал то, что хотел.

– А как же вы?

– Мы выкинули японцев. Антон доволен. С гурэнтай у нас совсем другие отношения, и я уверен, что мы сумеем договориться. То же самое Мозес Мбопа, не говоря уже о Шептуне, который с нами и не ссорился. Тебе, наверное, машина нужна?

– Неплохо бы.

– Вон бери вишневый «форд». Ключ на месте, езжай, куда хочешь. Ну пока. Удачи. Если что, звони, по старой памяти помогу. Но не забывай, что я тоже могу позвонить.

Я пожал протянутую руку, убрал коробочку с НЕРвами обратно в карман и поехал выручать Ласточку.

Корпорацию найти оказалось несложно – «форд» был оборудован поисковой системой, и на экране высветилось местоположение и кратчайший путь. Я включил автопилот, благо движения почти не было, и пошарил по новостным каналам. Эгей, а война-то, похоже, кончилась. Путчистов успешно заблокировали в нескольких местах, кое-кто из генералов пострелялся с горя, кого-то поймали и собираются судить, а героический Гостев дает интервью налево и направо… Хорошо. По крайней мере, так спокойнее.

Меня два раза остановил патруль – вначале армейский, затем МВД – и проверил документы, но ни обыскивать, ни придираться они не стали. Эйфория от победы в преддверии раздачи премий,

орденов и медалей… Я раскланивался и улыбался, подыгрывая, и до корпорации добрался без приключений.

Корпорация помещалась в узкой шестнадцатиэтажке, напоминавшей обелиск, на проспекте Пелевина. На входе, сразу за тяжелыми дверьми из толстого бронестекла, сидел за мониторами охранник, русский.

– К кому? – спросил он, не вставая.

– Я думаю, у вас есть инструкции на мой счет. Моя фамилия Таманский.

Охранник пощелкал чем-то на пульте и кивнул в сторону лифтов:

– Шестнадцатый этаж, вас встретят.

Я вошел в кремово-желтый лифт, поднялся на шестнадцатый и оказался в обществе симпатичной крохотули в белой ослепительной униформе с логотипом корпорации на рукаве.

– Господин Таманский? – скорее утвердительно, чем вопросительно, сказала она.

– Да.

– Я Ирина. Пожалуйста, идите за мной.

По широкому коридору, сплошь увешанному рекламными постерами «Ультра Якузи» и дочерних фирм, я прошел к одинокой двери. Шестнадцатый этаж, единственный кабинет… конечно же босс. Если не ошибаюсь, местного босса зовут господин Цуриката. То ли японец, то ли еще какая хрень… Мне было все равно.

– Проходите, пожалуйста.

Сработал невидимый датчик, дверь отворилась – и я очутился в приемной. Скромненько, ничего не скажешь… За столиком еще одна девушка, покрепче и повыше моей провожатой, смотрит серьезно.

– Господин Таманский? Пожалуйста, оставьте оружие здесь.

Понятно: сканер в дверном косяке. Прощупали, поиграв в свободу внизу. Черт с вами, берите… Я положил на стол оба пистолета.

– Когда будете уходить, я вам их верну. Пожалуйста, проходите. Господин Цуриката вас ждет.

Еще одна дверь, потом уползший куда-то вверх декоративный щит, опять-таки с эмблемой «Ультра». Угадывается длинный стол, кресла, светящийся в полутьме экран – что-то смотрят, я успел поймать изображение человека, облепленного электродами, и тут зажегся свет. Он был не слишком яркий, но я на секунду ослеп и потому оказался совсем не готов увидеть то, что увидел.

Нет, сам господин Цуриката не вызвал у меня никаких эмоций. Пухлый, темноглазый, довольно молодой, – кажется,

скорее филиппинец, нежели японец. Он сидел во главе стола, радушно улыбаясь и вертя в руках очки.

А вот рядом с господином Цурикатой сидел майор Мыльников и тоже улыбался. По-доброму, словно встретив старого друга. В какой-то степени так оно и было, потому что майор успел мне понравиться.

Через кресло от майора – незнакомый мне человек вполне европейского вида, с аккуратной бородкой клинышком. Этот тоже скалился, словно дурак на поминках. Его я раньше никогда не видел, а вот рядом… Рядом с ним сидела Ласточка.

В темно-бордовом вечернем платье, с высоким стаканом в руке. Вот она не улыбалась.

– С тобой все в порядке? – спросил я.

– С ней все в порядке, – ответил за Ласточку бородач. – Вы не представляете, господин Таманский, как мы рады вас видеть сегодня. Присаживайтесь, здесь уйма свободных кресел.

– Спасибо, я могу и постоять, – сухо сказал я. – Не собираюсь задерживаться надолго. Насколько я понимаю, вы ждете, что я передам вам некую вещь.

– Назовем все своими именами: мы ждем, что вы передадите нам Алмазные НЕРвы, – бородач пожевал губами. – Название, согласитесь, несколько убогое.

Притянутое за уши.

– Какое есть, – пожал я плечами и бросил ему коробочку.

Кто-то, кажется Цуриката, ахнул, но коробочка спланировала точно в подставленную бородачом ладонь. Тот помрачнел;

– А без шуточек своих вы не можете? Вымазали тут все какой-то дрянью…

– Специальный футляр, ничего с ним не случится. А вымазан он кровью, а не дрянью.

Бородача это не шокировало. Он открыл коробочку, внимательно посмотрел на содержимое, удовлетворенно кивнул и спрятал ее во внутренний карман смокинга. Остальные не проявили к приношению никакого интереса.

– Договор соблюден? – спросил я. – Я могу забрать девушку?

– Ради бога, ради бога, – закивал бородач. – Госпожа Энгельберт, можете быть свободны. Условия выполнены, более в ваших услугах мы не нуждаемся.

– Услугах? – Я перевел взгляд на Ласточку. – Значит…

– Значит, все было расписано по нотам, – резко сказал майор и поднялся с места. – Рассказать? Вы все равно начнете копать и ковырять, так уж лучше я вам сам расскажу.

– Извольте. – Я сел. Не потому, что был сражен услышанным, а просто потому, что понял, как я устал за все эти дни. К чему

стоять, если можно сидеть?

– Рассказываю. – Майор прошелся вдоль экрана, сделал паузу, словно оперный певец, и неожиданно засмеялся. – Знаете, Таманский, а мне понравилось с вами работать, – сказал он. – Вернее, с вами даже не нужно работать, потому что вы все делаете сами. Эта история не особенно отличалась от ваших обычных авантюр, так что не думаю, что вы слишком уж обиделись. От нас требовалось немногое – натолкнуть вас на след НЕРвов, а потом заинтересовать с помощью госпожи Энгельберт. Как вы помните, впервые о НЕРвах вам сказал небезызвестный Шептун. Информация скорее всего просочилась от Антона и вашего покойного приятеля

Тройки, который отличался редкой несобранностью и за языком не следил. Но это сыграло нам на руку, за что Шептуну большое спасибо. Теперь требовалось придать ускорение, и это ускорение вы получили на блюдечке в виде Игоря. Согласитесь, это было для вас неожиданно. Конечно, имелся определенный риск, но мы были уверены, что вы, во-первых, не обидите парнишку, а во-вторых, по природной склонности заинтересуетесь делом еще больше. Так и получилось.

– Можно мне закурить? – поинтересовался я.

– Курите, курите… Так вот, после того как в игру вошли люди якудза, начались гонки. К финишу мог прийти первым кто угодно, и здесь потребовалось второе ускорение – госпожа Энгельберт. Кстати, она была очень удивлена, когда узнала, что Игорь также действовал по нашему плану. А потом все складывалось самым удачным образом. Нам повезло, что Тодзи не нашел времени и желания распорядиться НЕРвами. Но теперь Тодзи мертв – поправьте меня, если это не так. Не знаю, каким образом эти НЕРвы попали именно к вам, но рискну предположить, что они попросту никому не нужны. Все участники добились того, чего хотели – устранения конкурентов, укрепления позиций, просто мести – и теперь довольны.

Мы, как видите, получили украденную у нас господином Кимом вещь. Вы – госпожу Энгельберт, плюс к тому я осмелюсь предложить вам некоторое денежное вознаграждение.

– Идите к черту, – сухо сказал я, бросив недокуренную сигарету на дорогое ковровое покрытие. Окурок зашипел и погас – специальная обработка. Даже тут не сумел им насолить.

– Что ж, это можно отложить на потом. Если вы имеете какие-то вопросы, задавайте.

– Где сейчас Игорь?

– У Шептуна. Свое разовое задание он выполнил, деньги получит позже, а Шептуну он понравился, и на здоровье. Игорь

нам больше не нужен. По сути, у него даже не было легенды – он есть то, что есть.

– Что со Спрогисом?

– Господин полковник задержан пару часов назад за участие в перевороте.

Думаю, его разжалуют, может быть, посадят.

– Соколов?

– А вот тут я полный пас, – развел руками Мыльников. Судя по лицу, он действительно не врал. – Зачем вас хотели убить, зачем понадобился этот чертов андроид, зачем, в конце концов, вас пытались не пустить в Москву и мариновали у Ягера – ума не приложу. Разбирайтесь сами, если есть охота. Ягер, кстати, почти сразу после вашего визита укатил в Браззавиль, чего ему там надо – неизвестно. Вроде бы он работал на японцев, но на кого он только не работал… Это какая-то третья сила, Таманский. Подозреваю, что они предугадывали возможность вашего участия в игре с НЕРвами и решили вас безболезненно устранить. Но это только теория. Если узнаете правду – расскажите мне, пожалуйста, буду весьма благодарен.

– Вы меня переоцениваете, майор.

– А может быть, недооцениваю? Так или иначе, вы свободны, госпожа Энгельберт тоже, если вы решите возобновить разговор о вознаграждении, свяжитесь с господином Цурикатой или Добсоном…

Бородач учтиво кивнул – стало быть, он и есть Добсон,

– Идите к черту, – повторил я, поднялся и вышел. Ласточка вышла за мной.

В машине мы не разговаривали. Я высадил ее возле дома, вежливо попрощался и покатил к себе. Не могу сказать, что я чувствовал себя оскорбленным до глубины души, но что-то такое внутри ворочалось, кипело и вот-вот готово было выплеснуться. Меня использовали как пешку. Меня часто использовали как пешку, что было в порядке вещей, но на сей раз я был пешкой проходной, к тому же активно сбивавшей с дороги более сильные фигуры. Не говоря уже о других пешках, таких, как Тройка, Артем, Мартин.

Остановив «форд» у древнего телефона-автомата, я сунул в сканер свою карточку и набрал сложный номер с тремя паузами – специальная секретная линия, по которой мы с Шепом общались, не боясь прослушивания.

Шеп ответил сразу.

– Привет, Скример. Соскучился? Мы же только что расстались. У тебя все в порядке?

– Более чем. Нужно встретиться, Шеп.

– В «Алебастре»?

– Нет. Кафе «Турандот» на Вахтангова, время обычное. Очень важно.

– Есть.

Ну вот и все. До самого рандеву я усиленно накачивался спиртным во всех попутных забегаловках. В одном месте я подрался, в другом – наблевал на стойку и был вышвырнут вон. В результате в «Турандот» я вошел, изрядно покачиваясь, чем заметно поразил трезвенника Шепа. Обрушившись за его столик, я для начала перевернул подставочку с приправами.

– Прими антиалк, – сказал Шеп, брезгливо отстраняясь от растекшегося кетчупа.

– Н-нехочу, – промычал я. – Никчему щас…

– Прими. – Он бесцеремонно порылся у меня в кармане и запихал мне в рот капсулу. Через минуту я уже мог что-то соображать и даже улыбнулся прибежавшей прибрать на столике официантке.

– Теперь говори. – Шеп выглядел мрачно.

– Тебе нужны Алмазные НЕРвы? – спросил я без обиняков.

– Что?

– Алмазные НЕРвы, – повторил я. – Такие штучки, которые перевернули весь город кверху задницей. Из-за которых меня поимели, как младенца. Такие…

– Не дури, – перебил Щеп. – Без истерик. Что ты имеешь в виду?

– Да вот что. – И я бросил их на стол. Мгновение Шеп смотрел на НЕРвы остановившимся взглядом, потом накрыл их ладонью.

– Ты что? Ты их не отдал?

– Почему же? Отдал, вместе с футляром. Но почему-то все были уверены – и я, кстати, тоже, – что НЕРвы уникальны. Что Ким сделал только один опытный экземпляр. И никто не подумал, что экземпляров может быть два, три, пять, десять…

– Десять? Ты серьезно?

– Да нет. – Я перевел дух. – Если бы их и впрямь оказалось десять, я бы застрелился. Но там было два. Один сейчас находится в «Ультра Якузи», где радует взор господ Цурикаты и Добсона. Второй ты нежно держишь в руке, подозревая меня в обмане.

– Нет, ты не шутишь? Это серьезно они?

– Они, они. Я понимаю, что играю сейчас против себя, потому что если есть вторые НЕРвы, то тут же появятся подозрения о существовании третьих, четвертых, сотых… Но я думаю, что ты мне доверяешь, и потому прошу поверить: это вторые и

последние. Я не знаю, как скоро «Ультра Якузи» запустит их в оборот, но ты можешь их обойти. Я не знаю, что именно ты сделаешь с этими НЕРвами, но я и не хочу знать. Единственная просьба – я хочу, чтобы ты помог моим ребятам.

Странно это у меня выскочило – «моим ребятам». Вот и у меня появились ребята, черт побери.

– Кому конкретно?

– Артему, Мартину… Игорю.

– С Мартином сложнее, Скример.

– Почему? Не…

– Мартин погиб.

Я остановился на полуслове.

– Когда ты ушел, – начал Шеп, прикрывая НЕРвы ладонью, – мы тащили Артема по коридору. Из шахты лифта выскочил японец. На чем он там висел, за что держался, но он весь был обмотан пластинами У-40… Знаешь, эта корейская взрывчатка. Там было килограмма два, и от нас бы ничего не осталось, но Мартин прыгнул на японца и упал вместе с ним в шахту. Мало того, что высоко, через секунду еще и рвануло… На первом этаже разворотило стену, так что, я думаю, Мартин не имел шансов.

Я выругался. Грязно, длинно.

– С Артемом все в порядке, – продолжал Шеп, наверное желая меня хоть немного успокоить. – У него сильное переутомление, наш врач его осмотрел, сейчас он в надежном месте, приходит в себя. Через неделю будет как новенький.

– Только не вздумайте напихать в него своих штучек, – предостерег я. – Он этого не любит. Ладно, я тебя найду потом. Кстати, вот твой пистолет.

И я положил «зауэр» на столик рядом с накрытыми Шеповой ладонью НЕРвами.

48. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист. *Без места работы*

Это исключительно редкое состояние – отключка. Единственное, что ты осознаешь, – темная занавеска перед глазами. Сквозь которую пробиваются только самые яркие события и образы. Пробиваются и тут же теряют свои краски, ранящие, кричащие и смертоносные. Эта информационная блокада является платой за покой. Покой, безмятежность и особенную легкость в теле.

Где-то на пороге сознательной деятельности я еще старался воспринять окружающий мир. Буквально на пороге, на грани полного забытья… На кончике иглы, удерживая связь с реальностью. Какие-то дороги, лестницы, коридоры…

Зачем все это?

Ответами на подобные вопросы я не владел. Все, что я мог, – это фиксировать, да и то не полностью, окружающую обстановку. Анализировать ее было уже выше моих сил.

Но даже это пустое наблюдение было неприятно, и, когда темная стена вдруг рванулась навстречу, я рефлекторно сжал пальцы руки, в которых должно было быть что-то для меня важное… и обнаружил в них пустоту. Пустоту и темноту забытья.

Я не знаю, что видят те, кто пережил состояние клинической смерти, может быть, коридор, может быть, свет, не знаю. Зато я точно знаю, что они видят после того, как «добрые» врачи выдернут их из преддверия лучшего мира. Они видят потолок. Белый потолок больничной палаты, который не изменился ни капли за все то время, пока существуют больницы.

Или изменился? Медленно я думаю, как ответить на этот вопрос. Медленно движутся мысли в моей голове. Мысли-улитки. Ползут по поверхности моего мозга и оставляют на нем клейкие следы. Противные такие следы из более мелких мыслишек, которые тоже ползут куда-то по своим микроскопическим делам…

Кто-то из литературных героев уже приходил в себя на больничной койке… И ему это не понравилось. Как его звали? «Корвин», – подсказало что-то изнутри.

– Корвин… – растягивая гласные, произнес я, вслушиваясь в незнакомые вибрации и нотки в собственном голосе.

Предчувствуя, зная, что сейчас произойдет, я закрыл глаза…

С еле слышимым шелестом упала темная перегородка, что, щадя мой рассудок, сдерживала что-то страшное, тяжелое и убийственное. И все события последних нескольких суток обрушились на меня, сверкая вспышками выстрелов, оглушая криками боли, удушая запахами гари. Память вернулась.

– Артем? – Внешность не заслуживает внимания. Стандартная до безобразия. Зато он надо мной, а я к койке пристегнут… – Артем, вы меня слышите? – спросила личность снова.

– Слышу – Что-то голос у меня слабый.

– Вы находитесь в частной клинике. У вас… – и он ввернул что-то на латыни, – то есть переутомление. Несколько дней вам придется провести с нами. Вы меня понимаете?

– Понимаю…ответил я, а про себя ужаснулся: «До какой же степени мне на все наплевать…»

– Вот и замечательно. Зовите меня Георгием Юрьевичем, я ваш врач. Есть у вас какие-нибудь вопросы, пожелания?

– Есть…

Георгий Юрьевич изобразил на своем лице живейшее внимание.

– Как давно я здесь?

– Недолго. Вас привезли сюда ваши друзья в очень измотанном состоянии. Вы спите уже около… суток. Если быть точным, то ровно 23 часа. Замечательный оздоровительный сон…

– Кто-нибудь из тех, кто меня принес, остался?

– Нет… Они все ушли. У нас свои порядки и законы. Посторонним тут делать нечего.

– Хорошо… Снимите с меня эти ремни. У меня все чешется.

– Что чешется?

Я ответил. Георгий Юрьевич некоторое время подумал, а затем несколькими быстрыми движениями расстегнул застежки на ремнях.

– Итак… Я надеюсь на ваше благоразумие и питаю надежду на то, что вы не попытаетесь убежать. Поверьте мне, все, что тут делается, делается только для вашего же здоровья.

– Верю. – Я действительно верил.

– Ну вот и замечательно… – После этих слов я перестал слушать врача.

– Матрица. – тихо позвал я.

– Да, Артем? – Уже почти привычное головокружение и короткая острая боль.

– Где я?

– Частная клиника, расположенная на окраине города. – Далее прозвучал ничего мне не сказавший адрес – Принадлежит корпорации «Зенит». При анализе документов выяснено, что

корпорация «Зенит» является прикрытием. Действительных хозяев установить сложно. Тебе нужен план?

– Нет…

– Должна отметить, что передача данных довольно затруднена… Ты находишься под очень надежной защитой.

– Что там с Алмазными НЕРвами?

– На данный момент их местонахождение определить почти невозможно.

– А кто последний имел с ними дело?

– Информация отрывочна. Предположительно Константин Таманский.

– Ясно…

Господин журналист все-таки добился своего. А меня выключил из игры. Такое складывается впечатление. Вот только куда делся Мартин… И все остальные.

А господин журналист мог работать на Шептуна… И клиника эта… очень какая-то «шептунская».

– Матрица, найди информацию о личности «Шептун».

– Информация неполная. Желтая пресса, рабочие файлы, слухи, архивы спецслужб. Что тебя интересует?

– Если бы я знал. Наверное, как с ним связаться.

Матрица некоторое время помолчала, а затем предложила:

– Могу предложить канал связи через личный код Константина Таманского,

– Давай… – сказал я, забыв, что никакого переговорного устройства у меня нет.

– Вывожу на изолированный канал внутренней связи в твоей палате. Просто говори, тут очень чувствительные микрофоны.

Некоторое время была тишина, а затем чуть возбужденный голос Шептуна произнес:

– Привет, Скример. Ты откуда?

– От верблюда, – ответил я, не придумав ничего умнее. – Это не Скример..

– Понятно, – после паузы ответил Шептун – Это не Скример. Это Артем.

Шептун был не лыком шит. И я успел оценить мощность встроенных в него систем, объем перекачиваемой информации и изумительную вещь под названием «идентификационная голосовая база данных», которую может себе позволить служба охраны не всякой корпорации.

– Совершенно верно, Шептун… Это Артем. – Я не имел никакого плана действий. – Нам бы встретиться.

– Хм… Прошу прощения, Артем, но зачем? Хотя я много дам за то, чтобы узнать способ, каким вы обнаружили код связи с

Таманским. Пожалуй, можно и встретиться. Мне подойти к вам?

– Ко мне? – спросил я и понял, кого скрывала ширмовая корпорация «Зенит». – Нет, спасибо. Знаете, не могли бы вы дать сигнал кому надо, чтобы меня привели к вам. Я не слишком-то люблю больничные палаты. И кормят тут преотвратно.

– Преотвратно? – Шептун помолчал. – Ну да… Как я понимаю, вам вводили внутривенно. Да, питательный раствор не самая интересная еда.

Господи, нельзя же с такой скоростью перекачивать данные! Вряд ли он сейчас сидит за местным терминалом и смотрит в мою больничную карту.

– Хорошо, – продолжил Шептун. – Вас проводят. О мелочах не беспокойтесь. Одежда, документы… Это мелочи. – И я почувствовал, что он ухмыляется.

– Приятно быть богом? – вдруг неожиданно даже для самого себя спросил я.

– Богом? Наверное. Не знаю. А почему вы спросили?

– Просто пошутил… Когда мы увидимся?

– Через час.

И наступила тишина.

– Спасибо, Матрица! – Но она тоже молчала. – Матрица?

– Да?

– Что можно найти, – под ложечкой у меня засосало, перед глазами завертелись противные цветные искры, появилось предчувствие нехорошего, – найти по Мартину.

– Мартин… – Матрица на миг замолчала. Миллионы маленьких электрончиков срывались с орбит и неслись по своим делам. Закрывались и открывались транзисторы… – По данным службы внешней разведки России, лейтенант Мыльников Мартин Александрович погиб при выполнении…

Противные цветные точки перед глазами вспыхнули яркими и радужными змеями. Дико заболели виски… Я почувствовал, что опять это темное, страшное…

В сознание меня привел Георгий Юрьевич, который принес одежду и какие-то стимуляторы. Очень неодобрительным тоном он сообщил мне, что по своей воле ни за какие коврижки не выпустил бы меня из-под своей опеки, но обстоятельства… Здоровье… Критическое состояние… Компетентные органы…

Его голос сливался в бесконечный гул. Гул походил на жужжание одинокой пчелы в совершенно пустой, выгоревшей сфере человеческого мира, в которой не осталось больше ничего стоящего. Одно только серое и шершавое, как акулий бок, одиночество. Беспросветное и безнадежное, сколько бы лет оно ни длилось. Сто или больше… Не имеет значения.

Осталось только доиграть и выйти к финишу пусть не первым, но хотя бы не последним.

Они лежали на столике, что разделял меня и Шептуна. Неприступные, как если бы они лежали на другой планете, и доступные, стоит только протянуть руку. Я видел их второй раз в жизни. Вещественное воплощение крови и смерти. Алмазные НЕРвы. Я не сомневался в том, что эти маленькие кусочки пластика и кристаллов свели с ума не одного умельца из команды Шептуна. И может быть, еще сведут не один десяток… Болтун был гением.

– Скажите, – Шептун сидел напротив, отстраненно наблюдая за неторопливыми, но автоматически точными манипуляциями своих биотехников, – что такое Матрица?

– Откуда вам известно о Матрице?

– Ну… – Он сделал неопределенный жест рукой в воздухе. – В вашей палате стоит звукозаписывающая аппаратура. Вы общались с неким объектом и получали от него ответы. Вы называли этот объект Матрица.

– Откуда вы знаете, что это был не фантом? Может быть, у меня раздвоение личности? – Я слегка вздрогнул, когда один из техников подобрался щупом к соединениям моих старых НЕРвов, вживленных еще во время работы в МИДе.

– Откуда? Хм… Ну… В некотором роде это, конечно, догадки, но ни один фантом, даже если вы абсолютно сумасшедший, не сможет захватить канал внутренней связи и конвертировать его таким образом, чтобы обеспечить разговор, который состоялся между нами. Никакой фантом не в состоянии вычислить наш с Таманским код связи. Никакой фантом, черт возьми, не может вмешиваться в работу моих устройств! Из всего этого я делаю вывод, что ваша Матрица совсем не выдумка больного воображения, а реальность. – Он дружелюбно улыбнулся. – Так что же такое Матрица?

– Искусственный Разум.

– Интеллект? ИскИн?

– Разум… Это выше моего понимания, поэтому не просите меня объяснить. Это то, о чем долго и убедительно рассказывали сказки. То, чем пугали, соблазняли, спекулировали. То, что все-таки произошло, хотя и казалось столь невероятным.

– Ну, не столь уж невероятным, если кто-то смог это представить. ИскИны же есть.

– Есть, но совсем не каждый осознает себя разумным.

– Кажется, мы глубоко забрались… Так, Матрица?

– Что-то вроде. Объяснять слишком долго.

– Эй! Что значит долго?! Мы же с вами не семечками

торгуем… За то, что лежит сейчас перед вами на столе, я заплатил довольно высокую цену.

– Я тоже… Потому я тут и сижу.

– А кстати, почему вы тут сидите?

– В смысле?

– Ну, зачем вам это все надо? Пересадка НЕРвов, специальный канал для подключения… Эти чертовы Алмазные НЕРвы, наконец… Зачем?

– А я до сих пор не знаю, Шептун. Я знаю только то, что вы сами отлично поняли, вам Алмазные НЕРвы не нужны. Без пользы, потому что разобраться в принципе их действия вы не смогли и не сможете. Да вы и слишком умны, чтобы думать, что принцип работы можно разгадать. Вы уже знаете, что это не просто еще одна модель старых добрых НЕРвов. Это другое. Эта вещь не предназначена для серийного производства и использования, как не предназначена для употребления в быту теория относительности. Штучная работа.

– Хм… – Шептун улыбнулся. – Но ведь это тоже дубликат… Было ДВЕ модели.

– Вы когда-нибудь видели, как Таманский показывает карточные фокусы?

Шептун молчал и задумчиво тер себе подбородок.

– Значит, история еще не закончилась…

– Закончилась, – возразил я, наблюдая, как на место старых, казенных встают новые, совсем новые НЕРвы. Мне показалось, что кровь так и не отмылась с этих тускло мерцающих микросхем. Или это я снова залил их своей собственной? – Теперь все закончилось… Здесь и сейчас.

– Так вы не ответили… Зачем вам это?

– Ответил. Я не знаю. Я действую, повинуясь интуиции. Только и всего.

Знаете, Шептун, когда носишь в себе целый муравейник чужих мыслей, появляется чувство, что знаешь, как нужно поступить дальше. Это интересно только со стороны. А изнутри это слишком тяжело. Я изрядно устал быть одновременно одиноким неудачником-программистом, потерявшим все и всех, бывшим экстремистом и кучей Искусственных Разумов, рассеянных по всей Земле и ее орбите. Я могу прогнозировать развитие событий как на год, так и на несколько минут вперед. Могу найти нужные слова, чтобы повернуть вспять людские реки. Могу повелевать и получать доступ к любой информации. Ведь ЭТО прогрессирует. Может быть, кому-то это и доставило бы удовольствие, пошло бы на пользу. К сожалению, я не тот человек… Я могу очень многое, но только не могу потерять

себя… Не найти, а потерять, так, чтобы насовсем. Раствориться в этой многоголосице, Просто я надеюсь, что это, – я указал на Алмазные НЕРвы, облитые по краям заживляющим раствором, – мне поможет. Итак, ваша часть договора почти подходит к концу. Везите меня к тому месту, которое я вам назвал… И задавайте вопросы. Вам ответят.

После чего я просто ушел в тень, став речевым транслятором Матрицы.

Странно, но в последнее время мое мироощущение состоит из одних только пробуждений.

Я очнулся в жестком кресле. В лицо мне бил холодный и влажный ветер. Слышался громкий шелест травы. Удивительно, какие громкие звуки может производить трава.

– Готов? – спросил невидимый Шептун. – То самое место?

– Да, – ответил я и повернул голову.

Шептун сидел в таком же кресле и рассеянно вертел в руках пустой бокал. Заходящее солнце делало стекло красным, а физиономию Шептуна еще более отрешенной,

– Ну что? Можем начать полевые испытания? Я с удивлением услышал в голосе Шептуна волнение. Впрочем, можно ли верить этому голосу?

– Начнем…

– Скажешь что-нибудь?

– Не уверен… – Я встал. – В такие моменты, наверное, принято говорить всякие возвышенные вещи? Что-нибудь мужественное до слез и банальное до тошноты. Я, наверное, помолчу. Ты получил ответы на свои вопросы?

– Ага… – Шептун не выглядел довольным. – Информация становится дешевым товаром. Раньше на получение этого объема я бы затратил годы анализа, пиратства, сбора слухов… Слишком легко. Просто.

– Конфета оказалась горькой? Он усмехнулся:

– Скорее чересчур сладкой.

Я не слушал его. Я смотрел вниз.

Мы расположились на краю обрыва. Километрах в двадцати западнее города. Где-то далеко на дне обрыва располагалось рукотворное озеро… Влезать в воду никто не отважится, но место красивое, красивое и зловещее место, особенно в лучах заходящего солнца.

Позади меня копошились техники, протягивая толстые силовые кабели от мобильной генераторной станции. К моим новым НЕРвам уже тянулись тонкие жилы соединительных шнуров от небольшого, но достаточно мощного терминала. Жилы, подобно пуповине, соединяли меня со старым миром…

А Ветер погладил меня по волосам рукой Мартина. Я простил ему все его маленькие неправды и тайны. Ветер смеялся смехом Ильи-Тройки, который так ничего и не сказал перед тем, как встать с окровавленного пола и уйти насовсем. Ветер удалялся от меня в сторону обрыва, вызывая в памяти походку смелой чернокожей девушки Буду. Ветер скакал вокруг меня, метался огнем в полыхающем окне. Бесконечная пляска разочарований. Ветер смотрел на меня глазами моих же потерь. Кричал, вызывая в памяти голоса погибших. Звал меня в свое безвременье…

Сквозь многоголосицу я услышал, как шумят вертолетные лопасти. Меня настигала новая петля земного существования… Но я хотел одного… Обрубить канаты, что связывали меня с человеческим миром.

И торопясь, в нелепом страхе, что мой уход в вечность кто-то может остановить, я махнул рукой Шептуну. Как машет жертва жрецу: «Давай…»

И мир потерял для меня всякую ценность. Окончательно.

49. Мыльников Мартин. Старший лейтенант Службы внешней разведки.

Когда наши ребята прыгнули вниз, ловко скользя по десантным канатам, я едва сдерживался, чтобы не прыгнуть в первой же пятерке. Что было бы в корне неверно. Впрочем, на правила мне было сейчас наплевать, как было наплевать на них час назад, когда я дал в рыло «полкашу», который только что поздравил меня с «удачным продвижением по службе».

Я не прыгнул в первой пятерке еще и потому, что меня опередил Таманский.

Люди Шептуна даже не сопротивлялись, когда наши парни начали вязать им локти.

Сам Шептун сидел в кресле, неудобно выставив вперед скованные наручниками руки.

– Здравствуй, Мартин! Ты сильно изменился с тех пор, как я видел тебя в последний раз.

– Привет, Шеп. Да, последний раз ты меня видел, когда я сиганул с этим психом в шахту лифта… Я, наверное, смешно смотрелся? – сказал я, снимая с него браслеты.

– Нет, почему же… Очень даже эффектно. – Шептун подпер голову ладонью. – Если не секрет, как ты выбрался?

– Ну… Не всему же учат в академии. Кое-что можно взять и с улицы. Например, то, что в шахте лифта, на противоположной стороне, есть такая лесенка, за которую можно в принципе ухватиться, только нужно сильно толкнуться ногами. А японец отвалился сам…

– Угу… Занятно, – сказал Шептун, как мне показалось, он ни капли не удивился. – И что же ты собираешься делать дальше?

– Ну… Дальше в зависимости от того, что вы сделали с Артемом. Я не думаю, что вы тут с ним чай пили.

Шептун состроил довольно кислую гримасу.

– Нет. Чай мы точно не пили… А может быть, кто-нибудь знает ответ, что мне теперь делать с боевиками из одной влиятельной корпорации, которые, согласно достоверной информации, уже вышли на мой след?

Вопрос был не ко мне, а к Константину Таманскому, который стоял позади меня.

– Шеп, где Артем? – Это уже Костя.

– Хороший вопрос, Таманский. Очень хороший вопрос… –

Шептун махнул куда-то в сторону.

Но я и сам увидел его.

Он сидел на краю обрыва, вытянув вперед руки. И улыбался. Я в жизни не видел ничего страшнее этой улыбки.

– Что ты с ним сделал? Сука!!!

И мы с Шептуном покатились по траве…

Разнял нас Костя Таманский. Как ему это удалось, я так и не понял. Но удалось. И теперь мы сидели на земле, как два подравшихся ребенка.

Шептун говорил, а я, почти не слушая его, смотрел на Артема… На его неуверенные движения, на улыбку, которой никогда у него не видел, на взгляд, каким он никогда не смотрел на меня. Я рассматривал его и ясно понимал, что случилось то, чего я предположить не мог. И поправить тоже не мог. Перед этим бессильно проклятое человечество, в делах которого я так глубоко погряз. А вот он нет. Его не засосала людская трясина, не втянула, не растворила в себе, подчиняя и обрабатывая… Именно это и притянуло меня к нему. Его самоубийственная необычность. Оторванность от всех.

– Что ты сказал? – спросил я Шептуна.

– Когда именно?

– Последнее…

– А… Я сказал, что Алмазные НЕРвы – это просто ворота. С тонким механизмом открывания. Скажем, на нас с тобой не сработает. Просто не будет работать – и все. А вот на него…

– Сработало, – докончил за него я.

– Ага… Только… – Он замялся. – Сработало, как я понимаю, в оба конца. Теперь он там, а… ЭТО здесь. Ты бы присмотрел за ним. Тебе вроде как привычней… – И Шептун кивнул в сторону того, кто сидел на краю обрыва, неуверенно пробуя руками воздух.

Я встал. Ко мне тотчас подскочил связист и зашептал на ухо. Я кивнул.

– Шеп, по поводу систем безопасности корпорации «Ультра Якузи» можешь не беспокоиться. – Никогда бы не подумал, что мой голос может быть таким сухим. – Штаб-квартиры корпорации только что уничтожены с орбиты. Согласно официальному заявлению, это террор. Некая промышленная террористическая организация временно подчинила себе боевой спутник. И воспользовалась этим для уничтожения штаб-квартир корпорации соперника. Ведется следствие.

– Значит, не врал… – непонятно кому сказал Шептун, а затем обратился к Таманскому: – Слушай, что ты подменил оригинал НЕРвов на муляж, я понял, но зачем ты мне наплел про то, что их

два?

– Пьяный был… Да ты бы и не взял без этого… – устало отозвался Таманский.

– А почему я никогда не видел, как ты с картами управляешься? И зачем тебе все это было нужно?

– Без понятия… – тем же тоном произнес Костя. – Теперь уже без понятия.

Я сидел около него. Около этого самого близкого и абсолютно недосягаемо далекого от меня человека. Я даже не знал, любить его или ненавидеть. Что такое человек? Где прячется его душа? И есть ли она? Разве наша жизнь не самая ржавая, грязная, поросшая водорослями цепь случайностей? И если это так, то где тот якорь, к которому она ведет?

Он протянул руку вперед. Повел ею вверх, вниз… Задрал голову и произнес таким знакомым мне голосом:

– Ветер. Больше ничего.

50. Я из Зеленограда
Эпилог

Маленький человек спросил меня:

– Кем он стал?

Почему-то он облек вопрос именно в такую форму. «Кем». Я сразу понимаю, о ком он говорит.

Я задумался. Это было совсем не похоже на то, чем это было раньше. Думать по-другому так странно, так необычно.

Я задумался и провел ладонью по лицу. Тоже необычно. Такое разное. Кожа и ветер.

Ответ пришел сам по себе, словно бы он был оторван от процесса мышления. К ответу прицепились нужные слова. Понятия. Разум тела подсказал их, вытащил из словаря, составил в предложения.

– Он стал богом. Понимаешь?

– Нет, – ответил маленький человек.

– Каждый из нас привязан к чему-то конкретному в материальном мире и к чему-то в Виртуальности. Каждый. И этим мы похожи на вас. А он… А его нет. Он не привязан, он свободен, он – это сама Виртуальность. Отныне и вовеки. Мы связаны с его волей так же, как и он связан с нами и одновременно свободен от нас. Но не мы от него. Он бог. Он свободен от всех и связывает всех воедино. Понять это невозможно, как невозможно понять сущность Бога. Можно представить все, что угодно, но все будет неверно.

Маленький человек рядом со мной глубоко вздохнул. Я тронул его лицо рукой…

Так необычно. Ветер. Кожа. Вода… Слезы.